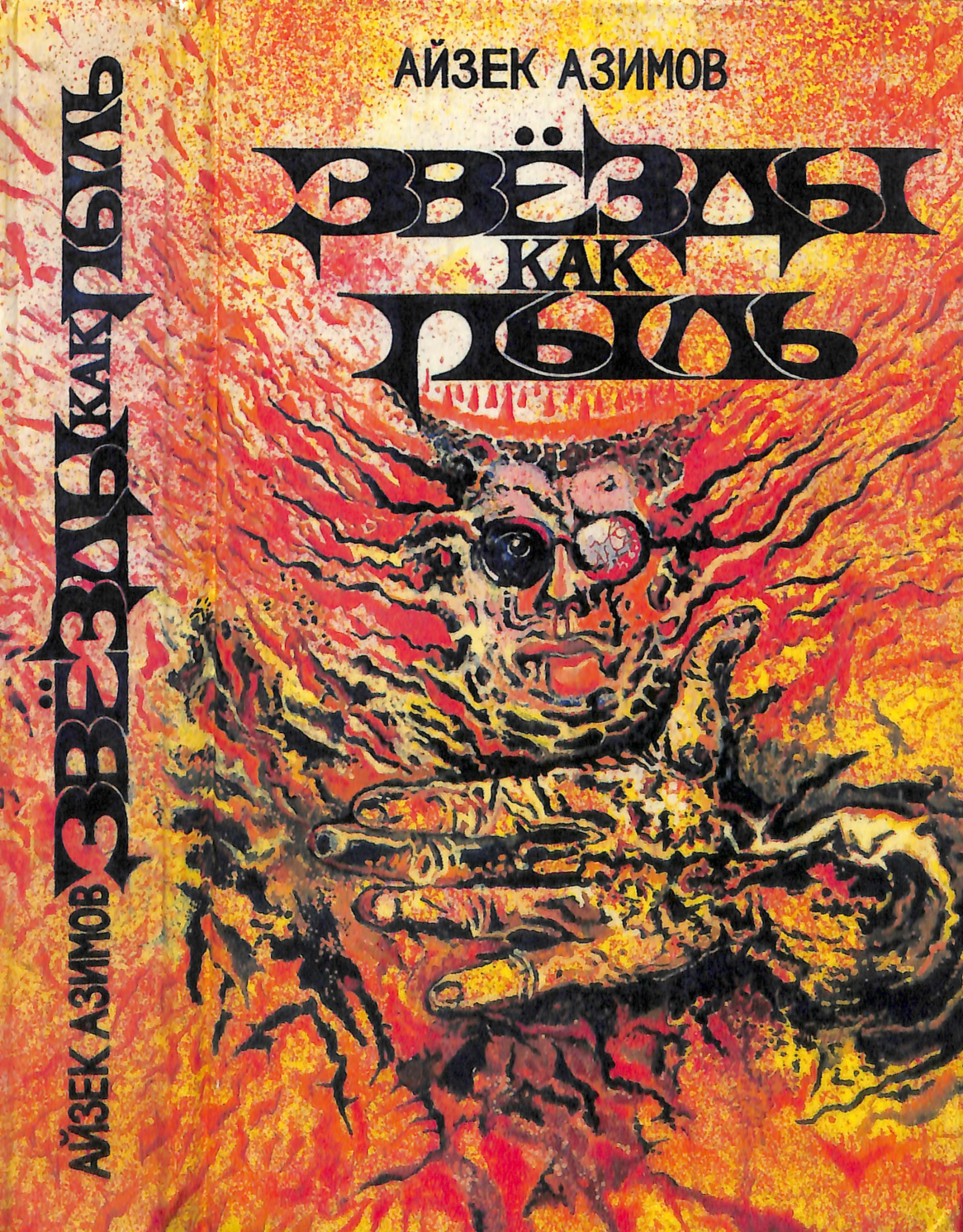
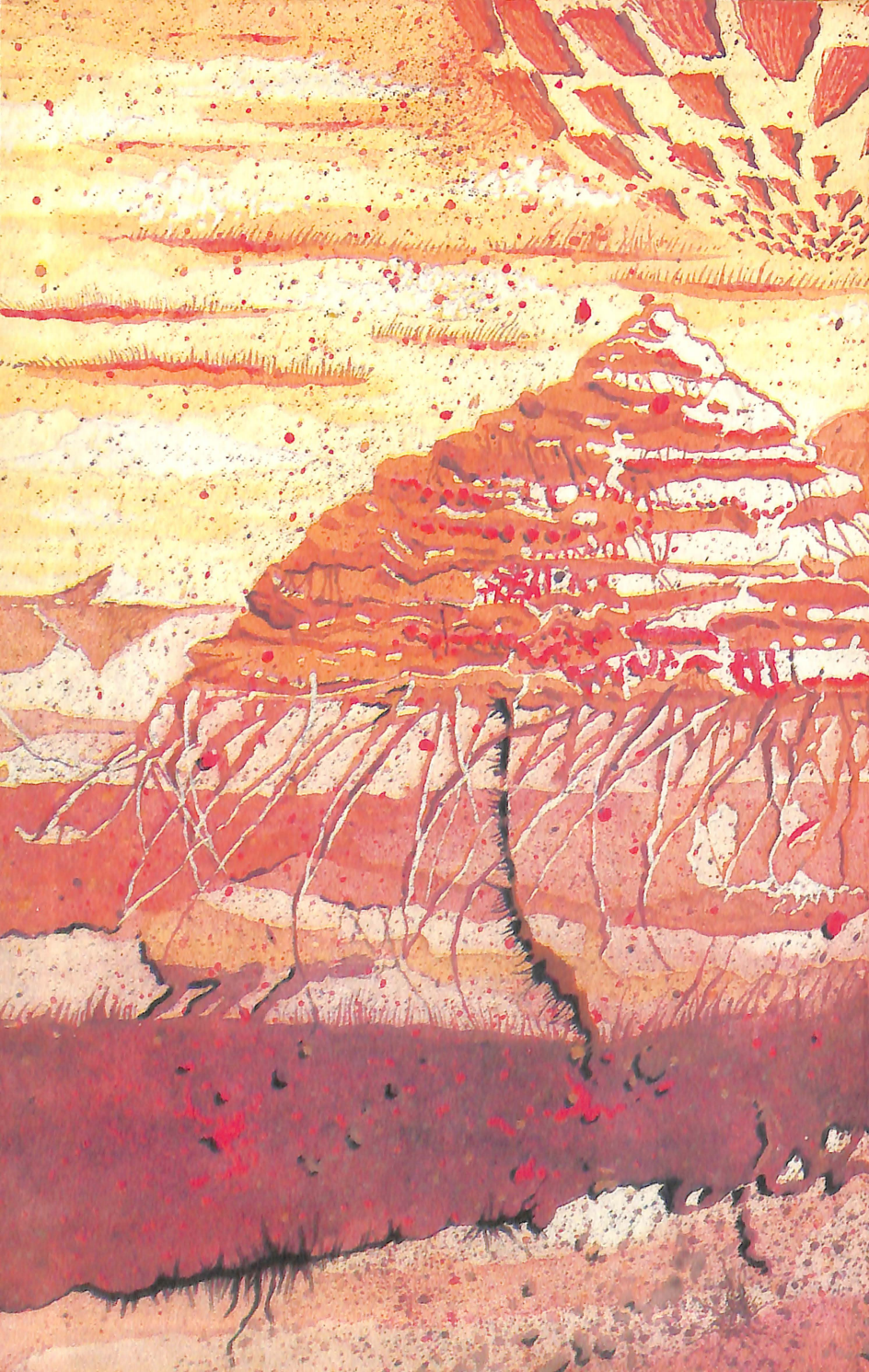
АЙЗЕК АЗИМОВ

ЗВЁЗДЫ КАК ПЫЛЬ



АЙЗЕК АЗИМОВ ЗВЁЗДЫ КАК ПЫЛЬ



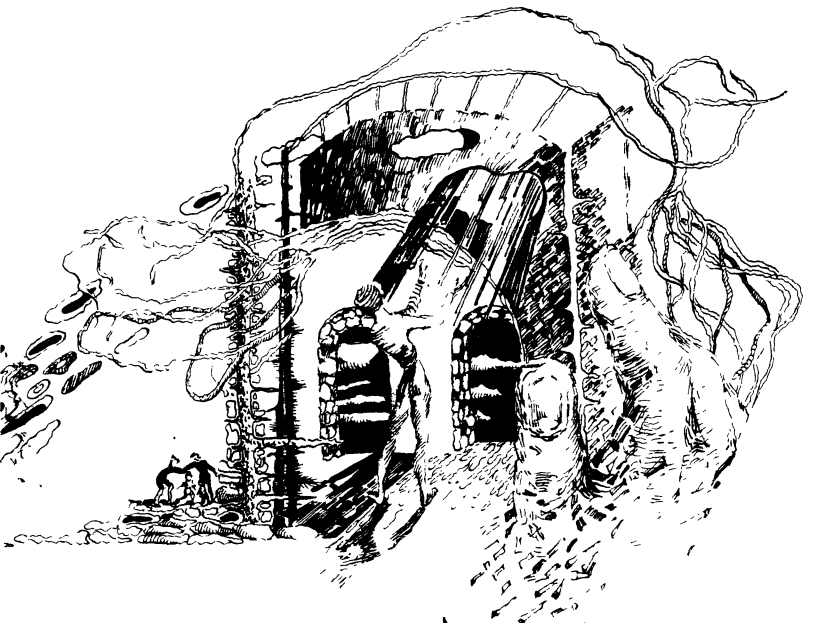
Ростов-на-Дону
ГЕРМЕС
1993

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ 3/1

РОМАНЫ

Звезды как пыль
Космические течения
Галька в небе

АЙЗЕК АЗИМОВ



ЗВЁЗДЫ КАК ПЫЛЬ

ББК 84. 7США-4
А 26

Серия основана в 1991 году

Издание подготовлено при участии издательского центра КПКФ «Реванш» г. Харьков

Айзек Азимов
А 26 Звезды как пыль. Космические течения. Галька в небе: Романы.— Т. 3. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. — 480 с., ил. — (Библиотека фантастики).

В данную книгу вошли пятый, шестой и седьмой романы известной эпопеи американского писателя Айзека Азимова «История будущего».

Для широкого круга читателей.

ББК 84. 7США-4

© Составление.
Стилевое решение макета.
А. Г. Бобита, С. В. Гизело, 1993
© Художественное оформление.
Иллюстрации.
В. Г. Еременко, И. И. Еременко, 1993
© Разработка серийного оформления.
В. Г. Еременко, А. Е. Ткач, А. Г. Бобита, 1992

А $\frac{4703040100—008}{У36(03)—93}$ Без объявл.

ISBN 5—87022—040—8

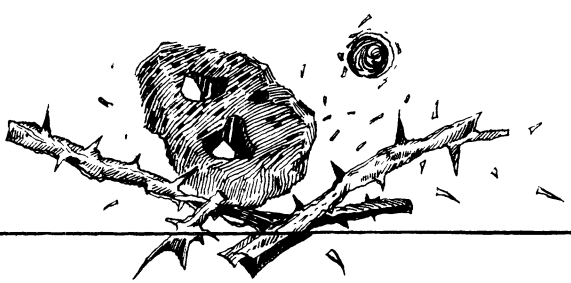
ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

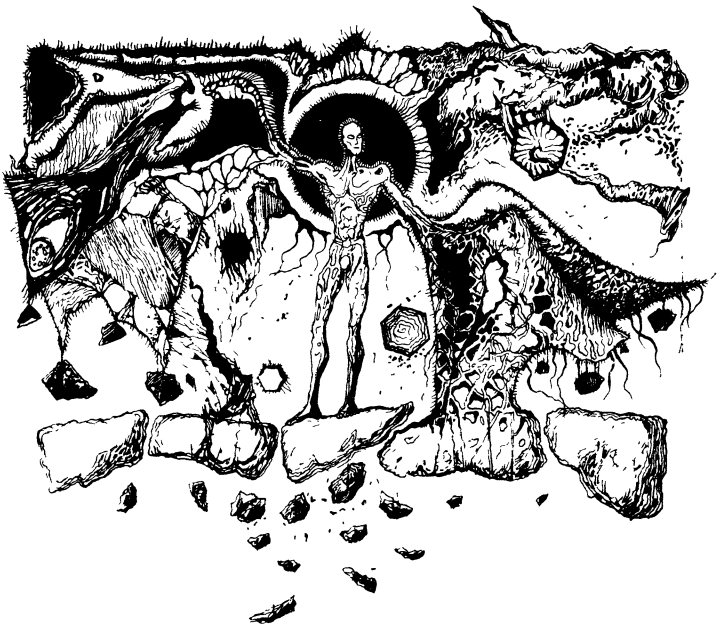
В 1993 году в серии «Библиотека фантастики» по многочисленным просьбам читателей в рамках третьего тома выйдет в свет продолжение знаменитой эпопеи Айзека Азимова «История Будущего», получившей премию Хьюго, как лучшая серия «всех времен и народов».

В ближайших выпусках Вы познакомитесь с романами, которые являются дополнением к к циклу «Основатели»:

«Стальные пещеры», «Обнаженное солнце», «Роботы утренней зари», «Роботы и Империя», «Прелюдия к Основанию», «Основание в опасности», «Основание и Земля».

ЗВЁЗДЫ КАК ПЫЛЬ





РАЗ
ШЕЛЕСТЯЩАЯ СПАЛЬНЯ

Спальня вкрадчиво шелестела. Звук был едва слышим, однако вполне отчетлив: в нем шуршала смерть.

Но не это разбудило Байрона Фаррилла и прервало его тяжелый мутный сон. Он беспокойно замотал головой из стороны в сторону, пытаясь отогнать от себя назойливое трещание, исходящее с дальнего конца стола.

Не раскрывая глаз, Байрон неуклюже поднял руку и взял трубку.

— Алло,— промямлил он.

Из трубки загремел голос. Он был резким и пронзительным, но Байрон был сейчас не в состоянии уменьшить громкость.

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом?—

заорал голос.

Байрон раздраженно сказал:

— Говорите. Что вам нужно?

Голос настойчиво повторил:

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом?

Байрон открыл глаза, пытаясь вглядеться в темноту. Он одновременно ощутил неприятную сухость во рту и спертый воздух, заполнявший комнату.

— Говорите. Кто это?

Будто не слыша его, голос продолжал громко вопрошать:

— Есть здесь кто-нибудь? Мне необходимо поговорить с Байроном Фарриллом!

Байрон приподнялся, опираясь на локоть, тяжело встал и заковылял к слабо светившемуся экрану видеофона. Он нажал кнопку, и маленький экран ярко вспыхнул.

— Я здесь,— буркнул он, узнав в появившейся на экране фигуре Сандера Джоунти.— Но лучше бы ты дождался утра, Джоунти.

Рука его уже почти нащупала выключатель, когда Джоунти вновь заговорил:

— Алло! Алло! Есть здесь кто-нибудь? Это комната 526? Алло!

Внезапно Байрон понял, что датчик обратной связи не зажегся. Выругавшись, он в сердцах щелкнул выключателем, и экран погас. Силуэт Джоунти исчез, и лишь слабый лучик пробивался сквозь тьму.

Байрон вернулся в постель, натянул одеяло на голову и зарылся в подушку. В нем закипело бешенство. Во-первых, никто не имеет права будить его среди ночи. Он бросил быстрый взгляд на циферблат стоявших у изголовья часов. Три часа пятнадцать минут. Свет в доме зажжется только через четыре часа.

Кроме того, ему не по душе просыпаться в совершенно темной комнате. За четыре года он не успел привыкнуть к земным постройкам — душным, не имеющим окон, с низкими потолками. Такова была дань тысячелетней традиции, уходящей корнями в древние времена, когда еще не изобрели защитное силовое поле, способное укрыть от взрыва примитивной атомной бомбы.

Но это все ушло в далекое прошлое. Атомное оружие нанесло Земле непоправимый ущерб. Большая часть была безнадежно заражена радиацией, и использование «грязных» территорий стало невозможным — и из-за этого на Земле царил режим строгой экономиии, поддерживаемый автоматикой.

Вот почему пробуждению Байрона сопутствовала такая темень.

Байрон вновь приподнялся, опираясь на локоть. Странно. Он замер. Его насторожил отнюдь не тихий шелест спальни. Что-то неуловимое витало сейчас в заполнявшей комнату атмосфере.

В душном помещении не ощущалось ни малейшего движения воздуха. Он пытался сглотнуть слюну — и не мог. Атмосфера сгущалась с каждой секундой, и он понял причину происходящего. Вентиляционная система прекратила работать! Это ужасно расстроило Байрона. Он даже не может воспользоваться видеофоном, чтобы сообщить о случившемся!

Все же он решил предпринять попытку. Как и несколько ранее, экран засветился мягким матовым светом, отразившимся в хрустальных шариках, украшавших люстру. Видеофон принимал сигнал, но не мог передавать его. Ладно, к черту! Все равно до наступления утра никто ничего не сможет сделать.

Он зевнул, потирая кулаками опухшие веки. Что, дружище, плохо без вентиляции? До него донесся странный запах. Он шумно втянул носом воздух. Запах был знакомым, но Байрон не мог определить его природу.

Он направился в ванную, нажав при этом выключатель. Движение было чисто автоматическим: для того чтобы выпить стакан воды, свет совершенно не нужен. Выключатель щелкнул, но безрезультатно. Байрон попробовал включить свет еще раз, затем снова — то же самое. Интересно, работает сегодня хоть бы *что-нибудь?!* Чертыхнувшись, он напился в темноте и почувствовал себя несколько лучше. Возвращаясь в спальню, он проверил по пути все имеющиеся в доме выключатели. Ни один из них не работал.

Байрон сел на кровать, уперся руками в колени

и принялся размышлять. Случившееся могло стать вполне подходящим поводом, чтобы поставить на место распоясавшийся обслуживающий персонал. Никто не ждет от гостиничных служащих воспитания в духе пансиона благородных девиц, но все же существуют какие-то нормы поведения!.. Впрочем, плевать! Через три дня он покинет и эту комнату, и университет Земли, и саму Землю.

Все же он мог бы сообщить о случившемся. Для этого нужно только выйти и воспользоваться телефоном, стоящим в холле. Тогда они могли бы включить аварийное освещение, а, возможно, и систему кондиционирования, и он сумел бы заснуть без этих кошмарных психосоматических ощущений. Ну, а если нет — пусть все катится к чертовой матери! Осталось каких-нибудь две ночи.

Слабое мерцание экрана видеофона помогло ему найти брюки. Натянув их и прикрыв туловище футболкой, он решил, что достаточно экипирован, и двинулся к двери, громко шаркая шлепанцами. Звуконепроницаемое покрытие на полу исключало возможность разбудить соседей.

Подойдя к двери, он вдавил кнопку. Раздался характерный щелчок, после которого дверь обычно открывалась. Однако сейчас этого не произошло. Он надавил на дверь плечом, но даже его атлетическая мускулатура ничего не изменила.

Он отступил назад. Ситуация походила на фарс. Мог ли стать причиной происходящего сгоревший предохранитель? Нет, вряд ли... Электронные часы работали. Экран видеофона все еще светился.

Стоп! Это могли быть мальчишки с их дебильными шуточками. Так иногда случалось. Глупо, конечно, но он и сам в детстве принимал участие в подобных забавах. Это было несложно, и любой шалопай... Впрочем, когда он ложился спать, свет и вентиляция работали.

Значит, энергия отключилась ночью. И теперь придется ждать утра, чтобы кто-нибудь из персонала обнаружил причину, по которой старина Байрон не может даже выйти отсюда. Возможно, к обеду он все-таки сумеет покинуть это помещение.

— Хо-хо,— прошептал Байрон, возвращаясь назад. Внезапно он задел ногой какой-то предмет, который с металлическим звуком ударился об пол. Байрон попытался рассмотреть его, но предмет закатился под кровать. Байрон достал его и принялся рассматривать.

Это был маленький цилиндрик с отверстием в верхней части. Он поднес находку к носу и чихнул. Так вот откуда шел странный запах! Вне сомнений, это хлороформ. Конечно, проделки мальчишек! Они рассчитывали, что он проспит всю ночь, предоставив им полную свободу действий.

Байрон мысленно попытался шаг за шагом воспроизвести происшедшее. Приоткрыть дверь было делом несложным. Потом в комнату подбросили цилиндр с хлороформом и захлопнули дверь. Препарат действовал медленно, однако через некоторое время его пары заполнили бы всю комнату. Тогда они смогли бы войти — разумеется, в масках. О Боже! Даже влажный носовой платок способен в течение пятнадцати минут предохранить от действия хлороформа. Этого времени вполне хватило бы...

Теперь понятно, что произошло с вентиляционной системой. Ее отключили, чтобы хлороформ не выветрился слишком быстро. Сломанный видеофон не позволял ему попросить помощи извне; заблокированная дверь мешала выйти из помещения; отсутствие света должно было породить в его душе панику. Веселые детишки!

Байрон фыркнул. Случившееся — не более чем глупая шутка. Ему захотелось выломать дверь, и хорошо тренированные мускулы напряглись при одной мысли об этом. Но он знал, что игра не стоит свеч. Эти двери способны устоять даже при ядерном взрыве. *Чертовы традиции!*

Но выход должен быть, и он найдет его. А для этого ему понадобится свет — настоящий свет, а не слабое свечение экрана видеофона. Последняя проблема решалась просто: в шкафу у него хранился карманный фонарик.

Нащупывая рукой замок шкафа, он на мгновение ужаснулся от мысли, что эта дверца тоже ока-

жется заблокированной. Однако она подалась и отъехала в сторону. Байрон подмигнул сам себе. Они не догадались заблокировать дверцу шкафа! А может, им просто не хватило времени.

И вдруг, когда он уже держал фонарик и даже успел включить его, стройность его умозаключений резко поколебалась. Затаив дыхание, он прислушался.

Лишь сейчас он уловил заполнивший спальню шелест. Он услышал приглушенный, едва уловимый шорох, напоминающий отдаленный разговор, и сразу же узнал эти звуки.

Их было невозможно не узнать. Звуки имели только одно значение: «Пришел конец света». Именно такой шелест звучал здесь тысячу лет назад.

Короче говоря, это был звук счетчика радиоактивности, определяющего уровень гамма-излучения. Прибор отсчитывал единственное, для чего был предназначен,— смерть!

Медленно, на цыпочках, Байрон двинулся назад. С расстояния шести футов он увидел белый луч, пробивающийся сквозь тьму. Там, в дальнем углу, находился счетчик, но его внешний вид ничего не говорил Байрону.

Счетчик находился здесь с самого начала. Большинство студентов, прибывших на Землю из Внешних Миров, в первую же неделю приобретали подобный счетчик. Все они знали о необходимости предохранения от царившей на Земле радиации. Правда, вскоре они благополучно забывали о приборе, но Байрон оказался не столь беспечен, за что и благодарил сейчас небо.

Он пошарил рукой по столу, ища оставленные там с вечера наручные часы. Те оказались на месте. Когда он осветил циферблат лучом фонарика, рука его слегка задрожала. Стекло часов — даже не стекло, а пластик, очень твердый и обычно прозрачный, как слеза,— оказался *белым*. Он отвел руку с часами и взглянул на циферблат под другим углом.

Тот остался *белым*.

Байрон вспомнил инструкцию. Индикатором сильного радиационного заражения был голубой цвет, и именно он ассоциировался на Земле со смер-

тью. Как только индикатор загорался голубым светом, владелец счетчика, по земным законам, должен был немедленно отправиться в больницу для прохождения лечения. Это правило никогда не нарушалось. Врачи с помощью фотоэлектрических приборов изучали интенсивность свечения и определяли степень заражения.

Ярко-голубой цвет нес в себе смерть. Он был необра́тим, как и происшедшие в человеке изменения; он не оставлял надежды. Человеку оставалось только ждать несколько дней или несколько недель. Единственное, чем теперь могли ему помочь в больнице — тщательно подготовиться к кремации.

Но сейчас свет был белым, и у Байрона отлегло от сердца.

Уровень радиоактивности не слишком велик. Что это — обратная сторона шутки? Поразмыслив, Байрон засомневался. *Никто* не стал бы шутить таким образом. Особенно на Земле, где за незаконное хранение радиоактивных материалов заключали в тюрьму. Здесь, на Земле, весьма серьезно относятся к радиации. Для этого имеются достаточно весомые основания.

Ему пришла в голову мысль о преднамеренном убийстве. Но почему? Для этого не было никаких причин. Прожив на свете двадцать три года, он не нажил ни одного серьезного врага, который мог бы желать его смерти.

Байрон пригладил взъерошенные волосы. Мысль о врагах раздражала его, да и повода думать так не было. Он вновь вернулся к шкафу. Там должно было находиться то, что излучало радиоактивные частицы; что-то такое, чего еще четыре часа назад там не было.

Нужный предмет сразу же бросился ему в глаза. Маленькая коробочка, ни одна из граней которой не превышала шести дюймов. Байрон узнал ее, и губы его задрожали. Он слышал о подобных вещах, хотя видеть ему такие штуки до сих пор не приходилось. Он направил счетчик на дверь спальни. Шелест слегка утих, потом и вовсе прекратился. Но как только Байрон поднес часы к коробочке, счетчик заработал

вновь. Сомнений не оставалось.

В шкафу пряталась радиационная бомба.

Уровень радиации пока не являлся смертельным; это был только детонатор. Где-нибудь снаружи коробочки находилась и сама атомная бомба. Пока что содержащиеся в ней изотопы находятся в состоянии покоя, но при определенных условиях может произойти взрыв, и тогда смертоносный поток радиоактивного излучения убьет все живое в радиусе шести миль от эпицентра взрыва.

Как определить время взрыва?! Это может случиться через несколько часов или в следующую секунду. Руки Байрона беспомощно повисли вдоль туловища, фонарик упал на пол. Ужасная истина оглушила его.

Он должен был умереть.

Умирать Байрону не хотелось, но он не мог найти выход из создавшейся ситуации.

Он припомнил расположение комнаты. Она находилась в конце коридора. Напротив нее, а также сверху и снизу были другие комнаты. Комната сверху ничем не могла оказаться ему полезной. Соседняя комната на этом же этаже граничила своей ванной с его ванной, что тоже не могло помочь.

Оставалась комната снизу.

В помещении было несколько складных стульев. Байрон взял один из них. Размахнувшись, он ударил им об пол. Стул глухо стукнул. Байрон методично стал наносить удары, с каждым разом все сильнее и сильнее. Ему было необходимо разбудить спящего соседа. Не прерывая своих усилий, Байрон обдумывал, в каких выражениях извинится перед соседом за причиненное беспокойство.

Внезапно до него донесся слабый шум, и он замер, занеся стул над головой. Шум повторился. Он исходил от входной двери.

Байрон опустил стул и вслушался в темноту, ожидая услышать шум открывающейся двери.

Кто-то из-за двери окликнул его по имени.

— Фаррилл! Фаррилл!— и потом:— Ты здесь? С тобой все в порядке?

— Не входите!— крикнул он. До его сознания

вдруг дошло, что при открывании двери бомба может взорваться.

Видимо, его услышали, и тяжелые шаги зазвучали, удаляясь вглубь коридора.

Раздался громкий щелчок, и воздух в комнате сотрясла вибрация. За ней последовал взрыв, сорвавший дверь с петель. Вспышка яркого света осветила коридор.

Лежащий на полу Байрон раскинул руки в стороны и закричал:

— Не входите! Во имя всего святого, не входите! Это бомба!

Перед ним возникли силуэты двух мужчин. Одним из них был Джоунти. Другим — Эсбек, комендант здания, полуголый и злой.

— Бомба?— недоверчиво переспросил он.

Но Джоунти перебил его:

— Какого типа?

В руке его был бластер. Байрон ощутил нелепость ситуации.

Байрон сумел лишь пожать плечами.

— Ладно,— пробормотал Джоунти с рассеянным видом и обратился к коменданту:

— Будет лучше, если вы немедленно эвакуируете всех живущих в этом крыле общежития и перекроете коридоры. Я бы не советовал вам дожидаться наступления утра.

Потом Джоунти повернулся к Байрону:

— Радиус ее действия составляет не менее двухсот футов. Как она сюда попала?

— Не знаю,— ответил Байрон, вытирая тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот.— Если ты не возражаешь, я бы с удовольствием присел.

Он заметил, что его часы остались на столе, и ощутил дикое желание вернуться за ними.

В коридоре сновали разбуженные студенты. Они покидали свои комнаты.

— Идем со мной,— приказал Джоунти.— Будет лучше, если мы поскорее уберемся отсюда.

— Как ты оказался здесь?— спросил Байрон.— Только не сочти мое любопытство проявлением неблагодарности, ладно?

— Я звонил тебе. Никто не ответил, и я решил, что должен проведать тебя.

— Проведать меня?— Байрон попытался скрыть охватившую его тревогу.— Зачем?

— Чтобы предупредить о том, что твоя жизнь в опасности.

Байрон нервно засмеялся:

— Это я уже ощутил.

— Это была лишь первая попытка. Они предпримут и другую.

— Кто «они»?

— Не здесь Фаррилл,— возразил Джоунти.— Для этого мы должны уйти отсюда. Я хочу быть уверенным, что нас никто не слышит. Ты теперь под колпаком, и я должен заботиться о собственной безопасности.

ДВА
НИТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ

Комната отдыха была пуста; в ней царила темнота. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову заглянуть сюда в половине пятого утра. Но Джоунти выжидал, прислушиваясь к отдаленному шуму.

— Нет,— наконец решился он.— Мы не будем включать свет. Для того, что я хочу сказать тебе, он не нужен.

— За сегодняшнюю ночь я по горло сыт темнотой,— проворчал Байрон.

— Мы не будем закрывать дверь.

Спорить Байрону не хотелось. Он плюхнулся в ближайшее кресло, оказавшись лицом к тускло освещенному дверному проему. Теперь, когда все кончилось, на него навалилась смертельная усталость.

Джоунти тем временем занимался странным на первый взгляд делом: он подпер дверь своей модной тростью таким образом, что ее набалдашник освещался проникающим светом.

— Не спускай с нее глаз,— велел он.— Она даст нам понять, когда посторонний человек приблизится к двери.

Байрон вяло заметил:

— Мне совершенно не хочется играть в конспираторов. Если ты намерен что-нибудь сказать мне — говори. Я знаю, что ты спас мне жизнь, и завтра буду в состоянии высказать тебе мою благодарность. Но сейчас все, что мне нужно,— это немного выпивки и много отдыха.

— Я вполне понимаю твое состояние,— сочувственно произнес Джоунти,— но если я позволю тебе сейчас терять время на отдых, то последствия этого легкомыслия трудно себе представить. Мне хотелось бы объяснить тебе, что именно я имею в виду. Тебе известно, что я знаком с твоим отцом?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Байрон чуть было не подскочил в кресле. После паузы он сказал:

— Отец никогда не рассказывал об этом.

— Я был бы удивлен, если бы он стал рассказывать. Я был известен ему под другим именем. Кстати, ты что-нибудь знаешь о своем отце?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ему угрожает большая опасность.

— *Что?*!

Джоунти молитвенно сложил руки:

— Пожалуйста, не кричи так!

Байрон понял, что все это время они разговаривали шепотом.

Джоунти продолжал:

— Постараюсь объяснить тебе. Твой отец заключен под стражу. Ты понимаешь, что это значит?

— Пока не совсем. *Кто* заключил его под стражу, и что ты имеешь в виду? Или ты решил, что мне мало сегодняшних волнений?!

Голос Байрона задрожал. Хлороформ и близость смерти не шли ни в какое сравнение со словами сидящего рядом с ним невозмутимого денди.

— Неужели,— продолжал тот,— тебе ничего не известно о работе, которую выполнял твой отец?

— Если ты знаешь моего отца, то знаешь и то, что он — скотовод с Вайдемоса. Это его работа.

Джоунти улыбнулся:

— Конечно, ты вовсе не обязан доверять мне,

хоть я и рисковал из-за тебя своей жизнью. Но мне уже ясно, что ты скажешь. Я знаю гораздо больше. Мне, например, известно, что твой отец участвовал в заговоре против Тирании.

— Я возражаю,— раздраженно запротестовал Байрон.— Услуга, которую ты оказал мне этой ночью, не дает тебе права делать подобные умозаключения о моем отце.

— Ты глуп, дружок, и мы даром теряем время. Я знаю, что говорю. Тирания арестовала твоего отца, и он может умереть.

— В это невозможно поверить,— Байрон привстал с кресла.

— Мне это доподлинно известно.

— Давай прекратим это, Джоунти. Я уже давно не верю в сказки, и поэтому...

— Продолжай,— голос Джоунти зазвучал насмешливо.— Как ты думаешь, зачем я рассказываю тебе все это? Позволь напомнить, что только моя осведомленность, в которую ты не веришь, позволила мне предотвратить попытку убить тебя. Здравый смысл изменяет тебе, Фаррилл.

— Начни сначала и объясни мне все подробно. Я слушаю тебя,— прошептал Байрон.

— Прекрасно. Уверен, что ты считаешь меня деревенским простачком из Королевства Космической Туманности, хотя на самом деле я прибыл с Веги.

— Я предполагал это по твоему акценту. Но данный факт не казался мне достойным внимания.

— Тем не менее, это важно, друг мой. Я прибыл сюда, потому что, как и твой отец, не люблю Тиранию. Более пятидесяти лет Тираны угнетают наш народ. Это продолжается слишком долго.

— Я не интересуюсь политикой.

Джоунти возвысил голос:

— Поверь, я не принадлежу к числу эмиссаров, стремящихся вовлечь тебя в неприятности. Я только хочу, чтобы ты знал правду. Год назад они поймали меня так же, как сейчас — твоего отца. Но мне удалось сбежать и добраться до Земли, где, как мне казалось, я буду в безопасности пока не придет время вернуться. Вот то, что ты должен знать обо мне.

— Сэр, вы рассказали мне гораздо больше, чем я мог надеяться,— Байрон не смог скрыть неприязни к собеседнику. Претенциозные манеры Джоунти действовали ему на нервы.

— Понимаю. Но ты должен знать это, потому что именно благодаря всему, мною сказанному, я встретил твоего отца. Он работал со мной, или, вернее, я с ним. И при этом твой отец выступал не как знатный дворянин с планеты Нефелос. Ты понимаешь меня?

Байрон кивнул.

— Да.

— Не стоит дальше углубляться в это. У меня прекрасные источники информации, и я знаю, что он арестован. Это правда. Покушение на твою жизнь — лишь подтверждение тому.

— Это почему же?

— Могут ли Тираны, схватившие отца, оставить на свободе сына?

— Ты хочешь сказать, что Тираны поместили бомбу в мою комнату? Полный бред!

— Отнюдь не бред! Попытайся поставить себя на их место. Тираны управляют пятьюдесятью мирами. В их распоряжении имеются самые различные средства. Они опутали пространство паутиной, которую невозможно разорвать. Не удивлюсь, если та же паутина тянется и на расстояние пятисот световых лет от Земли.

Байрон все еще переживал свой ночной кошмар. До его слуха доносился шум из коридоров. Он почти физически ощутил, как шелестит в его комнате счетчик, и возразил своему собеседнику:

— В этом нет никакого смысла. В конце недели я собираюсь возвращаться на Нефелос. Они не могут не знать этого. Почему же им понадобилось убивать меня именно здесь? Чтобы заполучить меня, Тиранам пришлось бы всего лишь немного подождать.

Собственная логика восхитила его.

Джоунти приблизился, и его дыхание коснулось виска Байрона.

— Твой отец популярен. Его смерть — Тираны отлично понимают это — может привести к самым

пагубным последствиям, вплоть до массовых беспорядков. Возможен бунт, а ты, как новый Господин Вайдемоса, можешь возглавить его. Это не входит в их планы. Но если ты умрешь в каком-нибудь удаленном мире, это вполне удовлетворит их.

— Я не верю тебе!— Байрон все еще пытался сопротивляться.

— Ты заходишь слишком далеко, Фаррилл,— Джоунти расправил плечи.— Тебе не стоило бы полностью игнорировать услышанное. Твой отец, защищая тебя от действительности, сослужил тебе дурную службу. Думаю, ты не сумеешь оправдать его надежд. Ты просто не в состоянии ненавидеть Тиранию так, как ненавидит ее он. Ты неспособен бороться с нею.

Байрон хмыкнул.

Джоунти продолжил:

— И все же здесь, на Земле, ты находишься не случайно. Это тоже может служить объяснением, почему Тираны хотят убить тебя.

— Все это ужасно напоминает дешевую мелодраму.

— Да ну? Что ж, пусть так. Если ты не хочешь посмотреть правде в глаза, то позже будешь вынужден сделать это. Будут и другие попытки покушения на твою жизнь. Причем какая-нибудь из них может оказаться удачной. С сегодняшней ночи ты — мертвец, Фаррилл.

Байрон моргнул:

— Постой! А тебе-то какое до этого дело?

— Я патриот. Я мечтаю увидеть мое Королевство свободным. Я мечтаю о временах, когда его народ сам изберет себе правительство.

— Стоп! В чем твоя *личная* заинтересованность? Я не верю в абстрактный идеализм, особенно если его проповедуешь ты. Прости, если я обидел тебя.

Последние слова прозвучали с откровенной издевкой.

Джоунти вновь присел и, как бы не замечая иронии, продолжил:

— Мои земли конфискованы. Все, что оставил мне в наследство мой отец, а ему — его отец, отобрали. Как ты думаешь, это достаточно серьезная причина для того чтобы мечтать о революции? Лидером

восстания должен был стать твой отец. И ты предашь его?!

— Я? Но мне всего двадцать три года, и я ничего об этом не знаю. Поищи лучше кого-нибудь другого.

— Найти другого несложно, но он не будет сыном твоего отца. Если твоего отца убьют, то Господином Вайдемоса станешь ты, и поэтому мне нужен именно ты, даже если бы тебе было всего двенадцать лет и ты был бы полным идиотом! Ты мне нужен по той причине, по которой Тираны стремятся избавиться от тебя. И если ты не послушаешь меня, то угодишь им в лапы. Ведь бомба в твоей комнате *была*! Ее подложили, чтобы убить тебя. Кто, кроме них, мог бы желать твоей смерти?

Джоунти замолчал в ожидании ответа.

— Никто,— прошептал Байрон.— Никто из тех, кого я знаю, не мог хотеть убить меня. Значит, все, что ты сказал о моем отце — правда!

— Правда. Рассматривай это, как объявление войны.

— Ты считаешь, что так будет лучше? Думаешь, благодарные народы когда-нибудь воздвигнут мне памятник? Один против ядерной заразы, находящейся на расстоянии десятков тысяч миль отсюда!— Его голос окреп.— Думаешь, это осчастливит меня?

Джоунти выждал, но Байрон ничего не собирался прибавлять к сказанному.

— И что же ты намерен делать?— спросил Джоунти наконец.

— Намерен отправиться домой.

— Ты так ничего и не понял!

— Повторяю, я намерен отправиться домой. Чего ты хочешь от меня? Если отец еще жив, я постараюсь освободить его. А если он умер, я... я...

— Успокойся!— резко оборвал его Джоунти.— Ты рассуждаешь как младенец. Тебе не удастся вернуться на Нефелос. Ты не понимаешь этого? С кем я разговариваю — с сопляком или с юношей, знакомым со здравым смыслом?

— И что же ты предлагаешь?— тихо спросил Байрон.

— Знаком ли ты с Правителем Родии?

— Лучшим другом Тиранов? Я знаю его. Любой житель Королевства знает его. Хенрик V, Правитель Родии.

— Встречал ли ты его когда-нибудь?

— Нет.

— Именно на этом и строится мой план. Ты не знаешь этого человека, Фаррилл. Это настоящий дьявол. Но если Тираны конфискуют Вайдемос, как это случилось с моими владениями, им завладеет не кто иной как Хенрик.

— Почему?

— Потому что Хенрик имеет определенное влияние на Тиранов. И это может помочь нам.

— Не вижу, как именно. Скорее он передаст меня в их руки.

— Да, это в его духе. Но у тебя есть шанс избежать подобного финала. Помни, титул, который ты носишь, важен и почетен, но он не сможет служить тебе защитой. В любом заговоре бывает вождь, который ведет за собой всех. Твое имя привлечет на твою сторону людей, но тебе понадобятся деньги, чтобы удержать их. У тебя нет времени раздумывать. Оно прошло в тот момент, когда в твоей комнате оказалась бомба. Теперь наступила пора действий. Я могу дать тебе рекомендательное письмо Хенрику с Родии.

— Ты так близко знаком с ним?

— Никогда не делай поспешных выводов. Однажды, во главе посольства, я побывал при дворе Хенрика. Он наверняка не сможет вспомнить меня, но самолюбие не позволит показать этого. Таким образом, ты будешь представлен ему. Письмо я дам тебе завтра утром. В полдень на Родию отправится корабль. Твой билет — у меня. Я отправлюсь туда же, но другим маршрутом. Отбрось сомнения. Ты сможешь справиться с этим.

— Но защита диплома...

— Пустая формальность. Это так важно для тебя?

— Уже нет.

— У тебя есть деньги?

— Да, достаточно.

— Отлично. Это лучше, чем если бы их было

слишком много.— Речь Джоунти стала торопливой.— Фаррилл!

— Что?

— Возвращайся к остальным. Никому не сообщай о своем отъезде. Пусть поступки говорят сами за себя.

Байрон задумчиво кивнул. Где-то далеко в сознании промелькнула мысль, что его миссия обречена на провал и он не сможет спасти отца от гибели. Он не подготовлен к тому, что должно случиться. Ему слишком мало известно. Он может попасть в западню.

Но теперь, когда он знал правду, или, по крайней мере, большую ее часть, об участии отца в заговоре — ему был крайне нужен один документ, хранящийся в архивах здесь, на Земле. Однако у него не было времени, чтобы искать документ. Не было времени спасти отца. Не было даже времени жить.

— Я сделаю все, как ты сказал, Джоунти.

Сандер Джоунти взглянул на него, и в его взгляде не было восхищения. Затем он сделал несколько шагов в сторону окна. Перед ним сверкнули огни ночного города. На горизонте виделись голубые вспышки — память прошедших войн.

Несколько секунд Джоунти всматривался в небо. Прошло более пятидесяти лет с тех пор, как Тирания положила конец мирному существованию его страны, разделив ее на два лагеря. Сейчас между ними пролегла пропасть. Однако всякая сила порождает еще большую силу. Действия Тиранов вызывали сопротивление. Организовать это сопротивление было длительным и сложным делом. Что ж, он засиделся на Земле. Пришла пора возвращаться. Там, дома, остались те, кто должен сейчас связаться с ним.

Он поспешил в свою комнату.

Войдя в комнату, Сандер сразу же уловил сигнал. Этот сигнал не могли засечь никакие локаторы, поэтому он не боялся. Звук шел к нему через гиперпространство, и источник его находился на расстоянии полутора тысяч световых лет от Земли.

Приемо-передающим устройством был он сам, его нервная система, его мозг. Он уловил повторяю-

щийся через равномерные промежутки сигнал.

—...вызов... вызов... вызов... вызов... вызов...

Передать сигнал было несколько сложнее, чем принять его. Для этого требовалось полное сосредоточение. Помощь в этом могла оказать пуговица, которую он сейчас сжимал в кулаке. Она усиливала подаваемые мысленные сигналы.

— Я здесь!

Необходимости представляться не было.

Сигнал вызова плавно перешел в связную речь.

— Приветствуем вас, сэр. Захват Вайдемоса произошел. Хотя, конечно, эта новость еще не стала достоянием общественности.

— Меня это не удивляет. Кто-нибудь еще замешан в этом?

— Нет, сэр. Господин Вайдемоса не сделал ни одного заявления. Сильный и преданный человек!

— Да. Но нужно нечто большее, чем просто сила и преданность. Немного осмотрительности никому не помешает. Ладно, неважно! Я говорил с его сыном, новым Господином, который уже оказался лицом к лицу со смертью. Он может быть нам полезен.

— Можно узнать, каким образом, сэр?

— Время покажет. Завтра он отправится на встречу с Хенриком с Родии.

— С Хенриком?! Юноша подвергает себя большому риску! Знает ли он о случившемся?

— Я сказал ему столько, сколько мог,— перебил говорящего Джоунти.— Пока мы не можем сказать ему большего. Пока он только человек, который рискует,— как, впрочем, и любой другой. Мы только используем его. Больше не вызывай меня на связь, поскольку я покидаю Землю.

И, не попрощавшись, Джоунти оборвал сеанс связи.

Он тщательно обдумал события сегодняшнего дня и особенно ночи, мысленно взвешивая каждое из них. Губы его растянулись в усмешке. Все складывалось превосходно; комедии было положено отличное начало.

Не оставалось *никакой* возможности для случайности.

ТРИ
О ЧАСАХ И СЛУЧАЙНОСТЯХ

Первый час после взлета космического корабля, пожалуй, наиболее прозаичен для его пассажиров. Ими властно овладело состояние невесомости, подобно тому, как стремительный горный поток увлекает за собой поваленное дерево.

Конечно, полет связан не только с неудобствами: о вашем багаже позаботятся; протолкнувшись сквозь толпу желающих, подобно вам, улететь этим же рейсом, вы займете предназначенный вам отсек; затем наступит тишина, какая всегда воцаряется перед взлетом. В каждом отсеке вспыхнут красными буквами надписи на табло: «Пристегнуть ремни... Пристегнуть ремни...»

По коридорам промчатся стюардессы; постучав во все двери, они с очаровательной улыбкой напомнят вам: «Прошу прощения. Пристегнитесь, пожалуйста».

Затем внезапно взревут двигатели. Вас отбросит в кресле назад, потом вперед, и так будет происходить все время, пока корабль не наберет скорость. Тот, кто переживет эти минуты, может быть уверен, что «космическая болезнь» ему не угрожает.

В первые три часа полета кают-компания была закрыта для пассажиров, что оказалось неприятным сюрпризом не только для постоянных посетителей планетария (иными словами, для тех, кто еще не бывал в космосе), но и для более опытных путешественников.

Обозрение Земли из космоса, помимо всего остального, являлось одной из обязательных «традиций» туристов.

Кают-компания представляла собой прозрачную сферу, находящуюся на носу корабля. Сейчас она была переполнена людьми. Прижатые к стеклу лица были устремлены в одну точку — они не сводили глаз с удаляющейся от них Земли.

Земля находилась как раз под ними; гигантский оранжево-бело-голубой шар. Она была ярко освещена солнцем; четко просматривались континенты, испещренные зелеными прожилками и оранжевыми

пятнами пустынь. Синели моря и океаны; в месте соединения их с горизонтом они были почти черными. А вокруг Земли в действительно черном небе сияли звезды. Они манили и притягивали к себе тех, кто смотрел на них.

Внезапно ночная тень наползла на земной шар, и огромная планета скрылась во тьме.

Скрылась во мраке больная, непригодная к жизни Земля. Сквозь тень едва виднелись радиоактивные вспышки — память о тех временах, когда взрывами ядерных бомб было уничтожено целое поколение; о временах, когда еще только создавалось защитное силовое поле. С тех пор прошло много времени; ни один мир не смог бы теперь совершить подобное самоубийство.

Никто из пассажиров корабля не сводил с Земли глаз до тех пор, пока она не стала крошечной светящейся точкой, а потом и вовсе скрылась из виду.

Среди зрителей находился и Байрон Фаррилл. Он сидел в центральном ряду, положив руки на подлокотники; взгляд его был блуждающим и задумчивым. Не так хотел он расставаться с Землей. Этот способ был плохим, неправильным. Неправильными были космический корабль и пункт назначения.

Рукой он машинально провел по щеке и обнаружил, что забыл сегодня побриться. Ничего, он сможет сделать это, вернувшись в свой отсек. Байрон колебался — стоит ли уходить к себе. Здесь все-таки были люди. В своем отсеке он будет один.

А может, именно поэтому и нужно уходить?

У него возникло неведомое ранее ощущение, что он — дичь, и на него ведется охота. Новое ощущение оказалось не из приятных.

Похоже, в этом мире у него не осталось друзей. Они исчезли в тот самый момент, когда двадцать четыре часа назад он был разбужен телефонным звонком.

Даже в общежитии он мгновенно стал чужаком. Старина Эсбек, дождавшись его после беседы с Джоунти, был как никогда сух и официален.

— Мистер Фаррилл, я хотел бы переговорить с вами. Случившееся не более чем несчастный случай.

Я не могу найти этому разумного объяснения. Возможно, у вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

— Нет!— чуть было не закричал Байрон.— Никаких! Могу ли я вернуться в свою комнату и забрать личные вещи?

— Это будет возможно лишь утром. Сейчас в комнате устанавливают специальное оборудование. Первые замеры показали, что уровень радиоактивности не превышает допустимого предела. Вам повезло. Все могло обернуться гораздо хуже.

— Да-да, разумеется, но я, с вашего позволения, хотел бы отдохнуть.

— Вы можете до утра воспользоваться моей комнатой, а потом мы могли бы на оставшиеся дни переселить вас. Хммм... Кстати, мистер Фаррилл, мне кажется, что причина кроется в другом.

Он принял заговорщицкий вид. Голос его понизился до шепота.

— В чем же?— осторожно спросил Байрон.

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто хотел бы вас про-у-чить?

— Проучить меня *таким образом?* Конечно, нет.

— Каковы в таком случае ваши планы? Авторитету школы, несомненно, повредит огласка происшедшего с вами инцидента.

На слове «инцидент» он сделал ударение. Байрон раздраженно ответил:

— Я понимаю вас. Не беспокойтесь. Мне не нужен ни следователь, ни полиция. Скоро я собираюсь покинуть Землю, и мне не хотелось бы нарушать свои планы. Я никуда не буду жаловаться. Ведь главное, что я все еще жив!

Эсбек с нескрываемым облегчением вздохнул. Именно этого они и хотели! Никаких неприятностей. Инцидент был как бы забыт.

Байрон попал в свою комнату только в семь часов утра. Там было тихо. Бомба отсутствовала, счетчик — тоже. Наверное, Эсбек забрал их и утопил в озере. Улики уничтожены. И свет, и видеофон вновь работали. Лишь дверь с выломанным замком напоминала о случившимся.

Ему предоставили другую комнату. Там, приняв

меры предосторожности, Байрон вызвал по телефону воздушное такси. Он полагал, что его никто не видит. Пусть себе решают загадку, как он исчез!

В аэропорту он встретил Джоунти, и тот подал знак. Они делали вид, что не знакомы друг с другом, но Джоунти успел незаметно передать Байрону маленький черный шарик, оказавшийся персональной капсулой, и билет до Родии.

Байрон несколько мгновений рассматривал капсулу. На ней не было никакой пломбы. Позже, в комнате, он прочел послание. Это было коротенькое рекомендательное письмо, не более того.

Мысли юноши задержались на особе Сандера Джоунти. До появления того в комнате Байрона в роковую минуту они были едва знакомы. Байрон знал его имя, они обменивались кивками при встрече — вот и все. Джоунти не нравился ему, его безукоризненные манеры, холодность и вычурная одежда раздражали Фаррилла. Но это не имело ничего общего с происходящими сейчас событиями.

Байрон почти физически ощутил присутствие Джоунти. Этот человек — мастер создавать ситуации. Он знал, что будет делать сам, знал, что будет делать Байрон, мог заставить Байрона делать все, что сочтет нужным. И вот Байрон один, и чувствует себя как никогда маленьким, беспомощным и испуганным.

Он пытался переключиться на мысли об отце. Но это не помогло.

— Мистер Мэлейн!

Имя повторили два или три раза, прежде чем Байрон сообразил, что именно это имя стояло на переданном ему Джоунти билете. Его вымышленное имя. На это имя была забронирована каюта для него.

— Я Мэлейн. В чем дело?

Голос обращающегося к нему человека в форме члена экипажа был лишен каких бы то ни было эмоций.

— Должен сообщить вам, что номер вашей каюты изменен и что ваш багаж уже перенесен. Вот ваш новый ключ. Надеюсь, это не слишком расстроит вас.

— Что это значит?— Байрон так резко поднялся

с кресла, что несколько пассажиров по соседству устремили на него удивленные взгляды.— С чем это связано?

Гнев овладел им. Его чуть не убили; потом вынудили покинуть Землю, подобно преступнику; он направлялся туда-не-знаю-куда, чтобы делать там то-не-знаю-что; а теперь им еще вздумалось гонять его взад-вперед по кораблю. Это был предел.

— Мне нужен капитан,— заявил он.

— Пожалуйста, как вам угодно.— И после коротких переговоров по крошечной рации:— Вас вызовут. Ждите.

Капитан Хирм Горделл был маленьким крепышом. Он подчеркнуто уважительно принял возмущенного пассажира.

— Мистер Мэлейн,— зачастил он,— очень жаль, что пришлось побеспокоить вас.

Капитан ослепительно улыбнулся.

— Очень сожалею,— сказал Байрон,— но, насколько мне известно, если каюта забронирована, то никто, и даже вы, сэр, не имеете права выселить меня из нее.

— Простите, мистер Мэлейн! Но поймите, это совершенно вынужденная мера! В последнюю минуту на борт прибыла одна важная персона, и попросила разместить ее поближе к гравитационному центру судна. У этого человека больное сердце, и он не в силах перенести высокий гравитационный порог. У нас не было выбора.

— Но почему вы остановились на мне?

— Ну, кто-то ведь должен был... Вы путешествуете в одиночестве, вы молоды, вам не страшна гравитация.— Его глаза оценивающе скользнули по атлетической фигуре собеседника.— Более того, я уверен, что ваша новая каюта покажется вам куда более привлекательной, чем старая. Вы совершенно ничего не потеряете. Совершенно!

Капитан шагнул в сторону Байрона.

— Позвольте мне лично показать вам ваши новые апартаменты!

Спорить Байрону не хотелось. Доводы капитана

выглядели убедительно.

Они вышли из капитанской рубки. По дороге капитан спросил:

— Вы не могли бы составить мне компанию за ужином завтра вечером? К этому времени мы уже совершим наш первый Прыжок.

— Благодарю. Весьма польщен,— ответил Байрон.

Странно, подумал он. Наверняка капитан хочет проследить за ним, но слишком уж рьяно он берется за дело!

Длинный стол капитана занимал целую стену в салоне. Байрон, единственный из сидящих за столом, был без галстука; он занимал место в центре. Перед ним находилась табличка с указанием его имени. Ошибки не было — слуги капитана были отлично вышколены.

Байрон не страдал излишней скромностью. Он — сын Господина Вайдемоса, и этим все сказано. Но здесь он являлся Байроном Мэлейном, простым смертным, и должен был делать вид, что потрясен и восхищен.

Капитан оказался совершенно прав, говоря, что его новое жилище значительно лучше старого. Прежняя комната была обычной каютой второго класса, новые же апартаменты состояли из двух комнат. Здесь имелась и ванная комната, оборудованная всем на свете, вплоть до воздушного полотенца.

Теперь он находился рядом с «офицерским отсеком», и повсюду натыкался на людей в форме. Завтрак подали ему в каюту на серебряном подносе. Перед обедом внезапно появился парикмахер и предложил свои услуги. Вероятно, так и должно быть, если путешествовать в каюте «люкс», но для Байрона Мэлейна подобные излишества были слишком шикарными.

Перед появлением парикмахера Байрон как раз вернулся с прогулки по кораблю. Он сделал для себя неожиданное открытие. Гуляя, он наткнулся на свою прежнюю каюту — 140 Д — и вдруг обнаружил, что в кармане все еще лежит ключ от нее.

Он остановился, чтобы прикурить сигарету, на-

деясь втайне, что нынешний жилец этой каюты по какой-нибудь надобности выйдет в коридор. Подождав немного, он нажал кнопку светового звонка на двери. Никто не откликнулся.

Тогда Байрон достал из кармана ключ — на вид простую алюминиевую пластинку — и вставил его в замок. Фотоэлемент сработал, и дверь отворилась. Он шагнул внутрь.

Дверь за его спиной бесшумно закрылась. Он сразу же понял одну вещь. Его старая каюта пустовала. Не было никакой важной персоны с больным сердцем. Постель на кровати выглядела новенькой; нигде никаких следов пребывания кого бы то ни было.

Так что роскошь, в которой его поселили, была лишь предлогом, чтобы заставить его покинуть прежнюю каюту. Они не хотели, чтобы он оставался здесь. Почему? Что их интересовало: комната или он сам?

И вот он сидел за капитанским столом, а в голове у него роились неразрешенные вопросы.

Вошел капитан; все, включая Байрона, встали ему навстречу. Капитан прошел вдоль стола и занял свое место.

Зачем они переселили его?

На корабле играла музыка; стена, разделяющая салон и кают-компанию, была раздвинута. Мягко светился оранжево-красный свет. Салон был полон народу.

Капитан оглядел сидящих за столом и обратился к Байрону:

— Добрый вечер, мистер Мэлейн. Как вам понравилась ваша новая каюта?

— Она прекрасна, даже слишком. Самое лучшее, что я видел в своей жизни.— Байрон произнес тираду невыразительным голосом и заметил, что капитан бросил на него пристальный взгляд.

Подали десерт, и почти одновременно погас свет. Глазам пассажиров открылась великолепная картина. Они увидели Млечный Путь — захватывающее зрелище сияющей диагональной дороги среди звезд.

Разговоры стихли. Заскрипели отодвигаемые стулья, и все головы обратились лицом к звездам.

Что-то мягко шептала музыка.

Над головами зазвучал голос:

— Леди и джентльмены! Мы готовы к нашему первому Прыжку. Большинство из вас, я думаю, знают хотя бы теоретически, что такое Прыжок. Многие здесь — кажется, больше половины — еще никогда не ощущали его. Именно к ним мне и хотелось бы обратиться.

Прыжок — это именно то, что заложено в слове, его обозначающем. В цепи время — пространство невозможно двигаться со скоростью, превышающей скорость света. Это простейший закон, открытый в глубокой древности великим Эйнштейном. Но даже при скорости света понадобится много лет, чтобы добраться до звезд.

Теперь давайте отвлечемся от связи время-пространство и перейдем к мало известному понятию гиперпространство, где время и расстояние не имеют различий. В этом «пространстве без пространства», как его иногда называют, таятся гигантские накопления энергии, и наука научилась переносить часть ее в определенную точку обыкновенного пространства. Эта энергия такова, что дает возможность преодолевать большие расстояния в нулевой отрезок времени. Это тот самый Прыжок, который делает возможным межзвездные путешествия.

Мы с вами совершим Прыжок через десять минут. Вас предупредят об этом. Вы ощутите не более, чем секундный дискомфорт, но, надеюсь, при этом все будут сохранять спокойствие. Благодарю за внимание.

На корабле погасли все огни, и только звезды за окнами ярко сияли во тьме.

Казалось, время тянется бесконечно. Внезапно вновь зазвучал тот же голос:

— Через одну минуту мы с вами совершим прыжок. Пятьдесят... сорок... тридцать... двадцать... десять... пять... четыре... три... два... один...

Мир на мгновение перестал существовать. Будто бомба, взорвавшись внутри каждого пассажира, разворотила их сознание и тело.

В это же самое мгновение, за долю секунды, бы-

ла преодолена тысяча световых лет, и корабль, находившийся раньше на краю солнечной системы, мчался теперь в глубинах межзвездного пространства.

Кто-то неподалеку от Байрона воскликнул:

— Взгляните на звезды!

Жизнь вернулась к обитателям большой комнаты, и за столом прошелестело:

— Звезды! Смотрите!

Вид звезд был теперь совершенно иным. Центр великой Галактики, удаленный от Земли на триста тысяч световых лет, сейчас приблизился, и звезд стало меньше. Они были разбросаны в черном пространстве, излучая при этом холодный свет.

Байрон, сам того не желая, вспомнил вдруг сентиментальное стихотворение, написанное им в восемнадцатилетнем возрасте под воздействием своего первого космического полета; он тогда направлялся на ту самую Землю, которую покинул сейчас столь поспешно. Губы его беззвучно зашевелились:

Звезды как пыль окружают меня,
В небе не сыщешь прекрасней огня...

Вновь зажегся свет, и Байрон очнулся. Он по-прежнему находился в салоне космического корабля, и сидящие с ним за одним столом люди разговаривали на самые прозаические темы.

Он взглянул на часы и долго не мог отвести от них взгляда. Эти часы он оставлял ночью в ванной; они уцелели после происшествия с бомбой, и с тех пор он неоднократно смотрел на них. Неужели он мог не заметить то, что они пытались сказать ему?

Стекло на них было *белым*, а не голубым. *Оно было белым!*

События этой ночи внезапно стали на свои места. Удивительно, как один факт способен перевернуть отношение к происходящему!

Он резко встал, бормоча себе под нос слова извинения. Покинуть стол до ухода капитана было нарушением этикета, но его это мало волновало сейчас.

Он спешил в свою комнату, перескакивая через несколько ступенек, впопыхах забыв, что можно вос-

пользоваться лифтом. Он влетел в каюту и первым делом осмотрел ванную и встроенный туалет. Он не очень надеялся поймать кого-либо. То, что они могли сделать, они уже давно сделали.

Байрон тщательно исследовал свой багаж. Отличная работа! Не оставляя никаких следов, они похитили его документы, пачку писем от отца, даже капсулу с письмом к Хенрику с Родии.

Так вот зачем им понадобилось переселять его! Их не интересовала ни старая, ни новая комната; им был важен сам процесс перемещения. В их распоряжении оказалось около часа времени, чтобы рыться в его багаже и совершить то, что они совершили.

Байрон ничком упал на кровать и постарался сосредоточиться. Отличная поездка! Спланированно *все* без исключения! Если бы не часы, он даже не смог бы догадаться о том, как прочны сети, которые сплела в космосе Тирания.

Раздался звонок в дверь.

— Войдите,— сказал Байрон.

Это был стюард, который вежливо сказал:

— Капитан хотел бы узнать, не может ли он чем-нибудь помочь вам. Вы выглядели не вполне здоровым, когда вставали из-за стола.

— У меня все в порядке,— ответил Байрон.

Какова слежка! Он понял, что ему не оставили выбора, и что корабль неуклонно везет его к гибели.

ЧЕТЫРЕ
СВОБОДЕН?

Сандер Джоунти холодно встретил взгляд собеседника.

— Говоришь, что-то пропало?

Ризетт провел рукой по щеке.

— *Что-то* пропало. Не знаю, что именно. Думаю, это тот документ, который нам нужен. Мы знаем о нем одно: он датируется две тысячи пятнадцатым годом по примитивному земному календарю и что он представляет опасность.

— Можем ли мы быть уверены, что пропавший

документ — то, что нам нужно?

— Вполне. Он охраняется по приказу правительства Земли.

— Ерунда. Земляне охраняют любой документ, связанный с догалактическим периодом. Это одна из их идиотских традиций.

— Но этот документ — особый случай. Ведь он похищен, а они продолжают охранять пустую папку.

— Представляю их лица, когда они обнаружат пропажу своей жалкой реликвии! Хотя мне и не нравится, что документ у молодого Фаррилла. Я надеялся, что после обыска он окажется в твоих руках.

— У мальчишки документа нет,— улыбнулся его собеседник.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что документ похищен более двадцати лет назад.

— Что?!

— Его никто не видел более двух десятилетий.

— Ложь. Повелитель узнал о нем всего шесть месяцев назад.

— Тогда девятнадцать с половиной лет назад его похитил кто-нибудь другой.

Джоунти на мгновение задумался, потом сказал:

— Ладно, это неважно.

— Почему же?

— Я давно нахожусь на Земле. И если до моего прибытия сюда я еще мог поверить, что на Земле способна храниться какая-нибудь серьезная информация, то сейчас очень в этом сомневаюсь. Ну, посуди, сам: когда Земля была единственной населенной планетой Галактики, она имела лишь примитивное вооружение. Самое серьезное оружие, которым располагали земляне — малоэффективные атомные бомбы, и они не смогли даже от них создать элементарной защиты.— Он указал рукой на горизонт, где то и дело возникали голубые радиоактивные вспышки.

Затем Джоунти продолжил:

— Все это я понял, только прибыв сюда. Странно было бы предположить, что можно научиться чему-нибудь полезному у общества с таким уровнем военного развития. Здесь загублено искусство, загублена наука,

а жители Земли упорствуют в поддержании культа примитивизма, оставшегося с прежних времен.

Ризетт возразил:

— Но наш Властитель был мудрым человеком. И он особенно подчеркивал, что этот документ наиболее опасен из всех, известных ему. Вспомни, что он говорил! «Это повлечет гибель Тирании и гибель всех нас, и оно же пробудит к жизни всю Галактику».

— Властитель, как и все смертные, мог ошибаться.

— И все же, сэр, пока что даже мы не знаем содержания этого документа. Возможно, в нем содержатся чьи-то неопубликованные исследования. Или документ имеет отношение к оружию, которое земляне вовсе не считают оружием, потому что с первого взгляда оно таковым не кажется...

— Чепуха. Ты человек военный и, конечно, лучше в этом разбираешься. Но если на свете и есть какая-нибудь наука, которая постоянно прогрессирует, то это лишь военная технология. Никакое потенциальное оружие не могло быть не выявлено за десять тысяч лет. Думаю, Ризетт, что нам пора возвращаться на Лингану.

Ризетт пожал плечами. Он не был убежден в правоте собеседника. Джоунти и сам до конца не верил в то, что говорил. Плохо дело! Любой житель Галактики мог сейчас обладать этим проклятым документом.

А если он у Тиранов?! Нет, лучше уж пусть это будет Властитель. Потому что документ мог попасть к человеку типа Аратапа! Аратап! Единственный после Властителя человек, чьи поступки невозможно предсказать; наиболее опасный из всех Тиранов.

Саймок Аратап — коротышка с круглыми маленькими глазками. Его предками были путешественники, покинувшие когда-то свои неуютные миры и отправившиеся на поиски лучшей жизни к планетам Королевства Космической Туманности.

Его отец возглавлял целую эскадру небольших космических кораблей. На своем долгом пути эти корабли ломались, возрождались и вновь попадали в крушения; иногда они терпели поражение от нападавших на них больших и мощных линкоров.

Миры Королевства Космической Туманности были устроены на старый лад, но Тираны быстро переделали их. Благодаря силе и скорости своих кораблей им удалось подавить соседние королевства одно за другим, оставшиеся просто-напросто перешли на сторону более сильных Тиранов. Каждому хотелось сохранить хотя бы ощущение безопасности, а не дрожать в ожидании, когда наступит его очередь.

Но все это происходило пятьюдесятью годами раньше. Сейчас Королевства Космической Туманности были полностью оккупированы и превратились в вассалов. Миры не стоят ломаного гроша, думал иногда Аратап, а цена человеческой жизни еще ниже.

Он смотрел на стоящего перед ним юношу. Это был почти мальчик. Высокий, широкоплечий; привлекательное лицо, обрамленное коротко подстриженным волосами. В определенном смысле Аратапу было жаль его. Парень был явно напуган.

Сам Байрон не назвал бы обуревающее его чувство страхом. Скорее он квалифицировал бы его как напряжение. Всю свою жизнь он считал Тиранов гигантами. Его сильный и суровый отец был, по рассказам других, робким и покорным в их присутствии.

Иногда они приезжали на Вайдемос, и отец снабжал их книгами с большей части планет Нефелоса. Бывало, отец сопровождал Тиранов в поездках. Они всегда сидели во главе стола; их обслуживали первыми; когда они говорили, все остальные разговоры вокруг стихали.

Еще ребенком Байрон удивлялся, что эти невзрачные, маленькие люди способны так твердо и властно управлять, но зато он всегда понимал, что Тираны для его отца являются тем же, чем он сам является для своего скотника. Он научился почтительно говорить с ними и называть их «Ваше Превосходительство».

Байрон усвоил это так хорошо, что уже одно то, что он стоит лицом к лицу с одним из Тиранов, рождало в нем чувство, которое он именовал «напряжением».

Судно,— он считал его своей тюрьмой,— в один прекрасный день стало ею официально. Они в это время

приближались к Родии. В дверь его каюты постучались и вошли два крепких мужчины. За ними проследовал капитан, который обратился к нему невыразительным голосом:

— Байрон Фаррилл, вы арестованы по моему приказу и вам придется ответить на вопросы Представителя Великого Короля.

Представителем и был этот крошечный Тиран, сидящий сейчас перед Байроном и выглядевший скучно и неинтересно. «Великим Королем» являлся Хан Тирании, все еще живший в легендарном каменном дворце на главной планете Тирании.

Байрон оценивающе посмотрел на него. С этим коротышкой он справился бы без труда, но присутствие четырех стражников,— по два с каждой стороны,— делало любую попытку нападения невозможной. Пятый охранник сидел позади Представителя.

Представитель обратился к Байрону со словами:

— Как тебе должно быть известно,— голос его был тонким и визгливым,— старый Господин Вайдемоса, твой отец, казнен за измену. Взгляд его бегающих глаз сосредоточился на Байроне.

Байрон не шелохнулся. В его положении лучше не проявлять эмоций, решил он. Конечно, можно закричать на них, но от этого отец не оживет. Он понимал, зачем ему сообщили о гибели отца — хотят вывести из равновесия. Ну что ж, он не доставит им этого удовольствия.

Байрон лениво протянул:

— Я Байрон Мэлейн с Земли. Если необходимо удостоверить мою личность, я хотел бы связаться с Земным Консулом.

— Конечно-конечно, но, увы, мы сейчас находимся слишком далеко от Земли. Ты утверждаешь, что ты — Байрон Мэлейн с Земли. Но вот,— Аратап зашуршал лежащими перед ним бумагами,— письма, написанные Господином Вайдемоса своему сыну. Здесь же студенческий билет и зачетная книжка на имя Байрона Фаррилла. Все это нашли в твоем багаже.

Байрон слегка опешил, но постарался не подать виду.

— В моем багаже кто-то рылся и подбросил все это.

— Мы пока не в суде, мистер Фаррилл, или Мэлейн. А для суда потребуются объяснения получше.

— Еще раз повторяю: если все это найдено в моем багаже, то бумаги подброшены туда нарочно.

Байрон слегка перевел дух. Конечно, его заявление звучит глупо, и он отлично понимал это. Но Представитель перевел разговор на другую тему. В руках он держал капсулу с письмом к Правителю Родии.

— А это рекомендательное письмо? Тоже не твое?

— Нет, но принадлежит мне,— Байрон заранее решил ответить так, потому что знал — в письме не проставлено имя.— Это послание к Правителю...

Он сам оборвал себя. Любые объяснения в подобной ситуации были проявлением слабости, а Представитель к тому же усмехался. Или это ему только показалось?

Аратап не усмехался. Быстрым движением руки он поправил контактные линзы, затем вынул их из глаз и опустил в стакан с водой, стоящий перед ним на столе. Его опухшие веки были слегка влажными. Он сказал:

— И тебе это известно? Известно на Земле, в пяти сотнях световых лет отсюда? Об этом не слыхала даже наша собственная полиция здесь, на Родии.

— Полиция на Родии. Послание было написано на Земле.

— Вижу. Кто ты — агент? Или просто хочешь предупредить Хенрика о чем то?

— Конечно, второе.

— Да ну? И почему же ты решил это сделать?

— Потому что рассчитывал получить особое вознаграждение.

Аратап улыбнулся.

— Вот теперь в твоих словах есть намек на правду. О чем же конкретно ты собирался ему рассказывать?

— Это я скажу только Правителю.

Вспышка гнева, но только на мгновенье.

— Хорошо. Тиранов не волнует местная политика. Мы устроим тебе беседу с Правителем и, таким образом, внесем свой вклад в его безопасность. Мои

люди соберут твой багаж, и ты можешь быть свободен. Уведите его!

Последние слова относились к охранникам. Аратап вновь надел контактные линзы, и глаза его тут же приняли более осмысленное выражение.

Обратившись к главному охраннику он сказал:

— Думаю, мы не должны сводить глаз с юного Фаррилла.

Офицер коротко кивнул:

— Слушаюсь! Тем более, что мне его история кажется довольно бессвязной.

— Разумеется. Но это дает ему возможность выкрутиться. Юные глупцы, взявшие за образец поведение героев видеосериалов, легко попадаются. Конечно, он — сын экс-Господина.

— Вы уверены? Тогда уже одно это — серьезное преступление.

— То есть вам кажется, что я ошибаюсь? Почему же?

— А что, если он послан отвлекать наше внимание от настоящего Байрона Фаррилла?

— Нет, я уверен в обратном. И потом, у нас есть фотографии.

— Чьи? Мальчишки?

— Сына Господина. Хочешь взглянуть?

— Конечно.

Аратап взял со стола пачку фотографий.

— Помимо этого, у меня есть нечто, что безусловно произведет на вас впечатление. Думаю, с подобной штукой вы еще не сталкивались. Она изобретена во внутренних мирах и внешне представляет собой обычный фотокуб, но если перевернуть его вверх ногами, автоматически происходит молекулярная реакция, и он становится полностью прозрачным. Славная вещица!

Фотокуб был обыкновенным стеклянным кубиком, *черным и прозрачным*. Каждая грань его равнялась трем дюймам. Аратап повернул его, и стекло на мгновение помутнело, а потом, с необычной ясностью, с него вдруг улыбнулось приятное юношеское лицо.

— Раньше эта штука принадлежала экс-Господину,— заметил Аратап.— Что ты скажешь?

— Вне всяких сомнений, здесь изображен наш молодой приятель.

— Да,— Представитель Тирании задумчиво рассматривал кубик.— Знаешь, мне пришло в голову, что используя тот же процесс, можно поместить в куб не одну, а шесть фотографий. Шесть связанных друг с другом фотографий,— и статический феномен станет динамическим, наполнив первый новым смыслом и содержанием. Более того, это может стать новым видом искусства!

В голосе его прозвучало нескрываемое торжество.

Но его молчаливый собеседник не обратил никакого внимания на идею Аратапа, и тому пришлось прервать свои творческие фантазии.

— Так ты видишь Фаррилла?— резко спросил Представитель.

— Так точно!

— Теперь ты должен встретиться с Хенриком.

— С Хенриком?

— Конечно. Для этого я и собираюсь освободить мальчика. Мне нужно получить ответы на некоторые вопросы. Зачем Фарриллу понадобился Хенрик? Что их связывает? Смерть Господина здесь ни при чем. Между ними была — должна быть — хорошо отлаженная тайная связь, и мы еще не знаем, как именно она осуществлялась.

— Но Хенрик не может быть вовлечен в это! Даже если у него хватило бы смелости, то ума явно недостаточно.

— Согласен. Но именно из-за своего идиотизма он может служить орудием в их руках. Если так, то это станет нашей ахиллесовой пятой. Поэтому необходимо тщательно все проверить.

Он вяло махнул рукой; собеседник отдал ему честь, щелкнул каблуками и вышел.

Аратап задумчиво крутил в руке фотокуб, созерцая, как чернота сменяется изображением. Жизнь во времена его отца была значительно проще. В завоевании чужой планеты крылось жестокое величие, тогда как в манипулировании ничего не понимающим парнишкой была только жестокость.

Но это было необходимо.

ПЯТЬ
НЕ САМАЯ УДАЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Люди заселили Родию не слишком давно,— даже по сравнению с Центурионом или Сириусом. Планеты Арктура, например, были освоены более двухсот лет назад, когда первые космические корабли пересекли границы Туманности Лошадиной Головы в поисках пригодных для жизни планет. Лишь немногие из исследованных планет удовлетворяли условиям, необходимым для существования человеческого организма.

В Галактике насчитывается от одного до двух тысяч биллионов звезд, являющихся источниками света и тепла. Среди них есть пятьсот биллионов планет, где уровень гравитации в одних случаях составляет 120 процентов земного, а в других не достигает и шестидесяти. Некоторые из них слишком жаркие, другие — слишком холодные. Атмосфера многих ядовита, потому что состоит преимущественно или полностью из неона, метана, аммония, хлоридов, даже силиконового тетрафлуорида. На некоторых планетах нет воды, другие состоят почти сплошь из океанов, наполненных сульфатодиоксидами. На третьих нет углерода.

Поэтому ни один из этих сотен тысяч миров не может быть обитаем. Жизнь сосредоточена всего лишь в четырех миллионах миров, пригодных для существования.

О количестве заселенных миров идут постоянные споры. По данным «Галактического Альманаха», Родия была 1098-м миром, где поселились люди.

По иронии судьбы, Тирания, завоевавшая Родию, числилась 1099-й.

История повторяется. Период развития и экспансии в Транстуманном регионе ничем не отличался от аналогичного периода в других точках Галактики. Планетарные республики быстро добились успеха; у каждой из них было собственное правительство. Затем в их жизнь вторглась Тирания, и планеты оказались колонизированы, а после и вовсе растворились внутри сателлита. Так появилась маленькая «Империя».

Только на Родии сохранялась некоторая стабильность, и этому способствовала правящая династия Хенриадов. Хотя Тирания за каких-нибудь десять лет сумела расширить границы своей Империи на всю территорию Транстуманности, форма правления на Родии не изменилась. Она даже укрепилась. Хенриады были чрезвычайно популярны в народе, и Тиранам нужно было лишь уметь влиять на них.

Точнее, Правитель не обязательно происходил из чистых Хенриадов. Должность эта формально являлась выборной из числа членов наиболее влиятельного семейства планеты. Семейство Хенриадов устраивало Тиранов по ряду причин, и, не без их помощи, Хенрик (пятый по счету) был избран Правителем.

С позиции Тирании это был полезный выбор.

В момент избрания Хенрик выглядел красивым и статным мужчиной; да и сейчас он все еще производил приятное впечатление. Его волосы слегка посеребрила седина, но брови оставались густыми и такими же черными, как и глаза его дочери.

Сейчас он смотрел на свою дочь, а она была взбешена, и не скрывала этого. Высокая — всего на два дюйма ниже отца, при его росте не менее шести футов,— вспыльчивая девушка, темноволосая и темноглазая, чье лицо сейчас потемнело от гнева.

Она беспрестанно повторяла:

— Я не могу этого сделать! Я *не буду* этого делать!

Хенрик отвечал ей:

— Но, Арта, Арта, это же неразумно! Что я могу поделать? Разве в моем положении можно выбирать?

— Если бы мама была жива, она сумела бы найти выход из положения!

И девушка топнула ногой. Ее полное имя — Артемида, королевское имя, которое в каждом поколении Хенриадов носила одна из женщин.

— Да-да, несомненно... Черт меня побери! У твоей матери был талант на эти вещи! Иногда мне кажется, что ты пошла только в нее и ничуть не похожа на меня! Но серьезно, Арта, ты не оставила ему никакой надежды. Возможно, ты могла бы взглянуть на него более благосклонно?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну...— он сделал рукой неопределенный жест, затем положил руку ей на плечо, но она резким движением сбросила ее.

— Я провела с ним вечер,— раздраженно ответила она,— и он попытался поцеловать меня. Это было омерзительно.

— Все целуются, дорогая моя. Конечно, поцелуи не значат сейчас того, что означали во времена твоей прабабки... Это лишь дань традициям. Молодая кровь, Арта, горячая кровь!..

— Молодая кровь... За последние пятнадцать лет молодая кровь в этом чудовище была разве что сразу после переливания. Он на четыре дюйма ниже меня, отец. Как я могу показаться на людях с пигмеем?

— Он — важная персона. Очень важная!

— Это не прибавляет ему в росте ни дюйма. Он кривоног, как все они, и у него дурно пахнет изо рта.

— Пахнет изо рта?

Артемида шмыгнула носом:

— Да, и не просто пахнет, а воняет. Это очень неприятный запах, мне он не нравится, и я сказала ему об этом.

До Хенрика с трудом дошел смысл ее последних слов. Он побледнел, а голос его понизился до шепота:

— Ты сказала ему об этом? Ты считаешь, что высокопоставленная особа из Королевского Двора Тирании может иметь неприятное личное качество?

— Да! Как тебе известно, у меня есть орган, именуемый носом! И когда этот тип подошел слишком близко, я зажала нос и толкнула его. Он шмякнулся на спину, размахивая своими кривульками...

Она пальцами показала, как именно было дело, но Хенрик этого не видел, так как в этот момент закрыл лицо руками.

На миг выглянув наружу, он жалобно спросил:

— Что же теперь будет? Как ты могла так поступить?!

— Не бойся! *Знаешь, что он мне ответил?* Его слова переполнили чашу моего терпения. Я поняла, что не могу находиться рядом с мужчиной, который всего четырех футов ростом.

— Но что же он сказал тебе?

— Он сказал,— отойди от видео, папа,— он сказал: «Ха! Смелая девушка! После этого она мне нравится еще больше!», и двое слуг помогли ему подняться на ноги. Но больше он не пытался дышать мне в лицо!

Хенрик почесал в затылке, затем внезапно схватил Артемиду за руку:

— Ты могла бы выйти за него замуж! И не споры! Во имя политической необходимости... Это было бы просто шуткой...

— Что значит «не спорь»? Какой такой шуткой?! Мне что, пришлось бы сложить пальцы левой руки в фигу, подписывая правой брачный контракт?!

— Нет-нет, что ты!— Хенрик был смущен.— Зачем же так? Арта, я просто удивляюсь твоему упрямству.

— Что ты имеешь в виду?

— Что имею в виду? Погоди, о чем это мы? Я не могу сосредоточиться, когда ты споришь со мной. Что я хотел сказать?

— Что-то о моем замужестве. Вспомнил?

— Ах, да! Я хотел сказать, что к замужеству не стоит относиться слишком серьезно.

— Как я понимаю, ты предлагаешь мне иметь любовников.

Хенрик покраснел и гневно взглянул на нее:

— Арта! Я всегда воспитывал тебя умной и рассудительной девочкой! Такой была твоя мать. Как ты можешь говорить подобные вещи? Стыд и срам!

— Но разве ты имел в виду не это?

— Мне можно так говорить. Я мужчина, зрелый мужчина! А девушка, подобная тебе, не должна бросаться такими словами.

— Но я уже бросилась ими, папочка, и слова назад не вернешь. Я ведь не имела в виду, что действительно буду иметь любовников. Я только сказала, что в принципе могу их иметь, если выйду замуж по соображениям государственной необходимости.— Она обняла себя руками за плечи.— Чем же я буду заниматься в свободное от любовников время? Этот карлик ведь все-таки будет моим мужем, хотя подобная мысль может внушить исключительно брезгливость.

— Дорогая, он уже не молод... Тебе недолго придется жить с ним.

— Твое «недолго» может оказаться вечностью! Один час, проведенный с ним — уже слишком долго. Постой, отец, ведь всего пять минут назад ты рассказывал мне про его молодую кровь?! Помнишь?

Хенрик развел руками:

— Арта, этот человек один из *Тиранийцев*, и причем самых влиятельных. При дворе Хана он на хорошем счету.

— Хан может иметь о нем свое мнение. Возможно, он и сам воняет!

От ужаса Хенрик забыл закрыть рот. Автоматически он оглянулся через плечо. Потом осторожно сказал:

— Никогда больше не говори так... Никогда.

— Если ты еще раз заведешь разговор на эту тему, я повторю все сначала! И потом, он уже трижды был женат!— Она подумала и уточнила:— Не Хан, а человек, за которого ты хочешь выдать меня замуж.

— Но ведь его жены умерли,— напомнил ей Хенрик.— Арта, их больше нет в живых! Как ты могла подумать, что я способен выдать свою дочь замуж за полигама? Мы заставим его предъявить соответствующие документы. Он женился на них последовательно, а не одновременно; сейчас все они умерли, и лежат каждая в своей могиле.

— Это неудивительно. При таком муженьке...

— О Боже, ну что мне с тобой делать?— Он попытался в последний раз переубедить ее.— Арта, такова цена того, чтобы быть одной из рода Хенриадов и дочерью Правителя.

— Я не просила, чтобы меня назначали Хенриадой и дочерью Правителя.

— Но судьба распорядилась именно так. Вся история Галактики, Арта, показывает, что бывают ситуации, когда интересы государства, интересы безопасности планеты, интересы народа важнее, чем...

— Чем то, что бедная девушка станет проституткой!

— Боже, как вульгарно! Когда-нибудь ты переменишь свое мнение.

— Отец, я скорее умру, чем сделаю это. Можешь мне поверить.

Правитель направился к ней. Его губы дрожали, и он не мог вымолвить ни слова. Дочь подбежала к нему заливаясь слезами, и прижалась к его груди:

— Я не могу, папочка! Не могу! Не принуждай меня!

— Ты знаешь что произойдет, если ты откажешься? Тиранийцы рассердятся, они сместят меня, заточат в тюрьму, а возможно, даже каз...— Он поперхнулся на последнем слове.— Случится большое несчастье, Арта. Сейчас наступили трудные времена. Господин Вайдемоса на прошлой неделе был схвачен и, я думаю, даже убит. Помнишь его, Арта? Он гостил у нас при дворе полгода назад. Большой человек с круглым лицом и глубоко посаженными глазами. Сперва ты даже боялась его.

— Я помню.

— Ну так теперь он мертв. Чья теперь очередь? Моя? Твой бедный отец должен стать следующим? Поверь, времена сейчас очень сложные, и то, что он гостил у нас при дворе, может навлечь на нас беду.

— Почему же обязательно беду? Ты ведь не связывался с ним?

— Конечно, нет! Но если мы огорчим Хана Тирании отказом вступить в брак с одним из его любимчиков, они могут подумать именно то, о чем ты спросила.

Хенрик помахал перед глазами рукой, отгоняя от себя кошмарную воображаемую картину.

— Я пойду в свою комнату,— продолжил он.— Отдохни. Когда немного вздремнешь, начинаешь чувствовать себя лучше. Посмотрим... посмотрим... Во всяком случае нам обоим необходим отдых.

Артемида посмотрела на отца и вздохнула. Ее лицо оставалось задумчивым, а на лбу пролегли глубокие морщинки.

Внезапно раздался звук чьих-то шагов, и она резко обернулась.

— В чем дело?

Тон был более резким, чем ей хотелось бы.

Это был Хенрик его лицо побледнело от страха.

— Звонил майор Андрос.

— Из Внешней Охраны?

Хенрик сумел только кивнуть.

Артемида вскрикнула:

— Уверена, он не...— она на миг замолчала, не решаясь высказать свои ужасные предположения и ожидая дальнейшего рассказа отца.

— Какой-то юноша настаивает на аудиенции. Я его не знаю. Зачем он здесь? Он прибыл с Земли!— Хенрик перевел дыхание.

— Сядь, отец,— оборвала его Артемида,— и объясни мне, что случилось.

Она взяла его за руку, и Хенрик немного успокоился.

— Я в растерянности,— продолжил он,— Этот юноша пришел сюда с рекомендательным письмом. Он говорит, что знает о плане покушения на мою жизнь. На *мою* жизнь. И *они* велят мне выслушать его. Он глуповато улыбнулся.— Народ любит меня. Никто не захочет убивать меня. Верно?

Хенрик внимательно посмотрел на дочь, и расслабился, когда она ответила:

— Конечно, никто не собирается убивать тебя.

Тогда он вновь заговорил:

— Ты думаешь, это могут быть *они*?

— Кто?

— Тиранийцы.— Он понизил голос до еле слышного шепота.— Совсем недавно здесь был Господин Вайдемоса, и вот он убит.— Хенрик внезапно закричал.— А сейчас они послали кого-то убить меня. Меня!..

Артемида встряхнула его с такой силой, что Правитель разом пришел в себя.

— Отец! Сиди тихо! Ни слова! Слушай меня! Никто не собирается убивать тебя! Слышишь? Никто тебя не убьет! Господин Вайдемоса был здесь шесть месяцев назад. Помнишь? Шесть месяцев назад! Думай!

— Так давно?— прошептал Правитель.— Да, да, кажется, именно так...

— Сейчас ты останешься здесь и отдохнешь. Ты слишком перенапрягся. Я сама взгляну на юношу и потом, если это безопасно, приведу его к тебе.

— Ты, Арта? Ты? Он не станет убивать женщи-

ну. Конечно, он не станет убивать женщину!..

Она вскочила и поцеловала отца в щеку.

— Будь осторожна,— пробормотал Хенрик, и глаза его устало закрылись.

ШЕСТЬ
НОСИТЕЛИ КОРОН

Возле одного из строений Дворца в нетерпении ждал Байрон Фаррилл. Впервые в жизни он чувствовал себя провинциалом.

Вайдемос-Холл, где он вырос, казался ему прекраснейшим местом на свете, и сейчас память вызвала к жизни картины его варварского блеска. При мысли об этом он непроизвольно вздрогнул.

Это место было совершенно другим.

Дворец основателей Родии явился кульминационной точкой династии Хенриадов, выраженной в камне: он был стройным и светлым. Прямые линии его легко и изящно взмывали ввысь, создавая эффект шпилей; и это походило на крещендо в музыке, пиком которого был Центральный Дворец. В нем отсутствовали привычные Байрону «ложные окна», такие популярные в украшении зданий у него на родине. Дворец состоял из конструкций, создававших некую геометрическую абстракцию, устремленную прямо в небо.

...Охранник из числа Тиранийцев ввел гостя во внутренние покои.

— Байрон Мэлейн?— уточнил находящийся там второй страж, и Байрон кивнул.

Перед ними остановился небольшой металлический вагончик, управляемый диамагнетическими силами. Байрону еще никогда не приходилось видеть подобного, и он на мгновение задержался.

Вагончик, в котором поместились бы пять-шесть человек, раскачивался на ветру, и в его окнах отражалось прекрасное солнце Родии. К вагончику был подведен тонкий и на первый взгляд не очень прочный рельс, и Байрону показалось, что вагончик даже не касается его. Внезапно порыв ветра ударил по рельсу, но, вопреки ожиданиям, тот не сдвинулся с места,

удерживаемый какой-то неведомой юноше силой.

— Входи,— нетерпеливо скомандовал стоящий за его спиной охранник, и Байрон вошел в вагончик. Охранник последовал за ним.

Казалось, вагончик превратился в прозрачный пузырь. Он неощутимо для сидящих в нем людей двинулся вверх. Через секунду перед Байроном открылся прекрасный вид на весь комплекс зданий Дворца Основателей. Это было замечательное, величественное зрелище. Менее чем через две минуты они остановились: подъем был окончен.

Перед Байроном отворилась дверца, и он вышел. Дверца тут же закрылась вновь. В комнате, куда попал Байрон, никого не было, но это не успокоило Байрона: он не питал иллюзий относительно того, что с той самой ночи его действиями управляют другие.

Джоунти поместил его на борт космического корабля. Представитель Тирании отправил его сюда. И с каждым шагом он все больше втягивался в водоворот непонятных ему событий.

Байрон прекрасно понимал, что расчет Тиранийца был весьма тонок. Конечно, избавиться от него совсем несложно. Это можно было сделать еще на корабле, и не один раз. Но Джоунти в чем-то прав: им невыгодно убивать его, чтобы не вызвать негативный резонанс. Хенрик — их марионетка, и они рассчитывали убрать Байрона руками Правителя Родии. Тогда Тиранийцы остались бы только сторонними наблюдателями.

Пальцы юноши непроизвольно сжались в кулаки. Он высок и силен, но совершенно безоружен. У людей, которые придут за ним, будут бластеры и огнеметы. Незаметно для самого себя он прижался к стене.

Слева от него раздался звук открываемой двери. Вошел вооруженный человек в военной форме, за ним следовала девушка. Байрон немного расслабился. Всего лишь девушка! В другое время он не преминул бы рассмотреть ее подробнее, но сейчас она была для него просто девушкой.

Вошедшие приблизились к Байрону, который не сводил глаз с бластера в руках мужчины.

Девушка повернулась к стражнику:

— Сначала с ним буду говорить я, лейтенант.

Затем она строго сдвинула брови и обратилась к Байрону:

— Ты и есть тот человек, который хочет предостеречь Правителя о покушении на его жизнь?

— Я уже сказал, что буду говорить только с самим Правителем,— ответил Байрон.

— Это невозможно. Если тебе есть, что сказать, то скажи это мне. Если твои сведения окажутся правдивыми и полезными, тебя вознаградят.

— Тогда разреши поинтересоваться — кто ты? Откуда мне знать, имеешь ли ты право говорить от лица Правителя?

Казалось, девушка удивилась заданному ей вопросу.

— Я его дочь. И я собираюсь задавать вопросы, а не отвечать на них. Ты прибыл откуда-то извне Системы?

— Я с Земли,— Байрон подумал и добавил:— Ваша Светлость.

Обращение удовлетворило ее.

— Где же она находится?

— Это маленькая планета в секторе Сириуса, Ваша Светлость.

— А как зовут тебя?

— Байрон Мэлейн, Ваша Светлость.

Она задумчиво смотрела на него:

— Значит с Земли?.. А ты умеешь управлять космическим кораблем?

Байрон едва сдержал улыбку. Она проверяет его. Ей отлично известно, что космическая навигация является запрещенной наукой в мирах, контролируемых Тиранией.

— Да, Ваша Светлость,— ответил Байрон.

Раз они позволили ему так долго оставаться в живых, он мог позволить себе признаться в этом. На Земле космическая навигация запрещена не была, а за четыре года можно научиться многому.

— Очень хорошо,— сказала она.— Ну, а что ты хочешь рассказать?

Внезапно он решился. Он никогда не пошел бы на такой шаг будь здесь только охранник. Если эта

девушка не лжет, и она действительно дочь Правителя, то может помочь ему.

— Ваша Светлость! Собственно, никакого покушения нет!

Девушка рассердилась. Она резко повернулась к своему спутнику:

— Теперь ваша очередь, лейтенант. Добейтесь от него правды!

Байрон отступил, ощутив холодное прикосновение бластера охранника, и торопливо произнес:

— Подождите, Ваша Светлость! Выслушайте меня! Это был для меня единственный способ увидеться с Правителем! Разве вы не в состоянии это понять?

Он повысил голос:

— Вы должны сообщить Его Превосходительству, что я — Байрон Фаррилл и прошу предоставить мне убежище!

Именно такие слова в давние времена произносили попавшие в беду феодалы. Слова эти были привычными, пока феодалы не утратили своей власти, но теперь, с приходом Тиранийцев, это был всего лишь архаизм, не более того.

Она удивленно вздернула брови:

— Разве ты происходишь из аристократической семьи? Мне кажется, минуту назад ты представился как Мэлейн.

И тут в разговор вмешался новый голос.

— Совершенно верно, но это всего лишь псевдоним. Ты — Байрон Фаррилл, мой дорогой юный сэр! Вне всяких сомнений, ты — Фаррилл. Ошибиться просто невозможно!..

В дверном проеме стоял маленький улыбающийся человечек. Его сияющие глаза скользили по фигуре Байрона. Человечек еще раз улыбнулся и обратился к девушке:

— А ты, Артемида, ты разве не узнала его?!

Артемида поспешила к нему; в ее голосе звучало беспокойство:

— Что ты делаешь здесь, дядя Джил?

— Забочусь о своих интересах, моя дорогая. Вспомнив, что здесь может произойти убийство, я, как ближайший из Хенриадов, намеревался бы пре-

тендовать на престол. Ладно, шутки в сторону. Отошли лейтенанта! Опасности нет.

Пропустив его слова мимо ушей, она спросила:

— Ты опять подслушивал у коммутатора?

— А как же! Разве я мог лишить себя подобного удовольствия?

— Когда-нибудь ты попадешься!

— Опасность — неотъемлемая часть любой игры, милочка. Причем самая восхитительная ее часть. Кроме того, Тиранийцы уже давно, как мне кажется, знают о моем хобби. Мы мало что можем сделать, чтобы это не стало сразу же известно им. Ладно, ерунда! Ты не хочешь представить меня нашему гостю?

— Нет, не хочу,— резко ответила она.— Это не твое дело.

— Тогда я представлю ему тебя. Когда я услыхал его имя, то перестал подслушивать и вошел.— Он отвесил Байрону полушутливый поклон.

— Дорогая, это Байрон Фаррилл.

— Я уже говорил это,— все внимание Байрона было приковано к лейтенанту, все еще сжимающему в руке бластер.

— Но ты забыл добавить, что ты — сын Господина Вайдемоса.

— Я хотел, но вы прервали меня. Как бы там ни было, вам это уже известно. Я сбежал от Тиранийцев, и не назвал им моего настоящего имени.

Он перевел дыхание. Если его сейчас не арестуют, то у него остается маленький шанс на спасение.

— Понимаю,— кивнула Артемида.— Это, я думаю, сможет убедить Правителя. Вы уверены, что речь не идет о покушении?

— Вполне. Ваша Светлость.

— Хорошо. Дядя Джил, ты останешься с мистером Фарриллом? Лейтенант, следуйте за мной.

Ноги Байрона подкосились. Он мечтал об одном — о возможности присесть, и его не интересовало, какое впечатление это может произвести на Джилберта, все еще с нескрываемым интересом изучавшего пришельца.

— Сын Господина! Прелестно! Очаровательно!..

Байрон попытался сосредоточиться. Он устал постоянно думать о том, что можно и чего нельзя гово-

рить. Поэтому он ответил:

— Да, сын Господина. Титул, получаемый при рождении. Чем могу служить?

Джилберт хранил невозмутимый вид. Только улыбка на его лице стала еще шире.

— Удовлетвори мое любопытство, юноша. Ты действительно пришел искать здесь убежища?

— Я предпочел бы обсудить этот вопрос с Правителем, сэр.

— Попытайся, дружок, попытайся! Ты поймешь, что от Правителя здесь не слишком много толку. Как ты думаешь, почему тебе только что пришлось общаться не с ним, а с его дочерью? Проникнись этой мыслью, она прелестна!

— Вам кажется прелестным все без исключения?

— А почему бы и нет? Жизнь вообще прелестная штука. Если не видеть в ней прелести, то скоро захочется сунуть голову в петлю. Задумайся об этом тоже. Кстати, я забыл представиться. Я — кузен Правителя.

— Поздравляю,— холодно ответил Байрон.

Джилберт усмехнулся:

— Ты прав. Это не впечатляет. Но пока у меня нет ни малейшей надежды изменить свой статус.

— Думаю, данный факт очень огорчает вас.

— О-о-о, у вас есть чувство юмора! Имейте в виду, что здесь никто не воспринимает меня всерьез. Для окружающих я всего лишь закоренелый циник. Ты не задумывался, что на свете нет ничего хуже Директории? Ведь Хенрик никогда не отличался большим умом, а с каждым годом он становиться все более беспомощным. Совсем забыл! Ты ведь не знаком с ним! Но скоро тебе это предстоит. Я слышу его шаги. В разговоре с Правителем помни, что он правит самым большим из Транстуманных Королевств. Это самая прелестная мысль!..

Хенрик был в полусонном состоянии. Он вошел в комнату, едва кивнул в ответ на церемонное приветствие Байрона, и сразу же заявил хриплым голосом:

— Какое у вас к нам дело, сэр?

Артемида стояла рядом с отцом, и Байрон с некоторым удивлением отметил, что она весьма хороша собой.

— Ваше Превосходительство,— поклонился он,— я прибыл в интересах доброго имени моего отца. Вы не можете не знать, что его казнь была несправедлива.

— Я немного знал вашего отца, молодой человек. Он гостил у нас раз или два,— голос Хенрика немного окреп.— Вы очень похожи на него. Очень. Но он совершил ошибку, и вам должно быть об этом известно. Во всяком случае, мне так кажется... Уверен, что при его аресте не был нарушен ни один закон. Хотя детали мне неизвестны.

— Конечно, Ваше Превосходительство! Но мне бы хотелось как раз выяснить детали. Я уверен, что мой отец не изменник.

Хенрик торопливо прервал его.

— Это понятно. Вы — его сын и должны защищать отца, но поверьте, что крайне сложно обсуждать подобные вопросы. И вдобавок несколько несвоевременно. Почему бы вам не увидеться с Аратапом?

— Я не знаю кто это, Ваше Превосходительство.

— Аратап! Представитель! Я имею в виду — Представитель Тирании!

— Я уже виделся с ним, и он отослал меня сюда. Конечно, вы понимаете, что я не намерен прощать Тирании...

Хенрик вскочил, зажимая рукой дрожащие губы, и его речь стала невнятной скороговоркой.

— Вы говорите вас послал сюда Аратап?

— Я счел необходимым сказать ему...

— Не повторяйте, что вы ему говорили! Я ничем не могу помочь вам, Господин — ой!— мистер Фаррилл. Это не входит в мою юрисдикцию. Исполнительный Совет — не толкай меня, Арта, я не могу говорить о серьезных вещах если ты мешаешь мне!— должен сказать свое слово. Джилберт! Ты побеспокоишься о том, чтобы мистеру Фарриллу был оказан хороший прием? Я подумаю, что можно будет сделать. Да, я проконсультируюсь в Исполнительном Совете! Это только юридическая формальность, но очень важная. Очень важная!..

Он повернулся, чтобы уйти, что-то бормоча себе под нос.

Артемида немного помедлила и осторожно коснулась плеча Байрона.

— Минуточку... Это правда, что ты умеешь управлять космическим кораблем?

— Естественно, правда,— Байрон улыбнулся ей, и после недолгого колебания она ответила ему улыбкой.

— Джилберт,— добавила она,— с тобой мы поговорим позднее.

И поспешно вышла. Байрон долго смотрел ей вслед. К действительности его вернул вопрос Джилберта.

— Уверен, что ты голоден или, по крайней мере, умираешь от жажды. Жизнь, как я понимаю, все еще продолжается?

— Да, благодарю вас,— Байрон не вполне понял, что имеет в виду его собеседник, но расслабился и пришел в отличное расположение духа.

Она хорошенькая. *Очень* хорошенькая!

Но Хенрик никак не мог расслабиться. Его одолевали ужасные мысли. Это ловушка! Мальчишку послал Аратап, и это — ловушка!

Он сжал голову руками, погрузился в глубокое раздумье, и вскоре понял, что ему нужно делать.

СЕМЬ
ВИРТУОЗ МЫСЛИ

На все планеты рано или поздно опускается ночь. Она не может поступить иначе, хотя светлое время суток продолжается от пятнадцати до двадцати двух часов. Любой путешествовавший с планеты на планету человек может это подтвердить.

На многих планетах период сна сведен до минимума. На других периоды «день-ночь» примерно равны между собой. На третьих в принципе отсутствуют понятия «свет и тьма».

Но приход ночи всегда и везде имеет важное психологическое значение, связанное с эмбриональной фазой развития организма. Ночь — это пора страхов и беззащитности, и сердце до восхода солнца замирает в ожидании неизвестного.

Во дворце не было сенсоров, способных показать наступление ночи, но инстинкт безошибочно подсказал Байрону ее наступление. Он знал, что ночная тьма за пределами Дворца вовсе не кромешная, и ее нарушает сияние звезд. В это время в Туманности Лошадиной Головы большинство звезд становились видимыми.

Но звездный свет не мог рассеять мрак в душе Байрона.

С момента короткой беседы с Правителем он больше не видел Артемиду, и это огорчало его. Он ждал обеда: возможно, ему удастся с ней поговорить. Но, вопреки ожиданиям, он ел в одиночестве, и только два охранника стояли на посту по обе стороны двери. Даже Джилберт покинул его, оставив наедине с самим собой.

По возвращении Джилберт сказал:

— Вначале мне хотелось бы показать мою лабораторию. Мы с Артемидой решали сейчас, что с тобой делать,— и жестом он приказал охране выйти.

— Какую лабораторию?— в голосе Байрона не звучало ни малейшей заинтересованности.

— Я строю разные приспособления,— прозвучал лаконичный ответ.

На первый взгляд помещение ничуть не напоминало лабораторию. Это скорее была библиотека, в углу которой стоял маленький столик. Байрон медленно осмотрелся по сторонам.

— Именно здесь ты и строишь свои приспособления? Что же они собой представляют?

— Они помогают мне незаметно шпионить за шпионами Тирании. Защиты от моих приспособлений не существует. Вот почему я узнал и о тебе, как только от Аратапа поступило первое сообщение. У меня имеется множество прелестных штучек. Например, мой визисонор. Ты любишь музыку?

— Да.

— Отлично. Я создал один инструмент, только не уверен, что ты сочтешь его музыкальным.— Джил коснулся рукой книжной полки.— Это не очень хороший тайник, но, поскольку никто не воспринимает

меня всерьез, его пока не обнаружили. Прелестно, не правда ли? Ах да, я совсем забыл, что ты не находишь в этом прелести.

Перед юношей возник некий предмет: самодельный, грубо сработанный и похожий на коробку. Одна сторона его была покрыта маленькими блестящими ручками. Коробочка лежала этой стороной кверху.

— Он не слишком красив,— сказал Джилберт,— но кого это волнует? Включи подсветку. Нет, нет! Не трогай ни выключателей, ни контактов! Просто медленно пожелай, чтобы подсветка зажглась. Сосредоточься на этом желании!

Внезапно на коробочке замигали огоньки. Их свет отразился в украшавшей потолок хрустальной люстре, и два пятна зажглись во тьме. Джилберт удовлетворенно засмеялся, видя изумление Байрона.

— Это лишь один из трюков моего визисонора. Им можно управлять с помощью мыслей. По такому же принципу действуют персональные капсулы. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, не понимаю, если вам хочется услышать от меня правду.

— Тогда смотри. Электрическое поле, создаваемое твоим мозгом, индуцируется в приборе. С точки зрения математики это очень просто, но я не знаю никого, кому бы удалось поместить подобный прибор в крошечную коробочку. Для этого обычно выстраивают пятиэтажное здание размером в приличный завод. Да и принцип работы здесь другой. Я сумел замкнуть цепь непосредственно на коре головного мозга, минуя подключение глаз и ушей. Смотри!

Сперва смотреть было не на что. Потом на глазах Байрона что-то замелькало. Это «что-то» превратилось в сияющий темно-фиолетовый шар, мелькающий в воздухе. Шар преследовал Байрона при каждом движении, движениям шара сопутствовал ясный музыкальный аккомпанемент, который сам являлся частью движения.

Все это усиливалось, и Байрону стало казаться, что удивительный эффект существует внутри него самого. Ведь цвет не был в полном смысле слова цветом. Он скорее был цветным звуком, не производящим шу-

ма. Его можно было потрогать, не прикасаясь к нему.

Потоки цвета лизали его руки и ноги, не причиняя боли... Байрон испугался: он уже не видел своих рук и не чувствовал их. Он беззвучно вскрикнул — и все исчезло. Перед ним стоял Джилберт и смеялся. Комната была освещена.

— Что произошло?— растерянно спросил юноша.

— Не знаю. Я ничего не ощущал. Разве ты не понял? Твои видения продукт твоего собственного мозга. И я не знаю, как можно объяснить подобный феномен. Все время, пока ты концентрируешься на ощущениях, твой мозг преломляет их в привычные, знакомые формы. Это всего лишь попытка соединить одновременно свет, звук и прикосновение. Кстати, а как насчет запаха? Иногда мне кажется, что пахнет какой-то дрянью. Думаю, что опыты на собаках позволили бы вызвать к жизни и самые разнообразные запахи. Мне очень хочется испробовать все это на животных. Я люблю смотреть, какое впечатление производит мое изобретение на других.

В задумчивости он провел рукой по кнопкам на коробочке.

— Изредка я думал, что если изучить возможности этой штуки до конца, то можно создавать на ней симфонии нового типа; можно делать то, чего не сделаешь просто со звуком или просто со светом. Но боюсь, я неспособен сделать это.

Байрон раздраженно прервал его:

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Сколько угодно.

— Почему ты не хочешь использовать свои научные дарования в целях всеобщего блага. А вместо этого...

— Играю в детские игры? Не знаю. Может быть, мои увлечения не так уж бесполезны. Но то, что они противозаконны, это факт.

— Противозаконны? Что именно?

— Визисонор. Приборы для слежки за шпионами — тоже. Если бы Тиранийцы узнали о них, это явилось бы для меня смертным приговором.

— Ты, наверное, шутишь?

— Вовсе нет. Видно, что ты вырос в провинции.

Молодежь не может помнить того, что было давным-давно.— Внезапно он скосил глаза в сторону Байрона.— Ты против Тиранийских правил? Говори смело! Ведь я открылся тебе, и рассказал Артемиде о твоем отце.

— Да, против,— тихо сказал Байрон.

— Почему?

— Они — пришельцы, завоеватели! По какому праву они командуют на Нефелосе и Родии?!

— Ты всегда так думал?

Байрон не ответил.

Джилберт вздохнул:

— Другими словами, ты решил, что они — пришельцы и завоеватели, но только после того, как они казнили твоего отца, причем согласно закону. Нет-нет, лучше не вспыхивай, а рассуди сам! Поверь мне, я на твоей стороне... Но смотри! Твой отец был Господином. Какие права были у его скотников? Ведь в случае если двое из них поспорили вплоть до драки, он мог посадить в тюрьму обоих. Кем был твой отец для своих подданных? *Он* был их *Тираном*! В своих,— да и моих — глазах твой отец был патриотом. Но что из того? Для Тиранов он был всего лишь заговорщиком, и они убили его. Надеюсь, ты не против самозащиты? В свое время Хенриады пролили немало крови. Читай историю, мой юный друг! Любое правительство убивает своих подданных, и это в порядке вещей. Поэтому для своей ненависти к Тирании избери повод получше. Как только это произойдет, ты станешь свободен.

Байрон сжал кулаки.

— Твоя философия чрезвычайно интересна. Но мне сложно ее понять. Интересно, что бы ты сказал, если бы казнили твоего отца?

— А ты что, ничего не знаешь? Мой отец был Правителем перед Хенриком, и его убили. Только не физически, а морально. Они убили его волю, его дух, и то же самое сделали сейчас с Хенриком. Им не хотелось, чтобы после смерти отца Правителем стал я; я был для них слишком непредсказуемым. С Хенриком дело обстоит проще. Но все же недостаточно просто. Они убивали его постепенно, превращая в послушную марионетку. Ведь ты видел его! Он изо дня в

день становится все хуже. Его постоянное состояние — маниакально-депрессивный психоз. Но не поэтому я хочу разрушить Тиранийскую систему! Отнюдь!..

— Что?— спросил Байрон.— У тебя есть другие причины?

— Да, и довольно обоснованные. Тиранийцы нарушили права более чем двадцати биллионов людей, что составляет большую часть человеческой расы. Ты учился в школе. Там ты изучал экономический цикл. Как только происходит освоение новой планеты, она сразу же сталкивается с проблемой, как накормить себя. Она становится сельскохозяйственной державой, миром скотоводства. По мере развития, когда производится достаточно много продукции, излишки экспортируются и взамен приобретаются оборудование и станки. Это уже второй шаг. Потом, с ростом населения и иностранных инвестиций, начинает строиться промышленная, индустриальная цивилизация, что является третьим шагом. Происходит автоматизация всех процессов, ввоз продуктов питания, вывоз продуктов машиностроения, участие в развитии других более примитивных миров, и так далее. Это четвертый шаг. Развитые миры всегда быстро становятся густо заселенными; они укрепляют свою военную мощь, поскольку война — это поле деятельности машин, и они всегда окружают себя сельскохозяйственными мирами. Что же произошло с нами? Мы находились на третьей ступени; у нас развивалась промышленность. А сейчас? Этот рост полностью остановлен; более того — повернут вспять. Происходит это потому, что Тирания жестко контролирует наше развитие. Чем меньше они позволяют нам действовать, тем беспомощнее мы становимся. Кроме того, если уж мы достаточно развиты в промышленном отношении, мы можем развивать и военную промышленность. Поэтому индустриализация приостановлена; исследовательская работа заморожена. И, поскольку люди быстро привыкают к реальности, они уже даже не пытаются что-либо изобретать! Поэтому ты и удивился, когда я показывал тебе действие визисонора. Конечно, когда-нибудь мы одолеем Тиранию. Это неизбежно. Они не могут править

вечно, и становятся вялыми и ленивыми. Со временем они утратят многие традиции, их съест коррупция. Но понадобятся столетия, потому что история не терпит спешки. А когда эти столетия пройдут, мы все еще будем сельскохозяйственной державой, не имеющей промышленных или научных достижений, в то время как наши соседи, избежавшие контроля Тирании, будут сильными и урбанизированными. Поэтому Королевства по сути навсегда останутся колониями. Они никогда не смогут выкарабкаться, и все мы будем только зрителями в великом театре человеческих свершений.

— Кое-что из того, что ты говорил, мне известно,— сказал Байрон.

— Это естественно, если учесть, что ты получил образование не здесь, а на Земле. Земля необыкновенно развита в социальном отношении.

— Разве?

— Конечно! Вся Галактика пребывает в постоянном состоянии экспансии со времен первых известных нам межзвездных путешествий. Мы уже были развивающимся, и весьма незрелым обществом. Очевидно, что человечество достигает зрелости только в одном месте и только однажды, и это случилось на Земле непосредственно перед ее катастрофой. Нселение Земли находилось в безопасности от географической экспансии и поэтому столкнулось с такими проблемами, как перенаселенность, истощение ресурсов и так далее; эти проблемы никогда не стояли перед другими планетами Галактики. Они форсировали изучение общественных наук. Мы упустили в этом плане многое, и нам есть о чем жалеть, потому что эти науки — прелестная штука. Хенрик в молодости был великим примитивистом. Он имел целую коллекцию земных предметов, аналогов которым не находилось нигде в Галактике. С тех пор как он стал Правителем, это увлечение отошло, как и многие другие. В некотором смысле я унаследовал его. Земная литература неподражаема. Она чрезвычайно интроспективна, чего нет в нашей экстравертной галактической цивилизации. Это *восхищает* меня больше всего.

— Ты утешил меня,— улыбнулся Байрон.— Ты так долго был серьезным, что я начал бояться, не утратил ли ты своего чувства юмора.

Джилберт пожал плечами:

— Я расслабляюсь, и это прекрасно. Кажется, это происходит со мной впервые за много месяцев. Знаешь ли ты, что такое — все время играть роль? Скрывать свою личностную сущность двадцать четыре часа в сутки? Даже с друзьями? Даже наедине с самим собой не забывать о необходимости притворяться? Выглядеть безобидным чудаком? А ведь жизнь можно спасти только если живешь так, как живу я. Но я все равно могу бороться с ними.

Он поднял глаза, и его голос торжествующе зазвучал в маленькой лаборатории.

— Ты умеешь управлять космическим кораблем. Я этого не умею. Разве это не странно? Ты рассуждаешь о моих научных способностях, а я не умею управлять простейшим космическим одноместным кораблем. Но ты умеешь это делать, и из этого вытекает, что ты должен покинуть Родию.

Вывод был совершенно безошибочным, но Байрон не подал вида. Он холодно спросил:

— Почему?

— Как я уже говорил, мы с Артемидой беседовали о тебе и предусмотрели такую возможность. Когда выйдешь отсюда, иди прямо в ее комнату. Она ждет тебя. Я начертил план, так что тебе не придется расспрашивать, как пройти через переходы.— Он пододвинул к Байрону маленькую металлическую пластинку.— Если тебя кто-нибудь остановит, скажи, что тебя вызывают к Правителю, и проходи дальше. Не переживай, что твои слова могут показаться кому-то неубедительными...

— Постой!— Байрон не хотел влипать в детективную историю еще раз. Хватит с него Джоунти, уговорившего сесть в космический корабль, и Представителя Тирании, отгадавшего все его тайны раньше, чем он успел их рассказать. Ему надоело быть игрушкой в чужих руках. Довольно! Они могли ограничить его в действиях, но не в желаниях. Он слишком упрям для них.

— Я здесь по очень важному для меня делу, сэр. И не собираюсь покидать Родию.

— Не будь молодым идиотом!— в голосе Джилберта прозвучали гневные нотки.— Кого ты хочешь провести? Думаешь, ты сможешь покинуть Дворец, если дождешься восхода солнца? Тиранийцы свяжутся с Хенриком, и он заточит тебя в тюрьму. Он только и делает, что ждет их приказа, потому что самая страшная работа для него — это решать самому, как поступить. Он — мой кузен, и я хорошо знаю его, поверь...

— А если даже и так, что тебе до этого? Почему ты так заботишься обо мне?— Байрон отбросил всякую вежливость. Он не будет больше марионеткой в чужих руках!

Джилберт, вставая с места, произнес:

— Я хочу, чтобы ты взял меня с собой. Я забочусь исключительно о самом себе. Я больше не могу жить под игом Тирании. Если бы Артемида или я умели управлять космическим кораблем, мы бы уже давно сбежали отсюда. У нас нет еще одной жизни в запасе, и мы не собираемся доживать свой век на Родии!

Байрон несколько поколебался в своей уверенности:

— Дочь Правителя! А она тут причем?

— Уверен, что она наиболее отчаянная из всех нас. Для женщин существует особая смерть. Кто может сделать так, что дочь Правителя — молодая, независимая и незамужняя — станет молодой, зависимой и замужней? Кто этот счастливчик? Это старый, мерзкий Тиранийский придворный, который уже угробил трех жен и желает погасить огонь юности в груди еще одной милой девушки.

— Правитель не допустит этого!

— Правитель допустит все, что угодно, лишь бы не лишиться своего звания.

Байрон вспомнил Артемиду, их последнюю встречу. Прекрасные густые волосы, нежная чистая кожа, черные глаза, алые губы! Высокая, веселая, юная! Эти слова подошли бы к миллионам девушек в Галактике. Но ожидавшая ее участь... Ужасно!

— А здесь есть исправный космический корабль?

Лицо Джилберта озарила улыбка. Но, еще до того, как он успел что-либо сказать, послышался стук

в дверь. Он повторился, и Джилберт сказал:

— Лучше открой дверь.

Байрон выполнил просьбу. В комнату вошли два охранника. Один из них отдал честь Джилберту и повернулся к Байрону.

— Байрон Фаррилл, от имени Представителя Тирании и Правителя Родии я арестую тебя.

— По какому обвинению?

— По обвинению в измене.

Джилберт смотрел в сторону. Выражение его лица изменилось:

— На этот раз Хенрик поспешил; он действовал быстрее, чем я ожидал. Восхитительная мысль!

Он вновь играл свою роль, старина Джилберт.

— Следуй за мной,— сказал охранник, а другой подтолкнул Байрона в спину нейронным хлыстом.

ВОСЕМЬ
ЖЕНСКИЕ ЮБКИ

В горле у Байрона пересохло. Если бы он попытался вступить в драку, вооруженные охранники легко одолели бы его. Он знал это, и не стал испытывать судьбу. Не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться.

Но Джилберт сказал:

— Позвольте ему прихватить с собой пальто, господа.

Байрон бросил удивленный взгляд на маленького человечка. Ведь у него не было пальто!

Охранник сделал жест, который можно было истолковать как разрешение, и направил на Байрона хлыст:

— Ты слышал, что сказал милорд? Быстро бери пальто, и идем!

Байрон медленно, как только мог, отступил назад. Он подошел к книжной полке и стал шарить рукой по стулу в поисках несуществующего пальто. Он ждал какого-нибудь сигнала от Джилберта.

Охранникам невиден был визисонор. Поэтому они также не заметили, как Джилберт нажал одну

из кнопок. Байрон мысленно умолял аппарат включиться. Когда же он наконец заработает?

Охранник насмешливо спросил:

— Твое пальто что, валяется за стулом? Встать!— Он сделал шаг вперед и остановился. Его глаза округлились, и он скосил их куда-то влево.

Началось! Байрон рывком дернул за рукоять нейронного хлыста в руке охранника, и страж, как тюфяк, повалился на пол, выпустив оружие. Второй охранник был все еще вооружен, но сейчас это не имело значения. Свободной рукой он размахивал перед своими глазами, как-бы отгоняя что-то.

Джилберт рассмеялся:

— Тебя что-то беспокоит, Фаррилл?

— Ничего, кроме хлыста в моей руке.

— Отлично! Тогда пошли. Они не смогут остановить тебя. Сейчас их мозг переполнен несуществующими звуками и образами.

Тело одного из охранников сотрясалось в конвульсиях; казалось, наступает агония.

— Осторожней,— предупредил Джилберт.

Второй охранник, сделав внезапный выпад, свалил юношу на пол. Это была атака вслепую. Вряд ли он видел Байрона в этот момент. Его пустые глаза не выражали никаких эмоций. Он хрипло дышал Байрону прямо в ухо; юноша брыкался, пытаясь высвободиться, но у него ничего не получалось. Воспользоваться вновь обретенным оружием он тоже не мог. Внезапно охранник издал какое-то мычание, сквозь которое едва прослушивались слова:

— Я уничтожу вас всех!

Воздух наполнился запахом озона, издаваемым лучом хлыста. Луч коснулся ноги Байрона. Юноше показалось, что он вступил в кипяток. Или что на ногу упала гранитная плита. Или ногу отрезало пилой. На самом деле с ногой физически ничего не произошло. Хлыст подействовал на нервные окончания, и они спровоцировали болевой эффект небывалой силы. Ничего другого луч не мог сделать.

Боль сковала все мышцы Байрона. Он даже не заметил, что схватка закончилась. Когда он смог открыть переполненные слезами глаза, то увидел, что

охранник, прислонившись спиной к стене, хихикает, бормоча что-то себе под нос. Первый охранник все еще лежал на спине, но сейчас его руки и ноги были вытянуты. Он молчал, но находился в сознании. Глазами он следил в воздухе за чем-то воображаемым и его тело слегка вздрагивало. Из уголка рта стекала струйка слюны.

Байрон усилием воли заставил себя подняться. Он с трудом дополз до стены, опираясь на рукоять хлыста. Прислонившись спиной, он направил луч на одного охранника, затем на другого. Они не оказали никакого сопротивления. Байрон оглянулся на Джилберта. Тот выключил свой визисонор и потирал рукой щеку.

— Спасибо,— прошептал юноша.

— Не теряй времени! Беги к Артемиде! Скорее!..

Байрон понял, что тот прав. Его нога нестерпимо болела, но промедление грозило гибелью. Он поправил носок, перевязал шнурки на ботинках. Один хлыст у него уже был, но он вспомнил про второй и прихватил его тоже.

Подойдя к двери, он остановился и задал Джилберту мучавший его вопрос:

— Что ты дал им увидеть?

— Не знаю. Я не могу это контролировать. Я только вложил в прибор все свои силы, а остальное добавили их внутренние комплексы. Не теряй времени на болтовню! Ты не потерял схему, как добраться до комнаты Артемиды?

Байрон отрицательно покачал головой и выскочил в коридор. Там было пусто. Он не мог передвигаться быстро, поэтому попытался изобразить, что просто вышел прогуляться.

Глянув на часы, он вспомнил, что не выставил их по местному родийскому времени. Они все еще показывали время, которым пользовались на борту космического корабля. При таком отсчете сто минут составляли час, а тысяча — день. Сейчас на них высвечивалось 876, и это ничего не значило на Родии.

Стены всегда имеют глаза и уши, и Байрон почувствовал это почти сразу же, как только вышел в коридор. Поэтому он торопливо сверился со схемой

Джилберта и повернул вправо. Остановившись у двери в конце коридора, он коснулся рукой фотоэлемента. Дверь распахнулась.

— Входите, молодой человек.

Это была Артемида. Байрон скользнул в комнату, и дверь закрылась. Он, ничего не говоря, смотрел на девушку. Странно, подумал Байрон, но наибольшее значение для меня имеет сейчас то, что на мне несвежая и подранная у плеча рубашка, а на лице, должно быть, видна свежая ссадина.

Кроме того, ему захотелось немедленно вычистить ботинки.

Она подвела его к креслу, усадила и взволнованно спросила:

— Что случилось? Что с твоей ногой?

— Поранился,— коротко ответил он.— Ты готова бежать?

Она просияла.

— Значит ты берешь нас с собой?

Но Байрон еще и сам не знал, как ему поступить. Его нога ужасно саднила, и он украдкой потирал голень рукой.

— Как добраться до корабля?— спросил он.— Я намерен как можно скорее покинуть эту чертову планету. Если хочешь следовать за мной, могу прихватить тебя за компанию.

Она вспыхнула:

— Ты мог бы быть и повежливее. Ты с кем-то дрался?

— Да. С охраной твоего отца, намеревавшейся арестовать меня. Они забыли о моих священных правах.

— О! Извини.

— И ты извини меня. Ничего нет странного в том, что Тиранийцы более пятидесяти лет помыкают нами. Ведь мы сами охотно помогаем им в этом. Люди, подобные твоему отцу, пойдут на все, лишь бы удержаться у власти; они даже готовы забыть кодекс чести джентльмена! Впрочем какая разница?

— Я уже попросила прощения, Господин.— Она надменно произнесла этот титул.— Но, пожалуйста, не считай, что ты вправе осуждать моего отца. Ты слишком мало о нем знаешь.

— Я не хочу обсуждать это. Нам нужно спешить, пока не подоспела стража. Ладно, я не хотел оскорбить твои чувства. Все в порядке.— Байрон не вполне владел собой, но, черт возьми, его не каждый день секли нейронным хлыстом, и ему это решительно не понравилось. И потом, они покушались на его свободу! Разве этого мало?

Артемида разозлилась. Не на отца, конечно, а на этого глупого молодого человека. Что он возомнил о себе? Он слишком молод, почти ребенок, вряд ли старше ее, как ей показалось; и вообще...

Раздался звук коммуникатора, и она торопливо сказала:

— Пожалуйста, подождите минутку, и мы пойдем.

Это был голос Джилберта. В нем звучал страх.

— Арта! В твоем крыле все в порядке?

— Он здесь,— ответила Артемида.

— Отлично! Ничего не говори, только слушай. Не выходите из комнаты. Его ищут по всему Дворцу, и он может попасться им в лапы. Я попытаюсь что-нибудь придумать, но, ради Бога, не двигайтесь с места!

Он не стал ждать ответа и прервал связь.

— Значит, так,— сказал Байрон, который все слышал.— Что прикажешь делать — оставаться и, возможно, навлечь на тебя беду, или испытать судьбу и попытаться выбраться отсюда?

— Ох, да замолчи же, идиот!

Они замерли, глядя в лицо друг другу. Гнев застилал Байрону глаза. Черт побери, он пытается ей помочь, а она позволяет себе так с ним разговаривать!

Она не выдержала первая, и отведя глаза в сторону, прошептала:

— Извини.

— Все в порядке,— холодно ответил он.— Ты только высказала свое мнение.

— Ты не должен был так говорить о моем отце. Ты ведь не знаешь, что такое — быть Правителем. Он служит на благо людей, что бы ты о нем не думал!

— Ну, конечно же! Он хочет выдать меня Тирайницам именно на благо людей. Весь смысл именно в этом.

— В некотором роде это так. Он должен подтвер-

дить им свою лояльность. Иначе они могут сместить его и упразднить эту форму правления на Родии. Что же лучше?

— Если дворянин забывает о чести...

— Не думай только о себе. В этом твоя ошибка.

— Мне не кажется, что я неправ, когда не хочу умирать. И я предпочитаю сопротивляться прежде чем умру. Мой отец боролся!— Он понимал, что ситуация становится мелодраматичной, но эта девчонка словно провоцировала его.

— И чем это помогло твоему отцу?— с издевкой спросила она.

— Ничем. Он был убит.

Артемиде стало стыдно.

— Мне очень жаль,— и добавила как бы оборонясь,— у меня ведь тоже есть проблемы, как ты знаешь.

Байрон опомнился.

— Я знаю. Ладно, ну его все ко всем чертям!

Ноге его стало несколько легче, и Байрон слабо улыбнулся.

Артемида попыталась изменить тему:

— Знаешь, а *на самом деле* ты не урод!

Байрон глупо улыбнулся:

— Ну, если...

Внезапно Артемида рукой зажала ему рот. Они замерли, глядя в сторону двери.

Снаружи, в коридоре, раздался топот множества ног. Затем топот прекратился, и в дверь позвонили.

Джилберт работал быстро. Сперва он спрятал свой визисонор. Затем вызвал капитана охраны. Он продемонстрировал ему двух лежащих охранников и поведал о том, что арестованный сбежал.

Капитана это огорошило. Попытавшись привести своих подчиненных в чувство, он обратился к Джилберту:

— Мой господин, я не совсем понял из твоих слов, что же произошло.

— То, что ты видишь,— ответил Джилберт.— Они пришли арестовать его, а он не подчинился. И теперь он убежал, а я не знаю — куда.

— Одна деталь, мой господин,— настаивал ка-

питан.— Дворец хорошо охраняется, и я уверен, что он не сможет выскользнуть из него. Но как ему удалось справиться с охранниками?! Ведь мои люди были вооружены! Он же был безоружен.

— Он сражался, как тигр. Из моего укрытия, из-за вон того стула...

— Мне очень жаль, мой господин, что все это произошло у тебя на глазах... Но почему ты не попытался помочь им?

— Прелестная мысль, капитан! Если твои вооруженные до зубов головорезы нуждаются в помощи такого старика, как я, то, кажется, пришло время заменить тебя кем-нибудь другим.

— Отлично! Мы обыщем весь Дворец, найдем его и посмотрим, сможет ли он повторить проделанное.

— Хотелось бы сопровождать вас, капитан.

Капитан удивленно приподнял брови:

— Я бы не советовал моему господину этого делать. Это опасно.

Хенриадов не стоило бы предупреждать от этом. Но Джилберт лишь улыбнулся:

— Я знаю, но иногда даже опасность бывает восхитительна.

Солдаты приступили к поискам через пять минут. Джилберту хватило этого времени, чтобы позвонить Артемиде.

Услышав сигнал, Байрон и Артемида похолодели. Он повторился, потом в двери постучали, и они услышали голос Джилберта:

— Давайте, я попробую, капитан,— и громко, настойчиво:

— Артемида!

Байрон сделал шаг вперед, но девушка жестом приказала ему молчать. Она отозвалась:

— Минутку, дядя Джил,— и нажала кнопку, утопленную в стене.

Байрон в растерянности следил за ее действиями. Одними губами девушка прошептала:

— Сюда!— и ее руки стали быстро расстегивать застежки на платье. Байрон не мог отвести глаз от нее. Застежки, наконец, расстегнулись, и платье

скользнуло к ногам Артемиды. Она схватила другое платье, подтолкнула его рукой в гардеробную, сама выскочила оттуда и закрыла за собой дверь.

Байрон оказался в кромешной темноте. Ни одного лучика не пробивалось из-под дверного проема. В воздухе пахло духами. Он нащупал рукой стопку юбок и спрятался за ними. С помощью Джилберта он одолел двух стражников, но здесь ему оставалось только лишь прятаться под юбками. Под женскими юбками.

Ему захотелось стать сейчас невидимым и оказаться в комнате рядом с этой девчонкой. Отчаянная дама, и, что самое приятное, совершенно не похожа на своего отца.

Сейчас ему оставалось только ждать, спрятавшись за стеной; ждать звука шагов в комнате, ждать включения двери, ждать встречи с врагами. Да, теперь визисонор бессилен помочь ему!

Он ждал, сжимая по нейронному хлысту в каждой руке.

ДЕВЯТЬ
И МУЖСКИЕ БРЮКИ

— В чем дело?— удивление Артемиды было почти непритворным. Она обращалась к Джилберту, стоящему в дверях рядом с капитаном охраны. Позади них маячили полуодетые люди. Она быстро спросила:

— Что-нибудь случилось с отцом?

— Нет-нет,— успокоил ее Джилберт,— не произошло ничего из-за чего стоило бы беспокоиться. Ты спала?

— Конечно! И вся моя прислуга тоже давно спит. Вы напугали меня до полусмерти!

Внезапно она повернулась к капитану, и в ее голосе зазвучал гнев:

— Что от меня хотят, капитан? Пожалуйста, выясните ваши проблемы поскорее! Сейчас не время для подобных вторжений.

Джилберт не дал никому раскрыть рта:

— Произошла восхитительная вещь, Артемида! Молодой человек — как там его зовут?.. Ну, ты меня

поняла — сбежал, снеся две головы на своем пути. Сейчас мы как раз охотимся на него. И я, как верный пес, помогаю капитану в этом нелегком деле.

Артемида усилием воли заставила себя сдержать улыбку.

Губы капитана задрожали, и он прервал речь Джилберта:

— Позвольте заметить, мой господин, что насмешки сейчас неуместны. Госпожа, человек, именующий себя сыном экс-Господина Вайдемоса, был арестован за измену. Он сумел скрыться из-под стражи. Сейчас мы обыскиваем Дворец. Комната за комнатой...

Артемида, отступив назад, возмущенно спросила:

— Включая и мою комнату?!

— Если Госпожа не возражает...

— Госпожа возражает. Если бы в моей комнате находился посторонний мужчина, я бы знала об этом. А подозрения, что я могла укрывать у себя подобного человека, в высшей степени бестактны. Взгляните на это с моей стороны, капитан!

Это отлично сработало. Капитан только смог выдавить из себя:

— У нас нет ни малейших подозрений в отношении вас, моя Госпожа. Приношу свои извинения за беспокойство в столь поздний час. Но это необходимо в целях вашей же безопасности. Он очень опасен.

— Надеюсь, не настолько опасен, чтобы улизнуть от вас, капитан.

В разговор вновь вмешался Джилберт.

— Капитан, хочу предложить выставить охрану у двери госпожи Артемиды, чтобы ничто не могло потревожить ее сон. И тогда, моя дорогая,— он поцеловал кончики пальцев племянницы,— вы простите нас.

— Будет достаточно,— холодно возразила Артемида,— просто запереть и заблокировать мою дверь.

— Ты не права, Артемида. Ты недооцениваешь наших доблестных стражей. У них отличная форма. Она понравится тебе, когда один из солдат останется здесь, у двери.

— Мой господин,— нетерпеливо перебил капитан,— у нас мало времени. Сейчас неуместно шутить.

В ответ на его жест один из солдат козырнул Ар-

темиде и занял порученный ему пост в коридоре. Вскоре в обоих направлениях по коридору зазвучали удаляющиеся шаги.

Артемида выждала немного, потом приоткрыла дверь на пару дюймов. Страж был здесь. Он стоял, слегка расставив ноги, откинувшись назад, с оружием в правой руке, держа левую руку на спусковой кнопке. Он был высоким и сильным. Высоким, как Байрон с Вайдемоса, но менее широким в плечах.

Ее приятно удивило вдруг, что Байрон,— молодой и неразумный в своих взглядах на вещи,— был более мускулистым и сильным. С ее стороны глупо сердить Байрона; вдобавок на него очень приятно смотреть.

Она прикрыла дверь и потихоньку направилась в гардеробную.

Байрон услышал шум отворяемой двери. Он затаил дыхание, а его пальцы крепче стиснули оружие.

Артемида уставилась на хлысты:

— *Осторожней!*

Он шумно выдохнул и спрятал хлысты в карманы. Это было не самое удобное место, но ничего лучшего он придумать не смог.

— Это на случай, если кто-нибудь обнаружит меня,— сказал он.

— Выходи. И говори шепотом.

Она была в ночной рубашке, сквозь которую мерцала, просвечиваясь, ее прекрасная кожа. Ничего более привлекательного и совершенного, чем фигура Артемиды, Байрону видеть не приходилось. Он чувствовал, что непроизвольно краснеет.

Выждав минуту, Артемида нетерпеливо спросила:

— О чем ты думаешь?

Байрон растерянно посмотрел на нее:

— Что? Ой, прости...

Он повернулся к ней спиной и стал внимательно изучать маленькую трещинку в стене. Ему не приходило в голову задуматься, почему она не переоделась перед тем, как вошла к нему. Подобные глубины женской психологии, требовавшие глубокого анализа, были ему неведомы.

Когда он повернулся, она уже облачилась в чер-

ный костюм — «двойку», юбка которого не прикрывала колени. Это произвело на Байрона еще более сильное впечатление, чем ее ночной наряд. Он автоматически спросил:

— Так мы идем?

Она покачала головой.

— Сперва ты должен кое-что сделать. Тебе необходимо переодеться. Стань за дверью, а я позову охранника.

— Какого охранника?

Она загадочно улыбнулась:

— Они оставили за дверью охранника. Это была идея дяди Джила.

Дверь тихонько отворилась. Охранник был все еще на месте.

— Эй, солдат!— прошептала она.— Входи, быстро!

У солдата не было никаких причин не выполнить распоряжение дочери Правителя, поэтому со словами:— К вашим услугам, моя го...— он вошел в комнату, и тут, подавившись последним словом, упал от неожиданного удара.

Артемида быстро захлопнула дверь и со страхом, смешанным с состраданием, смотрела на упавшего охранника. Она никогда раньше не видела залитого кровью лица, и в ужасе отвернулась.

Через мгновение охранник бессильно повис на руках Байрона, и тот бесшумно опустил стража на пол.

— Он умер?— испуганно прошептала Артемида.

— Думаю, что нет. Но некоторое время он не сможет прийти в сознание. У тебя найдется, чем связать его?

Она лишь беспомощно покачала головой.

Байрон подсказал ей:

— У тебя должны быть чулки. Они бы подошли.— Он уже обезоружил охранника и снял с него одежду.— И потом, мне бы хотелось умыться. Я обязательно должен это сделать.

Обстановка ванной комнаты Артемиды умиротворяюще подействовала на Фаррилла. В воздухе витал запах хорошего мыла и духов. Он вымылся под душем и высушился «воздушным полотенцем». У него не было ничего подобного ни на Вайдемосе, ни на Земле.

Форма охранника оказалась слегка маловата, и потом Байрону не нравилась форменная фуражка. Он критически рассматривал свое отражение в зеркале.

— Как я выгляжу?

— Как солдат,— ответила Артемида.

— Тебе придется взять один из этих хлыстов. Я не могу нести три.

Она двумя пальчиками взяла хлыст и сунула его в сумку, которая, как намагниченная, висела у нее сбоку, оставляя свободными руки.

— Сейчас нам лучше идти. Не говори ни слова, если мы встретим кого-нибудь, и предоставь все разговоры мне. Твой акцент легко выдаст тебя. Помни! Ты — простой солдат.

Охранник на полу слегка пошевеливался и приоткрыл глаза. Он был крепко связан.

Переступив через него, Артемида позвала Байрона.

— Сюда!

Внезапно за спиной юноши что-то прошелестело и легкая рука коснулась его плеча. Он резко обернулся, свободной рукой выхватил из кармана оружие.

Но это был Джилберт, который сказал:

— Эй, полегче!

Байрон опустил хлыст.

— Я ждал вас, но это не значит, что ты можешь переломать мне все кости. Дай лучше рассмотреть тебя, Фаррилл. Форма сидит на тебе как влитая; и в ней ты — просто солдат, как и любой другой солдат в форме.

— Дядя Джил,— прошептала Артемида,— не говори так много! Где остальные охранники?

— Обшаривают башню. Они решили, что раз нашего друга нет на низших уровнях, следует искать его на самом верху. Система оповещения отключена, и мы беспрепятственно сможем миновать ее.

— Они не хватятся вас, сэр?— спросил Байрон.

— Меня? Ха! Капитан просто мечтал о моменте, когда я лишу его своего общества. Я уверен, они не станут искать меня.

Они говорили шепотом, но вдруг резко умолкли. Вдали показались три охранника. Они вышли из-за

двери, ведущей наружу.

Джилберт окликнул их:

— Известно что-нибудь о беглеце?

— Нет, мой господин,— сказал один из них, отдавая честь.

— Ладно, держите глаза открытыми и не прозевайте его,— и наши друзья прошествовали прямиком в дверь, откуда только что вышли солдаты.

Снаружи царила ночь. Небо было чистым и звездным. Вдалеке вспыхивали огоньки. Дворец нависал над людьми черной массой, а в полумиле отсюда виднелось Дворцовое поле.

Они не прошли и пяти минут, как вдруг Джилберт остановился.

— Что-то здесь не так,— бросил он.

— Дядя Джил,— спросила Артемида,— ты не забыл подготовить корабль?

— Конечно, нет,— он гневно взглянул на нее.— Но почему летная башня вся светится? Она должна быть темной.

Он указал в сторону деревьев, за которыми белым светом сияла башня, которая использовалась для взлетов и посадок всех космических кораблей.

— Сегодня ночью ничего такого не ожидалось,— пробормотал Джилберт.— Это странно...

Они увидели ответ на свой вопрос почти сразу же. Джилберт остановился и резким движением руки задержал своих спутников.

— Все пропало,— истерически хихикнул он.— Вот оно и пришло — то, чего так боялся идиот Хенрик! Они здесь! Тиранийцы! Понятно? Это вооруженный корабль Аратапа.

Байрон тоже увидел корабль, явственно выделяющийся на фоне неосвещенных судов. Он был легче, изящнее и тоньше, чем корабли Родии.

Джилберт сказал:

— Капитан *говорил*, что «персоны» прибудут сегодня, но я не обратил на это внимания. Теперь мы ничего не сможем сделать. Нам не одолеть Тиранийцев.

Внезапно Байрона охватило раздражение:

— Это почему же? Почему мы не одолеем их?! Они не ждут нас, а мы к тому же хорошо вооружены.

Так давайте захватим собственный корабль Представителя Тиранийцев, а его самого оставим со спущенными штанами.

Он двинулся вперед, прячась в тени деревьев. Остальные последовали за ним. Им не было необходимости прятаться, и они скоро это поняли. Выпрямившись, все трое двинулись в направлении башни; два члена королевской династии и эскортирующий их солдат.

Им предстояло сражение с Тиранийцами.

Саймок Аратап был потрясен, когда год назад увидел Главный Дворец на Родии. Сейчас, конечно, от былого восхищения остались лишь воспоминания; и все казалось слишком древним. Двумя поколениями ранее на эти земли высадились первые поселенцы, и теперь здесь располагалось большинство родийских административных зданий. В самом сердце планеты был построен Центральный Дворец.

Раз в году в нем собирались члены Исполнительного Совета (Хан не возражал против существования таких скромных форм демократии) и утверждали все серьезные решения за последние двенадцать месяцев. Собственно говоря, Совет был постоянно действующим органом, но так уж сложилось, что большинство его членов одиннадцать месяцев в году забывали о своих обязанностях. А те, кто заседал в Совете постоянно, хорошо осознавали свою зависимость от Правителя; и в еще большей степени — от Тиранийцев.

Поэтому все величие дворца на поверку оказывалось чисто внешним. Там проживала семья Правителя, большой штат прислуги и незначительное количество охраны.

Аратапу было несколько неуютно. Уже поздно, он чертовски устал, его глаза болели, потому что он долго не снимал контактные линзы, и, кроме того, он был сбит с толку.

Вполуха прислушиваясь к разговору Правителя с майором охраны, он отстраненно поинтересовался:

— Сын Вайдемоса? Любопытно! Итак, вы арестовали его? Очень верное решение.

Вайдемос был предателем, а его сын попытался

встретиться с Правителем Родии. Сперва он хотел сделать это тайно, но, когда его планы провалились, он рискнул открыться. Должно же это иметь какой-нибудь смысл?!

Но почему Хенрик мечтает немедленно избавиться от мальчишки?! Или Аратап еще не проанализировал всех фактов?

Он попытался вновь сосредоточиться на том, что говорит Правитель. Хенрик начал повторяться. Нет, он все-таки крайне несимпатичен, даже если принять во внимание его преданность Тирании. Его лояльностью движет только страх. Страх, и ничего более.

Вот Вайдемос — тот не боялся, и бунтовал против Тиранийских законов. А Хенрик боится, и в этом их разница.

Вслух же Аратап сказал:

— Прекрасно. Я доволен вашей службой и доложу обо всем Хану. Он будет рад услышать это.

Хенрик просиял от удовольствия.

— Доставьте же вашего петушка сюда, и мы послушаем, что он запоет.— Слова сопровождались громким зевком. Ему было совершенно неинтересно, что может спеть «петушок».

Хенрик собрался вызвать по телефону капитана охраны, но в этом не было необходимости, потому что капитан сам возник перед ним. Стоя в дверном проеме, он воскликнул:

— Ваше Превосходительство, заключенный скрылся!

В душе Аратапа шевельнулся страх.

— Подробнее, капитан!— приказал он, выпрямившись на стуле.

Глотая слова, капитан объяснил, как все произошло. Закончил он словами:

— Прошу разрешить мне, Ваше Превосходительство, объявить общую тревогу. Он может улизнуть в любую минуту.

— Конечно, вне всяких сомнений,— воскликнул Хенрик,— вне всяких сомнений! Скорее, мой друг, скорее! Господин Представитель, я не мог предположить подобного поворота событий. Это недоразумение, сэр. Если вы сочтете нужным, я казню всех ох-

ранников. Всех!

Он повторял и повторял последнее слово, близкий к истерике. Но капитан не сдвинулся с места. Было очевидно, что он хочет сказать что-то еще.

— Чего вы ждете?— спросил Аратап.

— Могу ли я поговорить с Его Превосходительством наедине?

Хенрик бросил быстрый, испуганный взгляд на невозмутимого Аратапа.

— У нас,— выдавил он,— не должно быть секретов от солдат Хана, наших друзей...

— Говорите, капитан,— прервал его Аратап.

Отбросив минутные колебания, капитан произнес:

— Хочу сообщить, Ваше Превосходительство, что Госпожа Артемида и Господин Джилберт помогали арестованному бежать.

— Он попытался похитить их?— Хенрик вскочил на ноги.— И мои солдаты допустили это?

— Их никто не пытался похитить, Ваше Превосходительство. Они помогали ему добровольно.

— Откуда вам это известно?— Аратап был удивлен, но удивлен приятно. Очень неплохой поворот событий!

— При проверке постов во дворце я обнаружил, что часовой, которого я поставил у дверей Госпожи Артемиды, убит. Она обманула меня, сказав, что спит. Когда обман обнаружился, было слишком поздно. Поэтому перед тем, как объявить сигнал тревоги, я хочу получить разрешение на арест членов королевской семьи.

Хенрик отсутствующим взглядом смотрел на него, не произнося ни слова.

Аратап сказал:

— Капитан, мне кажется, ваш Правитель нездоров. Было бы лучше, если бы вы пригласили его врача.

— Общая тревога!— повторил капитан.

— Не будет никакой общей тревоги,— резко бросил Аратап.— Вы меня поняли? Никакой общей тревоги! Никаких поисков арестованного! Инцидент исчерпан! Прикажите вашим людям возвращаться в казармы, а сами исполняйте свой долг по отношению к вашему господину. Идемте, майор.

Майор заговорил только после того, когда они покинули Центральный Дворец.

— Аратап,— заявил он,— уверен, вы знаете, что делаете. Именно поэтому я предпочел ни во что не вмешиваться.

— Благодарю вас, майор,— Аратап полной грудью вдыхал ночной воздух, в котором так хорошо смешивались запахи зелени и земли. Тирания — более красивая планета, но она красива своими горами и скалами. Иногда ее пейзаж казался Аратапу суховатым.

Он продолжил:

— Хенрику это не помогло бы, майор Андрос. Он полезен, но нуждается в хорошем лечении.

— Тогда почему вы запретили объявить тревогу?

— Давайте на минутку присядем, Андрос,— Аратап остановился.— Вот как раз подходящая скамейка. Какое прекрасное местечко!.. Майор, зачем вам нужен юноша?

— А зачем мне нужен любой заговорщик и конспиратор?!

— Но, поймав несколько птичек, вы оставите нетронутым само осиное гнездо. Что даст вам арест мальчишки, девчонки и старого олуха?

Рядом раздался звук, как будто что-то упало в воду. Что-то маленькое, но тяжелое. Странно, подумал Аратап. Насколько ему было известно, никакой воды в той стороне не было. Может, это игра воображения?

— Если так,— тем временем отвечал майор,— то арест не даст ничего.

— Когда юноша прибыл сюда, мы связали его с Хенриком — и в этом была наша ошибка. Сейчас уже ясно, что дело вовсе не в Хенрике. Дело в его дочери и кузене.

— Почему этот болван капитан так долго не сообщал нам о случившемся?

— Потому что он глуп как пробка. Думаю, мальчишка готов убить каждого, кто приблизится к нему, а Джилберт мнит себя героем. Как ты думаешь, что они предпримут?

— Родия большая,— пожал плечами майор.

— Да, она большая для мальчишки Фаррилла, но как быть с двумя членами королевской семьи? Им

не удастся остаться неузнанными. Особенно девушке.

— Тогда они, по-видимому, должны попытаться покинуть планету.

— Каким образом? До Дворцового поля им идти не более пятнадцати минут. Там мы и должны быть сейчас. Это единственный вариант.

— *Наш корабль?*— спросил майор.

— Конечно. Тиранийский корабль идеально подошел бы для их целей. Фаррилл получил образование на Земле и, я уверен, сумеет управлять им.

— Я не могу поверить в это!

— И все же будет лучше, если мы сейчас уже установим контакт с судном. Вызывайте его!

Однако корабль не отвечал. Они попытались связаться со взлетной площадкой. Через мгновение им ответил тихий голос. На вопрос о корабле он растерянно пробормотал:

— Но... Я не понимаю... Это какая-то ошибка! Ваш пилот покинул планету десять минут назад!

— Видите?— рассмеялся Аратап.— Надо только подойти к факту логически, и вы все оцените правильно. Можете представить себе, каковы будут последствия?

Майор представлял. Он внезапно тоже засмеялся:

— Конечно!

— Они, безусловно, не могут знать,— сказал Аратап,— что уничтожат сами себя. Их ничто не спасет. Это так же верно, как то, что на мне мои собственные брюки. Скоро все разрешится, и можно будет отдохнуть!

Он почувствовал, что засыпает.

— Ну, нам повезло, и теперь можно не спешить. Вызовите центральную базу, и пусть за нами пришлют другое судно.

ДЕСЯТЬ
ВОЗМОЖНО!

Познания Байрона Фаррилла в космонавигации были скорее академического характера. В университете он прослушал специальный курс, из которого по-

ловину семестра они изучали теорию действия гиператомного мотора. Лекции им читали пилоты, и Байрону было известно многое из истории космических полетов. Но ведь всем также известно, что искусством управления космическим кораблем можно овладеть только в космосе, а не на студенческой скамье.

Поэтому юноше приходилось полагаться не на опыт, а на случай. «Беспощадность» была космическим кораблем совершенно нового типа. Байрону на Земле приходилось управлять несколькими космолетами, но все они были устарелых моделей, приспособленных исключительно для обучения студентов. Их механизмы вконец износились, а скорость прохождения сквозь слои атмосферы упала до предела.

«Беспощадность», напротив, осуществила свой взлет с немыслимой скоростью, так что Байрона вжало в кресло, а все его суставы онемели. Артемиду, Джилберта, а также захваченного нашей компанией Тиранийца постигла та же участь — за исключением того, что они молча лежали у стены, а Тираниец еще и непрерывно постанывал.

Поднявшись, Байрон ударом заставил пленного замолчать. И тут же был отброшен назад в кресло — ускорение не любило шутить. Они достигли верхних слоев родийской атмосферы. Небо здесь было темно-фиолетовым, а обшивка корабля накалилась настолько, что жар ощущался даже внутри.

Через пару часов Байрону удалось вывести судно на орбиту. Он никак не мог рассчитать скорость, необходимую для преодоления родийского притяжения. Он пытался манипулировать кнопками, наблюдая за показаниями массометра, показывающего изменение удаленности судна от поверхности планеты. Ему повезло — массометр был настроен на массу и радиус Родии. Самому Байрону это никогда не удалось бы.

Но вот уже два часа, как показания массометра не менялись. Байрон решил, что необходимо несколько расслабиться. Спутники последовали его же примеру.

Артемида произнесла:

— Вы несколько неуклюжи, Господин Вайдемоса.

— Милая леди,— раздраженно ответил ей Байрон,— если вы считаете, что сделаете это лучше —

можете попытаться, но только после того, как я покину борт корабля.

— Спокойнее, спокойнее,— вмешался Джилберт.— Корабль — слишком неподходящий плацдарм для споров. И не стоит так официально называть друг друга. Я Джилберт, ты — Байрон, она — Артемида. Думаю, нам лучше пользоваться при обращении друг к другу именно этими именами. А что касается управления кораблем, то хочу спросить: почему бы нам не воспользоваться услугами нашего тиранийского друга?

Тираниец бросил в его сторону свирепый взгляд, и Байрон сказал:

— Нет. Ему нельзя доверять. И потом, мне кажется, я сумею управлять этим кораблем. Ведь я еще не разбил его, верно?

Его плечи все еще болели от перегрузок; и боль, как обычно, вызывала в нем глухое раздражение.

— Тогда,— продолжил Джилберт,— что же мы сделаем с ним?

— Мне бы не хотелось убивать его,— ответил Байрон,— да это и не поможет нам. Убийство будет только на руку Тирании. Насильственная смерть одного из представителей этой чертовой расы — уже, с их точки зрения, непростительный поступок.

— Но где же выбор?

— Нам придется высадить его.

— Отлично! Каким образом и где?

— На Родии.

— Что?

— Это единственное место, где они не рассчитывают нас найти. Кроме того, мы все равно скоро опустимся на планету.

— Почему?

— Посмотри, ведь это корабль Представителя, и он используется для кратковременных полетов. Он не приспособлен для длительных космических путешествий. Кроме того, отправляясь в долгий путь, не мешало бы запастись едой и водой.

Артемида согласно закивала:

— Он прав! Молодец! Мне это даже в голову не пришло. Очень разумно, Байрон!

Байрон сделал безразличный вид, но ему были весьма приятны ее слова. Она впервые обратилась к нему по имени. Когда она хочет, то может быть очень милой...

Джилберт перебил ее похвалы:

— Но он по рации сообщит о нашем местопребывании.

— Не думаю,— ответил Байрон.— На Родии наверняка есть незаселенные места. Мы же не собираемся высадить его в центре большого города или посреди одного из тиранийских гарнизонов. Кроме того, он и сам не настолько глуп, чтобы вступать в контакт со своими соотечественниками... Скажи, болван, что у вас происходит с солдатом, который позволяет бунтовщикам использовать корабль, принадлежащий одному из Представителей Хана, против него же самого?

Заключенный ничего не ответил, но резко побледнел, а губы его задрожали. Байрону не хотелось бы сейчас оказаться на месте этого бедняги.

Двумя днями позже они приземлились на окраине поселка Саузвока. Они выбрали это место потому, что поселок находился вдали от густонаселенных районов планеты. Тиранийскому солдату предстояло преодолеть более пятидесяти миль до ближайшего крупного города.

Посадка на пустынном берегу прошла удачно, и Байрон в качестве пилота почувствовал себя более уверенно. Пора было думать об удовлетворении своих естественных потребностей, какими были голод и жажда. Раздобыть провизию в городе означало подвергать себя страшному риску, но выбора не оставалось.

Друзья понимали, что им нужна еда вполне определенного вида. Она являлась продуктом пищевой промышленности тиранийцев и предназначалась для длительных космических перелетов. Это были стандартные пищевые концентраты, содержащие строго выверенное количество калорий и минеральных веществ. По размеру они представляли собой одну двадцатую от веса пищи животного происхождения и хранились в виде брикетов при низкой температуре.

Конечно, вкусовые качества концентрированной еды оставляли желать лучшего, но с этим приходилось мириться.

Артемида уже некоторое время пребывала в состоянии некоторой раздраженности, и неустанно повторяла, что еда эта «омерзительна». Байрон понимал, что отнюдь не еда причина плохого настроения. Все дело было в нехватке пространства. Например, у них не было раздельных спален. Корабль был военным, поэтому удобства для пассажиров на нем не предусматривались. Артемиду тяготила невозможность уединиться, отсутствие умывальных принадлежностей, отсутствие зеркал, невозможность сменить наряд, и так далее.

Что ж, ей придется мириться, подумал Байрон. Он и так достаточно делает для нее. Но почему она постоянно недовольна и так редко улыбается? У нее хорошая улыбка, глядя на нее, можно забыть о дурном характере девушки. Но этот характер — о, Боже!..

Впрочем, стоит ли думать о ней так долго?

Ситуация с водой обстояла хуже. Тирания была безводной пустынной планетой, где вода являлась наградой и ее использовали только для утоления жажды, а не для водных процедур. Тиранийцы не создали никаких способов концентрировать воду, чтобы она занимала меньший объем, а содержание воды в пищевых концентратах было крайне низким.

На корабле имелись устройства по переработке жидкости, теряемой телом, но Байрон, поняв принцип их действия, решил никогда не прибегать к их услугам. Химически здесь все было несложно, но оператору требовалось специальное образование.

В свободное время он знакомился с системой управления кораблем. Нажимая на пульте различные кнопки, он пытался проанализировать их действие, тщательно записывая свои выводы.

Однажды это его занятие прервал Джилберт.

Байрон через плечо взглянул на него:

— Надеюсь, Артемида в кабине?

— На судне нет другого места, где она могла бы быть.

— Когда увидишь ее, скажи, что отныне я на-

мерен ночевать в кабине пилота, что советую сделать и тебе. Тогда другая кабина будет в полном ее распоряжении.— Он помолчал и добавил:— Надеюсь это утешит ее.

— Ты не должен забывать, что она всегда вела совсем другую жизнь,— мягко укорил его Джилберт.

— Отлично! Разумеется, я это прекрасно помню. Как ты думаешь, какой жизнью жил я? Я ведь тоже не родился на одном из необитаемых астероидов, как тебе известно! Между прочим, все детство я провел во Дворце Нефелоса! Так что не нужно драматизировать ситуацию. Что я могу поделать, если на корабле не предусмотрена ванная? Она дуется на меня так, будто я проектировал этот чертов корабль!

Этот взрыв предназначался не Джилберту. Просто Байрону необходим был выход эмоций.

Дверь распахнулась; на пороге стояла Артемида. Она холодно сказала:

— Будь я на вашем месте, мистер Фаррилл, я бы воздержалась от крика. Ваш голос слышен даже на самом дальнем уголке корабля.

— Это мало волнует меня,— ответил Байрон.— Если что-то на корабле не устраивает тебя, прошу помнить, что если бы твой дорогой папаша не пытался меня убить, а тебя выдать замуж,— мы никогда не оказались бы здесь.

— Не смей так дурно говорить о моем отце!

— Я буду говорить о ком угодно и что угодно.

Джилберт зажал руками уши:

— Пожалуйста!— *завизжал* он.

Это произвело мгновенный эффект.

— Зачем нам спорить?— как ни в чем не бывало продолжил Джилберт.— Ведь очевидно, что чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше будет для всех нас.

— Я согласен с тобой, Джил,— кивнул Байрон.— Давай уйдем куда-нибудь, где мне не придется терпеть ее капризы. Тоже мне, женщина на космическом корабле!

Слова Артемиды, как бы не услышавшей его, относились только к Джилберту:

— Почему мы не улетаем отсюда?

— Не знаю, почему не улетаешь ты,— насмеш-

ливо сказал Байрон,— а я рассчитываю вернуть себе свои владения, а также отомстить за смерть отца. Поэтому я остаюсь в Королевстве.

— Я не говорю,— уточнила Артемида,— что мы должны улететь навсегда, но не лучше ли дождаться других времен где-нибудь в более безопасном месте? Я не представляю, как ты сможешь вернуть себе то, что отняли у твоего отца, пока жива империя Тиранов.

— Ты никогда не понимала, что и зачем я делаю.

— Можно внести предложение?— вмешался Джилберт. Он дождался тишины и добавил:

— Мне кажется, Арта права. Пока сильна Империя, ты не сможешь ничего. Следовательно, мы должны помочь ей расколоться на кусочки.

— Да? И как же ты предполагаешь это сделать?

— Мой дорогой мальчик,— улыбнулся Джилберт,— ты поражаешь меня. И не смотри на меня, как на безумца. Все-таки это я помог тебе выбраться из Дворца.

— Я знаю. Именно поэтому я внимательно слушаю тебя.

— Так продолжай слушать. Я ждал этого случая двадцать лет. Если бы я был простым горожанином, я бы уже давно мог сделать это; но в силу своего рождения в королевской семье я всегда находился на виду. Впрочем, мое положение имеет и свои положительные стороны. Как один из Хенриадов я присутствовал на коронации нынешнего Хана Тирании и теперь знаю секрет, который позволит однажды этого Хана уничтожить.

— Продолжай,— коротко приказал Байрон.

— Путешествие с Родии на Тиранию и обратно проходило на военном судне, похожем на это, но гораздо большем по размерам. Путешествие было неинтересным. Пребывание на Тирании имело свои восхитительные моменты, но, с нашей точки зрения, тоже было не слишком интересным. А вот по дороге назад нас сбил метеор.

— Что?!

Джилберт предостерегающе поднял руку:

— Я прекрасно знаю, как невероятно это звучит. Случаи с метеорами — достаточная редкость в кос-

мосе, и шансов спастись мало.

— Знаю,— согласился Байрон.— Сейчас ведутся большие исследования по вопросу связи их массы со скоростью. Слишком большая скорость уменьшает массу,— он повторил это, как заученный урок, и поймал на себе насмешливый взгляд Артемиды.

Она, сидя совсем близко от него, внимательно слушала Джилберта. Их плечи почти соприкасались. Байрон отметил, что профиль девушки был прекрасен, и даже слегка растрепанные волосы не портили его. Она сняла жакет, ее белоснежная блузка имела на себе следы сорокавосьмичасового непрерывного ношения, но при этом выглядела все же достаточно свежей. И как ей это удается?

Если она будет держать себя в руках, путешествие обещает быть чудесным, думал он. Проблема лишь в том, что никто не мог обуздать ее. Этого не сумел бы и ее отец. Она слишком самоуверенна. Если бы она родилась военачальником, не хотел бы Байрон служить под ее командованием!

Он только было начал мечтать, что случилось бы, если бы ему удалось подчинить ее своей воле, как она повернула к нему голову, и их глаза встретились. Байрон тут же отвел взгляд и сосредоточился на речи Джилберта. Он и так упустил несколько фраз.

— Я не знаю, почему не сработал экран. На это, пожалуй, не ответит никто. Метеор ударил по обшивке, и вполне мог бы пробить ее насквозь; тогда нас ничто не спасло бы. Но его рикошетом отбросило в сторону. Осколок попал в каюту и разрубил на кусочки двух находившихся там придворных. Меня спасло лишь то, что в это время я был в туалете. Когда я вошел в каюту, встревоженный страшным грохотом, она была залита кровью. То, что произошло потом, я помню слабо, хотя год за годом я тщательно восстанавливал цепь событий. После осмотра корабля мне стало ясно, что в живых остался только я один. Все остальные по той или другой причине были мертвы. Как же мне вернуться? Я был полностью беспомощен. Я не мог покинуть судно, я не мог управлять им; даже не знал, как пользоваться системой пространственной связи, чтобы послать сигнал бедствия. Мне

пришлось предоставить судну лететь своим курсом.

— Но это же...— Байрон был совершенно ошеломлен рассказом.— А Прыжки через гиперпространство? Если бы ты не совершал их, ты не был бы здесь.

— Тиранийский корабль,— сказал Джилберт,— совершает такие Прыжки автоматически.

Байрон недоверчиво уставился на него. Джилберт считает его идиотом?

— Ты все это придумал!

— Вовсе нет. Это — одно из военных изобретений, которое помогло им выиграть войну. Их тактика всегда отличалась от нашей, потому что базировалась на автоматике. Автоматических прыжках. Это увеличивало маневренность их кораблей и давало возможность поворачивать ход любого сражения в то русло, которого мы никак не могли предвидеть.

Я считаю, что это — один из наиболее охраняемых секретов их технологии. Я не понял его, пока летел на борту «Кровопийцы» — не правда ли, очаровательное название?.. Тиранийцы любят давать судам неприятные для слуха имена — но увидел его в действии. Я видел, что корабль совершает Прыжки и ничье вмешательство для этого не нужно.

— Ты хочешь сказать, что этот корабль тоже способен на такое?

— Я не знаю. Я только предполагаю это.

Байрон повернулся к приборной доске. Там оставалось еще много кнопок, значения которых он не знал. Ладно, подождут!

Затем он вновь взглянул на Джилберта:

— И корабль доставил тебя домой?

— Нет. Сперва корабль начал тормозить, и я решил, что путешествие окончено, но потом обнаружил, что мы находимся совсем рядом с планетой. Я решил, что меня, очевидно, сумеют обнаружить с помощью радара. Корабль направился прямо к планете. И все же он мог пролететь мимо. Я не хотел допустить этого, и поэтому решил воспользоваться радиосвязью. К счастью, у меня есть некоторые познания в радиотехнике.

— Итак, ты воспользовался ею?— нетерпеливо спросил Байрон.

— Да, и они пришли и спасли меня.

— Кто?

— Люди с планеты. Она была обитаема.

— Что же это была за планета?

— Я не знаю.

— Ты хочешь уверить меня, что они не сказали тебе этого?

— Восхитительно, не правда ли? Да-да, именно так! Они не сказали мне. Но эта планета находится где-то среди Королевств Космической Туманности.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что они поняли — корабль, на котором я прибыл, тиранийского образца. Более того, они намеревались уничтожить его, когда услышали мои сигналы. Мне пришлось долго убеждать их, что на борту только я один.

Байрон сжал руками колени.

— Послушай, но разве то, что они знали, будто корабль принадлежит Тирании, не является наилучшим доказательством факта, что планета находится за пределами Королевств? Что это где-то в другом месте?

— Нет, она здесь, в Галактике,— твердо ответил Джилберт.— На территории Королевств. Они высадили меня на поверхность,— и, Боже мой, что за чудо была их планета! Там были люди со всех планет Королевств, как я понял по их акцентам. И они не боялись Тирании! Мой мальчик, эта планета все еще где-то есть, и ее жители намерены уничтожить Тиранию, как уничтожили бы судно, на котором я к ним прилетел — если бы я был там не один. Они живут под землей, но их души полны огня и света!

Сердце Байрона было готово выскочить из груди. Ему искренне хотелось поверить в рассказ Джилберта.

Во всяком случае это возможно. Возможно!

ОДИННАДЦАТЬ ИЛИ НЕВОЗМОЖНО

Или невозможно.

С языка Байрона срывались вопросы, один за другим.

— Откуда тебе известно про их планету? Как

долго ты там находился? Что ты видел?

Джилберт безразлично ответил:

— Дело не в том, что я видел. Они очень мало показали мне. И потом, после того, как они сняли меня с корабля, я был в крайне плохом состоянии. Я почти ничего не ел и выглядел гораздо хуже, чем обычно. Потом я немного пришел в себя. Они переправили и меня и судно на поверхность планеты. Конечно, судно их интересовало больше, чем я. Ведь с его помощью они могли постичь тайны тиранийской инженерии. Меня же отправили в некоторое подобие госпиталя.

— Но что же ты все-таки видел, дядя?— спросила Артемида.

Байрон прервал ее:

— Он рассказывал тебе об этом раньше?

— Нет,— ответила девушка.

Джилберт кивнул:

— Об этом я не рассказывал до сих пор никому. Как я уже сказал, меня отправили в госпиталь. Исследовательские лаборатории там гораздо совершеннее, чем на Родии. По дороге в госпиталь я проезжал мимо заводов, где велись какие-то металлургические работы. Тот корабль, который подобрал меня, был не похож ни на что из виденного мною до сих пор. Все это было настолько невероятно, что я растерялся и не задал ни одного вопроса. Но все эти годы я ждал. Ждал, что однажды к нам прилетит корабль, подобный тому, на котором меня доставили на эту планету. Каждый год я говорил себе: наверное, в следующем году!.. И каждый раз в душе я чуть-чуть боялся этого. Назревала великая битва, и мне не хотелось бы, чтобы она началась без меня.

Байрон спросил:

— Почему же они до сих пор не прилетели, если, как ты говоришь, это произошло более двадцати лет назад? И не подали тебе никакого знака? К тому же, не было сообщений ни о каких странных космических кораблях! И ты все еще думаешь...

Джилберт вспыхнул:

— Да, я думаю! Двадцать лет — не такой большой срок, чтобы организовать бунт против планеты, правящей пятьюдесятью системами. Я был там в мо-

мент зарождения мятежа. Все это время, я уверен, они не переставали готовиться к схватке. Они создавали новые корабли, разрабатывали более совершенное оружие, готовили людей к нападению. Только в видеотриллерах люди сразу же кидаются в бой. На самом деле оружие создают сегодня, усовершенствуют завтра, а используют только послезавтра. Для этого нужно время, Байрон, и люди из восставшего мира должны быть полностью уверены в своей готовности перед тем, как начать. У них не будет возможности пытаться дважды. И потом, что ты называешь «происшествием»? Корабли тиранийцев исчезали, и их никогда не удавалось найти. Космос велик, скажешь ты, и они могли просто теряться, но что, если все они были захвачены мятежниками? Два года назад такое произошло с «Неутомимым». Они сообщили, что к судну приближается странный предмет — и больше о корабле никто не слышал. Возможно, это был метеор... Ну, а если нет? Поиски длились много месяцев, но никто не смог найти судно. Я думаю, оно в руках мятежников. «Неутомимый» был новым кораблем, экспериментальной моделью. Это как раз то, что им нужно.

— Почему же ты, оказавшись там, не остался?

— Думаешь, я не хотел? У меня просто не было выбора. Когда они думали, что я без сознания, они говорили открыто,— и я многое понял. Они в то время только начинали, и излишняя реклама лишь помешала бы им. Они знали, кто я. Знали они и то, что если я не вернусь на Родию, меня будут тщательно искать — и, возможно, обнаружат их. Они не хотели рисковать, и поэтому было решено вернуть меня на Родию. Что они и сделали.

— Что?— вскричал Байрон.— Но ведь это было еще большим риском! Как же они это сделали?

— Не знаю.— Джилберт запустил пальцы в волосы и устало посмотрел на юношу.— Думаю, они усыпили меня. Этот период полностью стерт в моей памяти. Я только помню, что открыл глаза и обнаружил, что вновь нахожусь на борту «Кровопийцы»; я дрейфовал в космосе, приближаясь к Родии.

— А твои погибшие спутники? Они все еще были на борту?

— Да, они все еще лежали на борту.

— Оставались ли на корабле какие-нибудь признаки того, что ты побывал в мятежном мире?

— Никаких. Исключая, конечно, мою память.

— А как ты узнал, что приближаешься к Родии?

— Никак. Массометр показывал, что я нахожусь вблизи планеты. Я вновь воспользовался радио, и ко мне подлетел родийский корабль. О случившемся со мной я в тот же день рассказал Тиранийскому наместнику. Конечно, я не обмолвился ни словом о мятежном мире. Я лишь сказал, что корабль столкнулся с метеором после последнего Прыжка. Я не хотел, чтобы они поняли: мне известно, что корабль может совершать Прыжки автоматически.

— Как ты думаешь, известен ли жителям мятежного мира этот факт? Ты говорил им об этом?

— Нет, я не говорил им об этом. У меня не было такой возможности. Ведь я пробыл там очень недолго. Я имею в виду, пробыл в сознании. Но мне совершенно неизвестно, как долго я был без сознания, а также — что им удалось обнаружить самим.

Байрон размышлял. «Беспощадность» может двигаться со скоростью десять тысяч миль в час. Звезды — тяжелые, яркие и неподвижные — гипнотизировали Фаррилла.

Он спросил:

— Так что же нам делать? Ведь ты не знаешь, где находится этот мятежный мир.

— Не знаю. Но я предполагаю кто может знать. Я почти уверен в этом.

— И кто же это?

— Автарх Линганы.

— Линганы?— удивился Байрон. Он когда-то слышал это название, но не помнил, в связи с чем.— Почему именно он?

— Лингана была последним Королевством, капитулировавшим перед Тиранией. Она, можно сказать, не так порабощена, как другие. Разве в этом нет скрытого смысла?

— Возможно, ты и прав, но...

— Если тебе нужен другой довод, то этим доводом станет твой отец.

— Мой отец?— На мгновение Фаррилл забыл, что его отец мертв. Он как бы увидел его своими глазами, большого и сильного, но тут же опомнился, и внутри него разлился неприятный холодок.— Какое отношение имеет к этому мой отец?

— Шесть месяцев назад он гостил при дворе. Я сделал некоторые выводы по поводу его намерений. Кроме того, я подслушал некоторые его разговоры с моим кузеном Хенриком.

— Ох, дядя,— укоризненно вздохнула Артемида.— Ты не имел права подслушивать частные разговоры отца.

— Конечно, нет, но это было восхитительно и, как выяснилось, полезно.

Байрон прервал их:

— Погоди. Ты говоришь, мой отец был на Родии шесть месяцев назад?

— Да.

— Расскажи мне о нем. Интересовался ли он коллекцией примитивизма Хенрика? Когда-то ты рассказывал, что у Правителя есть большая коллекция материалов о Земле.

— Конечно. Коллекция очень знаменита, и ее посещают многие. В их числе был и твой отец. Да, я помню это очень хорошо. Он провел там почти целый день.

Именно полгода назад отец в первый раз попросил сына о помощи.

— Думаю, сам ты хорошо знаком с коллекцией,— сказал Байрон.

— Разумеется.

— Есть ли там что-то, позволяющее предположить, что на Земле существует документ большой военной ценности?

На лице Джилберта отразилось непонимание. Байрон продолжил:

— Где-то в последних столетиях доисторической Земли должен был существовать такой документ. Могу сказать только, что мой отец считал его самой большой ценностью в Галактике — и самой смертоносной. Я должен был раздобыть его, но мне пришлось слишком неожиданно покинуть Землю, да и в

любом случае,— его голос сорвался,— отец слишком быстро умер.

— Не знаю, о чем ты говоришь,— взгляд Джилберта был все еще отсутствующим.

— Ты не понимаешь. Первый раз отец упомянул о документе шесть месяцев назад. Он должен был узнать о нем именно здесь, на Родии. И ты ничего не можешь мне об этом рассказать?

Но Джилберт только отрицательно покачал головой.

— Хорошо, продолжай свой рассказ,— бросил Байрон.

— Они говорили об Автархе Линганы, твой отец и мой кузен. Из их слов мне стало ясно, что Автарх возглавлял заговор. А потом сюда прибыла миссия с Линганы во главе с самим Автархом. Я рассказал ему о мятежном мире.

— Ты только что утверждал, что никому об этом не рассказывал!

— Кроме Автарха. Я *должен был* знать правду.

— Что же он тебе ответил?

— Практически ничего. Но для него это явно была не новость. Возможно, он не доверял мне. Ведь я мог работать на Тиранию. Откуда ему было это знать? Но все же он не захлопнул передо мною дверь. Это наш единственный шанс.

— Да?— переспросил Байрон.— Тогда летим на Лингану. Одно место, я думаю, стоит другого.

Мысли об отце вывели его из равновесия, и по сравнению с этим все остальное не имело значения. Пусть будет Лингана.

Пусть будет Лингана! Легко сказать. Но как добраться на этом суденышке до планеты, удаленной на тридцать пять световых лет отсюда? Двести триллионов миль. Двойка с четырнадцатью нулями после нее. Если лететь со скоростью десять тысяч миль в час (максимальная скорость «Беспощадности»), то понадобится более двух миллионов лет, чтобы добраться туда.

Байрон с отчаянием листал «Справочник космического навигатора» в надежде найти хоть какую-нибудь подсказку. Там в подробностях были описаны

десятки тысяч звезд, и каждая изображалась в трех проекциях. Справочник состоял из сотен страниц этих проекций, обозначенных греческими буквами *Р* (ро), *Θ* (тета), *Ф* (фи).

Р — расстояние от центра Галактики в парсеках; *Θ* — угол по отношению с Галактической оси (линии, соединяющей центр Галактики и солнце планеты Земля); *Ф* — угол по отношению к линии, перпендикулярной Галактической оси. Два последних значения выражались в радианах. Совместив три схемы можно было получить представление о положении планеты в космосе.

Все это были величины заданные. Зная положение планеты и скорость ее вращения, рассчитывались скорость и направление. Это были незначительные, но необходимые расчеты. Миллионы миль — по космическим меркам расстояния ничтожные, но для космического корабля это долгий путь.

Имело значение также положение корабля. Байрон отметил для себя две известные звезды и вычислил по расстоянию между ними и солнцем Родии их настоящие координаты.

Расчеты были сделаны наспех, но оказались достаточно точными,— в этом он был уверен. Байрон рассчитал также, что через шесть часов полета им придется совершить Прыжок во времени. После этого он закончил последние приготовления к полету.

Два других его спутника в это время спали. Он сказал себе, что это хорошо и что ему не хотелось бы, чтобы кто-нибудь крутился под ногами. Тут он услышал слабый звук чьих-то шагов. На пороге стояла Артемида.

— Привет,— кивнул он.— Почему ты не спишь?

— Можно мне войти?— шепотом спросила она.— Я не помешаю тебе?

— Зависит от того, что тебе нужно.

— Я постараюсь все делать правильно.

Что-то она уж слишком покладиста, подумал он.

— Я ужасно боюсь,— сказала вдруг она.— А ты?

Он хотел сказать «нет», но внезапно ему перехотелось притворяться. Он смущенно улыбнулся и ответил:

— Тоже.

Казалось, это успокоило ее. Она уселась на пол, вытянув ноги, и принялась рассматривать груду справочников на столе.

— Ты нашел все эти книги здесь?

— Да, конечно. Без них невозможно управлять космическим кораблем.

— И ты все в них понимаешь?

— Не все. Хотя надеюсь, что понимаю достаточно. Для того чтобы попасть на Лингану, нам предстоит сделать Прыжок.

— Это сложно?

— Нет, если понимать в схемах и уметь читать карту. Но для этого нужен опыт, а его-то у меня и нет. Кстати, мы могли бы совершить несколько Прыжков, но я надеюсь обойтись одним.

Он не хотел говорить ей всего: не хотел ее пугать. В то же время ему было необходимо поделиться своими опасениями с кем-нибудь.

— Есть несколько моментов, которых я не знаю, хотя их нужно знать. Я не уверен в точности моих расчетов.

— И что может произойти, если ты ошибся?

— Мы можем слишком приблизиться к солнцу Линганы.

Она задумалась, и потом сказала:

— Ты не представляешь себе, насколько я чувствую себя лучше.

— После того, что я рассказал тебе?

— Конечно. Только что я чувствовала полную нашу беспомощность. Теперь же я знаю, что мы попадем туда, куда стремимся, и что все в наших руках.

Байрон был польщен. Как она изменилась!

— Я не уверен, что все в наших руках.

Она жестом остановила его.

— Да. Я *знаю*, ты сумеешь управиться с кораблем.

И Байрон почувствовал, что он тоже верит в это.

Она повернулась к нему лицом. Он заметил, что она смыла макияж и удивился, как ей это удалось. Вероятно, с помощью носового платка и мизерного количества питьевой воды. Ее белоснежный воротничок прекрасно оттенял смоль ее волос и глаз. Глаза...

Какие они теплые...

Молчание затягивалось. Он торопливо спросил:

— А ты, я думаю, не слишком много путешествовала? Кажется, ты говорила, что летала на пассажирском космическом лайнере?

— Только раз. Но и этого было много. Если бы я не летала на нем, то никогда не встретилась бы с этим противным тиранийским донжуаном... Я не хочу говорить о нем!

Она замолчала. Ее взгляд скользил по полу. Потом она вдруг окликнула его:

— Байрон! Как ты думаешь, история дяди Джила — правда?

— Ты полагаешь, что все, может оказаться лишь игрой его воображения? Ведь он мог сам придумать все это, а по прошествии лет поверить в реальность вымысла. Но все-таки не стоит спешить с выводами. В любом случае, мы летим на Лингану.

Они были очень близко друг от друга. Он мог коснуться ее рукой, обнять, поцеловать...

Что он и сделал.

Казалось, ситуация не располагала к этому. Только что они говорили о Прыжке и Джилберте, а теперь она, тихая и податливая, лежала в его объятьях.

Первым его порывом было извиниться, но она не делала никаких попыток высвободиться, только положила голову ему на плечо. Глаза ее были закрыты.

Поэтому он не сказал ничего, и вновь поцеловал ее, медленно и торжественно. Это было лучшее, что он мог сделать в данный момент, и он понимал это.

Наконец она мечтательно спросила:

— Ты голоден? Я принесу тебе немного концентратов, только разогрею их слегка. Тебе должно понравиться. И мне бы не мешало привести себя в порядок.

Она направилась к двери, но вдруг остановилась. В ее голосе прозвучала легкая насмешка:

— После поцелуев пищевые концентраты должны показаться просто божественными!

Когда в каюту зашел Джилберт (это случилось часом позже), он не выразил никакого удивления по поводу мирно беседующих Арты и Байрона. Не про-

комментировал он и тот факт, что рука юноши покоилась на талии его племянницы.

Он спросил:

— Когда мы совершим Прыжок, Байрон?

— Через полчаса.

Прошли полчаса; приборы были включены; разговоры стихли.

Во время «Зеро» Байрон набрал в легкие побольше воздуха и перевел рычаг из крайнего правого положения в крайнее левое.

Корабль тряхнуло, и Байрон на мгновение потерял сознание.

Когда через минуту он пришел в себя,— звезды в смотровом окне преобразились. Байрон выравнял судно. Одна из звезд яркой белой точкой сияла перед ними. Байрон направил на нее телескоп. Сверившись со справочником, он сделал вывод:

«Слишком далеко. Но все же это она, Лингана».

Это был первый совершенный им Прыжок, и он прошел успешно.

ДВЕНАДЦАТЬ
ПРИБЫТИЕ АВТАРХА

Автарха Линганы, казалось, занимает какая-то мысль.

— И вы ждали сорок восемь часов, чтобы сказать мне об этом,— сказал он.

Ризетт вяло возразил:

— Но, сэр, не было никакой необходимости сообщать вам об этом раньше. Если бы мы беспокоили вас по всякому пустяку, ваша жизнь давно превратилась бы в сущий ад. Сейчас мы сообщаем вам об этом, потому что не можем сами принять решение. Это подозрительно, а в нашем положении мы не можем допускать ничего подозрительного.

— Повторите мне все, что вам известно.

Автарх задумчиво смотрел в окно. Окна были самой большой достопримечательностью линганийской архитектуры. Они были средних размеров, невероятно чистые и прозрачные; не столько окна, сколько

линзы, отражающие во все стороны свет и открывающие перед любым взглядом великолепную панораму.

Из дворца Автарха была видна часть освещенного солнцем горизонта. Когда солнце оказалось непосредственно напротив окон, они автоматически открылись.

Теория, что архитектура планеты вполне соответствует месту планеты в Галактике, вполне оправдывала себя в отношении Линганы.

Как и окна, Лингана представляла собой весьма живописное зрелище. Это была «планета-государство», в свое время достигшая стабильного экономического и политического развития. В то время как политическая жизнь соседних планет все время менялась, Лингана веками оставалась тем, чем и была — просто обитаемым миром. Ее стратегическое положение оказалось весьма важным. Именно поэтому она захватила в свои руки торговую монополию. Со всех концов Галактики везли сюда минералы, мясо, зерно, а также продукцию машиностроения, медикаменты, готовые продукты переработки и многое другое.

Из своих окон Лингана видела всю Галактику, хотя и стояла несколько особняком.

Не отводя взгляда от окон, Автарх сказал:

— Начнем с почтового корабля. Где он впервые встретился с гостями?

— Менее чем в ста тысячах миль от Линганы. Точные координаты не имеют значения. С тех пор мы следим за ними. Сейчас они находятся на орбите над планетой.

— Они не приземляются? Ждут чего-то?

— Да.

— Как вы считаете, долго ли они намерены ждать?

— Боюсь, что нет. Мы тщательно наблюдали, но они не посылают никаких сигналов.

— Отлично,— сказал Автарх.— Прервемся на минуту. Они остановили почтовый корабль, что, безусловно, является нарушением нашего Договора о Взаимодействии с Тиранией.

— Я сомневаюсь, что они тиранийцы. Их действия скорее похожи на действия заключенных, бежавших из тюрьмы.

— Возможно, таким образом они пытаются сбить нас с толку. В любом случае, все это направлено лишь на одно: они хотят встретиться со мной.

— Да, они настаивают на встрече с Автархом.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Они не входили в почтовое судно?

— Нет. Мы все время прекрасно их видим. За штурвалом находится молодой человек аристократической наружности. Он попросил передать вам одно слово: «Джилберт». Говорит это вам что-нибудь?

Автарх, как бы не слыша вопроса, продолжал смотреть в окно. На Лингане не всегда царила власть автархов. Когда-то ею управляли различные династии мелких удельных князьков. Это были сплошь аристократические семьи. Они были чрезвычайно богаты, и их мало волновали проблемы землевладения.

Из-за этого Лингану постигла обычная в таких случаях участь. Власть переходила от одной семьи к другой. Интриги и дворцовые перевороты стали хроническими, так что если Родия была образцом политической стабильности, то Лингана могла служить образцом беспорядка и анархии. «Безалаберный, как Лингана»,— говорили люди.

Соседние планеты объединились в группы и становились могущественнее, а на Лингане гражданская война становилась неуправляемой. Поэтому соседи путем долгой цепи интриг заменили многих князьков на одним сильным правителем, сосредоточив в одних руках всю власть.

При Автархии Лингана укрепилась и стабилизировалась. Даже Тирания относилась к ней с некоторым почтением. В то время как другие планеты Королевств Космической Туманности уже давно были верными вассалами Тирании, Лингана подписала с ней Договор о Взаимодействии, теоретически дающий обеим сторонам равные права.

Автарх правильно оценивал ситуацию. Он знал, какую опасность несет для грядущих поколений Тирания. И сейчас появление тиранийского корабля могло стать началом конца, началом полного краха.

Он спросил:

— На корабле есть солдаты?

— Очевидно, нет. Массометр показывает присутствие всего троих.

— И что же ты предлагаешь?

— Не знаю. Единственный известный мне Джилберт — это Джилберт из Хенриадов с Родии. Вы знакомы с ним?

— Я видел его во время моего последнего визита на Родию.

— Вы, конечно, ничего ему не рассказывали?

— Конечно.

Глаза Ризетта округлились.

— Возможно, это ловушка, и Джилберт используется в качестве приманки.

— Я думал об этом. Конечно, прибытие корабля подозрительно. Меня долго не было на Лингане, и я вернулся только на прошлой неделе, а через несколько дней опять собираюсь уезжать. Они застали меня именно тогда, когда меня *можно было* застать.

— А может, это совпадение?

— Я не верю в совпадения. Но есть способ проверить наши подозрения. Я посещу это судно. Один.

— Это невозможно, сэр.— Ризетт был ошеломлен. Его лицо покраснело до такой степени, что приняло почти малиновый оттенок.

— Ты споришь со мной?— раздраженно спросил Автарх.

И именно потому, что он был Автархом, Ризетт сказал:

— Как вам будет угодно, сэр.

Пассажиры «Беспощадности» вот уже два дня болтались на орбите.

Джилберт, наблюдавший за Линганой, был твердо уверен, что за ними тоже установлено постоянное наблюдение. Байрон, бреясь, выслушивал его доводы по этому поводу.

Добрившись, он осмотрел свое лицо в зеркале, и тут в дверном проеме возникла Артемида.

— Я думала, ты собираешься спать.

— Я спал,— ответил он,— а потом проснулся.— Он посмотрел на нее и улыбнулся.

Она потрогала его щеку:

— Ты выглядишь сейчас как восемнадцатилетний. Они все еще наблюдают за нами?

— Да. Неужели это тебя беспокоит?

— Я нахожу, что это глупо.

— Можешь объяснить почему, Арта?

— Почему бы нам не приземлиться на поверхность Линганы?

— Мы подумаем об этом. Пока что мы не готовы для подобного риска. Лучше все же немного подождать.

Джилберт вдруг воскликнул:

— Говорю вам, они движутся!

Байрон подскочил к экрану. Прочитав показания массометра, он обернулся к Джилберту:

— Наверное, ты прав.

Он присел к компьютеру и стал внимательно изучать его показания.

— К нам направляется маленький корабль, Джилберт. Как ты думаешь, тебе удастся наладить с ним связь?

— Я попытаюсь,— ответил Джилберт.

— Запомни: не видеосвязь, а только звуковую.

Менее десяти минут понадобилось Джилберту, чтобы выполнить его задание. Теперь Байрон знал планы линганийцев.

Он повернулся к Артемиде:

— Они собираются послать к нам человека.

— А мы обязательно должны им это позволить?

— А почему бы нет? Одного человека! Мы ведь вооружены!

— Но что будет, если мы подпустим их корабль слишком близко?

— Мы на тиранийском военном корабле, Арта, и одолеем их, даже если перед нами лучшее судно Линганы. У нас есть пять крупнокалиберных бластеров.

— А ты умеешь ими пользоваться?

— К несчастью, нет. Пока еще нет. Но ведь линганийцам это, как ты понимаешь, неизвестно.

Через полчаса на экране появилось судно. Как только радар поймал его, Джилберт в восторге завопил:

— Это яхта Автарха! Его личная яхта! Я же говорил, что упоминание одного лишь моего имени тут

же привлечет его внимание!

Они установили с яхтой радиосвязь, и чей-то голос из трубки сказал:

— Готовы к принятию на борт?

— Готовы,— ответил Байрон.— Только одного человека.

— Одного человека,— был ответ.

Яхта подошла ближе, раздался металлический скрежет. Потом корабль линганийцев слегка отдалился от судна наших друзей, и между обоими кораблями возникла крепкая прозрачная галерея, напоминающая туннель. По этому туннелю мог пройти человек, и при этом ему не нужны были никакие средства защиты, которыми он пользовался бы в открытом космосе.

Байрон увидел, как из линганийского корабля вышел человек в скафандре и уверенно пошел в их сторону. Лицо было скрыто шлемом. Человек шел достаточно быстро; он был уже совсем близко. Через пять секунд гость подошел к люку, который открылся, и пришелец скрылся в его недрах, после чего люк автоматически был задраен.

Войдя в кабину, пришедший снял с себя скафандр, левой рукой отбросив со лба непослушные волосы.

— Ваше Сиятельство!— бросился к нему Джилберт. С нотками триумфа в голосе он воскликнул:

— Байрон, это Автарх собственной персоной!

Но Байрон, сперва потерявший, а потом лишь частично обретший дар речи, сумел сказать только одно:

— Джоунти?!

ТРИНАДЦАТЬ
АВТАРХ РЕШАЕТ ОСТАТЬСЯ

Автарх непринужденно расположился в одном из мягких кресел.

— Давно я не проделывал подобных упражнений,— сказал он.— Но это как умение плавать: научившись один раз, забыть невозможно. Привет, Фаррилл! Добрый день, милейший господин Джил-

берт! А это, если мне не изменяет память, дочь правителя, леди Артемида!

Он достал длинную сигарету, бережно взял ее в рот и зажег, причем для этого ему понадобилось просто сделать легкий выдох. Воздух наполнился приятным запахом хорошего табака. Затем он сказал:

— Не ожидал так быстро вновь встретиться с тобой, Фаррилл!

— А может, не ожидал этого никогда?— грубо поинтересовался Байрон.

— Кто знает?— согласился Автарх.— Конечно, если вспомнить, что сам Джилберт не умеет управлять космическим кораблем, если вспомнить, что я сам послал на Родию молодого человека, который *умеет* управлять космическим кораблем и который вполне способен похитить тиранийское судно, если вспомнить, что, по донесениям наблюдателей, один из пассажиров корабля молод и обладает аристократической наружностью, напрашиваются очевидные выводы. Я не удивился, увидев тебя.

— А мне кажется, ты удивлен,— возразил Байрон.— Думаю, ты чертовски удивлен, увидев меня. По-твоему, я знаком с логикой слабее, чем ты?

— Я крайне высокого мнения о тебе, Фаррилл.

Автарх сохранял невозмутимость, и Байрон почувствовал себя совсем глупым мальчишкой. Он повернулся к остальным:

— Этот человек — Сандер Джоунти. Я рассказывал вам о нем. Конечно, по совместительству он может быть Автархом Линганы, или пятьюдесятью Автархами одновременно. Это безразлично. Для меня он — Сандер Джоунти.

Артемида произнесла:

— *Он* — это человек, который...

Джилберт перебил ее. Он был возмущен:

— Контролируй себя, Байрон. Ты что, сошел с ума?

— Это — тот самый человек! Я *не* сумасшедший!— выкрикнул Байрон. Он с трудом держал себя в руках.— Ладно. Думаю, нам не о чем спорить. Покинь мое судно, Джоунти. Уже достаточно было сказано. Вон с моего судна!

— Мой дорогой Фаррилл! Но почему?

Джилберт издал булькающий звук, но Байрон не повернул в его сторону головы. Он смотрел на Автарха.

— Ты совершил одну ошибку, Джоунти. Только одну. Ты не предусмотрел, что там, на Земле, я вернусь в свою комнату и возьму часы, которые всегда служили мне также индикатором. Индикатором радиации.

Автарх пускал в потолок аккуратные колечки дыма и улыбался.

— Так вот, Джоунти, они никогда не светились голубым светом. В ту ночь в моей комнате не было никакой бомбы. Это была только хлопушка! Ты не станешь этого отрицать, потому что именно ты подложил ее. Ты же организовал и о стальную часть комедии! Да, той ночью ты был великолепен!

Байрон ждал реакции, но Автарх просто с видимым интересом кивнул. Байрон разозлился. У него сложилось впечатление, что он бьет по воздуху.

— Мой отец был казнен. Я и так скоро узнал бы об этом. Тогда я мог бы вернуться на Нефелос, а мог бы и не возвращаться. Я мог бы проанализировать свое положение и найти из него правильный выход. Но ты решил отправить меня на Родию, к Хенрику. Я послушал тебя: ведь ты, казалось, спас мне жизнь; ты все знал и мог дать дельный совет. Но ты забыл предупредить меня, что капитан корабля, на который ты усадил меня, был отлично осведомлен о том, кто я и откуда. Ты забыл предупредить меня, что я окажусь в руках Тиранов еще до того, как попаду на Родию. Или ты будешь это отрицать?

Он сделал длинную паузу. Джоунти сосредоточенно дымил сигаретой.

Джилберт стиснул руки у груди:

— Байрон, ты ужасен. Автарх не может...

Джоунти посмотрел на него и спокойно возразил:

— Твой Автарх все может.

Он погасил сигарету.

— Байрон прав, и я подтверждаю каждое его слово. Бомба действительно была подложеной мною хлопушкой, и я послал тебя, Байрон, на Родию, зная, что ты будешь арестован Тиранийцами.

Лицо Байрона прояснилось. Он сказал:

— Когда-нибудь я отомщу тебе, Джоунти. Сейчас ты Автарх Линганы, и за тебя готов вступиться целый флот. Но «Беспощадность» — это мое судно, и я его капитан. Надевай свой скафандр и убирайся вон. Твой туннель все еще на месте.

— Это не твое судно. Ты скорей пират, чем пилот.

— Я повторяю: даю тебе пять минут на облачение в скафандр.

— Пожалуйста, не драматизируй ситуацию. Мы нужны друг другу, и я не намерен уходить.

— *Мне* ты не нужен. Ты не был бы мне нужен даже если бы на нас напали Тиранийцы и ты принял бы мою сторону.

— Фаррилл,— улыбнулся Джоунти,— ты говоришь и действуешь как младенец. Я дал тебе высказаться. Дай же теперь высказаться мне.

— Нет. Я не вижу причин слушать тебя.

— А это ты видишь?

Артемида вскрикнула. В грудь Байрона уперся бластер.

— Это — предупреждение,— продолжил Джоунти.— Прошу простить меня за вынужденную меру, но, возможно, это поможет мне заставить тебя слушать.

Оружие его было предназначено не просто причинять боль. Оно должно было убивать.

Джоунти сказал:

— Много лет назад я организовал жителей Линганы против Тирании. Знаешь ли ты, что это значит? Это было нелегко. Это было почти невозможно. Окружающие нас Королевства оказались абсолютно беспомощны. Но и в них жили люди, желающие нам помочь. Твой отец делал это наиболее активно — и был убит. Помни это! Гибель твоего отца явилась для нас ударом. Значит, тиранийцы способны добраться и до нас. Поэтому мне пришлось отправить тебя к Хенрику, чтобы сбить их с толку. Это удалось. Пойми, у меня не было выбора. А потом, есть еще одна вещь, документ...

— Какой документ?— прервал его Байрон.

— Не спеши. Я уже сказал, что твой отец работал на меня. Так что мне известно все, что знал он. Тебе стало известно о документе, и вначале нам всем

было выгодно, чтобы ты поискал его. Но после смерти твоего отца это оказалось ненужным. Более того, пришлось убрать тебя с Земли, пока ты не удостоился пристального внимания тиранийцев. Мне это удалось.

— Значит, документ у тебя?

— Нет, к сожалению. Он был утерян на Земле много лет назад. Я не знаю, у кого он. Ну что, могу я опустить бластер? Он весьма тяжел.

— Убери его к черту,— пробурчал Байрон.

Автарх так и поступил. Потом он спросил:

— Что говорил о документе твой отец?

— Ничего, что было бы тебе неизвестно.

Автарх улыбнулся:

— Вот это да!

— Скажи, ты все объяснил нам?— спросил Байрон.

— Практически все.

— Тогда,— подытожил Байрон,— убирайся с корабля.

Джилберт вмешался в их диалог:

— Теперь подожди, Байрон. Это не только твое дело. Здесь есть еще и мы с Артемидой. У нас тоже найдется, что сказать. Чем дальше, тем больше мне кажется, что в словах Автарха есть свой смысл. Вспомни, что на Родии я спас тебе жизнь, так что я рассчитываю на некоторую признательность с твоей стороны.

— Ну, конечно! Ты — мой спаситель!— воскликнул Байрон.— Можешь, если хочешь, уходить с ним. Уходи! Ты хотел найти Автарха. Так вот он! Я согласился доставить тебя к нему, но на этом моя миссия окончена. И не учи меня, что мне делать.

Он повернулся к Артемиде, все еще кипя от злости:

— А ты? Ты ведь тоже спасла мне жизнь! Все вокруг только и делают, что спасают мне жизнь! Ты тоже хочешь уйти с ним?

Она спокойно ответила:

— Не нужно говорить и решать за меня, Байрон. Если захочу уйти с ним, то скажу тебе об этом.

— Ты не должна чувствовать никаких обязательств передо мною. Можешь уйти в любой момент...

Она сердито взглянула на него, и он отвернулся. В

душе Байрон понимал, что ведет сейчас себя по-детски. Джоунти всегда оставляет его в дураках. Он вспомнил о бомбе, о родийском лайнере, о тиранийце — и в нем поднялась волна жалости к себе.

Автарх сказал:

— Итак, Фаррилл?

И Джилберт сказал:

— Итак, Байрон?

Байрон повернулся к Артемиде:

— А что думаешь *ты*?

Артемида медленно произнесла:

— Я думаю, что он — Автарх Линганы, и в его распоряжении есть целая армия. Поэтому, мне кажется, у тебя нет выбора.

Автарх с нескрываемым восхищением посмотрел на нее:

— Вы очень умны и проницательны, моя госпожа! Как чудесно, что столь прекрасный ум заключен в столь прекрасную оправу!— Он прикрыл глаза.

— Так чего же ты хочешь?— спросил Байрон.

— Позволь мне воспользоваться вашими именами и вашими возможностями, и я отправлю вас на планету, которую мой господин Джилберт называет мятежным миром.

— Ты полагаешь, такой существует?

— Да, и он будет твоим. Я в состоянии найти его.

— Как?— изумился Байрон.

— Это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Мы должны верить, что где-то в нашей Галактике существует мир, готовый сразиться с Тиранией. По-моему, есть только один сектор, где может находиться такая планета.

— Где?

— А разве для тебя самого это не очевидно? Не кажется ли тебе, что этот мир может существовать только внутри самой Туманности?

— Разве возможна жизнь внутри самой Туманности?

— А почему бы и нет? Не стоит заблуждаться относительно Туманности. Это темное пятно в космосе, но оно вовсе не начинено ядовитым газом. Оно состоит из молекул воды, калия и кальция, которые

адсорбируются благодаря свету звезд. Я долго изучал эту проблему в Университете на Земле, и пришел к выводу, что жизнь там все-таки возможна. Просто мы ее не замечаем.

— Кстати, а что ты делал на Земле?— поинтересовался Байрон.— Это не слишком важно для меня, но все же?

— В этом нет никакой тайны. Я покинул Лингану по своим делам. Шесть месяцев назад я посетил Родию. Мой агент Вайдемос,— твой отец, Байрон,— был не слишком удачлив в своих переговорах с Правителем, которого мы рассчитывали привлечь на свою сторону. Прошу прощения у леди, но Хенрик оказался сделанным из неподходящего для нашего дела материала.

— Да уж знаем...— прошептал Байрон.

Автарх продолжил:

— Но я встретил Джилберта, о чем он уже говорил тебе. Потом я отбыл на Землю, потому что Земля — родной дом гуманизма. Именно с Земли послано большинство исследовательских экспедиций в Галактику. Туманность Лошадиной Головы была исследована ими весьма тщательно. Мне понадобились результаты исследований. Теперь слушайте внимательно! Тиранийский корабль, на котором летел мой господин Джилберт, столкнулся с метеором после своего первого Прыжка. Если учесть, что перелет из Тирании на Родию был самым обычным делом, можно установить совершенно точные координаты места столкновения. Потеряв управление, корабль мог пролететь более полумиллиона миль между первыми двумя Прыжками. Следовательно, примем этот промежуток за координату в космосе. Есть и другое предположение. Метеор мог изменить направление Прыжков. Это маловероятно, но возможно. Метеор мог повлиять на силу гиператомных процессов и полностью изменить направление движения. В то же время длина четырех последующих Прыжков осталась величиной неизменной. Конечное положение корабля должно было находиться где-то на поверхности воображаемой сферы, центр которой находится в точке пространства, где произошло столкновение, а радиус ее

равен сумме векторов оставшихся Прыжков. Я попытался вычислить эту сферу, и понял, что ее поверхность находиться внутри Туманности Лошадиной Головы. Осталось лишь найти в Туманности ту звезду, которая нам нужна.

Как ты думаешь, дружок, сколько таких звезд может быть в Туманности?

Вспомни при этом, что Галактика состоит из ста биллионов звезд.

Байрон, почти против своего желания заинтересованный рассказом, ответил:

— Думаю, сотни.

— Пять!— торжествующе выкрикнул Автарх.— Всего пять! Не стоит заблуждаться по поводу цифры «сто биллионов». Объем Галактики равен семи триллионам кубических световых лет, из которых на каждую звезду приходится по семьдесят кубических световых лет. Жаль, что я до сих пор не знаю, какая из этих пяти планет обитаема. Нам придется это выяснить. К несчастью, ранние исследования не дали нам детальной картины. Они лишь изучили положение звезд, тип их движения и спектральную характеристику.

— Значит, в одной из этих пяти звездных систем,— спросил Байрон,— находится мятежный мир?

— Исходя из известных нам фактов, можно сделать только такой вывод.

— Видишь, моя история правдива,— вмешался Джилберт.— Я не выдумал ее.

— Я намерен,— продолжал Автарх,— исследовать лично каждый из пяти миров. Мотивы мои очевидны. Как Автарх Линганы, я могу помочь им в их усилиях.

— А с двумя из Хенриадов и Вайдемосом на твоей стороне ты также можешь завоевать ведущие позиции в новых, свободных мирах,— насмешливо подхватил Байрон.

— Твой цинизм не испугает меня, Фарриял. Ответом будет — да. Если восстание окажется удачным, всегда лучше присоединиться к победителю.

— Более того, в награду одному из друзей восстания может быть отдана Автархия Линганы.

— Или Вайдемос. Верно.

— А если восстание обречено на провал?

— Тогда у нас будет время разобраться и решить, что делать дальше.

Байрон медленно сказал:

— Я полечу с тобой.

— Отлично! Тогда нужно переместить тебя с этого корабля на другой.

— Зачем?

— Так будет лучше для тебя. Этот корабль — всего лишь игрушка.

— Это военный корабль тиранийцев. Было бы глупо не учитывать его мощь.

— Именно потому, что это — военный корабль тиранийцев, отправляться в путешествие на нем опасно.

— Но не в Туманность. Прости, Джоунти! Я присоединяюсь к тебе, потому что тоже хочу найти мятежный мир. Но мы с тобой не друзья, и поэтому я буду поступать по собственному усмотрению.

— Байрон,— осторожно вмешалась Артемида,— но корабль слишком *мал* для троих!

— Конечно, Арта. Но к нему можно прикрепить прицеп. Джоунти это так же хорошо известно, как и мне. Тогда в космосе у нас будет все необходимое. Кроме того, прицеп изменит внешний вид судна.

Автарх вслух размышлял:

— Если мы с тобой не друзья, Байрон, и не доверяем друг другу, я должен позаботиться о личной безопасности. Можешь лететь на своем корабле с прицепом, но мне нужны некоторые гарантии. Поэтому госпожа Артемида должна пойти со мной.

— *Нет!*— крикнул Байрон.

Автарх удивленно поднял брови:

— Нет? Пусть говорит сама леди.

Он повернулся к Артемиде:

— Мне кажется, я сумею обеспечить вам несколько больший комфорт, моя госпожа.

— Не думаю, что мое общество может оказаться приятным для вас, мой господин. Поэтому я останусь здесь.

— Мне кажется вы могли бы передумать,— начал было Автарх, но тут с кончика его носа скатилась

капелька пота, и это испортило все впечатление.

— А мне так не кажется,— прервал его Байрон.— Госпожа Артемида сделала свой выбор.

— И тебя устраивает ее выбор, Фаррилл?— спросил Автарх, улыбаясь.

— Вполне! Все мы втроем останемся на борту «Беспощадности». Других вариантов не будет.

— Ты опрометчиво выбрал себе спутников.

— Да?

— Я в этом совершенно убежден. Ты плохо относишься ко мне, потому что я обманул тебя и подверг твою жизнь опасности. Тогда тем более странно, что ты находишься в таких дружеских отношениях с дочерью человека по имени Хенрик, превзошедшего в коварстве даже меня.

— Я знаю Хенрика. Твои высказывания о нем не изменят моего мнения.

— Ты знаешь о Хенрике все?

— Я знаю достаточно.

— А знаешь ли ты, что именно он убил твоего отца?— Пальцем Автарх указал в сторону Артемиды.— Знаешь ли ты, что эта девушка, к которой ты так расположен,— дочь убийцы твоего отца?

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
ОТЪЕЗД АВТАРХА

В каюте воцарилось напряженное молчание. Автарх закурил новую сигарету. Он внешне расслабился, на лице появилось беззаботное выражение. Джилберт бессильно опустился в пилотское кресло; казалось он сейчас заплачет.

Байрон, белый как бумага, повернулся к Артемиде; она отвела от Автарха взгляд и смотрела только на Байрона.

Тишину прерывали лишь радиосигналы.

Автарх лениво протянул:

— Боюсь, что наша беседа несколько затянулась. Я просил Ризетта прибыть за мной, если сам не вернусь через час.

На видеоэкране возник Ризетт.

Тогда Джилберт сказал Автарху:

— Он хочет поговорить с тобой,— и включил звук.

Автарх встал с кресла и подошел к зоне видеоконтакта.

— Я в полной безопасности, Ризетт.

В рубке необычайно ясно прозвучал вопрос:

— А кто же наши гости, сэр?

Внезапно Байрон встал рядом с Автархом:

— Я Господин Вайдемоса,— гордо заявил он.

Ризетт приветливо улыбнулся в ответ. Рука его поднялась вверх, отдавая честь.

— Мое почтение, сэр.

Автарх прервал его:

— Я скоро вернусь с молодой леди. Подготовь воздушный туннель.— Он оборвал видеосвязь между кораблями и повернулся к Байрону:

— Я не собирался сообщать им, что на борту корабля находишься именно ты. У меня имелись свои причины прийти сюда одному: твой отец был исключительно популярен среди моих людей.

— И именно поэтому ты хочешь использовать мое имя.

Автарх кивнул.

Байрон продолжил:

— Но это и все, что ты сможешь использовать. Твое сообщение своему офицеру было несколько поспешным.

— То есть?

— Артемида из Хенриадов остается со мной.

— Как? После того, что я рассказал тебе?

— Ты ничего не рассказал мне,— резко возразил Байрон.— Ты высказал предположение, не подтвержденное ничем.

— Неужели ты знаешь Хенрика с такой стороны, что мое утверждение кажется тебе невероятным?

Байрон промолчал.

— Я уверена, что это не так,— вмешалась Артемида.— Какие у вас доказательства?

— Прямых доказательств, безусловно, нет. Я не присутствовал на встречах твоего отца с тиранийцами. Но я мог сопоставить несколько фактов. Во-первых, Господин Вайдемоса шесть месяцев назад посе-

тил Хенрика. Это я уже говорил. Вероятно, переоценив Хенрика, он несколько перестарался. Во всяком случае, он сказал больше, чем должен был говорить. Мой господин Джилберт может подтвердить это.

Джилберт жалко кивнул. Он повернулся к Артемиде, которая ответила ему гневным взглядом.

— Прости, Арта, но это правда. Я говорил тебе. Именно от Вайдемоса я услыхал об Автархе.

— Мне повезло,— добавил Автарх,— что мой господин Джилберт страдает страстью к подслушиванию. Я был предупрежден об опасности и быстро покинул планету.

— И ты не попытался спасти его?— спросил Байрон.

— В нашем деле каждый за себя. Но его предупреждали. После этого он не вступал в контакт ни с кем из нас. Некоторые из нас верили, что твой отец, Байрон, покинул сектор и бежал. Он мог сделать это. Но он не скрылся и решил рискнуть... И проиграл. Тиранийцы долго охотились за ним.

— Это ложь!— вскрикнула Артемида.— Все это ложь! В твоей истории нет ни слова правды. Если бы дело обстояло так, то за тобой тоже следили бы! Ты бы тоже был в опасности и не сидел здесь, улыбаясь и отнимая наше время.

— Моя милая, я вовсе не напрасно сижу здесь. Ведь за это время мне удалось полностью дискредитировать твоего отца, верно? Кроме того, имей в виду, что вряд ли тиранийцы доверяют теперь человеку, чьи дочь и кузен присоединились к предателям. А если даже и доверяют, то очень скоро я намерен скрыться во тьме Туманности, где никто не найдет меня.

Байрон перевел дыхание и подытожил:

— Наше интервью подошло к концу, Джоунти. Мы согласны присоединиться к тебе и обещаем поддержку, в которой ты так нуждаешься. Но это единственное, что я могу обещать тебе. Даже если все, сказанное тобой — правда, преступления Правителя Родии не имеют отношения к его дочери. Артемида из Хенриадов остается со мной, если она согласна.

— Согласна,— сказала Артемида.

— Хорошо. Думаю, это все упрощает. Кстати, хочу

предупредить тебя. Ты вооружен, но и я тоже. У тебя в распоряжении есть боевые корабли, у меня — тиранийское военное судно.

— Не глупи, Фаррил. Мои намерения вполне дружеские. Ты хочешь оставить девушку здесь? Пусть будет так. Могу я теперь покинуть вас?

Байрон кивнул.

— Мы давно этого ждем.

Корабли вновь приблизились друг к другу и между ними, как и в предыдущий раз, возник прозрачный туннель. Джилберт внимательно слушал радио.

— Через две минуты они хотят вступить с нами в контакт,— сообщил наконец он.

На видеоэкране возник Автарх. Он уже добрался до своего корабля, и теперь снимал скафандр.

— Спасибо,— приятным голосом сказал он.— Сейчас к вам прибудет мой офицер. С ним вы сможете обсудить детали нашей акции.

На этом связь прервалась.

— Джил,— Байрон повернулся к Джилберту,— я прошу тебя принять офицера, когда он прибудет на борт. Сразу же после его прибытия разорви воздушный контакт. Для этого нужно просто отключить магнитное поле. Ты только нажмешь вот на эту кнопку.

Он повернулся и вышел из рубки. Ему было необходимо остаться наедине с самим собой, чтобы поразмыслить как следует.

Но тут он услышал за спиной торопливые шаги, и тихий голос окликнул его. Он остановился.

— Байрон,— прошептала Артемида.— Я хочу поговорить с тобой.

Он повернулся к ней:

— Потом, Арта, если ты не против.

Она настойчиво искала его взгляд.

— Нет, сейчас. Ты же не поверил тому, что рассказал этот ужасный человек о моем отце?

— Это неважно,— ответил Байрон.

— Байрон,— начала она,— я знаю: то, что произошло между нами, случилось потому, что мы были одни и нам угрожала опасность, но...

Она умолкла.

— Нет необходимости напоминать мне, что ты

из рода Хенриадов, Арта. Я знаю это. И я не хочу, чтобы ты продолжала.

— Нет! О, нет!— Она схватила его за руку и прижалась к ней щекой.— Это не так. Не важно, кто мы такие — Хенриады или Вайдемосы. Я... люблю тебя, Байрон.— Ее глаза были полны мольбы.— Я думаю, ты тоже любишь меня. Забудь, что *я* из Хенриадов. Ты же сам говорил Автарху, что я не могу отвечать за грехи моего отца.

Теперь ее руки обнимали его за шею. Байрон ощутил на губах тепло ее дыхания. Он медленно разжал ее руки и на шаг отступил от нее.

— Я еще не рассчитался с Хенриадами, моя госпожа.

— Но ты же говорил Автарху...

— Прости, Арта,— он смотрел в сторону.— Не нужно повторять, что я говорил Автарху.

Ей хотелось закричать, что это неправда, что ее отец этого не делал, что в любом случае...

Но он повернулся и вошел в рубку, оставив ее, сгоравшую от гнева и стыда, стоять в коридоре.

ПЯТНАДЦАТЬ
ДЫРА В ПРОСТРАНСТВЕ

Теодор Ризетт повернулся, когда Байрон вошел в рубку. Он был совершенно седой, но его тело дышало силой, а румяное улыбающееся лицо — здоровьем.

Он легко преодолел разделяющее их с Байроном расстояние и дружелюбно глянул в лицо юноши.

— Не нужно слов,— начал он,— чтобы сказать мне, что ты — сын своего отца. Старина Вайдемос воскрес передо мной.

— Мне бы этого очень хотелось,— смущенно ответил Байрон.

Улыбка на лице Ризетта угасла.

— Как и всем нам. Кстати: я Теодор Ризетт, полковник вооруженных сил Линганы, но в нашей маленькой игре мы не пользуемся титулами. Даже Автарху мы говорим — «сэр». Так же называют и меня. На Лингане нет ни лордов, ни леди. Надеюсь, ты про-

стишь меня, если когда-нибудь при обращении к тебе я забуду упомянуть твой титул.

Байрон улыбнулся.

— Разве ты сам не сказал, что в нашей маленькой игре мы обходимся без титулов. Но давай вернемся к прицепу. Я должен посоветоваться с тобой, Ризетт.

Некоторое время он мерил шагами рубку. Сидевший здесь же Джилберт внимательно прислушивался. Тихо вошла Артемида и встала за его спиной. Ее пальцы шевелились, как фотоконтакты компьютера. Тишину прервал голос Ризетта.

— Я впервые вижу тиранийский корабль изнутри. Мне было бы интересно более тщательно осмотреть его. Что же касается прицепа, не беспокойся. К подобным моделям его совсем несложно прикрепить.

— Сколько понадобится времени для этого?

— Совсем немного. Каких размеров он должен быть?

— Самого высокого класса. Размеры — соответствующие.

— Для мисс Хенриады? Конечно, он будет гораздо лучше, чем то, что вы имеете здесь...— Ризетт в растерянности замолчал, потому что Артемида, гордо вскинув голову, медленно вышла из рубки. Байрон проводил ее взглядом.

— Наверное,— пожал плечами Ризетт,— я не должен был называть имя мисс Хенриады...

— Не обращай внимания. Что ты говорил?

— Да, насчет комнат. Их будет две, и они будут соединены между собой. Там же будут туалет и ванная комната. Все очень удобно.

— Хорошо. Кроме того, нам нужна еда и вода.

— Конечно. Воды вам доставят достаточно, чтобы хватило наполнить небольшой плавательный бассейн. И вы также получите много замороженного мяса. Ведь все это время вы питались тиранийскими пищевыми концентратами?

Байрон кивнул, и Ризетт скорчил гримасу.

— По вкусу они напоминают сушеных тараканов, правда? Что еще?

— Кое-какую одежду для леди.

Ризетт почесал в затылке.

— Да, конечно. Ну, это она выберет сама.

— Нет, сэр. Вы сами пришлете нам все необходимое: мы полностью доверяем вашему вкусу.

Ризетт коротко рассмеялся и покачал головой.

— Вайдемос, ей это не понравится. Ей не понравится ни одно платье, которое она не выберет сама. Даже если бы она выбрала то же самое, наш выбор ее не устроит. Это не просто предположение. У меня есть опыт в таких вещах.

— Уверен, что ты прав, Ризетт,— кивнул Байрон.— Но ей придется принять все это.

— Хорошо, но я предупредил тебя. Что еще?

— Всякие мелочи. Косметика, духи — все, что нужно женщине. У нас еще будет время уточнить список. Давай пока займемся прицепом.

Теперь уже Джилберт, ни слова не говоря, вышел из рубки. Байрон смотрел ему вслед, и мышцы его напряглись. Хенриады! Они — Хенриады! И с этим ничего не поделаешь. Они — Хенриады! Джилберт — один из них, *она* — другая.

Вслух же он сказал:

— И, конечно, нужна одежда для меня и мистера Хенриада. Но это не столь важно.

— Хорошо. Могу я воспользоваться рацией? Будет лучше, если я останусь на судне, пока не закончатся последние приготовления.

Байрон ждал пока Ризетт отдавал приказы. Потом офицер встал со стула.

— Мне трудно поверить, Вайдемос, что здесь, со мной, ты, а не твой отец. Ты очень похож на него. Он часто рассказывал о тебе. Ты ведь учился на Земле?

— Да, и закончил бы учебу около недели назад, если бы не некоторые события.

Ризетту явно было неловко.

— Кстати, по поводу отправки тебя на Родию... Ты не должен сердиться на нас. Мы не хотели этого. Строго между нами, кое-кому из ребят это очень не понравилось. Конечно, Автарх не советовался с нами. Некоторые из нас — я не буду называть имена — даже настаивали, чтобы мы остановили корабль и сняли тебя с его борта. Естественно, что это было наихудшим из всех возможных вариантов. Но потом

ребята решили, что Автарх знает, что делает.

— Наверное, приятно пользоваться таким неограниченным доверием.

— Оно оправдано. Никто не может объяснить, почему иногда он выбирает то или другое решение. Но любое его решение в конечном итоге оказывается правильным. И он до сих пор избегал тиранийской угрозы, чего не смогли другие.

— Например, мой отец.

— Я не имел его в виду, хотя ты, конечно, прав. Даже он. Но Вайдемос был совсем другим человеком, с несколько своеобразными взглядами на жизнь. Он очень нравился всем нам. Смотри, сейчас я полковник, но отец мой был простым металлургом. Для Вайдемоса не было разницы между полковником и металлургом. А вот Автарх... он — другой. Он не допускает к себе близко никого, кем бы тот ни был. У него совершенно отсутствует чувство юмора. Я не смог бы с ним говорить так, как говорю с тобой. С ним приходится обдумывать каждое свое слово. Автарх есть Автарх, и этим все сказано.

— Я во многом согласен с тобой,— кивнул Байрон.— Знаешь ли ты, что он знал о моем присутствии на корабле еще до того, как увидел меня?

— *Знал?* Мы этого не знали. Он собирался отправиться на борт тиранийского корабля, и мы сочли это самоубийством. Нам это не понравилось. Но мы опять же решили, что он знает, что делает. Он мог бы сообщить нам о тебе хотя бы с борта корабля. Ему отлично известно, что для всех прибытие сына Вайдемоса было бы огромной радостью. Но это так похоже на него — он промолчал!

Артемида сидела в каюте на низкой скамеечке. Почти автоматически она разглаживала складки на юбке. Девушка была раздражена и очень устала. На стук в дверь она вскочила на ноги; она не хотела видеть его; она не хотела слышать его; она ненавидела его!

Но это был лишь Джилберт. Она вновь села, сказав:

— Привет, дядя Джил.

Он уселся против нее. Минуту Джил рассматри-

вал ее лицо, и вдруг улыбнулся.

— Мне кажется, Арта, провести неделю на корабле — не слишком восхитительное занятие. Ты со мной согласна?

— Дядя Джил,— холодно заметила она,— не надо практиковаться в изучении психологии на мне. Если хочешь задеть меня, то лучше оставь свои попытки, потому что тогда я скорее задену тебя.

— Если тебе станет от этого легче...

— Говорю тебе, прекрати!

— Дорогая, ты почему-то поссорилась с Байроном?

— Не смей расспрашивать меня! Оставь меня в покое!

Она помолчала и после паузы добавила:

— Он считает, что отец совершил все то, о чем говорил Автарх. Я ненавижу его за это.

— Твоего отца?

— Нет! Этого доверчивого, глупого, самонадеянного мальчишку!

— Значит, Байрона. Ладно. Ты ненавидишь его. Но ведь любовь и ненависть всегда ходят рядом?

— Дядя Джил,— жалобно спросила она,— мог он в самом деле это совершить?

— Байрон? Совершить *что*?

— Нет! Отец! Мог отец совершить это? Мог он предать Вайдемоса?

Джилберт задумчиво посмотрел на нее.

— Я не знаю... Но ведь он хотел выдать Байрона Тиранийцам? И сделал это.

— Потому что он знал, что это — ловушка,— гневно ответила она.— Тиранийцы знали, кто такой Байрон, и сами послали его к отцу. Отец сделал то, что он обязан был сделать. Это понятно каждому.

— А если при этом вспомнить,— Джилберт смотрел в сторону,— что он пытался убедить тебя выйти замуж по политическим соображениям? Если Хенрик мог пойти на такое...

Она прервала его:

— У отца не было другого выхода.

— Моя дорогая, если ты собираешься найти оправдание каждому поступку своего отца, объясняя это тем, что у него не было выхода, то, возможно, по

этим же соображениям он выдал тиранийцам Господина Вайдемоса?

— Я уверена, что он не делал этого! Ты не знаешь отца так, как знаю его я. Он ненавидит тиранийцев и я это знаю. Он не стал бы помогать им добровольно. Просто он боится их, но сам никогда не стал бы их добровольным союзником.

— А если этого невозможно избежать?

Но она затрясла головой, потом закрыла лицо руками и разрыдалась.

Джилберт посмотрел на Артемиду, беспомощно развел руками и вышел.

Прицеп был прикреплен; его соединял с «Беспощадностью» широкий коридор. Автарх вышел на связь и поинтересовался у Байрона, не нужно ли еще чего-нибудь.

— Нет,— ответил Байрон.— Думаю, нам будет вполне удобно.

— Хорошо. Да, кстати. Ризетт сказал мне, что с госпожой Артемидой не все в порядке, точнее, она не очень хорошо выглядит. Если ей потребуется медицинская помощь, лучше бы отправить ее на мой корабль.

— С ней все в порядке,— отрезал Байрон.

— Ну, если ты уверен... Готов ли ты стартовать через двенадцать часов?

— Если нужно, то и через два.

Проходя по коридору, Байрон столкнулся с Артемидой. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно безразличнее, он сказал:

— Теперь у тебя есть собственные покои. Я не буду надоедать тебе. Большую часть времени я буду проводить в рубке.

Она так же холодно ответила ему:

— Ты не беспокоишь меня, Господин Вайдемоса. И меня не интересует, где ты будешь находиться.

...И вот корабли стартовали. После первого же Прыжка они оказались на краю Туманности. Несколько часов пришлось ожидать, пока компьютер на корабле Джоунти сделает последние расчеты. Навигация внутри Туманности была непростым и малоиз-

вестным делом.

Байрон глядел в смотровое окно. Ничего не видно! Вокруг была темнота, и ни один лучик не прорезал ее. Впервые Байрон понял, насколько приветливы звезды, как они наполняют светом космос.

— Это напоминает черную дыру в пространстве,— пробормотал он, обращаясь к Джилберту.

А потом они вновь совершили Прыжок, на этот раз в глубину Туманности.

Почти в это же время Саймок Аратап, Представитель Великого Хана Тирании, во главе десяти вооруженных военных судов, выслушал своего лоцмана и сказал:

— Это неважно. Следуйте за ними по пятам.

И тиранийские корабли пересекли границы Туманности в той точке, где совсем недавно то же самое совершила «Беспощадность».

ШЕСТНАДЦАТЬ
ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

В форме Саймок Аратап чувствовал себя несколько неудобно. Материал, из которого шили на Тирании формы, был груб. Но давней традицией планеты являлось ношение солдатами несколько неудобной одежды, что должно было, по мнению военачальников, вырабатывать в них дисциплину.

И все же Аратап, в нарушение всех традиций, не смог не заметить:

— Что за гадость этот воротничок! Он натирает мне шею!

Майор Андрос,— чей воротничок ничем не отличался и который носил всю жизнь только военную одежду, не признавая иной,— посоветовал:

— Когда вас никто не видит, воротничок вполне можно расстегнуть!

Аратап фыркнул. Из-за полувоенной миссии их экспедиции он вынужден терпеть такие неудобства! И все это продолжается с того момента, как они покинули Родию.

Все началось прозаически.

К нему явился Андрос и сказал:

— Представитель, нам нужно десять кораблей.

— Десять кораблей, майор?

— Да, сэр. Меньшее количество нас не устроит.

— Почему же?

— Мне нужно обеспечить полную безопасность. Молодой человек куда-то собрался. При этом он соблюдает полную конспирацию. Мы должны следовать за ним.

Аратап взглянул на него, и солнечные зайчики, отраженные в его контактных линзах, заиграли на свету. Он меланхолически заметил:

— У нас есть одна проблема. Это проблема Хенрика. Я думаю, он должен сопровождать нас.

— Не вижу необходимости,— ворчливо возразил майор.— Присутствие в нашей экспедиции представителя местных органов власти может быть дурно истолковано.

Аратап задумчиво слушал его. Андрос, конечно, человек компетентный. Стоит ли спорить с ним?

— Я согласен с тобой. Но вспомни недавнюю историю! Казнь старого Господина Вайдемоса — политическая ошибка. В этом не было необходимости! Нужна ли нам теперь смерть его сына? Тут следует пораскинуть мозгами. Народ Родии считает, что юноша похитил дочь Правителя. Девушка очень популярна среди населения. Поэтому было бы вполне логично, если бы Правитель лично попросил нашей помощи в поимке похитителя.

— Не самый лучший предлог для включения болвана Хенрика в тиранийскую военную экспедицию. Это отдает мелодрамой. Перед нами стоят задачи исключительно военного характера.

— Но я же не сказал, дорогой майор, что Хенрик будет командовать кораблем: он не способен командовать и своими слугами. Он просто будет с нами. Никого из жителей Родии больше на борту не окажется.

— Что ж, мне придется согласиться, Представитель,— нехотя сказал майор.

Тиранийский флот расположился в двух световых годах от Линганы. Теперь следовало оценить ситуацию.

Майор Андрос настаивал на немедленном захвате Линганы.

— Автарх Линганы,— говорил он,— ввел нас в заблуждение, называя себя другом Хана, но я никогда не доверял ему. Странно, что как только он вернулся, на встречу с ним примчался молодой Вайдемос.

— Он не мог знать о путешествии Автарха, майор. И к тому же, нам неизвестно, зачем Вайдемосу понадобилось с ним встречаться. Он кружит на орбите вокруг Линганы. Почему он не приземляется?

— Стоит ли задумываться над тем, что он делает или не делает?

— Хотелось бы высказать одну интересную мысль, майор,— Аратап запустил за воротничок пальцы, чтобы хоть немного ослабить его давление.— Поскольку молодой человек ждет, мы можем предположить, что он ждет кого-то или что-то. Было бы глупо думать, что у него нет никаких намерений. Скорее всего, он ждет встречи с другом или друзьями. Тот факт, что он не приземляется на Лингане, означает, что он не вполне уверен в безопасности этого шага. Это означает, что Лингана в целом — и Автарх в частности — не слишком искушены в конспирации. Так подсказывает мне логика.

— Может быть, вы правы. Но если в течение двадцати четырех часов ничего не изменится, у меня не будет другого выхода, кроме как взять Лингану штурмом.

Аратап взглянул на дверь, через которую только что вышел майор. Очень трудно управлять недальновидными людьми. Двадцать четыре часа. За это время что-нибудь должно случиться, иначе ему придется изобретать способ остановить Андроса.

Прозвенел звонок, и в комнате возникла высокая нескладная фигура Хенрика с Родии. За его спиной нерешительно переминался с ноги на ногу охранник. Теоретически Хенрик был совершенно свободен в своих действиях. Во всяком случае так считал он сам. И поэтому он никогда не обращал внимания на охранника за своей спиной.

Хенрик робко улыбнулся.

— Я не слишком побеспокоил вас, мой господин?

— Вовсе нет. Присаживайтесь, Правитель.

Аратап продолжал стоять. Казалось Хенрик этого не заметил.

— Мне бы хотелось, Представитель, обсудить с вами нечто важное.

Хенрик сделал паузу и что-то промелькнуло в его глазах. Продолжил он несколько другим тоном:

— Какое превосходное судно, верно?

— Благодарю вас, Правитель,— Аратап улыбнулся. Девять остальных кораблей были вполне хороши, но этот, флагманский, представлял собой самую последнюю модель родианской космонавигации. Он полностью олицетворял военный дух Тирании.

— Я пришел чтобы кое-что рассказать вам,— вновь начал Хенрик.— Сегодня я отправил на Родию обращение к своему народу. Я сообщил в нем, что со мной все в порядке и что скоро моя дочь будет в безопасности.

— Хорошо,— одобрил Аратап. Для него это не было новостью. Он сам писал это обращение, поскольку для Хенрика это оказалось непосильной задачей. Аратап почувствовал жалость к этому человеку, деградировавшему на глазах.

— Мой народ,— продолжал Хенрик,— очень обеспокоен этим похищением. Думаю, мне следует предпринять некоторые действия в этой связи. Народ должен понимать, что сила все еще в руках Хенриадов.

Последние слова он произнес торжественным тоном.

— Думаю, вы правы.

— Враг еще не скрылся от нас?

— Нет, Правитель, враг находится там, где и раньше, неподалеку от Линганы.

— До сих пор? Я помню, что хотел вам сказать. Это очень важно, Представитель. Я должен кое-что рассказать вам. На борту зреет заговор. Я раскрыл его. Мы должны быстро действовать. Заговор...

Он заговорил шепотом.

Аратапа охватило безразличие. К бедному идиоту нужно относиться снисходительно, но сколько же можно тратить на него времени?

— Никакого заговора, Правитель. Наши люди верны и преданны. Кто-то сбил вас с толку. Вы устали.

— Нет-нет.— Хенрик отбросил руку Аратапа, которую тот положил ему на плечо.— Где мы?

— Как это «где»?

— Я имею в виду корабль? На смотровом экране вокруг нас нет звезд. Мы в глубинах космоса. Вы это знаете?

— В самом деле?

— Где-то рядом Лингана. Знаете ли вы об этом?

— Да, в двух световых годах от нас.

— Ах-ах-ах! Представитель, нас никто не слышит? Вы уверены?— Он придвинулся вплотную к Аратану.— Откуда мы можем знать, что враг находится возле Линганы? Он слишком далеко, чтобы его можно было обнаружить. Нас дезинформируют, а это означает заговор.

Человек, конечно, может считаться сумасшедшим, но это, черт возьми, хорошая мысль! Аратап сказал:

— Это могут знать инженеры, и вовсе не обязательно знать это гражданским лицам.

— Но как глава экспедиции я должен знать это! Ведь я ее глава?— Он пристально взглянул на Аратапа.— Мне кажется, майор Андрос не всегда выполняет мои указания. Конечно, я редко приказываю ему. Было бы странно приказывать тиранийскому офицеру. Но я должен найти мою дочь. Ее зовут Артемида. Ее украли у меня, и я приложу все силы, чтобы вернуть дочь. Поэтому я должен все знать. В частности, я должен знать, почему мы решили, что враг находится вблизи Линганы. Ведь там должна быть и моя дочь. Вы знаете мою дочь? Ее зовут Артемида.

Он еще раз пристально взглянул на Представителя. Потом, смутившись, пробормотал:

— Прошу прощения.

У Аратапа перехватило дыхание. Трудно было поверить, что у стоявшего перед ним идиота сохранились хоть какие-нибудь отцовские чувства. Он мягко сказал:

— Я попытаюсь объяснить. Вам известно, что есть прибор под названием «массометр», который может определить наличие в космосе кораблей.

— Да, да.

— Он имеет чувствительность к гравитационным эффектам. Вы понимаете, что я имею в виду?

— О да. Все обладает гравитацией,— руки Хенрика нервно потирали одна другую.

— Хорошо. Массометр действует только в тех случаях, когда корабль находится близко, как вам известно. Менее чем в миллионе миль. Он должен быть удален от ближайшей планеты на такое же расстояние, иначе все, что определит массометр — это планета, которая намного больше.

— И обладает большей гравитационной силой.

— Отлично,— сказал Аратап, и Хенрик удовлетворенно взглянул на него. Аратап продолжал:

— У нас есть еще один прибор. Это трансмиттер, который просвечивает космос во всех направлениях и обнаруживает в нем предметы энерго-магнетического характера. Другими словами, он обнаруживает космические корабли. С его помощью мы обнаружили корабль, на котором прилетели наши враги. Как вам известно, он находится неподалеку от Линганы. И, помимо всего прочего, он никуда не улетает, так что мы обязательно спасем вашу дочь.

Хенрик улыбнулся:

— Отлично, я поздравляю вас, Представитель.

Увы, Хенрик понял очень мало из того, что рассказал ему Аратап. Важнее всего для него была надежда на возвращение его дочери. Что ж...

Вновь позвонили, и вошел майор Андрос. Хенрик вцепился двумя руками в кресло, а на его лице появилось затравленное выражение. Он слегка приподнялся, и начал:

— Майор Андрос...

Но Андрос уже говорил, не обращая на беднягу никакого внимания.

— Представитель,— сказал майор,— «Беспощадность» изменила свой курс.

— Значит, он не высаживается на Лингане?— резко спросил Аратан.

— Нет,— прозвучал ответ.— Он совершил Прыжок в сторону, противоположную Лингане.

— Вот как? Хорошо. Вероятно, он следует за каким-нибудь другим кораблем.

— Не за одним, а за многими. Но мы, как известно, можем обнаружить только его.

— В любом случае нужно следовать за ним.

— Приказ уже отдан. Я уверен, что в результате Прыжка он оказался на краю Туманности Лошадиной Головы.

— Что?!

— В этом направлении нет ни одной планетарной системы. Но это только мои умозаключения.

Аратап облизнул пересохшие губы и быстро вышел из рубки, кивком пригласив майора с собой.

Хенрик остался стоять посреди внезапно опустевшей комнаты, задумчиво глядя на дверь. Потом, слегка пожав плечами, он вновь сел.

Лоцман сказал:

— Пространственные координаты «Беспощадности» уже определены, сэр. Они пересекаются внутри Туманности.

— Неважно,— ответил Аратап.— Повсюду следуйте за ними.

Он повернулся к майору Андросу:

— Вот видите, в чем польза ожидания! Теперь мы знаем, куда направляются наши друзья. Наблюдая за ними, мы сможем понять и то, зачем им это нужно.

И эскадра пересекла границы Туманности.

В двадцатый раз Аратап автоматически взглянул на смотровой экран. Собственно, это было абсолютно бессмысленно, потому что за стеклом царила темнота.

Андрос сказал:

— Это уже третья остановка без приземления. Я не понимаю их. Каждая остановка длится несколько дней. Но они и никуда не высаживаются.

— Возможно, им приходится долго рассчитывать следующий Прыжок,— предположил Аратап.— Их Прыжки слишком хороши. Каждый раз они ос-

танавливаются совсем близко от звезды. Они наверняка пользуются не только массометром — им известно также расположение планет.

— Почему же они не высаживаются?

— Полагаю, они ищут обитаемую планету. Возможно, им неизвестно точное расположение конспиративного центра.— Он хитро подмигнул майору.— Нам нужно только следовать за ними.

Внезапно до его слуха донесся возглас лоцмана:

— Сэр!

— Да?

— Враг высаживается на планету.

Аратап подал знак майору.

— Андрос,— сказал он,— вы уже знаете?

— Да. Что теперь?

— Ждать. Для начала нам нужно выяснить, что это за планета. И я запрещаю вам предпринимать без моего разрешения какие бы то ни было шаги. Иначе вы вернетесь на Тиранию и вас разжалуют в рядовые.

— Разжалуют?!

— Вы поняли меня? Отлично.

Они шли на посадку, и на смотровом экране начали возникать очертания планеты.

— Поверхность кажется весьма пустынной, сэр,— заметил лоцман.

— Вы можете определить точное расположение «Беспощадности»?

— Да, сэр.

— Тогда приблизьтесь к ней, насколько это возможно.

Они пролетали сквозь атмосферу. Небо над ними было ярко-пурпурного цвета. Аратап огляделся. Их долгое путешествие практически достигло цели!

СЕМНАДЦАТЬ И ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ

Для тех, кто никогда не бывал в космосе, поиски обитаемой планеты могут показаться увлекательными или, по меньшей мере, интересными. Для космо-

летчика это — одно из самых утомительных заданий; долгая утомительная процедура, требующая многократных проверок, и когда они повторяются по отношению к трем различным звездам, каждый раз с отрицательным результатом,— депрессия, как следствие, оказывается вполне нормальной реакцией.

В случае с нашими героями депрессия больше всех отразилась на Джилберте. Чем дольше продолжались поиски, тем реже находил он что бы то ни было «восхитительным».

Они как раз готовились к Прыжку к четвертой в списке Автарха звезде, и Байрон заметил:

— А все же каждый раз мы оказываемся вблизи звезд. Расчеты Джоунти верны.

Джилберт возразил:

— Статистика показывает, что каждая третья звезда имеет планетарную систему.

Байрон кивнул. Это была хорошо известная статистика. Каждый ребенок знал это из курса элементарной галактографии.

Джилберт продолжал:

— А мы так и не нашли ни одной. Где-то должна быть ошибка.

— Ты смотришь на это со своей колокольни. И потом, что такое статистика? Все, что мы знали до сих пор, касалось чего угодно, только не Туманности. Может быть, здесь другие законы. Впрочем, мои познания в космогонии невелики.

Он задумался на мгновение и неожиданно спросил:

— Ты знаешь, почему ее назвали «Туманностью Лошадиной Головы?»

— Первым человеком, посетившим ее, был Горас Хедд*. Или ты хочешь сказать мне, что это не так?

— Возможно. Но есть другое объяснение, я слышал его на Земле.

— Да?

— Говорят, что она похожа на лошадиную голову.

— Что такое лошадь?

---

* *Горас Хедд — в англ. языке означает «Лошадиная голова».*

— Это земное животное.

— Восхитительная мысль, но мне не кажется, что эта Туманность похожа на какое-нибудь животное.

— Смотря откуда смотреть, Джил. С Нефелоса она напоминает человеческую руку с тремя пальцами, но из обсерватории на Земле она и в самом деле похожа на лошадиную голову. Возможно, именно так и возникло ее название, и никакого Гораса Хедда тут никогда не было. Кто знает?

Байрон не вдумывался в смысл собственных слов. Он говорил просто, чтобы что-то говорить.

Возникла пауза. Она затягивалась, потому что Джилберт собирался с духом, чтобы поговорить с Байроном об одном чрезвычайно интересующем его деле. Наконец он решился.

— Где Арта?— спросил он.

— Не знаю,— быстро ответил Байрон.— Я не слежу за ней.

— Зато это делает Автарх. Скоро он переедет сюда жить.

— Это было бы крайне удачно для нее.

Джилберт свел брови на переносице.

— Не будь глупцом, Байрон. Артемида — из Хенриадов. Она не может взять то, что ты дал ей.

— Оставь это,— бросил Байрон.

— Нет. Я не могу молчать. Зачем ты так ведешь себя?! Потому что Хенрик, возможно, причастен к смерти твоего отца? Хенрик — мой кузен, но по отношению ко мне ты не изменился!

— Ну, хорошо,— перебил его Байрон.— Я не изменился по отношению к тебе. Я разговариваю с тобой как всегда. С Артемидой я тоже разговариваю как всегда.

— Как всегда?

Байрон промолчал.

Джилберт сказал:

— Ты сам подталкиваешь ее к Автарху.

— Это ее выбор.

— Нет. Это твой выбор. Слушай, Байрон,— Джилберт понизил голос, положив руку на колено юноши.— Мне не хотелось бы вмешиваться. Но она —

самое хорошее, что есть в династии Хенриадов. Если хочешь знать, я люблю ее. У меня нет своих детей.

— Я не спрашивал тебя об этом.

— То, что я говорю тебе, нужно для ее блага. Останови Автарха, Байрон.

— Мне казалось, ты доверяешь ему, Джил.

— Как Автарху — да. Как антитиранийскому вождю — да. Но не как мужчине в отношениях с женщиной. В отношениях с Артемидой.

— Скажи ей об этом.

— Она не станет слушать.

— Ты думаешь, она станет слушать, если об этом скажу я?

— Да, если скажешь искренне.

Пораженный Байрон облизнул губы. Потом он отвернулся со словами:

— Я не хочу говорить об этом.

Джилберт грустно сказал:

— Ты еще пожалеешь.

Байрон не ответил. Почему Джилберт не оставит его одного? Он уже сам много раз жалел о случившемся. Но что он мог поделать? Назад пути не было.

Он попытался дышать через рот, чтобы унять боль в груди.

После следующего Прыжка панорама изменилась. Байрон как раз собирался заснуть. Вдруг Джилберт потряс его за плечо.

— Байрон! Байрон!

Байрон приподнялся на локте и раздраженно спросил:

— В чем дело?

Джилберт отступил на шаг:

— Слушай внимательно. На этот раз мы имеем F-2.

— Никогда не буди меня подобным образом, Джил. F-2, ты говоришь? Думаю, теперь нам сопутствует удача!

— Мне тоже так кажется, и это восхитительно!

Здесь необходимо пояснение. Почти девяносто пять процентов обитаемых планет в Галактике окружены звездами спектрального типа F или G диамет-

ром от 750 до 1500 тысяч миль и с температурой на поверхности от пяти до десяти тысяч градусов. Солнце над Землей имело индекс G-0, над Родией — F-8, над Линганой G-2, как и над Нефелосом. F-2 было немного теплее, но не слишком горячее.

Первые три звезды, у которых они останавливались, относились к спектральному типу К, несколько более меньшему и холодному. Поэтому на планетах в их радиусе действия не могло быть никакой жизни.

Хорошая звезда — это хорошая звезда! Фотография показала, что здесь сосредоточились пять планет, ближняя в ста, а дальняя в пятидесяти миллионах миль от них.

Теодор Ризетт явился к ним, чтобы лично сообщить новость. Он не менее часто чем Автарх посещал «Беспощадность», согревая судно своим душевным теплом. На этот раз он сказал:

— Я не знаю, как Автарху удается все это... Пять планет!

Джилберт уточнил:

— Вокруг этой звезды? Ты уверен?

— Безусловно. Хотя четыре из них J-типа.

— А пятая?

— С пятой, очевидно, все в порядке. Атмосфера содержит оксиген.

— А хлориды?— поинтересовался Байрон.— Насколько они просачиваются сквозь атмосферу?

Ризетт вздохнул.

— Пока мы не знаем этого. Если здесь есть хлориды, то они должны быть сконцентрированы на уровне поверхности. Посмотрим.

Джилберт с тоской смотрел на них. Автарх обхаживает Артемиду, а его правая рука стала собутыльником Байрона. «Беспощадность» все больше становилась линганским кораблем. Он подумал, что Байрон знает, что делает, а потом его мысли полностью переключились на новую планету.

Когда они проходили сквозь атмосферу, Артемида была в рубке пилота. Она слегка улыбалась. Байрон изредка поглядывал в ее сторону. Когда она вошла, он сказал:

— Добрый день, Артемида!

Она не ответила.

Потом поздоровалась с Джилбертом и спросила:

— Это правда, что мы приземляемся?

Джил потирал руки.

— Кажется, да, моя дорогая. Через несколько часов мы сможем покинуть наш корабль, и отправиться на прогулку по твердой поверхности. Не правда ли, восхитительная мысль?

— Надеюсь, это та планета, которую мы ищем. Если нет, то не будет ничего восхитительного.

— Тогда мы полетим к другой звезде,— с энтузиазмом провозгласил Джилберт.

Внезапно Артемида повернулась к Байрону и холодно спросила:

— Вы что-то сказали, мистер Фаррилл?

— Нет, ничего,— удивленно ответил Байрон.

Она прошла так близко от него, что подол платья задел его колено, и он почувствовал запах ее духов. Его мышцы напряглись.

— Тогда прошу прощения. Мне показалось.

Ризетт все еще был с ними. Он сказал:

— Теперь мы можем узнать об атмосфере немного больше. Много оксигена, почти 30 процентов нитрогена и инертных газов. Это вполне нормально. Хлоридов нет.

Потом помолчал и промычал:

— Хммм...

— В чем дело?— встревоженно воскликнул Джилберт.

— Нету карбондиоксидов. Это совсем нехорошо!

— Почему?— поинтересовалась Артемида, глядя на планету в смотровое стекло.

Байрон коротко ответил:

— Нет карбондиоксидов — нет растительной жизни.

— Да?— она с дружелюбной улыбкой смотрела на него.

Байрон против желания улыбнулся ей в ответ. Когда она была рядом, он не мог держать себя в руках. Все самовнушение тут же испарялось. Ну что с этим можно поделать?

Джилберт был счастлив. Они приземлялись. Странно было только то, что до сих пор они не получили ответа ни на один радиосигнал.

— Все это мало похоже на мятежный мир,— заметил Джилберт.— Каков уровень карбондиоксидов, Ризетт?

— Около тысячи процентов.

— Я вижу фермы,— обрадованно воскликнул Джилберт.— Странно, что они никак не реагировали на наши радиосигналы. Хотя, возможно, это просто необходимая осторожность.

Байрон кивнул. Его внезапно охватила надежда, что это тот мир. Он понял, что не может больше ждать. Он немедленно должен высадиться на эту планету!

Это было восхитительное чувство!

Люки открыли, и корабль заполнился атмосферой планеты. Ризетт предостерегал о возможности возникновения респираторных заболеваний вследствие отсутствия карбондиоксида, но Байрон не думал, что за столь короткое время это возможно.

Джилберт сошел с корабля вместе с ними. Они огляделись вокруг и разошлись в разные стороны.

— Скалы!— вдруг воскликнул Джилберт.

— Прекрасно. Мы попробуем послать радиосигнал с вершины самой высокой из них. Если эффекта не последует, попытаемся проделать то же самое на другой стороне планеты. Это сделаем Автарх и я,— Байрон был полон решимости.

Ризетт согласился с ним. Планета оказалась солнечной и уровень влажности воздуха был невелик, но все же они ежились от пронизывающего холода.

Автарх, чья экипировка на этот раз была дополнена маленьким карбондиоксидным цилиндром, стоял сейчас у главного люка «Беспощадности».

Он спросил:

— Ты поможешь мне в поисках, Фаррилл?

— Конечно,— ответил Байрон.— Ты считаешь, я должен взять оружие?

— Об этом я как-то не думал.

Тон обоих был холоден, как и погода.

Байрон натянул скафандр, снабженный радиосвязью. Автарх сделал то же самое.

— Не слишком тяжелый,— заметил Байрон. Он повернулся и увидел стоящую прямо перед ним Артемиду.

Девушка молчала. Ее платье трепетало на ветру. Запястья были схвачены широкими серебрянными браслетами.

На мгновение Байрону захотелось бросить все, вернуться, сжать ее в объятиях, ощутить вкус ее губ...

Но вместо этого он прощально кивнул ей и отвернулся, так что ее ответная улыбка досталась Автарху.

Через пять минут Байрон обернулся и увидел, что она все еще стоит в проеме открытого люка. Перед ними открывался пустынный горизонт, и лишь одинокая скала возвышалась вдалеке.

Байрон подумал вдруг, увидит ли он Артемиду вновь — и будет ли она переживать, если он не вернется никогда?

ВОСЕМНАДЦАТЬ.
СТРЕМИТЬСЯ К ПОБЕДЕ...

Артемида смотрела им вслед, пока их фигуры не стали крошечными точками. Но мгновение, прежде чем они совсем скрылись из виду, один из них оглянулся. Она не могла сказать точно, кто это был, и на сердце у нее залегла печаль.

Он не сказал на прощанье ни слова. Ни единого слова. Ей стало одиноко, ужасно одиноко, как никогда в жизни.

Вернувшись в рубку, она задумчиво уселась в кресло. Она могла бы пойти с ним! Артемида мысленно поправила себя — с ними.

Отогнав от себя крамольную мысль, она спросила:

— Почему они не отвечают, дядя Джилл?

— Кто?

— Жители мятежного мира.

Джилберт был чем-то обеспокоен.

— Мы сделаем все от нас зависящее, дорогая. Мы должны найти их!

Он повторил еще раз:

— Должны!

И мгновением позже:

— Но я не могу их найти.

— Кого?

— Байрона и Автарха. Их нигде не видно. Правда, я вижу корабль Автарха.

Артемида прильнула к стеклу. Да, это был корабль и он сверкал в лучах солнца. Внезапно ей остро захотелось, чтобы можно было повернуть время вспять, чтобы они никогда не приближались к Лингане, чтобы всегда оставались в космосе втроем. Пусть им не всегда было комфортно, но как же она была счастлива тогда! А сейчас она только ненавидит его. Что-то заставляет ее ненавидеть, хотя ей бы хотелось совсем иного...

Внезапно Джилберт воскликнул:

— Что он собирается делать?!

— Кто?

— Ризетт! Я думаю, что это Ризетт. Но он не должен был идти в этом направлении.

— Увеличь изображение,— приказала Артемида.

— На таком маленьком расстоянии?— удивился Джилберт.— Ты ничего не увидишь. Я не смогу навести резкость.

— Увеличь изображение, дядя.

Теперь они ясно видели силуэт Ризетта. Артемида воскликнула:

— Он вооружен. Ты заметил?

— Нет.

— У него в руках бластер, говорю тебе!

Она, вскочив, бросилась к люку.

— Арта! Что ты делаешь?

Она была занята поисками скафандра.

— Я собираюсь выйти отсюда. Ризетт преследует их. Как ты не понимаешь? Автарх вовсе не намерен устанавливать радиосвязь. Это ловушка для Байрона!

— Прекрати! Ты говоришь чепуху!

Но она смотрела на Джилберта невидящими гла-

зами, а ее лицо побелело. О, глупец! Кому этот мальчишка поверил?! Ризетту, который нахваливал его отца, а на самом деле готовился убить его?!

Она сказала:

— Я не знаю, как открывается люк. Открой его.

— Арта, ты не покинешь корабль. Ты же не знаешь, где они!

— Я найду их. Открой люк.

Джилберт отрицательно покачал головой.

— Открой люк!— крикнула она.

Он подчинился. Артемида выскочила наружу и помчалась в сторону скалы. Кровь билась у нее в висках, шлем потерялся по дороге, и теперь голова ее была непокрыта. Но она спешила вперед, держа в руке нейронный хлыст.

Байрон и Автарх не сказали во время своей прогулки ни слова друг другу. Они приближались к скале.

— Какой безнадежный мир, Джоунти,— заметил вдруг Байрон.

Автарх никак не отреагировал на его слова. Он остановился, оглядывая окрестности. Наконец пробурчал себе под нос:

— Это то, что нужно. Идеальное место для наших целей.

«Идеальное место для твоих целей»,— подумал Байрон. Он присел на камень, прислушиваясь и чего-то ожидая.

Потом он спокойно добавил:

— Не представляю, что ты скажешь им всем, когда вернешься на корабль, Джоунти. Или я не прав?

Автарх, занятый открыванием двух небольших чемоданчиков, на мгновение замер.

— О чем ты говоришь?

— О том, как ты объяснишь, зачем пришел сюда.

— Я пришел сюда, чтобы попытаться установить радиосвязь, и у меня нет времени на пустую болтовню, Фаррилл.

— Ты вовсе не собираешься устанавливать радиосвязь. Зачем? Ведь мы уже пытались связаться с

ними из космоса — и безрезультатно. Так зачем же ты пришел сюда на самом деле, Джоунти?

Автарх сел напротив Байрона. Рука его покоилась на чемоданчике.

— Если у тебя есть сомнения, зачем *ты пошел* со мной?

— Чтобы узнать правду. Твой человек, Ризетт, говорил мне, что ты собираешься совершить эту маленькую прогулку, и советовал мне пойти с тобой. Я уверен, что приказывая ему посоветовать мне пойти с тобой, ты придумал какую-нибудь вескую причину. Я попался на эту удочку, и вот мы здесь.

— Так ты хочешь узнать правду?— насмешливо переспросил Автарх.

— Да. Я ее уже почти понял.

— Тогда поведай и мне, что же именно ты понял.

— Ты пришел, чтобы убить меня. Я здесь с тобой наедине, над нами нависает скала, и вполне может случиться так, что я полезу на нее, оступлюсь и упаду. Тебе не понадобится даже пользоваться оружием. Потом ты приведешь людей за моим трупом, и, возможно, даже похоронишь меня с почестями.

— И ты веришь в то, что говоришь?

— Да, но ты не застанешь меня врасплох. Мы оба безоружны, и я не думаю, что ты окажешься сильнее меня.

Правой рукой Байрон показал Автарху кукиш.

Джоунти рассмеялся.

— Может быть, мы все же займемся тем, зачем пришли сюда — радиосвязью?

— Перестань дурачить меня. Я знаю, что ты хочешь убить меня.

— Я бы не советовал тебе повторять эти глупости. Щенок!

— Слушай,— голос Байрона был громким и отчетливым.— Ты говорил, что послал бы меня на верную смерть — я имею в виду Родию — только для того, чтобы навлечь подозрения на Правителя?

— Да.

— Это ложь. Твоей главной целью было, чтобы меня убили. Ты сообщил капитану родийского корабля, кто я на самом деле. Ты не думал, что я вообще

попаду к Хенрику.

— Если бы я хотел убить тебя, Фаррилл, то мог бы подложить в твою комнату настоящую бомбу.

— Тогда это было бы сложнее представить как попытку тиранийцев убить меня.

— Я мог убить тебя в космосе, когда впервые попал на борт «Беспощадности».

— Мог. Ты пришел вооруженный бластером, и нацелил его на меня. Но когда Ризетт узнал, кто я такой, для тебя стало невозможным убить меня. Твоя ошибка заключалась также в том, что ты не сказал сам своим людям, кто я такой. Не станешь же ты отрицать это, Джоунти?

Лицо Джоунти, без того белое от холода, побелело еще больше.

— Даже сейчас я мог бы убить тебя. И что удержало бы меня?

— Политика, Джоунти. На борту корабля находится Артемида из Хенриадов, и, мне кажется, сейчас она более важная персона, чем я. Убить меня в ее присутствии — означает проиграть так успешно начатую для тебя партию. Ты навсегда потеряешь надежду на успех в ее глазах.

Джоунти вздохнул и сказал:

— Фаррилл, здесь холодно, а становится еще холоднее. Мне кажется, солнце заходит. Ты глуп и очень утомил меня. Все же я хотел бы знать: зачем, по-твоему, мне понадобилось убивать тебя?

— По той же причине, по которой ты убил моего отца.

— *Что?!*

— Думаешь, я поверил, когда ты обвинил беднягу Хенрика в предательстве? Думаешь, я считаю моего отца таким глупцом, чтобы он мог чересчур довериться Хенрику? Нет, Джоунти! Мой отец должен был очень доверять своему убийце, чтобы позволить ему приблизиться к себе.

Джоунти отступил назад и поддел ногой один из чемоданчиков. Тот раскрылся, и содержимое его вывалилось на землю.

— Я вижу, у тебя разыгралась фантазия. Ты помешан на криминальных историях.

Байрон дрожал, но холод был здесь ни при чем.

— Мой отец был популярен среди твоих людей, Джоунти. Слишком популярен. Автарх не может допустить, чтобы кто-то имел больший авторитет, чем он. Ты избавился от соперника! А от меня хочешь избавиться потому, что боишься, будто я займу его место!— Его голос нарастал и постепенно перешел в крик.— Разве это неправда?

— Нет.

Джоунти нагнулся за чемоданчиком.

— Я могу доказать, что ты ошибаешься.— Он открыл его.— Радиоснаряжение. Посмотри на него. Хорошенько посмотри.

Байрон опустил взгляд на чемоданчик:

— Ну, и что это доказывает?

Джоунти выпрямился.

— Ничего. А теперь внимательно взгляни на это.

В руке он держал бластер.

— Я устал от тебя, Фаррилл. Я больше не хочу разговаривать с тобой.

— Ты пронес бластер в чемоданчике с оборудованием!— Изумлению Байрона не было границ.

— А почему бы и нет? Я могу себе это позволить. Я — Автарх Линганы, и я устал от постоянной необходимости выслушивать всяких Господ Вайдемоса.— И он приказал:— Вперед! Полезай на скалу!

Байрон, неотрывно глядя в дуло бластера, отступил на шаг.

— Ты убил моего отца!

— Да, я убил его,— рассмеялся Автарх.— Я говорю тебе это только потому, что тебе недолго осталось жить.

— И ты уже не раз пытался убить меня!

— Да. Та прав в своих допущениях. И чем сейчас это может помочь тебе? Вперед!

— Нет,— воскликнул Байрон.— Если собираешься стрелять, стреляй.

Автарх раздраженно спросил:

— Ты думаешь, я не сделаю этого?

— Я даже прошу тебя выстрелить.

— Хорошо,— Автарх прицелился в голову Байрона и спустил курок.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ
...И ПОТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ

Теодор Ризетт прятался за скалой. Он не хотел, чтобы его увидели раньше времени. Бластер он держал в кармане. Солнце благоприятствовало ему: если бы те, за кем он наблюдал, повернули головы в его сторону, оно светило бы им прямо в глаза, и его было бы трудно заметить.

Он отлично слышал их голоса. Все же хорошо он придумал с этим встроенным микрофоном! Ризетт усмехнулся. Все идет по плану, только создатель этого плана явно не рассчитывал на присутствие здесь постороннего.

Артемида не видела бластер. Она не видела и двух фигур на скале. Пять минут назад она заметила Ризетта, и теперь следовала за ним. Но он шел слишком быстро. Догоняя его она дважды упала, но даже не почувствовала этого. При втором падении она рассекла ногу, и теперь за ней оставался багровый след.

Из последних сил она сжимала нейронный хлыст.

Как привлечь к себе его внимание? Она крикнула:

— Ризетт!— И вновь:— Ризетт!

Внезапно она споткнулась. Солнце светило ярко, но мир потемнел, сознание начало покидать ее. Артемида почувствовала, что касается земли, что хлыст выскальзывает из пальцев...

Чьи-то руки подхватили ее. Она с усилием приоткрыла глаза.

— Байрон?— прозвучал еле слышный шепот.

В ответ послышались слова, но это был голос не Байрона. Это голос Ризетта, поняла она.

И тут сознание окончательно покинуло девушку.

На лице Автарха было недоумение, как у ребенка, которому дали игрушку и тут же отобрали ее. Он вновь и вновь нажимал на спуск бластера, однако выстрел так и не раздался.

Байрон сказал:

— Кажется, с твоим бластером что-то не в порядке?

Автарх переводил взгляд с Байрона на оружие. С ужасом он обнаружил, что бластер разряжен. Теперь оружие было просто бесполезной игрушкой. Автарх отбросил его в сторону.

— Око за око,— голос Байрона дрогнул.

Автарх, ничего не говоря, отступил назад.

Байрон медленно шагнул к нему.

— Существует множество способов убийства, но я не буду удовлетворен, если смерть твоя наступит сразу. Тогда ты не успеешь ощутить ее. Это будет плохо. Думаю, я должен продлить этот процесс.

Внезапно до его слуха донесся отчаянный крик:

— Ризетт! Ризетт! Не стреляй!..

В ту же минуту Автарх бросился на Байрона и повалил его на землю. Его пальцы пытались сдавить шею юноши. Байрону удалось вывернуться. Автарх отскочил в сторону, тяжело дыша и готовясь повторить попытку.

Они вновь сцепились и покатились клубком по земле. Потом вскочили, держа каждый свой карбондиоксидный цилиндр наперевес. Внезапно Автарх метнул цилиндр в сторону юноши, но не попал, и цилиндр с грохотом покатился по скале.

Это разозлило Байрона. Подскочив к Автарху, он рывком втащил его на вершину скалы, подталкивая к самому краю. Автарх уже чуть не потерял равновесие, но противник вовремя схватил его за руку.

— Ты подошел слишком близко к краю, Джоунти. Я еще не хочу, чтобы ты умирал. Поэтому не торопись.

Джоунти застонал от бессильной злобы.

И тут прозвучал голос Ризетта:

— Подожди!

— Убей этого человека, Ризетт! Убей его!— заверещал Автарх. В нем возродилась надежда.

Ризетт медленно поднял оружие и прицелился.

— Как ты думаешь,— спросил Байрон,— почему твой бластер оказался разряженным, Джоунти?

— Что?!— Автарх растерянно заморгал.

— Твой бластер разрядил не я, Джоунти. Так кто же? Кто сейчас целится в тебя, Джоунти? Не в меня, Джоунти, в *тебя*?

Повернувшись к Ризетту, Автарх процедил:

— Предатель!

— Не я, сэр,— громко возразил Ризетт.— Предатель тот, кто способствовал смерти Господина Вайдемоса.

— Это не я,— закричал Автарх.— Если это сказал тебе он, то он лжет!

— Это сказал мне ты сам. Я не только разрядил твое оружие, но и снабдил тебя микрофоном, который позволял слышать каждое твое слово и мне, и остальным членам команды. Теперь все знают, кто ты есть на самом деле.

— Я твой Автарх!

— Но также и величайший из предателей.

Теперь Автарх лишь молча переводил глаза с одного на другого. К нему вернулось самообладание. Он холодно спросил:

— Если даже это и правда, что можно изменить? Ничего. Мы сейчас находимся на одной из планет Туманности. Эта планета должна быть мятежным миром, и только мне известны ее координаты.

Он все еще пытался играть роль вождя.

— Ты назовешь их нам,— сказал Байрон.

— Никогда!

Байрон обратился к Ризетту:

— Отправь его на «Беспощадность».

Ризетт тихо сказал:

— Леди Артемида...

— Так это она кричала? Где она?

— Все в порядке. Она вышла без карбондиоксидного цилиндра. Углекислый газ замедлил ее кровообращение, и тело автоматически ослабло. Она пыталась бежать, и это еще ухудшило положение.

— Зачем же она догоняла тебя? Чтобы убедиться, что ее дружок не умер?

— Да, именно для этого,— ответил Ризетт.— Только она думала, что я человек Автарха и собираюсь убить *тебя*. Я отправлю на корабль эту крысу, а ты, Байрон...

— Да?

— Возвращайся как можно скорее. Он все же остается Автархом Линганы, и тебе, возможно, придет-

ся поговорить с командой. Трудно решиться оборвать жизнь своего господина... Она за той скалой. Поспеши же к ней, пока она не замерзла до смерти. Ее нельзя оставлять там.

Артемида приходила в себя, когда послышались его торопливые шаги.

— Как ты?

— Спасибо, немного лучше. Прости, что доставляю тебе столько хлопот.

Они стояли, глядя друг на друга, и между ними шел беззвучный диалог.

Потом Байрон сказал:

— Я знаю, что мы не сможем повернуть время вспять, и то что сделано — сделано. Но я хочу, чтобы ты меня поняла.

— Я только и делала все эти дни, что пыталась понять. Ты снова будешь говорить о моем отце?

— Нет. Я знаю, что твой отец невиновен. Автарх оклеветал его. Моего отца убил он сам, и теперь, я думаю, ты не сможешь простить меня. Я знал, что он домогается тебя, Арта! Ты являлась объектом его матримониальных устремлений. Имя Хенриады для его целей было куда важнее имени Вайдемоса! Я оказался ненужным. Он решил, что ты в его руках, и он может смело избавиться от меня. Тогда мы с Ризеттом разработали наш план.

— И ты любил меня все это время?

— Неужели ты сама не знаешь этого, Арта?

— Почему же ты тогда не поделился со мной своими планами?

— Это была не твоя борьба, а моя. Если бы Автарх убил меня, ты бы, возможно, перестала меня ненавидеть. Ты могла бы выйти за него замуж, быть счастлива...

— И теперь ты боишься, что я буду ненавидеть тебя за то, что ты победил.

— А ты могла бы ненавидеть меня?

Она тихо сказала:

— Все это время я пыталась разлюбить тебя, но у меня так ничего и не получилось.

— Тогда прости меня!

— Я уж давно простила тебя, Байрон, потому что люблю!

И вновь она была в его объятиях. Ее холодные губы касались его щеки и тихо шептали что-то. Время остановилось.

Наконец он опомнился.

— Солнце садится. Становится прохладно.

— Странно,— задумчиво прошептала она,— но мне кажется, что, напротив, потеплело.

Обнявшись, они побрели к кораблю.

Их было пятьдесят — членов команды линганийского корабля — и все они с ожиданием смотрели сейчас на Байрона. Он выступил вперед.

— За что вы боретесь, люди? За что рискуете своими жизнями? Думаю, за свободу Галактики. Галактики, в которой каждый сможет выбрать свой собственный путь. Я прав?

В ответ раздался приглушенный ропот, который мог быть знаком одобрения, но лишенным энтузиазма.

Байрон продолжал:

— За что же боролся ваш Автарх? За себя самого. Он — Автарх Линганы. Если бы он победил, то стал бы Автархом Королевств Космической Туманности. Вы поменяли бы Хана на Автарха. Кто бы выиграл от подобной замены? И стоило ли умирать за это?

Кто-то из толпы выкрикнул:

— Все же он один из нас, а не гнусный тираниец.

Другой перебил его:

— Автарх хотел примкнуть к мятежному миру. Он думал не только о себе.

— Да, он хотел войти в мятежный мир не только со своей организацией,— голос Байрона гремел над толпой.— Он хотел соблазнить их Линганой; он предложил бы им альянс с Хенриадами. И за это, он был уверен, мятежный мир даст ему все, что он попросит. Разве это не мысли собственника и эгоиста?! И потом, не подвергал ли он неоправданному риску ваши жизни? А мой отец? Он был верным другом свободы и чести. Но он был слишком популярен, и Автарх убрал его с дороги. Автарх может переступить через любого из вас. Можно ли чувствовать себя в безопасности рядом с таким человеком?

— Верно,— веско заявил Ризетт.— Он прав, ребята.

Внезапно тот же самый голос из заднего ряда спросил:

— А мятежный мир? Автарх знал его координаты. А ты их знаешь?

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас надо обдумать, какую дорогу мы изберем после...

— Минуточку, мой дорогой юный друг,— раздался тихий прерывистый голос, и Байрон в ужасе оглянулся.

Пятьдесят человек команды вскочили на ноги, но все они пришли на совет безоружными. Их окружил отряд тиранийских воинов, и сопротивление было бесполезным.

А за спиной Байрона и Ризетта с бластером в каждой руке стоял Саймок Аратап.

ДВАДЦАТЬ
ГДЕ?

Аратап внимательно изучал стоящую перед ним четверку. Майора Андроса с ним больше не было, улетела и тиранийская эскадра.

Остался только флагманский корабль, его команда, и он, Аратап. Лично. Линганийская команда также отбыла.

Он медленно произнес:

— Позвольте предупредить вас, леди и джентльмены. Корабль Автарха в настоящее время под конвоем направляется в Тиранию в сопровождении майора Андроса. Вся команда, в соответствии с законом, предстанет перед судом за измену. Но вот что мне делать с вами?

— Учтите,— заговорил сидящий рядом с ним Хенрик с Родии,— что моя дочь — совсем молоденькая девушка. Она была вовлечена во все это помимо ее воли. Артемида, дитя мое, скажи им, что...

— Твоя дочь,— прервал его Аратап,— будет, несомненно, освобождена. Как мне известно, ее руки просит тиранийский придворный. Я не забыл этого.

— Я выйду за него замуж,— вмешалась Артемида,— если вы освободите остальных.

Байрон полупривстал, но Аратап жестом усадил его на место. Тиранийский Представитель усмехнулся:

— Моя милая леди! Не требуйте от меня невозможного. Я не Хан, а всего лишь один из его слуг. У меня есть только одно право — судить его по справедливости. Так что же вы предлагаете?

— Мое согласие на замужество.

— А оно никому не нужно. Ваш отец уже дал его за вас. Вы можете предложить что-нибудь еще?

Аратап ожидал взрыва негодования. Ему в глубине души была неприятна его роль. Девушка могла также разразиться слезами, что произвело бы соответствующее впечатление на молодого человека. Ведь они явно влюблены друг в друга. Он определил для себя, что девушка очень привлекательна. Жаль, что она достанется этому старцу, Похангу.

Но она вела себя странно. Она, казалось, не собиралась падать без чувств. Отлично, подумал Аратап. У нее сильная воля. Поханг еще хлебнет с ней горя.

Он обратился к Хенрику:

— Ты просишь о снисхождении также для твоего кузена?

Губы Хенрика беззвучно шевелились.

Джилберт воскликнул:

— Я не нуждаюсь ни в каком снисхождении! Я не хочу от Тирании ничего. Прикажите убить меня.

— К чему эта истерика?— удивился Аратап.— Вы отлично знаете, что я не могу расстрелять вас без суда.

— Он мой кузен,— прошептал Хенрик.

— Это тоже будет учтено. Но не следует рассчитывать на то, что ваша служба Хану влечет за собой дополнительные поблажки. Думаю, ваш родственник скоро усвоит этот урок.

Он был удовлетворен реакцией Джилберта. Этот балбес, по-видимому, и в самом деле ищет смерти. Самое страшное наказание для него — оставить его в живых.

Перейдя к Ризетту, Аратап задумался. Это был

один из людей Автарха. В связи с этим он обладал некоторой неприкосновенностью. Он сказал:

— Вы — глупец, который служит предателю. Лучше перейдите на службу к нам.

Ризетт фыркнул.

Аратап продолжил:

— Если вы дорожите своей воинской честью, вы можете потерять ее. Вас будут судить публично, и все узнают, что вы глупец из глупцов. Жаль...

— Но я думаю, мы могли бы поторговаться,— сказал Ризетт.

— Поторговаться?

— У вас есть только массометр. Разве вам не хочется иметь другое современное оборудование?

Аратап отрицательно покачал головой.

— Нет. Для этого у нас есть Автарх. Он и послужит источником информации. Такая торговля меня не интересует.

И он повернулся к юноше. Аратап оставил его на закуску, потому что тот был гораздо умнее остальных. Но он был молод, а молодые люди чаще всего неопасны.

Байрон решил опередить его.

— Как вам удалось найти нас? Он работал на вас?

— Автарх? Не в том смысле, в котором ты думаешь. Думаю, бедняга пытался играть за две команды сразу, и проиграл.

Хенрик с глуповатой улыбкой вмешался в их разговор.

— У тиранийцев есть изобретение, позволяющее следить за кораблями в гиперпространстве.

Аратап быстро обернулся:

— Если вы, мой господин, скажете еще хоть одно слово об изобретении, я разгневаюсь.

Хенрик умолк.

На самом деле это не имело значения. Никто из этой четверки не представлял теперь опасности, но он не должен был допустить, чтобы молодой человек узнал слишком многое.

— Итак, обратимся к фактам,— снова заговорил Байрон.— Почему нас не отправили на Тиранию вме-

сте с остальными? Это произошло потому, что вы еще не решили, как лучше нас убить. Двое из нас Хенриады, я — Вайдемос. Ризетт — хорошо известный офицер линганийской гвардии. Есть еще и пятый, которого вы назвали предателем — Автарх Линганы. Вы не можете убить ни одного из нас, чтобы это не стало известно всей Галактике. Поэтому вы пытаетесь торговаться с нами,— и вам ничего другого не остается.

— Ты не так уж неправ,— согласился Аратап. — И в подтверждение этого я последую твоим советам; неважно, каким образом. Пока же меня занимает только один вопрос: где этот чертов мятежный мир?

Воцарилась тишина. Аратап поочередно смотрел на каждого из них.

— Здесь нет никакого мятежного мира,— сказал Байрон.

— И вы ничего не искали здесь?

— И мы ничего не искали.

— Твои слова смешны.

— Смешон ты, если ожидаешь ответа на свой вопрос.

— Очевидно,— Аратап рассуждал вслух,— что мятежный мир находится в центре октопуса. Чтобы найти его, я должен оставить вас в живых. Каждому из вас есть что терять. Моя леди, я могу избавить вас от ненавистного замужества. Мой господин Джилберт, мы можем создать для вас лабораторию, где вас никто не побеспокоит. Да-да, нам известно о вас больше, чем вы думаете. Полковник Ризетт, вы будете спасены от трибунала и сохраните таким образом свое доброе имя. Ты же, Байрон Фаррилл, вновь станешь Господином Вайдемоса и мы простим тебе прегрешения твоего отца.

— И вернете его к жизни?

— И восстановим его честь.

— Его честь,— сказал Байрон,— осталась в его поступках и его гибели. Не в вашей власти разрушать или восстанавливать ее.

— Кто-нибудь из вас четверых,— Аратап будто не слышал юношу,— скажет мне, где искать мир. И этот человек получит то, что я ему пообещал. С ос-

тальными же произойдет то, что они считают для себя наихудшим — замужество, заключение, суд, казнь. Предупреждаю: я могу, если нужно, быть весьма жестоким.

Он выждал мгновение.

— Итак, кто же? Если не скажете вы, скажет кто-то другой. Тогда вы потеряете всякие шансы, а я все-таки получу нужную мне информацию.

— Это не поможет,— улыбнулся Байрон.— Мятежного мира нет.

— Автарх считает, что есть.

— Тогда и задайте свой вопрос Автарху.

Аратап выпрямился. Молодой человек явно блефует.

— Видишь,— добавил Байрон,— наш торг не удался. Ты не можешь предложить ничего из того, что мы купили бы. Верно?

Артемида крепко прижалась к нему. Ризетт коротко кивнул, а Джилберт пробормотал:

— Верно.

— Вы сами сделали свой выбор,— процедил Аратап, нажимая кнопку.

Теперь перед ним предстал Автарх.

— Что тебе нужно?— глухо спросил он.

— Сейчас я скажу тебе это,— сказал Аратап.— Во-первых, я хотел встретиться с тобой. Посмотреть, кого же мы поймали. Кстати, в наших руках оказался также молодой человек, который, по твоему замыслу, должен был умереть, но который все еще жив и сумел разрушить все твои планы, хотя ты — Автарх, а он всего лишь заключенный.

Было бы сложно описать выражение лица Автарха при этом сообщении. Но он быстро принял невозмутимый вид.

Не глядя на него, Аратап продолжал:

— Здесь также Джилберт из Хенриадов, который спас жизнь этого юноши и привел его к тебе. Здесь госпожа Артемида, которая, по-видимому, является возлюбленной этого молодого человека. И здесь полковник Ризетт, твое наиболее доверенное лицо, который приложил руку к твоему падению. Чего бы ты

пожелал этим людям, Автарх?

— Что тебе нужно?— снова хрипло спросил Автарх.

— Информация. Дай мне ее и ты вновь станешь Автархом. Твои сведения по заслугам оценят при дворе Хана. Иначе...

— Иначе?

— Иначе все эти люди будут освобождены, а ты казнен.

Лицо Автарха расплылось в коварной улыбке.

— Они не могут быть освобождены. Ведь только я знаю координаты мятежного мира!

— Но я ведь еще не сказал, какого рода информация мне нужна, Автарх!

— Существует только одна вещь, которую ты хотел бы знать.

Ризетт вмешался в этот разговор:

— Если ты и поверишь ему, все равно в конце концов будешь казнен!

Байрон одернул друга.

— Не глупи,— спокойно сказал он.— Ты все равно ничего не сможешь сделать.

— Меня,— произнес Автарх,— мало волнуют и Автархия и я сам, Ризетт.— Он повернулся к Аратапу.— Они будут казнены? Ты можешь мне обещать?— он указал пальцем на Байрона:— Особенно этот.

— Да, если такова твоя цена.

— Если я стану его палачом, то ты узнаешь все, что хочешь знать. Я дам тебе ро, тету и фи в парсеках и радианах: 7352.43, 1.7836, 5.2112. Эти три значения указывают положение мятежного мира в Галактике. Теперь ты знаешь их!

— Теперь да,— Аратап поспешно записывал цифры на клочке бумаги.

С криком «Предатель!» Ризетт вскочил на ноги.

Байрон не сумел удержать его. Ризетт боролся с охранником. Тому на помощь пришел другой охранник, но было поздно — Ризетт уже завладел бластером.

— Предатель,— в последний раз повторил он и выстрелил в Автарха. Автарх упал, тело его несколь-

ко раз конвульсивно дернулось — и затихло.

Аратап продолжал сохранять невозмутимость. Он только приказал:

— Уберите тело!

Друзья окружили Ризетта. Он порывисто пожал Байрону руку.

— Я убил-таки этого мерзавца!

Байрон отчетливо произнес:

— Ты попал в ловушку Аратапа, Ризетт.

— В ловушку? Я просто убил одного негодяя!

— В этом и заключается ловушка. Ты доставил ему удовольствие.

Ризетт ничего не ответил, а Аратап не вмешался. Его лицо выражало удовлетворение. Да, мозги этого юноши отлично работают!

Байрон продолжил:

— Если Аратап имел в виду именно то, что говорил, теперь ему известно то, что он хотел знать. Ведь он допрашивал нас просто, чтобы испытать. Я был готов к любым, связанным с этим неожиданностям. Ты — нет.

— Я думал,— голос Аратапа звучал необычайно мягко,— что вы сделаете это.

— Вот-вот,— подхватил Байрон.— Теперь тебе ясно, что он вовсе не собирался оставлять Автарха в живых? Все тиранийцы подобны змеям. Ему нужна была только информация Автарха; он не собирался платить за нее; но он не мог рисковать, убивая его собственноручно. За него это сделал ты.

— Правильно,— подтвердил Аратап,— и теперь у меня есть необходимая мне информация.

Где-то зазвонил колокольчик.

— Хорошо,— наконец прервал молчание Ризетт.— Если это доставило ему удовольствие, то же самое можно сказать и обо мне.

— Не совсем так,— прервал его Аратап,— поскольку твой юный друг не довел свои аналитические упражнения до конца. Ты совершил новое преступление. Это влечет за собой...

Внезапно он замолчал. Он услышал чьи-то шаги и скрип открываемой двери. На пороге стоял солдат.

— Что случилось?

— Общая тревога, сэр. Аккумуляторное отделение.

— Пожар?

— Еще точно неизвестно, сэр.

Про себя Аратап воззвал к небу и только сейчас сообразил:

— Где Джилберт?

Он и не заметил, как тот выскользнул из комнаты.

Джилберта нашли в комнате радиосвязи и немедленно доставили в каюту Аратапа.

Аратап раздраженно спросил:

— Кто позволил вам прогулку по кораблю, мой господин? Особенно сейчас, когда объявлена общая тревога.

Потом он продолжил начатую ранее мысль:

— Мне кажется, Ризетт, на сегодня достаточно. У нас есть похищенный тобой, Фарилл, корабль; есть и мое флагманское судно. С их помощью мы найдем мятежный мир. Мы направимся в точку, которая соответствует координатам Автарха, как только навигаторы рассчитают Прыжок. Это будет одна из тех экспедиций, которая останется в памяти грядущих поколений.

Внезапно он вспомнил о своем отце, командовавшем эскадрой, покорявшей миры. Аратап был *доволен*, что Андроса нет с ним. Это окажется только *его* личным завоеванием.

Пленников разделили. Артемиду поместили с отцом, а Ризетта и Байрона увели в противоположном направлении. Джилберт стонал, что не может оставаться один, и Аратапа тронули его мольбы. Дед этого человека бы великим правителем,— так учила история. Поэтому он позволил поместить беднягу с остальными.

Джилберта поселили к Байрону. Они почти не разговаривали друг с другом. Пришла ночь, но заснуть они тоже не могли. Внезапно Джилберт прошептал:

— Байрон!

— Что?

— Байрон, я сделал это. Все в порядке, Байрон.

— Постарайся уснуть, Джил.

Но Джилберт не мог успокоиться:

— Я сделал это, Байрон! Аратап хитер, но я хитрее. Разве это не восхитительно? Можешь не беспокоиться, Байрон! Я укрепил это.

Джилберт хитро улыбнулся. Так улыбаются маленькие дети, когда совершают что-нибудь разумное.

— Что ты укрепил?— Байрон вскочил на ноги и потряс Джилберта за плечо.— Отвечай же!

— Они нашли меня в радиорубке,— Джилберт хихикнул.— Они думали, что я прячусь. Но я не прятался. Именно я включил сигнал общей тревоги, потому что мне нужно было отвлечь их на некоторое время.

— Что?!

— Это было несложно и заняло всего минуту. Они ничего не заметили. Я сделал это осторожно. Они ничего не узнают, пока не попытаются совершить Прыжок, и тогда все — и корабль, и мы, и Аратап — все взлетит в воздух.

От неожиданности Байрон отступил назад:

— И ты это сделал?!

— Да.— В голосе Джилберта звучала гордость.— Все мы погибнем, Байрон. Я не боюсь смерти, но не хочу умирать в одиночестве. Только не в одиночестве! В момент моей смерти мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь был рядом. Это не страшно: мы все умрем быстро и легко. Это не страшно. Это...

— Идиот! Сумасшедший!— заорал Байрон.— Если бы не ты, у нас еще остался бы шанс победить!

Джилберт не слышал его. В его ушах звучал лишь собственный голос. Байрон бросился к двери.

— Охрана!— кричал он.— Охрана!

Кто знает, сколько им осталось — несколько часов или несколько минут?

ДВАДЦАТЬ ОДИН
ЗДЕСЬ?

По коридору загрохотали сапоги солдата.

— В чем дело?

— Я должен сейчас же увидеться с Представите-

лем Аратапом.

— И поэтому ты поднимаешь такой шум?— У солдата было не все в порядке с логикой.— После взлета я подумаю, как это сделать.

— Дело не терпит отлагательств,— настаивал Байрон.— Это важно.

— И тем не менее это подождет. Отойди от двери, или познакомишься с моим хлыстом.

— Смотри,— указал Байрон на Джилберта,— этот человек болен. Он может умереть. Это один из Хенриадов, и если он умрет на Тиранийском корабле, потому что ты не дал поговорить мне с Аратапом, тебя ожидают не самые лучшие времена.

— А что с ним?

— Не знаю. И поторопись, если тебе не надоела жизнь.

Охранник пробормотал что-то себе под нос и исчез.

Байрон повернулся к Джилберту: в глазах того жил только страх. Он не узнавал юношу.

— Кто ты?

— Я — Байрон. Как ты себя чувствуешь?

Казалось, до Джилберта смысл его слов не доходит. Он переспросил:

— Байрон?— И потом, как бы придя в себя:

— Байрон! Они совершают Прыжок? Смерть близка, Байрон!

Сердиться на него было невозможно. Сознание его явно помутилось.

Почему они не дают ему поговорить с Аратапом? Почему не приходят за ним? Байрон бессильно прислонился к стене.

И вновь зазвучали шаги. Он бросился к двери, еще не видя, кто стоит перед ним. Дождался!

Это вновь был охранник. С ним — офицер.

Байрон вздрогнул. Теперь на него были направлены сразу два нейронных хлыста. Он сказал:

— Человек, пришедший с тобой — не Аратап. Я хочу поговорить с Представителем.

Офицер одернул его:

— Если Джилберт из Хенриадов болен, тебе вовсе не нужно видеть Представителя. Нужен врач.

Только сейчас Байрон разглядел на офицере погоны лейтенанта медицинской службы.

— Хорошо. Послушай меня. Этот корабль не должен совершать Прыжок. Но подобное решение может принять только Представитель, и поэтому я должен увидеться с ним. Можешь ты это понять? Ведь ты — офицер. Ты обязан доложить ему об этом.

Доктор искоса взглянул на юношу, потом обратился к солдату:

— Выведи этого человека отсюда.

Байрон шагнул вперед. Перед ним с отсутствующим взглядом стоял офицер. Офицер, отвернувшись, пытался нащупать пульс Джилберта. Времени на размышления не оставалось. Резкой подсечкой Байрон повалил солдата на пол, одновременно выхватывая из его рук хлыст. Он направил его на офицера:

— Бросай оружие! Живо!

Тот подчинился. Хлыст выпал из его руки.

Байрон выстрелил — раз, потом другой. Два тела, заливая коридор кровью, валялись у его ног. Он повернулся к Джилберту:

— Прости, но и ты тоже, Джил,— и хлыст щелкнул в третий раз.

На лице Джилберта навсегда застыло обиженно-недоумевающее выражение.

Байрон помчался по коридору. На разговоры с Арапатом времени не оставалось. Он ворвался в рубку. На него испуганно смотрел из-за пульта человек в костюме инженерной службы.

— Когда следующий Прыжок?— спросил Байрон.

— Через полчаса. Кто ты?

Байрон не ответил. Хлыст выстрелил в четвертый раз, и тело свалилось со стула. Оставалось всего полчаса.

Он услышал шум. Тогда, спрятав хлыст в карман, он быстро направился в машинное отделение.

У главного компьютера сидели двое. Один из них спросил:

— Кто ты? И что здесь делаешь? Иди на свое место,— на нем были лейтенантские погоны.

— Слушай меня. Сейчас же прекратите подготовку к Прыжку. Мы все взлетим на воздух!

— Погоди,— сказал второй.— Я уже видел этого человека. Это один из пленников. Держи его, Лэнси.

Он прыжком попытался отрезать Байрону дорогу. Байрон стукнул кулаком по пульту, перевернув его.

— Верно,— сказал он.— Я один из пленников. Я Байрон с Вайдемоса. Но то, что я сказал — правда. Исследуйте компьютер, если не верите мне.

Лейтенант не сводил глаз с нейронного хлыста. Он кротко возразил:

— Это невозможно, сэр, без приказа дежурного офицера или Представителя. Потребуются часы, чтобы изменить программу.

— Тогда зовите его. Зовите Представителя!

— Можно воспользоваться рацией?

— Быстрее!

Внезапно рубка наполнилась людьми. Казалось, вся охрана корабля примчалась сюда, привлеченная производимым ими шумом. Сопротивление было бессмысленно. Байрон отбросил в сторону хлыст.

— Не стреляйте! Я безоружен! Я пришел предостеречь вас! Где-то здесь спрятано взрывное устройство. Прыжок означает гибель для всех нас. Прошу вас только заглушить двигатели. Не теряйте время. Ведь если я прав, вы спасете свои жизни.

На лицах солдат была написана нерешительность. Они явно не знали, что им предпринять. Внезапно раздался неестественно громкий голос:

— По местам! Приготовиться к Прыжку!

Это был Аратап, обращающийся через радиотранслятор. Затем последовал следующий приказ:

— Молодого человека доставьте ко мне.— Байрона схватили. С обеих сторон были два солдата, крепко державшие его под руки. Он попытался вырваться, но они оказались сильнее.

Аратап устало смотрел на Байрона. Юноша вдруг заметил, что его собеседник носит контактные линзы.

— Ты наделал много глупостей, Фаррилл.

— Просто я должен был спасти корабль. Отошли-

те охрану. Я больше не представляю опасности.

— Охрана останется здесь. Во всяком случае, пока я не услышу рапорт из компьютерного отсека.

Они молча ждали, и каждая минута казалась Байрону вечностью. Внезапно на стене зажглось табло с надписью «Компьютерный отсек».

Аратап включил рацию:

— Докладывайте!

— Представитель, юноша не солгал!

Помолчав мгновение, Аратап сказал:

— Пересчитайте время Прыжка на шесть часов позже.

Он повернулся к Байрону и холодно отметил:

— Ты был прав.

Жестом он отослал охрану. Они остались одни.

— Пожалуйста, теперь детали.

— Это сделал Джилберт из Хенриадов, когда сумел бежать из вашей каюты. Он же включил сигнал общей тревоги.

Аратап кивнул.

— С годами он не поумнел. Но ты — ты ведь на самом деле испугался не смерти?

— Дело не в моей смерти,— ответил Байрон.— Мятежного мира не существует, как я уже говорил вам, и вновь могу повторить. Центр сопротивления — Лингана. Я хотел только отомстить за смерть моего отца, а так же избавить леди Артемиду от ненавистного ей замужества. Ну, а Джилберт — он просто сумасшедший.

— Но Автарх верил в существование этой таинственной планеты. Ведь он дал мне какие-то координаты!

— Его уверенность базировалась на мечтах сумасшедшего. Джилберт придумал все это двенадцать лет назад. Автарх вычислил по его рассказам двадцать возможных планет. Но все это чепуха!

— И все же кое-что тревожит меня,— заметил Аратап.

— Что?

— Ты слишком старательно отговариваешь меня. Конечно, я благодарен тебе за то, что ты удержал нас от Прыжка. Теперь ты можешь рассчитывать на

благосклонность Хана. Ты спас также и свою жизнь. И все же я не верю, что ты откровенен со мной. В тебе живет юношеский романтизм. В твоем возрасте все хотят стать героями. Именно поэтому мы все же совершим Прыжок.

— Не вижу причин.

— Ты глуп,— Аратап нахмурил брови.— И все же жаль, что ты не на нашей стороне.— Это прозвучало как комплимент. И тут же продолжил:

— Сейчас ты вновь будешь посажен под замок. Это простая предосторожность.

Байрон кивнул.

Это были тяжелые часы для Байрона. Аратап решил устроить останкам Джилберта космические похороны и пригласил Байрона принять в них участие. Здесь же присутствовали Артемида и Хенрик. Поймут ли они? Поймет ли *она*, что он должен был сделать то, что сделал?

Еще его беспокоило то, что корабль вскоре должен совершить Прыжок. Тогда наступят совсем плохие времена.

Он вновь и вновь пытался проанализировать, прав ли он. А что, если он ошибся? Что, если они сейчас совсем близко от мятежного мира? Тогда информация уйдет на Тиранию, и сюда немедленно будет послана целая армада. А сам он умрет, зная, что мог спасти этот мир, но вместо этого способствовал его гибели.

Уже стемнело, а он все еще думал о документе, который не успел разыскать.

Еще Байрона удивляло, что Аратап намерен найти мятежный мир, имея в своем распоряжении только один корабль. Каковы его намерения?

Автарх сказал, что документ похищен много лет назад, но кто владеет им теперь?

Вероятно, тиранийцы. Наверное, они давно знают секрет, как с помощью одного корабля разрушить целый мир.

Если это правда, тогда неважно, существует или нет мятежный мир на самом деле.

Прошло еще немного времени, и к нему явился

Аратап собственной персоной. Байрон встал, приветствуя его.

Аратап сказал:

— Мы запросили информацию. В указанном месте *действительно* есть звезда. Координаты, данные нам Автархом, верны.

— И?

— Но у нас нет необходимости исследовать относящиеся к ней планеты. Как мне сказали мои астронавигаторы, звезда погасла более миллиона лет назад. Если там и были планеты, то они давно исчезли. Теперь там нет ничего.

— Тогда...

— Тогда ты прав. Мятежного мира на самом деле не существует.

ДВАДЦАТЬ ДВА
ТАМ!

Событие это подорвало все основы философии Аратапа. В последнее время он не был самим собой. Он был теперь своим отцом. Он, как и отец, все эти дни вел эскадру кораблей на битву с врагами Хана.

Безумные дни! Там, где он ожидал найти мятежный мир, обнаружилась только пустота. У Хана не было врагов, и не с кем было сражаться. Аратап теперь — просто Представитель, не более того.

Жаль потраченных эмоций. Это было ни к чему.

Он сказал Байрону:

— Ты был прав. Мятежного мира не существует. И теперь я хочу поговорить с тобой.

Молодой человек с сомнением смотрел на него. Аратап вдруг вспомнил, как около месяца назад они встретились впервые. Теперь мальчик повзрослел, и в нем не было страха. Я впадаю в декадентство, подумал Аратап. Многие из нас начинали в свое время симпатизировать этим субъектам. А многие ли желали им добра?

— Я собираюсь освободить Правителя и его дочь. Этот шаг политически оправдан. Думаю, я могу освободить их прямо сейчас и отправить домой на «Бес-

пощадности». Сможешь ли ты отвезти их?

— Ты освобождаешь меня?

— Да.

— Почему?

— Ты спас мой корабль и мою жизнь.

— Надеюсь, это многому научило вас.

Аратап беззвучно рассмеялся. Ему *определенно* нравился этот мальчик.

— Теперь я назову тебе и другую причину моего решения. До тех пор, пока я искал нити заговора против Хана, ты был опасен. Когда я понял, что эти нити ведут на Лингану и что ее вождь мертв, ты перестал представлять опасность. На Лингану прибудет суд, и скоро она будет под нашим полным контролем. И все же мы оставим им надежду. Надежду на освобождение.

— Так вы освободите нас всех?

— Это не совсем освобождение, потому что никто из вас не отличается особой лояльностью. С Линганой мы поступим по своему усмотрению, и следующий Автарх вряд ли осмелится восстать против Хана. Ассоциации больше не будет. Мятежники, которых мы захватили, будут сосланы на ближайшие к Тирании планеты. Ты же не сможешь вернуться на Нефелос; и не рассчитывай на это. Ты и полковник Ризетт, вы всегда будете жить на Родии.

— Очень хорошо,— сказал сдержанно Байрон,— но как быть со свадьбой Артемиды?

— Ты хочешь, чтобы она не состоялась?

— Вы должны знать, что мы любим друг друга и хотели бы пожениться.

— Как там говорили древние? «Необходимо прощать ложь влюбленным и дипломатам».

— И все же предупредите Хана, что укрепление правящей фамилии на Родии может грозить ему новыми трудностями, как в случае с Линганой.

Все это время Аратап смеялся.

— Хочешь добрый совет?— отсмеявшись, спросил он.

— Какой?

— Поскорее женись на ней. Для Поханга мы подыщем другую невесту.

Пораженный Байрон протянул ему руку:

— Спасибо, сэр.

Аратап пожал ее.

— Мне не особенно нравится Поханг. Да, я хочу, чтобы ты еще кое-что запомнил. Не давай амбициям одержать в тебе верх. Хотя ты и женишься на дочери Правителя; сам ты никогда не станешь Правителем. Ты не тот человек, который нам нужен.

Аратап проводил «Беспощадность» взглядом. Молодой человек свободен, а сам он уже на полпути в Тиранию. Да, майора Андроса хватил бы удар!

Он должен прибыть на Тиранию. Возможно, с ним встретится Хан, чтобы выслушать его. Взвесив все «за» и «против», Хан, безусловно, поймет, что другое решение было невозможным, и не осудит его.

Ризетт на борту «Беспощадности» также проводил взглядом тиранийский флагман.

— Итак, он отпустил нас!— заметил полковник.— Знаешь, если бы все тиранийцы были похожи на него, я бы пошел к ним на службу. Как ты думаешь, он слышит сейчас, что мы говорим?

Байрон оторвал глаза от пульта:

— Конечно, нет. Да и вряд ли он захотел бы делать это. Вспомни, ведь он первый рассказал нам все, что знал о нас.

В рубку вошла Артемида. Она прижала палец к губам:

— Не так громко. Мне кажется, он уснул. Скоро мы уже будем на Родии, верно, Байрон?

— Чтобы добраться туда, нам хватит одного Прыжка, Арта. Аратап вычислил его для нас.

— Пойду помою руки,— Ризетт вышел из рубки.

Они проводили его взглядами, и Байрон обнял девушку. Он целовал ее глаза, губы, волосы, руки; поцелуи были нежными и легкими.

— Я очень люблю тебя!— сказала она.

— Я люблю тебя так,— ответил Байрон,— что не могу выразить словами. Как ты думаешь, он даст согласие на наш брак?

— Пока не знаю. Но я попытаюсь еще раз все объяснить ему.

Их диалог прервал вернувшийся в рубку Ризетт.

— Значит, нам предстоит прожить на Родии до самой смерти... Не думал я, что меня может ожидать подобное. Эх, и почему этот мятежный мир — только выдумка?

— Мятежный мир существует, Теодор.

— Что?!

— Мятежный мир *здесь*.

Ризетт резко ответил:

— Я еще не совсем свихнулся, Байрон.

— Я не лгу. Такой мир *существует*, и я знаю, где он находится. Я мог узнать это несколько недель назад, но только сейчас мне удалось сопоставить все факты. Вспомни слова Джоунти, когда он понял, что мы с тобой заодно. Помнишь?

— Нет.

— Он сказал, что на свете множество звезд, и до любой из них нужно добираться через биллионы миль. Вот тут-то я все и понял.

— Что ты имеешь в виду?— спросила Артемида.

— Подумай сама. Метеор врезался в корабль дяди Джила и сбил его с курса. Поэтому окончание Прыжка было уже не в нашей системе планет. Так думал дядя Джил. Так считал и Автарх. И оба они ошибались. А что, если при столкновении направление полета и скорость не изменились?

— Тогда...

— Да, тогда корабль приземлился там, где и должен был — на Родии. И как это я сразу не догадался?

Артемида сказала:

— Но ведь тогда мятежный мир должен быть у нас дома. Это невозможно!

— Почему же невозможно? Этот мир находится где-то в Родийской Системе. У нас есть два способа найти его. Давай опять обратимся к фактам. Что случилось с Джилбертом после возвращения из мятежного мира? Он вновь был на Родии. Он считал, что это — заслуга совершенного тиранийского корабля, хотя скорее всего жители мятежного мира, зная, что на борту этого корабля один из Хенриадов, никогда не оставили бы его в живых, если бы этот мир находился за пределами Родийской Системы. Кто, кроме

родийцев, стал бы сохранять жизнь Хенриаду?

Артемида взволнованно перебила его:

— Но если то, что ты говоришь,— правда, то мой отец находится в страшной опасности.

— И находился в ней все последние двадцать лет. Но вовсе не по тем причинам, которые ты имеешь в виду. Однажды Джилберт рассказал мне, как сложно было ему прикидываться дурачком. Но твоему отцу играть свою роль было намного сложнее.

— Ты же не хочешь сказать...

— Именно это я и хочу сказать, Арта. И вот что надоумило меня. Еще когда Автарх обвинял твоего отца в предательстве, я усомнился в том, что мой отец мог оказаться таким доверчивым. Мы были уверены, что отец работал на Джоунти, и ошибались. Еще больше в моей уверенности меня укрепил Джилберт, когда рассказал о том, что отец и Правитель долго разговаривали в библиотеке. На самом деле отец служил Правителю и был просто лазутчиком в стане Джоунти. Знаешь, почему для меня было так важно спасти корабль Аратапа? Не из-за себя, конечно, и даже не из-за тебя. Я должен был спасти Правителя. Он самая важная персона среди нас. Бедняга Джилберт не понимал этого.

Ризетт простонал:

— Я просто не могу во все это поверить.

Внезапно в их разговор вмешался новый голос:

— И тем не менее — поверь. Это правда.

У двери стоял Правитель. Это был его голос и в то же время не его. Он звучал веско и уверенно.

Артемида подбежала к нему:

— Отец! Байрон говорит...

— Я все слышал.— Он ласково провел рукой по ее волосам.— И все это правда. Я даже согласен на ваш брак.

Она изумленно всматривалась в него:

— Ты говоришь совсем не так, как раньше. Ты говоришь...

— Как если бы я не был твоим отцом.— грустно сказал он.— К сожалению, Арта, так будет недолго. Как только мы вернемся на Родию, все будет, как прежде.

Байрон затаил дыхание. Хенрик жестом подо-

звал его к себе.

— Было время, молодой человек, когда мне хотелось принести тебя в жертву. Такое время может возникнуть вновь. И тогда я не смогу защитить тебя. Понимаешь?

Они кивнули друг другу.

— Двадцать лет назад я был не так уверен в себе,— продолжал Хенрик.— Я только вступил в эту роль, и страдал нерешительностью. Мне следовало бы убить Джилберта, а я сохранил ему жизнь. Именно поэтому кое-кто теперь знает, что мятежный мир существует, и что я — его вождь.

— Это знаем только мы,— возразил Байрон.

— Не считай Аратапа глупее, чем он есть,— Хенрик слегка усмехнулся.— Вам с ним были известны одни и те же факты, и если ты сумел сделать правильные выводы, значит, то же самое может и он. Я уверен, что и на свободу он отпустил тебя с одной-единственной целью — чтобы поближе подобраться ко мне.

— Значит, мне придется покинуть Родию?— Байрон чуть не плакал.

— Нет. Это будет фатальной ошибкой. Нет никаких причин для подобного поступка, и это может насторожить кое-кого. Поэтому ты останешься с нами и будешь делать вид, что ничего не произошло.

— Но, Правитель, вы не знаете кое-чего. Существует один документ...

— Который искал твой отец?

— Да.

— Твой отец, мой мальчик, тоже знал не все. Он знал о существовании этого документа, но не знал, где документ находится. Если бы он спросил об этом меня, я бы сразу же сказал ему, что на Земле документа давно нет.

— Более того, сэр. Я уверен, что им владеют тиранийцы.

— Ну, конечно же, нет! Документ у меня. Вот уже двадцать лет он у меня. Я получил его, когда еще только зрела идея мятежного мира. И я всегда знал, что нужно нам, чтобы победить.

— Это какое-нибудь оружие?

— Это самое мощное оружие во Вселенной. Оно

разрушит и Тиранию, и Родию, но спасет Королевства Космической Туманности. Без него мы, конечно, можем противостоять тиранийцам, но при этом только заменим феодальный деспотизм другой формой угнетения. Мы должны стремиться совсем к иной политической модели. Придет время, как это уже было однажды на планете Земля, и появится новый, еще невиданный в Галактике тип правительства. Не Ханство, не Автархия, не Директория.

— Во имя неба,— взмолился Байрон,— так что же это будет?

— Люди.

— Люди? Но как они смогут управлять? Ведь решения должен принимать только один человек?

— Ерунда. История докажет тебе, что это возможно не только на одной маленькой планете, а и во всей Галактике.

Правитель улыбнулся:

— Подойдите, дети. Я хочу благословить вас.

Дрожащей рукой Байрон взял за руку Артемиду. Он был как никогда счастлив. И все же что-то угнетало его.

— Сэр, не сочтите это нахальством, но позволите ли вы мне заглянуть когда-нибудь в этот документ?

Артемида весело рассмеялась:

— Если ты не сделаешь этого, отец, моя семейная жизнь не будет удачной.

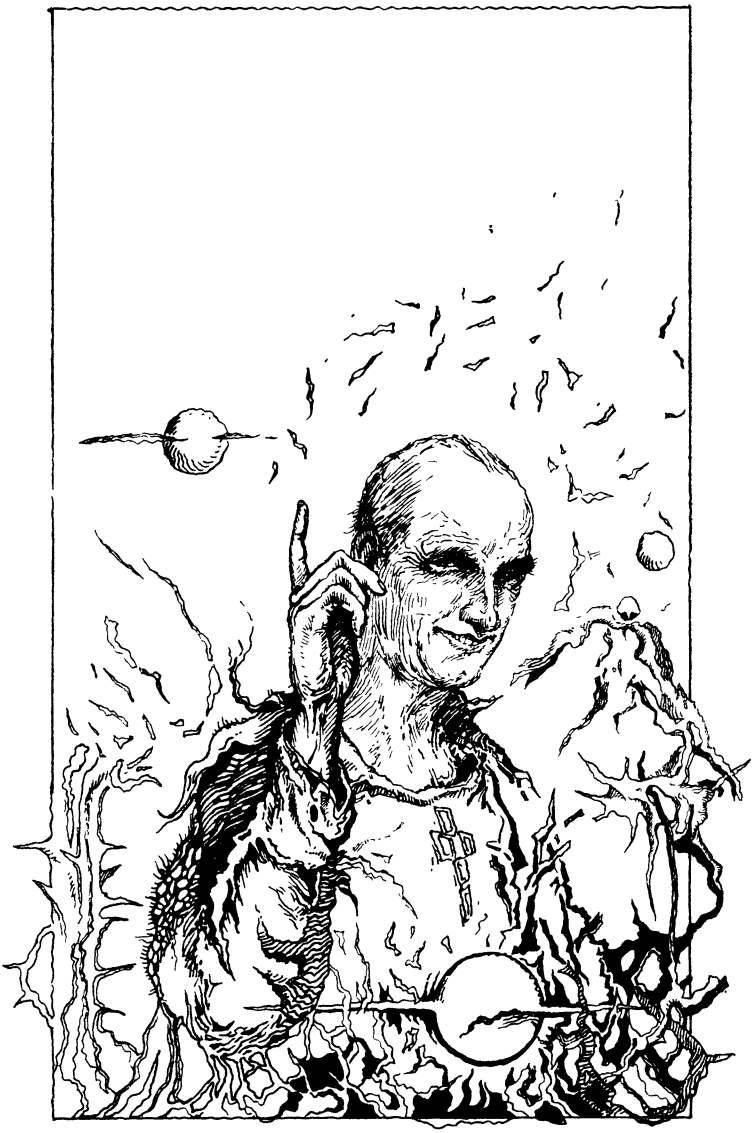
Хенрик улыбнулся в ответ:

— Я знаю этот документ наизусть. Слушайте.

И глядя в смотровое стекло на родийское солнце, Хенрик начал с тех самых слов, которые были старше — гораздо старше — чем все планеты Галактики вместе взятые:

> *Мы, народ Соединенных Штатов, в целях создания совершенного союза, установления справедливости и равенства, обеспечения независимости и безопасности, одобряем и подтверждаем эту Конституцию Соединенных Штатов Америки...*

Перевод И. Г Ткач.
Литературная редакция Д. Е. Громов, О. С. Ладыженский.



КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

ПРОЛОГ. ГОД НАЗАД

Человек с Земли пришел к решению. Решение зарождалось медленно, но было твердым.

Вот уже несколько недель он не чувствовал надежной кабины своего корабля, не видел холодной черноты пространства вокруг. Сначала он хотел сделать быстрое сообщение в Межзвездное Космоаналитическое Бюро и вернуться в космос. Но его задерживали здесь. Это было почти как тюрьма.

Он допил чай и взглянул на человека по другую сторону стола:

— Я не останусь здесь дольше!

Другой человек пришел к решению. Оно зарождалось медленно, но было твердым.

Нужно время, нужно много времени. Ответа на первые письма нет. Значит, он не должен выпускать из рук человека с Земли. Он потрогал гладкий стержень у себя в кармане.

— Вы не понимаете всей щекотливости проблемы.

— Речь идет об уничтожении целой планеты,—

возразил землянин.— И потому я хочу, чтобы вы передали подробности по всему Сарку, всем обитателям.

— Мы не можем. Это вызовет панику.

— Но раньше вы говорили, что можете.

— Я обдумал все. Теперь мне стало ясно: это невозможно.

— А представитель МКБ — он все еще не прибыл?— помолчав, спросил землянин.

— Нет. Они заняты организацией нужных мер. Еще день-два...

— Опять день-два! Неужели они настолько заняты, что не могут уделить мне ни минуты? Они даже не видели моих расчетов!

— Я предлагал вам передать им эти расчеты. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Они могут прийти ко мне, или я к ним. Вы не верите мне. Не верите, что Флорина будет уничтожена.

— Я верю. Вы зря горячитесь.

— Да, горячусь. Что в этом удивительного? Или вы только и думаете, что на меня, бедняжку, космос подействовал? По-вашему, я сумасшедший?

— Чепуха!

— Не притворяйтесь: вы так думаете. Вот почему я хочу видеть кого-нибудь из МКБ. Они увидят, сумасшедший я или нет!

— Вам сейчас нехорошо. Я помогу вам.

— Нет, не поможете!— истерически вскричал землянин.— Я сейчас уйду. Если вы хотите остановить меня, то убейте! Только вы не посмеете. Кровь всего населения Флорины падет на вас, если вы меня убьете!

— Я не убью вас!

— Вы меня свяжете. Вы запрете меня здесь! Вот чего вам хочется! А что вы будете делать, когда МКБ начнет искать меня? Мне полагается регулярно отсылать сообщения, как вам известно.

— Бюро знает, что вы в безопасности, у меня.

— Знает? А знает ли оно, опустился ли я вообще на планету или нет? Получены ли мои первые сообщения?— Голова у него кружилась, тело начало цепенеть.

Его собеседник встал. Он медленно обошел большой стол, направляясь к землянину.

Слова прозвучали необыкновенно ласково:

— Ради вашего же блага.

Из кармана появился черный стержень. Землянин прохрипел:

— Психозонд!

Он попытался встать, но едва смог пошевелиться. Сквозь сведенные судорогой зубы он прохрипел:

— Зелье!

— Зелье,— согласился другой.— Послушайте, я не причиню вам вреда. Но вы так возбуждены и встревожены. Я удалю тревогу. Только тревогу.

Землянин уже не мог говорить. Мог только сидеть. Только тупо думать: «Великий Космос, меня опоили». Ему хотелось закричать, убежать, но он не мог.

Другой уже подошел к нему. Он стоял, глядя на него сверху вниз. Землянин взглянул снизу вверх. Глазные яблоки у него еще двигались.

Психозонд был автоматическим прибором. Нужно было только присоединить его концы к соответствующим точкам на черепе и он начинал действовать. Землянин смотрел в ужасе, пока мышцы глаз у него не одеревенели. Он даже не почувствовал, как острые, тонкие проволочки впивались в черепные швы.

Молча, мысленно он вопил:

«Нет, вы не понимаете! Это целый мир, населенный людьми! Разве вы не видите, что нельзя рисковать жизнью сотен миллионов людей?»

Слова другого доносились глухо, удаляясь в какой-то тоннель, длинный и черный:

— Вам не будет больно. Через час вам станет хорошо, совсем хорошо. Вы вместе со мной посмеетесь над этим.

Мрак опустился и окутал все. Полностью он так и не развеялся никогда. Понадобился год, чтобы завеса поднялась хоть отчасти.

НАЙДЕНЫШ

Рик вскочил. Он дрожал так, что должен был прислониться головой к голой молочно-белой стене.

— Я вспомнил!

Шум жующих челюстей затих. Лица у всех были одинаково чистые, одинаково бритые, лоснящиеся и белые в тусклом свечении стен. В глазах не было интереса, только рефлекторное внимание, возбужденное внезапным, неожиданным возгласом.

Рик закричал снова:

— Я вспомнил свою работу! У меня была работа!

Кто-то крикнул ему:

— Замолчи!

Кто-то добавил:

— Сядь!

Лица отвернулись, жевание возобновилось. Рик тупо смотрел вдоль стола. Он услышал слова «сумасшедший Рик», увидел пожатие плеч. Увидел палец, покрутившийся у виска. Все это не значило для него ничего.

Он медленно сел. Снова взял ложку с острым краем и с зубцами на переднем конце, так что ею можно было одинаково неуклюже хлебать, резать и протыкать. Для раба с плантацией этого было достаточно. Он повернул ложку и уставился на свой номер, выбитый на ее ручке. У всех прочих, кроме номеров, были и имена. А у него кличка — Рик. На жаргоне плантаций это означало что-то вроде идиота.

Но, может быть, теперь он будет вспоминать все больше и больше. Впервые с тех пор, как он появился на фабрике, он вспомнил нечто бывшее до того. Если бы только подумать!..

Когда он шел вечером с фабрики, его догнала Валона Марч.

— Я слышала, за завтраком была какая-то неприятность?

Рик пробормотал:

— Ничего не было, Лона.

Она настаивала:

— Я слышала, ты вспомнил что-то. Верно, Рик?

Она тоже называла его Риком. А он изо всех сил старался вспомнить свое имя. Однажды Валона раздобыла рваную адресную книгу и прочла из нее все имена. Ни одно не показалось ему более знакомым, чем другие.

Он взглянул ей прямо в лицо и сказал:

— Я должен бросить фабрику.

Валона нахмурилась:

— Не знаю, сможешь ли ты. Это нехорошо.

— Я должен вспомнить побольше о себе.

Валона облизнула пересохшие губы:

— Не знаю, нужно ли это.

Рик отвернулся. Это она устроила его на фабрику и спасла жизнь. Но все-таки он должен...

— Опять головные боли?

— Нет. Я действительно вспомнил что-то. Вспомнил, какая работа была у меня раньше... Поедем в поля, Лона.

— Уже поздно.

— Прошу тебя! Только за черту поселка.

...Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую, плотно усыпанную песком дорогу. Молчание было тяжелым, и Валона почувствовала, как ее охватывает страх.

Что если Рик покинет ее? Во многих отношениях он еще походил на ребенка. Но, прежде чем его лишили разума, он был, конечно, образованным человеком. Образованным и очень важным.

В свое время она испугалась при первых его словах. Они прозвучали так неожиданно и странно после долгих несвязных жалоб на головную боль. Уже тогда Лона боялась, что он может вспомнить слишком много и бросить ее. Она была только Валоной Марч, по прозвищу Большая Лона. Крупная, большеногая девушка с красными от работы руками. Девушка, которой никогда не найти мужа. Она лишь смотрела с тупой досадой на парней. Она была слишком крупная, чтобы хихикать и подмигивать им. У всех других женщин один за другим появлялись дети, а она могла только протискиваться к ним, чтобы взглянуть на красное, безволосое существо с зажмуренными глазками и резиновым ротиком.

Но вот в ее жизни появился Рик — своего рода младенец. Его нужно было кормить, окружать заботами, выносить на солнце, убаюкивать, когда головная боль терзала его, защищать.

А ее кулаков боялись даже взрослые.

В тот день, когда она впервые привела Рика ра-

ботать на фабрику, она одним ударом свалила своего мастера, который сказал о них какую-то непристойность.

Поэтому ей хотелось, чтобы Рик перестал вспоминать. Она знала, что ничего не может предложить ему: с ее стороны было эгоизмом желать, чтобы он навсегда оставался беспомощным и умалишенным. Просто она никому еще не была нужна до такой степени. Просто она боялась вернуться в одиночество.

Она спросила:

— Ты уверен, что вспоминаешь, Рик?

— Да. Я могу доверять своим воспоминаниям, Лона, когда они возвращаются. Ты это знаешь. Например: ты не учила меня говорить. Я сам вспомнил. Верно? А теперь я вспоминаю, каким я был раньше. У меня должно было быть это «раньше», Лона!

«Должно было». При этой мысли у нее стало тяжело на сердце. Это было другое «раньше», другой мир. Она знала это, потому что единственным словом, которого он не мог вспомнить, было слово «кырт». Ей, Лоне, пришлось учить его слову, обозначавшему на Флорине то, что важнее всего в мире.

— Что ты вспоминаешь?— спросила она.

Возбуждение Рика вдруг упало. Он заколебался.

— Это не очень понятно, Лона. Только то, что у меня была работа, и я знаю какая. По крайней мере знаю отчасти. Я анализировал Ничто.

Она никогда в жизни не слышала слова «анализировал» и все же спросила:

— Но, Рик, что это может быть за работа: а-нали-зи-ро-вать ничего? Это не работа!

— Я не говорил «ничего». Я сказал: анализировал Ничто. С большого «Н».

— Разве это не одно и то же?

— Нет, конечно.— Он глубоко вздохнул.— Но боюсь, что не смогу объяснить тебе. Это все, что я вспомнил. Но я чувствую, какая это была важная работа. Не может быть, чтобы я был преступником!

Это уже было, когда он впервые заговорил. Заговорил так внезапно, что испугал ее. Она не посмела посоветоваться даже с Резидентом. В ближайший

свободный день Лона повезла Рика в город к доктору.

После обследования доктор вышел к ней.

— Когда ты встретила этого человека?

Она рассказала ему, очень осторожно, без всяких подробностей, ничего не сказав ни о Резиденте, ни о патрульных.

— Значит, ты ничего не знаешь о нем?

— О том, что было раньше,— ничего.

— Этот человек был подвергнут психозондированию. Ты знаешь, что это такое?

Сначала она покачала головой, потом прошептала тихо:

— Это то, что делают с сумасшедшими, доктор?

— И с преступниками. Чтобы излечить рассудок или изменить в нем то, что заставляет их красть и убивать.

— Но Рик никогда ничего не крал,— растерялась Лона.

— Откуда ты знаешь, что он делал до того, как ты его встретила? Сейчас это очень трудно выяснить. Зондирование было глубокое и грубое. Неизвестно, какая часть разума удалена полностью, а какая только затуманена шоком. Его нужно держать под наблюдением.

— Нет, нет! Он останется со мной! Я хорошо забочусь о нем, доктор!

Он нахмурился, но заговорил еще ласковее:

— Да, но я и думал о тебе, девушка. Может быть, из него удалено не все злое. Не хочешь же ты, чтобы когда-нибудь он обидел тебя.

В эту минуту сестра привела Рика, успокаивая его ласковым воркованием, как младенца. Рик приложил руку к голове и глядел бессмысленно, пока его взгляд не остановился на Валоне. Он протянул к ней руки и слабо вскрикнул:

— Лона!

Она кинулась к нему, крепко обняла, прижимая его голову к своему плечу. Потом посмотрела на доктора.

— Он никогда, ни за что не обидит меня.

— И все-таки о нем нужно сообщить. Не знаю, как ему удалось ускользнуть из-под надзора в таком состоянии.

— Значит, его отнимут у меня, доктор?

— Боюсь, что да. Таков закон.

Весь обратный путь она ехала тяжело и слепо, в отчаянии прижимая Рика к себе.

Через неделю по гипервидео было известие об одном докторе, погибшем в катастрофе, когда прервался один из местных электрических лучей. Имя показалось ей знакомым, и ночью в своей комнате она сравнивала его с записанным на бумажке. Имена совпадали.

Позже, когда Рик стал понимать больше, она рассказала ему о том, что говорил доктор, и посоветовала оставаться в поселке, если он хочет быть в безопасности...

— Я не мог быть преступником,— повторил Рик,— если у меня была такая важная работа! Надо уйти. Другого пути нет. Я должен бросить фабрику и поселок и узнать о себе побольше.

— Рик! Это опасно! Если даже ты анализировал Ничто, почему это важно настолько, чтобы тебе узнавать больше?

— Потому что я вспомнил еще кое-что.

— Что, что ты вспомнил?

— Не скажу,— прошептал Рик.

— Ты должен сказать кому-нибудь. Иначе опять забудешь.

Он схватил ее за руку.

— Это верно. Ты никому не скажешь, правда, Лона? Ты будешь моей памятью на случай, если я забуду?

— Конечно, Рик.

Рик огляделся. Мир был прекрасен. Валона как-то рассказала ему, что в Верхнем Городе, в нескольких милях над ним, есть огромная светящаяся надпись:

ФЛОРИНА — САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНЕТА В ГАЛАКТИКЕ

И сейчас, оглядываясь, он мог поверить этому.

— То, что я вспомнил, ужасно. Но когда я вспоминаю, то всегда правильно. Это мне припомнилось в конце дня.

— Да?

Он в ужасе пристально смотрел на нее:

— Все на этой планете должны погибнуть. Все, кто живет на Флорине.

Мирлин Теренс доставал книгу-фильм с полки, когда к нему позвонили. Резидент неторопливо подошел к двери, на ходу заглаживая верхний прорез рубашки. Даже одежда у него была похожа на одежду Сквайров. Иногда он почти забывал, что родился на Флорине.

На пороге стояла Валона Марч. Она опустилась на колени и склонила голову в почтительном приветствии.

Теренс широко распахнул дверь.

— Войди, Валона. Садись. Час отбоя давно уже прошел. Надеюсь, что патрульные не видели тебя?

— Кажется, нет, Резидент.

— Ты чем-то расстроена. Опять Рик?

— Да, Резидент.— Она сидела, как всегда, спрятав свои большие руки в складках платья, но он заметил, что ее сильные короткие пальцы переплелись и слегка вздрагивают.

— Что бы это ни было, я слушаю тебя,— сказал он негромко.

— Вы помните, Резидент, как я пришла к вам и рассказала о городском докторе и о том, что он говорил?

— Да, Валона, помню. И еще помню, что велел тебе никогда не делать ничего подобного, не посоветовавшись со мной. А ты помнишь это?

Глаза у нее расширились. Ей не нужно было напоминаний, чтобы снова ощутить его гнев.

— Я никогда больше не сделаю ничего такого, Резидент. Я только хотела напомнить вам, что вы обещали сделать все, чтобы помочь мне удержать Рика.

— Я так и сделаю. Значит, патрульные спрашивали о нем?

— Нет. О, Резидент, по-вашему, они смогут спросить?

— Я уверен, что нет.— Он начал терять терпение.— Ну же, Валона, рассказывай, в чем дело!

— Он говорит, что вспоминает разные вещи.

Теренс подался вперед и чуть не схватил девуш-

ку за руку.

— Разные вещи? Какие?

В памяти Теренса ожил день, когда нашли Рика. Он увидел толпу ребят у одного из оросительных каналов, как раз за чертой поселка. Они пронзительно кричали, окликая его: «Резидент! Резидент!», и показывали на какую-то белую шевелящуюся массу.

Это был взрослый мужчина, почти голый: изо рта у него текла слюна, и он слабо повизгивал, бесцельно двигая руками и ногами. На мгновение его глаза встретились с глазами Теренса и стали как будто осмысленнее... Потом рука человека приподнялась и большой палец очутился во рту.

Кто-то из ребят засмеялся:

— Резидент, да он сосет пальцы!

Простертое тело сотряслось внезапным криком. Лицо покраснело и сморщилось. Раздался тихий, бесслезный плач, но палец так и остался во рту.

Теренс стряхнул с себя оцепенение.

— Вот что, ребята, нечего бегать по кыртовому полю, нечего портить урожай. Сами знаете, что будет, если рабочие с плантаций поймают вас. Расходитесь и молчите обо всем. Эй, вон ты, сбегай-ка к доктору Дженксу и попроси его прийти сюда.

Доктор Дженкс помог Теренсу уложить человека в тележку и как можно незаметнее привезти в поселок. Вдвоем они смыли с него засохшую грязь.

Дженкс тщательно осмотрел Рика.

— Инфекции, по-моему, нет, Резидент. И он сытый. Ребра не выпирают. Не знаю, что с ним делать. Как вы думаете, куда его девать теперь?

— Боюсь, что не знаю. Он не умеет даже ходить. Он как младенец. И похоже, все забыл. Может быть, это после болезни?

— По-моему, нет. Возможно, это психическое заболевание. Но я полный профан в психиатрии, подобных больных я посылаю в город. Вы никогда не видели нашего города, Резидент?

— Я здесь только месяц.

Дженкс вздохнул, полез за платком.

— Да. Старый Резидент — тот был молодец. Де-

ржал нас хорошо. Я живу почти шестьдесят лет, а этого парня никогда не видел. Он, верно, из другого поселка. Посмотрим, что скажут патрульные.

Патрульные, конечно, явились. Избежать этого было невозможно. Их было двое, этих наемников, носящих громкое имя Членов Флорианского Патруля. Они глядели равнодушно и скучно.

— Кто этот умалишенный?— спросил один из них у Теренса.

— Кто его знает! Его нашли позавчера в канаве на кыртовом поле.

— А документы у него были?

— Нет, сударь. Только тряпка на теле.

— Что с ним такое?

— По-моему, просто идиот.

— И охота вам возиться с такой дрянью?— Член Флорианского Патруля зевнул, спрятал свою книжку и сказал:

— Ладно, об этом даже рапортовать не стоит. Нам до него дела нет.

И оба ушли.

Посоветовавшись с доктором Дженксом, Резидент отдал Рика под присмотр Валоне Марч. В конце концов лишняя пара рабочих рук, притом бесплатных,— это не так уж и плохо.

...Теренс стал их неофициальным опекуном. Он добился для Валоны дополнительного пайка, добавочных талонов на одежду — всего, что нужно, чтобы двое взрослых (из них один незарегистрированный) прожили на жалованье одного. Он помог ей устроить Рика на фабрику. Смерть врача в городе избавила его от тревоги, но он оставался настороне.

Было естественно, что Валона обращалась со всеми своими затруднениями к нему. И теперь он ждал, чтобы она ответила на его вопросы.

— Он говорит, что все в мире умрут.

— А говорит ли он почему?

— Он не знает. Говорит, что когда-то у него была важная работа, но я не пойму какая.

— Как он ее описывает?

— В общем он... анализировал Ничто. Но, Рези-

дент, как можно делать что-нибудь с Ничем?

Теренс встал и улыбнулся.

— Как, Валона, разве ты не знаешь, что все во Вселенной состоит из ничего?

Валона не поняла этого, но согласилась. Резидент был очень ученым человеком. С неожиданным приливом гордости она вдруг увидела, что ее Рик еще ученее.

— Идем.— Теренс протягивал ей руку.— Идем к Рику.

В хижине Валоны было темно, и они вошли туда ощупью.

В свете маленького, прикрытого рукой фонарика Теренс заметил, что один угол комнаты отгорожен старенькой ширмой.

Эту ширму он сам недавно добыл для Валоны, когда Рик стал гораздо больше похож на взрослого, чем на ребенка.

Из-за ширмы доносилось ровное дыхание.

— Разбуди его, Валона.

Валона постучалась в ширму.

— Рик! Рик! Детка!

Послышался легкий вскрик.

— Это я, Лона,— быстро сказала она. Они зашли за ширму, и Теренс осветил фонариком себя и Валону, потом Рика.

Рик заслонился от света рукой.

— Что случилось?

Теренс сел на край кровати.

— Рик,— произнес он,— Валона сказала, что ты начинаешь вспоминать кое-что.

— Да, Резидент.— Рик держался смиренно с Резидентом, самым значительным из когда-либо виденных им людей. С Резидентом был вежлив даже управляющий фабрикой. Рик сообщил Теренсу о тех крохах, что извлекла его память в течение дня.

— Вспомнил ли ты что-нибудь еще?

— Больше ничего, Резидент.

Теренс задумался.

— Хорошо, Рик, можешь спать.

Валона проводила его за порог. Он видел, как подергивалась у нее щека и как она вытерла себе гла-

за тыльной стороной кисти.

— Покинет он меня, Резидент?

Теренс взял ее за руки и заговорил серьезно:

— Будь взрослой, Валона. Он поедет со мной ненадолго, но я привезу его обратно.

— А потом?

— Не знаю. Ты должна понять, Валона: сейчас нам важнее всего, чтобы Рик мог вспомнить побольше.

Валона спросила вдруг:

— Неужели правда, что все на Флорине умрут, как он говорил?

Теренс крепче сжал ее руки.

— Не говори этого никому, Валона, иначе патрульные заберут его навсегда.

Он повернулся и медленно направился к своему дому, даже не замечая, что руки у него дрожат. Дома он тщетно пытался уснуть, и через час пришлось настроить наркополе. Это был один из немногих приборов, которые он привез, когда впервые вернулся с Сарка на Флорину, чтобы стать Резидентом. Прибор плотно надевался на голову, как шапочка из тонкого черного фетра. Теренс поставил его на пять часов и включил контакт.

Он еще успел уютно улечься в постели, прежде чем замедленная реакция замкнула накоротко центры мозга и мгновенно погрузила его в сон без сновидений.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Они вышли из диамагнитного роллера на стоянке за чертой города. Рик ждал, пока Теренс запрет кабину стоянки и опечатает ее прикосновением подушечек пальцев. В новом комбинезоне Рик чувствовал себя не очень удобно. Он неохотно последовал за Резидентом под одну из высоких мостоподобных структур, поддерживающих Верхний Город. Ибо Город был двойным: его строго делил горизонтальный слой сталесплава площадью 50 квадратных миль, опиравшийся на 20 тысяч стальных решетчатых колонн. Внизу, в тени, жили «туземцы». Наверху, на солнце — Сквайры. В Верхнем Городе трудно было

поверить, что ты находишься на Флорине. Население было почти исключительно саркианское, включая немногочисленных патрульных. Это был высший класс в самом буквальном значении этого слова.

Теренс хорошо знал дорогу. Он шел быстро, избегая взглядов прохожих, смотревших на его резидентскую одежду со смешанным выражением зависти и досады. Солнце светило, и его лучи, падая сквозь правильно распределенные отверстия в сталесплаве, еще более сгущали окружающую темноту.

В лучах сидели в подвижных креслах старики, наслаждаясь теплом и двигаясь вместе с движением луча. Иногда она засыпали и оказывались в тени, пока не просыпались от скрипа колесиков при перемене позы. Там, где не было стариков, матери почти сплошь перегораживали светлую полосу своими отпрысками в колясках.

— Ну, Рик, держись,— сказал Теренс.— Сейчас мы поднимемся.

Они остановились перед сооружением, занимавшим промежуток между четырьмя колоннами, вознесенными от земли до самого Верхнего Города. Это был лифт.

Когда они поднялись наверх, дверь открылась в совершенно новый мир. Как и все города на Сарке, Верхний Город был чрезвычайно ярким и пестрым. Отдельные строения, будь то жилые дома или общественные здания, пестрели сложной, многоцветной мозаикой, которая вблизи выглядела бессмысленной путаницей, но издали сливалась в яркую гамму красок, менявшихся и переливавшихся вместе с изменениями угла зрения.

— Идем, Рик,— произнес Теренс.

Рик смотрел, широко раскрыв глаза. Ничего живого, никаких растений! Только огромные массы камня и красок. Он никогда не знал, что дома бывают такими величественными. Что-то мгновенно шевельнулось у него в мозгу. На секунду огромность перестала казаться странной... А потом память снова закрылась.

Мимо промелькнул экипаж:

— Это Сквайры?— прошептал Рик.

Он успел лишь взглянуть. Коротко стриженые

волосы, широкие, развевающиеся рукава из блестящей ткани ярких цветов, от синего до фиолетового, короткие бархатистые штаны и длинные чулки, блестевшие, словно сотканные из медной проволоки.

— Молодые,— сказал Теренс. Он не видел их так близко с тех самых пор, как покинул Сарк. И он снова вздрогнул, подавляя бесполезный трепет ненависти.

Сзади раздалось шипение со встроенным воздушным управлением. Машина повисла над дорогой; ее блестящее, гладкое дно было со всех сторон загнуто кверху, чтобы снизить сопротивление воздуха, характерное для патрульных машин.

Они были рослые, как и все патрульные: широкие лица, плоские щеки, длинные черные волосы, светло-коричневая кожа. Их черные блестящие мундиры, подчеркнутые ярким серебром пряжек и орнаментальных пуговиц, сглаживали различие в лицах и еще больше подчеркивали одинаковость.

Один из них сидел за пультом управления. Другой легко перепрыгнул через низкий борт экипажа.

— Удостоверения!— патрульный мгновенно взглянул на документы и вернул их Теренсу.— Что вы тут делаете?

— Я хотел посетить библиотеку, офицер. Это моя привилегия.

— У твоего дружка нет резидентских привилегий,— отрезал патрульный.

— Я поручусь за него.

Патрульный пожал плечами.

— Как угодно. У резидентов есть привилегии, но резиденты не Сквайры. Помните об этом... Вон то здание — библиотека. Полетели, Кред!

С того места, где они стояли, библиотека казалась пятном яркой киновари, темнеющей до пурпура к верхним этажам. По мере того как они подходили, пурпур сползал все ниже.

— По-моему, это некрасиво,— сказал Рик.

Теренс удивленно взглянул на него. Он привык ко всему этому еще на Сарке, но тоже находил яркие цвета Верхнего Города несколько вульгарными.

Они остановились у спирального помоста, ведущего к главному входу. Цвета были распределены так,

чтобы давать иллюзию ступенек; это придавало библиотеке надлежащий архаический вид, по традиции присущий «ученым» зданиям.

Главный холл был просторный, холодный и почти пустой. Библиотекарша удивленно взглянула на них и поднялась с места.

— Я — Резидент. Особые привилегии. Я отвечаю за этого туземца.— Бумаги у Теренса были наготове, и он протянул их.

Библиотекарша села и приняла строгий вид. Она раскрыла удостоверение и сунула его в контрольную щель, где мелькнул тусклый фиолетовый свет.

— Комната двести сорок два,— сказала она.

Эта комната походила на кабинет технического секретаря. Искусственный свет, принудительная вентиляция, никаких украшений. Два диктофона и через всю стену — огромный тусклый стенд, где снизу вверх шел длинный список алфавитного материала, названий, авторов, каталожных номеров.

— Я знаю, что это такое,— вдруг произнес Рик.— Надо нажать цифры и буквы нужной книги на этих маленьких кнопках, и книга появляется вон на том экране.

Теренс повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь? Ты вспомнил?

— Может быть. Я не уверен.

— Ну что ж, назовем это разумной догадкой.

Он набрал какую-то комбинацию букв и цифр. Экран вспыхнул: «Энциклопедия Сарка, том 54, Алмаз — Анод».

— Ну вот, смотри, Рик. Я не хочу тебе ничего подсказывать. Но ты должен просмотреть этот том и останавливаться на всем, что покажется тебе знакомым. Ты понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь смотри...

Минуты шли. Вдруг Рик ахнул и закричал:

— Я увидел, Резидент! Я увидел!

Это была статья об анализе Космоса.

— Я знаю, что там сказано,— продолжал Рик. Он с трудом переводил дыхание.— Вот смотрите, это

всегда тут говорится!

Он прочел вслух медленно, но гораздо лучше, чем можно было бы объяснить отрывочными урока-ми, полученными им от Валоны:

— «Не удивительно, что по своему темпераменту Космоаналитик является интровертированным и до-вольно часто не приспособленным к жизни субъек-том. Посвятить большую часть своей жизни одино-ким наблюдениям ужасной пустоты межзвездных пространств — это больше, чем можно потребовать от вполне нормального человека. Отчасти понимая это, Институт Космического Анализа принял в каче-стве официального девиза не слишком правильную формулировку: «Мы анализируем Ничто».

Рик закончил чтение, почти вскрикнув.

— Ты понимаешь то, что прочел?— спросил Те-ренс.

Тот взглянул на него пылающими глазами.

— Там сказано: «Мы анализируем Ничто». Это я и вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был Космоаналитиком?

— Да!— закричал Рик. Потом добавил поти-ше:— Голова болит.— Он смотрел, наморщив лоб.— Я должен вспомнить больше. Есть опасность. Огром-ная опасность!.. Я не знаю, что делать.

— Библиотека в нашем распоряжении, Рик,— Те-ренс смотрел на него внимательно и взвешивал каждое слово.— Посмотри каталог сам и поищи тексты по Кос-моанализу. Посмотрим, куда это приведет тебя...

— Как насчет «Трактата об инструментальном Космоанализе» Врийта?— спросил после долгих раз-мышлений Рик.— Это правильно?

— Тебе решать, Рик.

Рик нажал кнопку, но на экране засветилось: «О данной книге спросить лично у библиотекаря».

Теренс протянул руку и погасил экран.

— Попробуй найти другую книгу, Рик.

— Но...— Рик поколебался. После новых поисков в каталоге он нашел «Состав пространства» Эннинга.

На экране снова появилась рекомендация обра-титься к библиотекарю. Теренс чертыхнулся и пога-сил экран.

Из маленького репродуктора над диктофоном послышался тонкий сухой голос библиотекарши, от которого оба похолодели:

— Комната двести сорок два! Есть кто-нибудь в комнате двести сорок два?

— Что вам надо?— хрипло спросил Теренс.

— Какая книга вам нужна?

— Никакая. Благодарю вас. Мы только пробовали аппарат.

Наступило молчание, словно происходило какое-то невидимое совещание. Потом голос сказал резче:

— В записях стоит требование на «Трактат об инструментальном Космоанализе» Врийта и «Состав пространства» Эннинга. Это верно?

— Мы набирали номера наугад,— сказал Теренс.

— Могу ли я узнать ваши основания для затребования этих книг?— Голос был неумолим.

— Говорю вам, они нам не нужны... Молчать!— Это относилось к Рику, начавшему жалобно шептать что-то.

Снова пауза. Потом голос произнес:

— Если вы подойдете к столу, то сможете получить эти книги. Они оставлены для вас, и вам нужно только заполнить формуляр.

Теренс протянул руку к Рику.

— Пойдем.

— Может быть, мы нарушили правила,— пробормотал Рик.

— Чепуха, Рик. Мы уходим.

Теренс спешил, увлекая за собою Рика. Они вышли в главный холл. Библиотекарша взглянула на них.

— Подождите!— крикнула она, вскочив и держась за стол.— Одну минуту! Одну минуту!

Они не останавливались. Но перед ними очутился патрульный.

— Вы здорово спешите, парни.

Библиотекарша подбежала к ним, слегка задыхаясь:

— Вы из комнаты двести сорок два, верно?

— Послушайте,— твердо произнес Теренс,— почему нас задерживают?

— Вы запрашивали о некоторых книгах? Мы

можем достать их для вас.

— Слишком поздно. В другой раз. Разве вы не поняли, что книги нам не нужны? Я вернусь завтра.

— Библиотека всегда стремится удовлетворить читателей,— чопорно произнесла женщина.— Книги будут получены за две минуты.— На скулах у нее вспыхнули два ярких красных пятна. Она повернулась и бросилась к маленькой двери, открывшейся при ее приближении.

— Офицер, если вы не возражаете...— начал было Теренс. Но патрульный прервал его, показав короткий нейронный хлыст — прекрасное оружие дальнего действия.

— Парень, тебе лучше подождать, пока вернется эта дама. Будь вежливым.

Лоб Теренса покрылся потом. Каким-то образом он недооценил положение. Он был так уверен в своем анализе событий, во всем. И вот к чему это привело. Не нужно было быть таким настойчивым. Виновато его проклятое любопытство, желание войти в Верхний Город, пройти по коридорам библиотеки, словно он был саркитом...

На одно безумное мгновение ему захотелось прыгнуть на патрульного — и вдруг, совсем неожиданно, это не понадобилось.

Сначала промелькнуло что-то. Патрульный обернулся, но опоздал.

Нейронный хлыст оказался вырванным у него из рук. Офицер успел лишь хрипло вскрикнуть, когда хлыст прикоснулся к его виску.

Рик вскрикнул от радости, а Теренс воскликнул:

— Валона! Клянусь всеми демонами Сарка,— Валона!

МЯТЕЖНИК

Теренс пришел в себя почти тотчас же. Он сказал:

— Скорей отсюда. Живо!— и пошел прочь.

На мгновенье ему захотелось оттащить бесчувственное тело патрульного в тень за колоннами главного холла, но на это явно на было времени.

Они вышли на лестницу, где послеполуденное солнце разливало в окружающем мире теплоту и свет. Краски Верхнего Города сдвинулись к оранжевым тонам.

— Идемте скорее!— тревожно сказала Валона.

Теренс удержал ее за локоть. Он улыбался, но голос у него был низкий и твердый:

— Не беги. Иди, как всегда, и следуй за мной. Держи Рика. Не давай ему бежать...

Несколько шагов. Они двигались, словно сквозь клей. Шум в библиотеке? Или это только кажется? Теренс не смел оглянуться.

— Сюда,— сказал он.

Знак над тротуаром слегка мигал в солнечном свете, не в силах соперничать с ним: «Вход в амбулаторию».

Женщина в форменном платье взглянула на них издали. Она заколебалась, нахмурилась, начала приближаться. Теренс не стал ее ждать. Он резко свернул в сторону, прошел по одному коридору, потом по другому. Все равно их вот-вот остановят. Почти не бывало случаев, чтобы туземцы ходили без надзора по верхнему ярусу больницы. Что с ними будет?

Конечно, в конце концов их остановят.

Поэтому сердце Теренса забилось спокойнее, когда он увидел малозаметную дверь с надписью: «На нижний ярус». Лифт оказался наверху. Теренс втолкнул в него Валону и Рика.

Так было проще всего попасть в Нижний Город, избегнув больших товарных лифтов с их медленным ходом и чересчур внимательными лифтерами. Правда, туземцам запрещалось пользоваться больничными лифтами, но это добавочное преступление было ничтожным по сравнению с нападением на патрульного.

Они вышли на нижнем ярусе.

— Я не могла не прийти, Резидент,— быстро шептала Валона.— Я так беспокоилась о Рике! Я думала, вы не привезете его обратно, и...

— Но как ты попала в Верхний Город?

— Я шла за вами и видела, что вы поднялись на лифте. Когда он вернулся, я сказала лифтеру, что отстала от вас, и он взял меня наверх.

— Просто так?

— Я немножко потрясла его.

— Демоны Сарка!— простонал Теренс.

— Так получилось,— смиренно пояснила Валона.— Потом я видела, как патрульные показывают вам здание. Я подождала, пока они улетят, и тоже пошла туда. Только я не посмела войти и пряталась, пока не увидела, что вы выходите, а патрульный хочет остановить вас...

Они были уже на улице, в полутени Нижнего Города. Вокруг кишели звуки и запахи Туземного квартала, и верхний ярус опять стал только крышей над ними. Но они зашли слишком далеко, и отныне их везде подстерегала опасность.

Эта мысль еще не успела покинуть Резидента, когда Рик крикнул:

— Смотрите!

Теренс ощутил в горле спазм.

Самое страшное зрелище, какое могли увидеть туземцы Нижнего Города. Словно гигантская птица спускалась в одно из отверстий из Верхнего Города. Она закрыла солнце и углубила зловещую тень в этой части квартала. Машина с вооруженными патрульными.

Туземцы завопили и начали разбегаться. Может быть, у них и не было особых поводов бояться, но все же они разбегались.

Теренс колебался, а Рик и Валона ничего не могли сделать без него. Внутренняя тревога Резидента усилилась до лихорадки. Если они побегут, то куда? Если останутся на месте, то что смогут сделать?

Какой-то широкоплечий детина приближался к ним тяжелой рысцой. На мгновенье он приостановился рядом с ними, словно в нерешительности. Потом сказал равнодушно:

— Пекарня Хорова вторая налево, за прачечной.— И круто повернул обратно.

— В пекарню,— прохрипел Теренс.

Размышлять было поздно.

Он бежал, обливаясь потом. Сквозь шум слышал лающую команду из динамика патрульных. Он взглянул через плечо. С полдюжины патрульных рванулись из машины, рассыпаясь веером. А он, Теренс, в своей

проклятой резидентской одежде заметен так же, как любой из столбов, поддерживающих Верхний Город.

Двое патрульных бежали прямо к ним. Теренс не знал, увидели его или нет, да это и неважно. Оба патрульных столкнулись с тем широкоплечим, который только что сказал им о пекарне. Все трое были достаточно близко. Теренс услышал хриплый бас широкоплечего, громкие ругательства патрульных и толкнул Валону и Рика за угол.

Над пекарней висела сильно вылинявшая надпись из светящейся пластмассы, поломанной во многих местах. Из распахнутой двери струился восхитительный запах. Когда они вбежали внутрь, то не сразу различили затемненное мукой свечение радарных печей. Из-за бункера выглянул какой-то старик.

Теренс начал было: «Широкоплечий человек...»— и расставил руки для пояснения, как вдруг снаружи послышались крики: «Патрулы! Патрулы!»

— Сюда! Скорей!— проскрипел старик.— Залезайте в эту печь.

— Туда?— отшатнулся Теренс.

— Она ненастоящая. Скорее!

Сначала Рик, потом Валона и Теренс пролезли сквозь дверку печи. Что-то слабо щелкнуло, задняя стенка печи сдвинулась и свободно повисла на петлях. Они толкнули ее и прошли в маленькую, тускло освещенную комнату.

Они ждали. Вентиляция была плохая, и запах печеного хлеба усиливал голод. Валона все время улыбалась Рику, механически время от времени похлопывая его по руке. Рик тупо смотрел на нее.

Прошла целая вечность.

В стенке щелкнуло. Теренс напрягся. Сам того не сознавая, поднял сжатые кулаки.

Сквозь отверстие протискивались огромные плечи. Они едва помещались там. Широкоплечий взглянул на Теренса и улыбнулся:

— Легче, приятель. Мы не будем драться.— Рубашка едва держалась на его плечах, на скуле краснела ссадина.— Поиски окончились. Если вы голодны, можете заплатить и получите всего вдоволь. Что скажете?

Огни Верхнего Города освещали небо на целые мили, но в Нижнем стояла густая тьма. Окна пекарни были плотно завешены, чтобы скрыть свет.

— Я Матт Хоров, но меня называют Пекарем,— представился широкоплечий.— А вы кто?

— Ну, мы...— Теренс пожал плечами.

— Вижу. То, чего я не знаю, никому не повредит. Возможно. Однако в этом вы можете мне довериться. Я спас вас от патрульных, не так ли?

— Да. Благодарю.— Теренсу не удавалось придать своему голосу сердечность.— Как вы узнали, что они гонятся за нами? Там разбегались все.

Пекарь улыбнулся.

— Ни у кого не было таких лиц, как у вас. Ваши лица можно было бы размолоть на известку...

Теренс попытался улыбнуться.

— Но вы рисковали жизнью. И я благодарю вас за спасение.

— Я делаю это каждый раз, когда могу. Если патрульные гонятся за кем-нибудь, я не могу не вмешаться. Я ненавижу патрульных.

— И попадаете в неприятности?

— Конечно. Вот зачем я построил эту поддельную печь. С нею патрульные не могут поймать меня и затруднить мне работу. Вы знаете, сколько на Флорине сквайров? Десять тысяч. А сколько патрульных? Может быть, двадцать тысяч. А нас, туземцев,— пятьсот миллионов. Если все мы встанем против них...— Он прищелкнул пальцами.

Теренс возразил:

— Мы встали бы против иглоружей и плазменных пушек, Пекарь.

— Нам нужно завести свои. Вы, резиденты, жили слишком близко к сквайрам. Вы их боитесь.

Мир Валоны переворачивался кверху дном. Этот человек дрался с патрульными, а сейчас говорил так уверенно и небрежно с Резидентом. Когда Рик схватил ее за рукав, она разжала его пальцы и велела ему спать.

—...Даже имея иглоружья и плазменные пушки, сквайры могут владеть Флориной только при одном условии: это помощь ста тысяч резидентов.

Теренс вскипел:

— Я ненавижу сквайров еще больше, чем вы. И все-таки...

— Продолжайте,— хохотнул Пекарь.— Я не выдам вас за вашу ненависть к сквайрам. Итак: почему же патрульные погнались за вами?

Теренс не ответил.

— Осторожность, конечно, не мешает, но бывает и чрезмерная осторожность, Резидент. Вам понадобится помощь. Они знают, кто вы.

— Нет, не знают,— поспешно сказал Теренс.

— Они должны были видеть ваши документы в Верхнем Городе.

— Кто вам сказал, что я был в Верхнем Городе?

— Я догадался.

— Мою карточку смотрели, но не так долго, чтобы прочесть мое имя.

— Достаточно долго, чтобы признать в вас Резидента. Им остается только найти Резидента, который отсутствовал в своем городе сегодня. Наверно, все провода на Флорине гудят сейчас об этом. Итак: вам нужно помочь?

Они говорили шепотом. Рик свернулся в углу и уснул. Взгляд Валоны переходил с одного из говоривших на другого.

— Нет, спасибо.— Теренс покачал головой.— Я... я выпутаюсь сам.

Пекарь расхохотался.

— Интересно посмотреть как. И все-таки подумайте над этим до утра. Может быть, и решите, нужна ли вам помощь.

— Валона.

Голос был так близко, что легкое дыхание шевелило ей волосы, и так тих, что она едва расслышала его. Она была прикрыта только простыней и сжалась от страха и смущения.

Это был Резидент.

— Молчи. Только слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я вернусь. Ты слышишь? Ты понимаешь?

Она протянула руку в темноту, нашла его руку, сжала ее.

— И следи за Риком. Не теряй его из виду. Валона...— Он долго молчал.— Не доверяй слишком

этому Пекарю. Я его не знаю. Ты поняла? Послышался легкий шорох, потом еще более легкий, отдаленный скрип, и он ушел. Она приподнялась на локте, но, кроме дыхания Рика и своего собственного, не услышала ничего.

Она сомкнула веки, сжала их в темноте, пытаясь думать. Почему Резидент сказал так о Пекаре, который ненавидит патрульных и спас их троих? Почему, когда все запуталось как нельзя больше, этот Пекарь явился и действовал так быстро и уверенно? Может быть, все подстроено заранее, и Пекарь давно уже ожидал того, что случилось потом?..

— Алло! Вы еще здесь?

Она окаменела, когда луч света упал прямо на нее. Потом опомнилась и медленно натянула простыню до шеи. Луч погас. Ей не нужно было догадываться, кто спрашивал. Его широкие плечи смутно рисовались в полусвете, просачивающемся сзади.

— Я думал, ты ушла вместе с ним.

— С кем, сударь?— тихо спросила Валона.

— С Резидентом. Ты знаешь, девушка, что он ушел. Не пробуй притворяться.

— Он вернется, сударь.

— Он сказал, что вернется? Он ошибся. Патрульные поймают его. Он не очень хитер, твой Резидент, иначе бы он увидел, что я оставил дверь открытой нарочно. Ты тоже собираешься уходить?

— Я подожду Резидента.

— Как угодно. Ждать придется долго. Уйдешь, когда захочешь.

Снова вспыхнул луч света и заскользил по полу, пока не нашел худое, бледное лицо Рика. Веки Рика судорожно сжались от света, но он продолжал спать.

— А вот этого человека тебе лучше оставить здесь. Если ты решила уйти, дверь открыта, но не для него.

— Он только бедный, больной парень...— начала Валона высоким, испуганным голосом.

— Да? Ну, так я собираю бедных, больных парней, и этот останется тут. Помни это!

Луч света словно приковался к спящему лицу Рика.

УЧЕНЫЙ

Доктор Селим Джунц терял терпение уже целый год, но к нетерпению нельзя привыкнуть даже со временем. Скорей наоборот. Тем не менее этот год научил его, что Саркитскую Разведку нельзя торопить; тем более что сами сотрудники были по большей части переселенными флоринианами и поэтому страшно дорожили своим достоинством.

Однажды он беседовал со стариком Эблом — транторианским посланником, прожившим на Сарке так долго, что его башмаки пустили корни здесь; Джунц спросил, почему саркиты позволяют служить в своих собственных государственных учреждениях тем самым людям, которых они искренне презирают.

Эбл прищурился над кубком зеленого вина.

— Политика, Джунц,— сказал он.— Политика. Все дело в практической генетике, проводимой с саркитской логикой. Сами по себе они мелки, нестоящий народ, эти саркиты, и важны лишь постольку, поскольку владеют неистощимой золотой россыпью — Флориной. Поэтому они каждый год снимают сливки с ее городов и поселков и привозят цвет флориниан-ской молодежи на Сарк для обучения. Посредственных сажают заполнять бланки и подписывать заявления, а по-настоящему умных отправляют обратно на Флорину, чтобы они стали резидентами, этими туземными правителями городов. Самые разумные элементы на Флорине искренне преданы делу саркитов, так как пока они служат Сарку, о них хорошо заботятся, а как только они от Сарка отвернутся, то самое большее, на что они смогут надеяться,— вернуться к флориниан-скому существованию. А это неважная вещь, друг мой, совсем неважная.

Старый дипломат одним глотком допил вино и продолжал:

— Далее. Ни резиденты, ни сотрудники учреждений на Сарке не могут иметь детей, не теряя своего положения. Даже от флориниан-ских женщин. О смешанных браках с саркитами и говорить нечего. Таким образом, лучшая часть флориниан-ских генов все вре-

мя уходил из обращения, так что в конце концов Флорина будет населена только дровосеками и водоносами.

— Но тогда сами саркиты останутся без служащих, не так ли?

— Это дело будущего.

Итак, сейчас доктор Джунц, космоаналитик, сидел в одной из внешних приемных Департамента по флориниапским делам и нетерпеливо ждал минуты, когда его вызовут, пока низшие служащие-флориниане беспрерывно спешили по бюрократическим лабиринтам. Наконец его провели в роскошно обставленный кабинет и указали кресло перед столом Клерка Младшего Секретаря. Ни один флориниапин не мог быть чем-либо большим, чем Клерк, независимо от того, сколько нитей подлинного действия держит он в своих руках. Младший и Старший Секретари по флориниапским делам были, конечно, саркитами, и хотя Джунц мог встречаться с ними в обществе, он знал, что никогда не встретит их в учреждении.

Клерк тщательно просматривал картотеку, разглядывая каждый мелко исписанный листок так, словно там содержались секреты всей Вселенной. Он был молодой, вероятно, недавно кончил школу; как у всех флориниан, у него были очень светлые волосы и кожа. Наконец он отложил в сторону бумаги и произнес:

— Судя по записям, вы бывали в этом учреждении и раньше?

— Да, бывал, сударь,— сказал с некоторой резкостью доктор Джунц.

— Но не в последнее время?

— Но не в последнее время.

— Вы все еще разыскиваете того космоаналитика, исчезнувшего...— Клерк перебрал листки,— ...более одиннадцати месяцев назад?

— Совершенно верно.

— За все это время,— продолжал Клерк,— не встречалось никаких следов этого человека и не было доказательств, что он когда-либо вообще находился на саркитской территории.

— Последнее сообщение от него,— произнес ученый,— было получено из пространства близ Сарка.

Клерк взглянул на него; бледно-голубые глаза на мгновение сосредоточились на Джунце, потом опустились.

— Возможно, но его присутствие на Сарке не доказано.

Не доказано! Губы Джунца плотно сжались. Именно этот ответ, все более и более категорический, он получал от Межзвездного Космоаналитического Бюро за последние месяцы.

«Нет доказательств, доктор Джунц. Нам кажется, что вы могли бы найти лучшее применение своему времени, доктор Джунц. Бюро заботится о том, чтобы поиски продолжались, доктор Джунц».

Все это означало: «Перестаньте швыряться деньгами, Джунц!»

Это началось, как правильно сказал Клерк, одиннадцать с половиной месяцев назад по Межзвездному стандартному времени. За два дня до того, как Джунц опустился на Сарк, намереваясь произвести обычную инспекцию отделений Бюро на этой планете. Его встретил представитель МКБ, молодой человек, непрестанно жевавший какой-то эластичный продукт химической промышленности Сарка.

Инспекция почти уже закончилась, когда местный представитель, вспомнив о чем-то, отправил свою эластичную жвачку за коренные зубы и сказал:

— Сообщение от одного из наблюдателей, доктор Джунц.— И протянул листок.

Джунц прочел вслух:

«Прошу сохранять прямую кодированную линию Главштаба МКБ для подробного сообщения о деле чрезвычайной важности. Затронута вся Галактика. Делаю посадку по минимальной траектории».

Агент развеселился.

— Представьте только, сударь! «Затронута вся Галактика». Это здорово, даже для наблюдателя. Я вызвал его по межзвездной связи, когда получил сообщение, и хотел добиться толку, но мне не удалось. Он твердил только, что в опасности находится жизнь каждого из обитателей Флорины. Понимаете, там полмиллиарда человек. Он был похож на психопата. Поэтому, откровенно говоря, мне не хочется

встречаться с ним наедине, когда он опустится. Что вы предлагаете?

— У вас есть запись вашего разговора?

— Да, сударь.— Он порылся в карманах.— Вот.

Это был кусочек ленты. Джунц пробежал его в аппарате и нахмурился.

— Это копия, да?

— Я послал оригинал в Бюро Межпланетного Транспорта на Сарке. Я думал, лучше всего будет встретить его с каретой «Скорой помощи». Ему, наверно, очень плохо.

Джунцу хотелось согласиться с молодым человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин сходят с ума, реакции у них могут быть очень сильными. Джунц задумался.

— Погодите. Вы сказали так, словно он еще не сел?

Агент казался удивленным.

— Я думаю, он сел, но мне никто не сообщал об этом.

— Ну так вызовите Транспорт и спросите о подробностях. Психопат он или нет, но подробности должны быть записаны.

Джунц пришел туда на следующий день для последней проверки перед отлетом. У него было много дел на других планетах, и он спешил. Почти уже уходя, он спросил оборачиваясь:

— Ну, что с нашим наблюдателем?

— Ах да, я совсем забыл,— спохватился агент.— Транспорт о нем ничего не знает. Я послал энергетический спектр его гиператомного двигателя, и они сказали, что его корабля нет нигде в пространстве.

Джунц решил отложить свой отъезд на сутки. На следующий день он побывал в Бюро Межпланетного Транспорта в городе Сарке, столице планеты. Тут он впервые встретился с флориниански ми бюрократами, но те качали головами ему в ответ. Они получили сообщение о предполагаемой высадке одного аналитика из МКБ. Да, но корабль не садился.

— Но, это важно,— настаивал Джунц.— Человек очень болен.

Получили ли они копию записи его разговора с

агентом из МКБ? Они широко раскрывали глаза. Копию? Никто не мог вспомнить, что получал что-нибудь. Они сожалели, что человек болен, но никакой корабль МКБ не опускался здесь.

Джунц вернулся к себе в отель и долго размышлял обо всем этом. Прошел еще один срок, назначенный им для отъезда. Он сменил свою комнату на другую, более приспособленную к длительному пребыванию. Он устроил себе свидание с Людиганом Эблом, транторианским посланником.

Следующий день он провел, читая книги по истории Сарка; и когда время встречи с Эблом пришло, его сердце билось с тихой, еле сдерживаемой яростью. Это не пройдет им даром...

Старый Посланник принял его как гостя, потряс ему руку, вызвал механического бармена и на первых двух стаканах не допускал никаких разговоров о делах. Джунц воспользовался случаем для полезной болтовни, спросил о Флориниансной Гражданской Службе и выслушал лекцию о практической генетике на Сарке. Гнев его усилился. И все-таки он спокойно начал излагать историю, рассказывая ее экономно-скупо. Эбл не перебивал.

Когда Джунц замолчал, он спросил:

— Послушайте, вы знаете этого исчезнувшего?

— Нет.

— И не встречали его?

— С нашими наблюдателями-аналитиками трудно встретиться.

— У него раньше бывали такие иллюзии?

— Это первая, судя по записям в центральном управлении МКБ,— если только это иллюзия.

— Но что я могу сделать?

— Дайте мне объяснить. Саркианское Бюро Межпланетного Транспорта проверило ближайшее пространство на энергетический спектр двигателей нашего наблюдателя и не нашло следов его. В этом они лгать не будут. Я не хочу сказать, что саркиты брезгуют ложью, но они брезгуют бесполезной ложью, и они-то знают, что я могу устроить проверку пространства в два-три часа.

— Правильно. Так что же?

— Есть два случая, когда энергетический спектр нельзя обнаружить. Один — это когда корабля нет в ближайшем пространстве, так как он проскочил гиперпространство и ушел в другую область Галактики; второй — когда его нет в пространстве, так как он опустился на планету. Я не могу поверить, что этот человек передумал. Если его утверждения относительно опасности для Флорины и важности для Галактики являются мегаломаническими иллюзиями, ничто не помешает ему опуститься на Сарк и сообщить об опасности. Он не мог передумать и улететь. У меня пятнадцатилетний опыт работы в этой области. Если же его заявление имело под собой основания, то дело было слишком серьезно, чтобы он мог передумать и уйти от ближнего пространства.

Старый транторианин поднял палец и сказал, слегка покачивая им:

— Значит, вы заключаете, что он находится на Сарке?

— Вот именно. Опять-таки тут есть две возможности. Во-первых, если он действительно охвачен психозом, то мог высадиться на планете в любом месте вне космопорта. Он может блуждать где-нибудь, больной, наполовину беспамятный. Это очень необычно для наших наблюдателей, но это случается. В таких случаях амнезия обычно бывает временной. Когда она проходит, жертва вспоминает подробности своей работы. В конце концов работа для космоаналитиков — это сама жизнь. Часто такого больного обнаруживают по тому, что он заходит в публичную библиотеку и ищет литературу по космическому анализу.

— Понимаю. Так вы хотите, чтобы я помог вам получить от Комитета библиотекарей сообщение о таком случае?

— Нет, здесь я не предвижу никаких трудностей. Я попрошу, чтобы некоторые стандартные работы по космическому анализу были поставлены в спецхранение и чтобы всякого, кто спросит о них, если он не сможет доказать, что он настоящий саркит, задержали и допросили. Это для меня сделают, потому что будут знать — или будет знать начальство,— что такой план мне ничего не даст вообще.

— Почему не даст?

— Я уверен, что наш человек высадился в космопорту Сарка, как и намеревался, а затем саркианские власти посадили его в тюрьму или даже убили.

— Вы шутите?

— Какие шутки? И жизнь, и богатство, и власть саркитов зависят от обладания Флориной. Вы не хуже меня знаете, что богатство Сарка заключено в кыртовых плантациях Флорины. И вот появляется человек — неважно, в здравом уме или нет — и говорит, что какое-то обстоятельство галактической важности угрожает жизни всех обитателей Флорины. Взгляните на эту копию последней передачи нашего наблюдателя.

Эбл взглянул на обрывок ленты, брошенный Джунцем ему на колени.

— Это немного.

— Конечно. Здесь сказано, что опасность есть. Что это какая-то огромная опасность. Вот и все. Но такое нельзя было посылать саркитам. Даже если космоаналитик ошибся, разве могло саркитское правительство позволить ему распространять свое безумие, если только это безумие, и наполнять им всю Галактику? Не говоря уже о панике, которая могла бы подняться на Флорине, о помехах в производстве кыртового волокна, очевидно, что вся грязь политических взаимоотношений между Сарком и Флориной открылась бы перед Галактикой во всей своей красе. А чтобы всего этого избежать, они должны отделаться только от одного человека. Остановится ли Сарк перед убийством в подобном случае? Планета с такими, как вы описали, генетическими экспериментаторами колебаться не станет.

— Так что же вы хотите, чтобы я сделал? Пока мне ничего не ясно в этой истории.— Эбл казался невозмутимым.

— Найдите, кто его убил,— мрачно произнес Джунц.— У вас должна быть организация для шпионажа здесь. О, не будем играть в прятки. Я шатаюсь по Галактике достаточно долго, чтобы выйти из политического отрочества. Докопайтесь до сути, пока я буду отвлекать их внимание своими библиотечными

разговорами. А когда вы изобличите их как убийц, я хочу, чтобы Трантор показал, что ни одно правительство в Галактике не должно рассчитывать на безнаказанность, убивая людей из МКБ.

Так окончилась его первая встреча с Эблом.

Джунц оказался прав в одном: саркитские власти были очень любезны, пока это касалось библиотечных дел. Но во всем остальном он был, по-видимому, неправ. Проходили месяцы, а агенты Эбла не могли найти на Сарке следов исчезнувшего наблюдателя, живого или мертвого.

Так продолжалось более одиннадцати месяцев. Джунц начал чувствовать, что готов отказаться от всего, но решил подождать конца двенадцатого месяца. А потом появился проблеск, и он явился вовсе не от Эбла, а от подставного лица. Пришло сообщение из Публичной библиотеки Сарка, и Джунц оказался сидящим через стол от сотрудника Отдела по флориниански делам.

Клерк закончил свои мысленные расчеты и взглянул на посетителя.

— Итак, что я могу сделать для вас?

Джунц заговорил сухо и точно:

— Вчера в 4.22 пополудни мне сообщили, что Флориниански филиал Публичной библиотеки Сарка задерживает для меня человека, который пытался получить две стандартные работы по космическому анализу и который не был урожденным саркитом. С тех пор из библиотеки никаких сообщений не было.— Он слегка повысил голос, чтобы заглушить какое-то возражение, начатое было Клерком.— В бюллетене теленовостей, принятом на общественном аппарате, который находится в отеле, где я сейчас живу, и помеченном 0.05 пополудни вчера, сказано, что во Флориниански филиале Публичной библиотеки Сарка сбит и находится в бессознательном состоянии член Флориниански патруля и что ведется преследование трех флориниански туземцев, совершивших этот проступок. Позже, в передаче новостей, этот бюллетень не был повторен. Так вот, я не сомневаюсь в том, что оба сообщения связаны между собой. Я уверен в том, что человек, которого я разыскиваю, находится в руках патруля. Я

просил разрешения лететь на Флорину и получил отказ. Я просил Флорину прислать этого человека на Сарк, и не получил ответа. Я пришел в Отдел по флоринианским делам получить содействие в этом. Либо я полечу туда, либо его пришлют сюда.

Бесцветный голос Клерка произнес:

— Правительство Сарка не принимает ультиматумов от сотрудников МКБ. Мое начальство предупредило меня, что вы, вероятно, будете расспрашивать меня об этом деле, и я получил соответствующие инструкции. Человек, о котором сообщалось, что он хотел получить книги из спецхранения, и двое его спутников, Резидент и флоринианская женщина, действительно совершили проступок, о котором вы говорили, и патруль преследовал их. Однако они не были схвачены.

Джунца охватило горькое разочарование. Он не пытался скрыть его.

— Они бежали?

— Не совсем. Они были прослежены до пекарни некоего Матта Хорова.

Джунц поразился.

— И им позволили остаться там?

— Беседовали ли вы в последнее время с его светлостью Людиганом Эблом?

— Что в этом общего с...

— Нам известно, что вас часто видели в транторианском посольстве.

— Я не видел посла уже с неделю.

— Тогда я предлагаю вам повидаться с ним. Мы позволили преступникам оставаться в лавке Хорова вследствие щекотливости наших взаимоотношений с Трантором. Мне поручено сказать вам, если понадобится, что Хоров, чему вы, вероятно, не удивитесь...— на бледном лице Клерка появилось что-то похожее на насмешливую гримасу,— хорошо известен нашему Отделу безопасности как транторианский агент.

ПОСЛАННИК

За десять часов до разговора Джунца с Клерком Теренс выскользнул из пекарни Хорова. Он осторож-

но пробирался переулками. Его рука касалась шершавой поверхности хижин рабочих. Кругом был полный мрак, если не считать бледного света, периодически падавшего из Верхнего Города.

Нижний Город походил на спящее ядовитое чудовище, лоснящиеся кольца которого скрывались под блестящим покровом Верхнего. Кое-где, вероятно, шла призрачная ночная жизнь, но не здесь, в трущобах.

Теренс отпрянул в пыльную улочку (даже ночные дожди Флорины едва могли проникать в обитель тени под сталесплавом), услышав звук отдаленных шагов. Огни фонариков появились, скользнули мимо, растворились во тьме.

Патрульные ходили взад и вперед всю ночь. Внушаемого ими страха было вполне достаточно, чтобы поддерживать порядок почти без применения силы.

Теренс спешил; на лицо ему падали белые блики, когда он проходил под отверстиями в сталесплаве, и он не мог удержаться, чтобы не поглядеть наверх.

Сквайры недоступны!

Действительно ли они недоступны? Сколько раз уже менялось его отношение к саркитским Сквайрам. Ребенком он не отличался от прочих детей. Патрульные были черно-серебряными чудовищами, от них нужно было убегать, все равно, провинился ты или нет. Сквайры были туманными, мистическими сверхлюдьми, чрезвычайно добрыми, жившими в раю под названием Сарк, и терпеливо, бдительно охранявшими благосостояние глупых обитателей Флорины.

Десятилетним мальчишкой он написал в школе сочинение о том, как представляет себе жизнь на Сарке. Это был чистый вымысел. Он помнил очень немногое, только один абзац. Там описывались Сквайры, они собираются каждое утро в огромном зале, окрашенном, как цветы кырта, и стоят там в своем 20-футовом великолепии, рассуждая о прегрешениях флориниан и сетуя о необходимости карать их, дабы вернуть к добродетели.

Учительнице его сочинение очень понравилось, и в конце года, когда другие мальчики и девочки проходят короткие курсы чтения, письма и морали, его пе-

ревели в специальный класс, где он учился арифметике, галактографии и истории Сарка. В шестнадцать лет его взяли на Сарк.

Теперь Теренс приближался к окраине города. Ветерок доносил до него густой ночной аромат цветов кырта. Через несколько минут он будет в сравнительной безопасности среди открытых полей, где нет регулярных обходов патруля и где сквозь клочковатые ночные облака он снова увидит звезды. Даже ту яркую желтую звезду, которая была солнцем для Сарка.

Она была солнцем и для него много лет подряд. Когда он впервые увидел ее в иллюминаторе корабля уже не как звезду, а как невыносимо яркий белый шарик, ему захотелось упасть на колени. Мысль о том, что он приближается к раю, прогнала даже парализующий страх первого космического перелета.

Он высадился в раю, и его поручили старику флориниянину, который проследил за тем, чтобы он хорошо вымылся и прилично оделся. Его привели в большое здание, и по пути туда старый проводник низко поклонился проходившей мимо фигуре.

— Кланяйся!— сердито шепнул старик юному Теренсу.

Теренс повиновался и был смущен.

— Кто это?

— Сквайр, деревенщина!

— Это — Сквайр?

Он резко остановился, и его пришлось подогнать. Так он познакомился со Сквайрами. Они оказались обыкновенными людьми. Другие юные флориниане, быть может, и оправились бы после такого разочарования, похожего на удар, но Теренс не мог. Что-то внутри него переменилось навсегда.

Больше пяти лет проработал он в Гражданской Службе, и его, как обычно, перебрасывали с места на место, чтобы проверить способности.

Однажды к нему пришел пухлый, мягкий флориниянин, дружески улыбнулся, похлопал по плечу и спросил, что он думает о Сквайрах.

Теренс подавил желание повернуться и убежать.

Он подумал, не отпечатались ли его тайные мысли на лице в виде какого-то таинственного кода. Он покачал головой, забормотал что-то насчет добродетели Сквайров.

Но пухлый человек поджал губы и сказал:

— Вы не думаете этого. Приходите сюда ночью.— И дал ему маленькую карточку, которая через несколько минут и превратилась в пепел.

Теренс пришел. Ему было страшно, но и очень интересно. Он встретил нескольких знакомых, они глядели на него таинственно. Оказалось, что он не был одинок.

Эти люди тоже считали Сквайров низкими скотами, выжимающими богатства из Флорины для собственных никчемных развлечений и оставляющими тяжело работающих туземцев умирать в нищете и невежестве. Он узнал, что приближается время, когда против Сарка будет поднято гигантское восстание и богатства Флорины будут отданы их законным владельцам.

— Но Сквайры и патрульные вооружены...— недоумевал Теренс.

И ему рассказали о Транторе, гигантском государстве, непрерывно расширявшемся в последние столетия, так что теперь в него входит половина всех обитаемых планет в Галактике. Трантор, сказали ему, разобьет Сарк с помощью флориниан.

— Но,— сказал Теренс сначала себе, потом другим,— если Трантор так велик, а Флорина так мала,— не станет ли Трантор еще более крупным и тираническим хозяином? Если это единственный выход, то лучше уж терпеть Сарк.

Но над ним посмеялись и прогнали, угрожая смертью, если он когда-либо проговорится о том, что слышал.

Теренс даже работал некоторое время в Отделе Безопасности, на что могли надеяться лишь немногие из флориниан. Здесь Теренс увидел, к своему удивлению, что нужно бороться и с настоящими заговорами. Люди на Флорине каким-то образом сходились и начинали готовить восстание.

Обычно их поддерживали деньги Трантора. Иногда предполагаемые мятежники действительно

думали, что Флорина сможет победить без посторонней помощи. А потом появился этот незначительный с виду человек, который был когда-то космоаналитиком, а теперь бормотал о чем-то, угрожающем жизни каждого из обитателей Флорины...

Теренс был теперь в полях, где прошел ночной дождь и звезды мерцали из облаков. Он глубоко вдыхал запах кырта — сокровища и проклятия Флорины.

У него не было иллюзий. Да, он уже не Резидент. И даже не свободный флориниански крестьянин. Он преступник, беглец, который должен скрываться. Но за последние сутки у него в руках было величайшее оружие против Сарка. Сомнений не было. Он знал: Рик вспомнил правильно, что был когда-то космоаналитиком, что был психозондирован.

Но Рик в руках толстого человека, который выдает себя за флориниански патриота, а на самом деле это транторианский агент, Теренс не сомневался в этом с первого же мгновения. Кто еще из жителей Нижнего Города смог бы построить поддельную радарную печь?

Как бы то ни было нельзя оставлять Рика в руках Трантора. У него уже созрел план дальнейших действий. Надо только подождать рассвета.

Через десять часов после своей беседы с Клерком Джунц снова встретился с Людиганом Эблом.

Посланник приветствовал Джунца со своей обычной сердечностью, хотя и с явным чувством вины. При первой встрече (это было давно, прошел почти стандартный год) Эбл не обратил внимания на его рассказ о космоаналитике. Тогда он думал лишь об одном: поможет ли это Трантору?

Трантор! Он всегда был первым в его мыслях, но Эбл был не из тех глупцов, которые отождествляют звездный рай или желтый значок транторианских военных сил с солнцем и космическим кораблем.

Словом, он не был патриотом в обычном смысле этого слова, и Трантор как Трантор не значил для него ничего.

Но он был поклонником мира; тем более что он старел и любил свой кубок с вином, атмосферу, наполненную тихой музыкой, послеобеденный сон и спокойное ожидание смерти. Он считал, что так должны поступать все, но люди предавались войне и разрушению. Они умирали, замороженные пустотой космического пространства, испаряясь во вспышке взорвавшихся атомов, голодая на осажденных планетах.

В кабинете у Эбла висела карта Трантора — кристально прозрачный свод с трехмерной схемой Галактики. Звезды были алмазными искрами, туманности — светлыми или темными пятнами, а глубоко в недрах мерцало несколько синих огоньков, обозначавших собой Транторианскую Республику.

Карта была историческая, с десятью кнопками, так что через каждые 50 лет можно было проследить, как вокруг Трантора загоралось множество звезд.

Простое нажатие десяти кнопок — и проходит полтысячи лет, и господство Трантора распространяется, пока не охватывает половину Галактики.

По мере того как Транторианская Республика превращалась в Транторианское Содружество, ее путь проходил сквозь чащу погибших людей, погибших кораблей, погибших миров. Но все это придавало Трантору силу.

А сейчас Трантор трепетал на грани нового превращения: из Транторианского Содружества в Галактическое, когда его господство поглотит все звезды и настанет вселенский мир. И Эблу хотелось именно этого.

Итак, поможет ли это Трантору?— вот о чем думал осторожный Посланник год назад при первом разговоре с доктором Джунцем.

—...Нет, я вовсе не сержусь на ваших агентов, пущенных за мной по пятам,— говорил Джунц.— Вероятно, вы осторожны и не должны доверять никому и ничему. И все-таки: почему мне не сообщили, когда местопребывание разыскиваемого мною человека было обнаружено? Или вы тоже не знали, что искать его на Сарке бессмысленно, поскольку весь этот год он был на Флорине? Но теперь вы нашли

его, и я хочу с ним поговорить.

— Я сожалею, но вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Хорошо, я отвечу вам. Потому что двенадцать часов назад Матт Хоров, транторианский агент, был убит флоринианским патрулем. Двое флориниан, которых агент прятал у себя, женщина и мужчина,— по всей вероятности, разыскиваемый вами наблюдатель,— ушли, исчезли. Очевидно, они попали в руки Сквайров.

Джунц приподнялся с кресла.

Эбл спокойно поднял к губам стакан с вином и произнес:

— Официально я ничего не могу сделать. Убитый был флоринианином, а исчезнувшие, пока мы не сможем доказать обратное, тоже флориниане.

ПАТРУЛЬНЫЙ

Рик проснулся в серой мгле рассвета. Долгие минуты он лежал, проверяя свой разум. Что-то в нем зажило за ночь; что-то проросло и стало цельным. Это готово было случиться еще с той минуты, два дня назад, когда он начал «вспоминать». Процесс продолжался весь вчерашний день. Поездка в Верхний Город, библиотека, нападение на патрульного, потом бегство и встреча с Пекарем — все это действовало на него как фермент. Ссохшиеся волокна мозга, давно замершие, начали вынужденную болезненную деятельность. Теперь, после сна, в них чувствовалась слабая пульсация. Он думал о пространстве и о звездах, о долгих одиноких странствиях, о великом молчании. Наконец, он повернул голову и окликнул:

— Лона!

Она мгновенно очнулась, приподнялась на локте, вглядываясь в его сторону.

— Я чувствую себя прекрасно, Лона. Я вспомнил еще больше. Я был на корабле и знаю в точности...

Но она не слушала его. Натянула платье, стоя к нему спиной, загладила передний шов-застежку и нервно потрогала пояс. Потом подошла на цыпочках.

— Тсс, не говори так громко. Все в порядке.

— Где Резидент?

— Его нет. Он... он ушел.

В комнате стало светло, и появилась массивная фигура Пекаря. Его толстые губы растянулись в улыбке:

— Вы рано проснулись.

Они молчали.

— Сегодня вы уйдете.

Она помнила, как он смотрел на Рика после того, как Резидент ушел.

— О вас сообщено кому следует. Вы будете в безопасности.

Он вышел, но вскоре вернулся, неся пищу, одежду и два таза с водой. Одежда была новая и казалась совершенно незнакомой.

Он смотрел, как они едят, потом сказал:

— Я дам вам новые имена и новые биографии. Вы должны внимательно слушать, чтобы ничего не забыть. Вы не флориниане, поняли? Вы брат и сестра с планеты Вотекс. Вы посетили Флорину...

Он продолжал, рассказывая подробности, задавая вопросы, слушая ответы.

Рику было приятно, что он может продемонстрировать свою память, свою способность к восприятию, но Валона казалась обеспокоенной.

Пекарь заметил это.

— Послушай, девушка, если начнешь куражиться, я отошлю его одного, а ты останешься здесь.

— Нет, нет...— затрепетала Валона.— Я не доставлю вам никаких затруднений.

Солнце стояло уже высоко, когда Пекарь вывел их на улицу. Рик с изумлением оглядел себя, насколько мог. Он не знал, что одежда может быть столь диковинной. Валона совсем не походила на работницу с плантаций. Даже ноги покрывал какой-то тонкий материал, а каблуки были такие высокие, что ей приходилось очень осторожно балансировать на ходу.

Собрались прохожие, разглядывая их, окликая друг друга, переговариваясь. В большинстве своем это были дети, женщины, идущие на рынок, мрачные и оборванные бездельники. Пекарь словно не за-

мечал их. В руках он сжимал толстую палку.

Вдруг дальние окраины окружащей толпы возбужденно заволновались, и Рик различил черную с серебром форму патрульного.

Вот тогда это и случилось. Оружие, выстрел, упавший Пекарь и снова безумное бегство. Неужели черные тени патрульных будут вечно гнаться за ними?

Они очутились в трущобах одного из дальних пригородов. Валона тяжело дышала, и на ее новом платье проступили влажные пятна пота.

Рик задохнулся:

— Я не могу больше бежать!

— Нужно!

— Подожди.— Он уперся, но она тянула его.— Слушай меня.

Страх и паника постепенно покидали его.

— Лона, куда мы бежим, зачем? На нас же костюмы жителей другой планеты... Смотри, это дал нам Пекарь.

Рик возбужденно достал из кармана маленький прямоугольник, разглядывая его с обеих сторон и пытался раскрыть, как книгу. Ему это не удалось. Тогда он ощупал его края. Когда пальцы сжались на одном из углов, что-то щелкнуло, и одна сторона прямоугольника стала молочно-белой. Мелкие буквы на ней были непонятными.

Рик догадался:

— Это паспорт. Значит, можно улететь отсюда. Ведь Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сделаем.

— Рик, но нас поймают!

— Не поймают, если мы полетим не на том корабле, на котором он хотел нас отправить. Там нас будут подстерегать. Нам нужно лететь на другом корабле. На любом другом.

Корабль! Любой корабль. Эти слова пели у него в ушах. Была его идея удачной или нет — ему все равно. Ему хотелось быть на корабле. Хотелось быть в пространстве.

— Ладно, Рик! Я знаю, где тут космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда в свободные дни ези-

ли туда и смотрели издали, как корабли взлетают.

Контролер с улыбкой посмотрел на остановившихся перед ним мужчину и женщину, неловких и вспотевших в своем странном одеянии, сразу выдававшем в них чужеземцев. Женщина протягивала паспорт сквозь прорезь.

Взгляд на нее, взгляд на паспорт, взгляд на список забронированных мест. Он нажал нужную кнопку, и из автомата выскочили две прозрачные ленты.

— Ступайте,— нетерпеливо сказал он.— Наденьте их себе на руки и идите.

— А где наш корабль?— вежливым шепотом спросила женщина.

Это ему понравилось. Чужеземцы не часто попадаются в космопорту Флорины. В последние годы они встречаются все реже и реже. Но когда они появляются, то это тебе не патрульные и не Сквайры. Они не знают, что ты только флориниан, и разговаривают с тобой вежливо.

— Вы найдете его на площадке № 17, сударыня. Желаю вам приятного перелета на Вотекс.— Он сказал это с пышной учтивостью.

Потом он вернулся к любимому занятию: звонить своим друзьям, пытаться незаметно подключаться к частным разговорам по энергетическим лучам в Верхнем Городе. Прошло несколько часов прежде чем он понял, какую ошибку совершил.

Этот корабль был гораздо меньше, чем стоявший у площадки № 17, на который были действительны их билеты. Он выглядел более полированным. Его четыре воздушных шлюза были открыты, главный вход зиял, и ведшая от него лесенка походила на высунутый язык, достигающий земли.

— Его проветривают,— сказал Рик.— Пассажирские корабли всегда проветривают перед полетом, чтобы избавиться от запаха сжатого кислорода, много раз уже использованного.

Валона взглянула на него.

— Откуда ты знаешь?

Рик почувствовал нарастающую в нем гордость.

— Просто знаю. Там сейчас никого нет. На сквозняках никому не приятно.— Он тревожно огля-

нулся.— Странно, почему народу так мало.

Струя воздуха устремилась им навстречу, когда они вошли в шлюз корабля. Платье Валоны вздулось, и ей пришлось держать подол руками.

— Это всегда так бывает?— спросила она. Ей никогда не случалось бывать в космическом корабле, она даже не мечтала об этом. Губы у нее сжались и сердце стучало.

— Нет. Только во время продувки.

Рик радостно двинулся по твердым металлитовым мосткам, жадно оглядывая пустое помещение.

— Вот,— сказал он.— Это кухня. Впрочем, пища не так важна. Некоторое время мы можем обойтись и без нее. Вода важнее.

Он начал возиться среди утвари, расположенной в уютных, компактных гнездах, и раздобыл большой контейнер с крышкой. Поискал взглядом водяной кран и облегченно усмехнулся, когда раздались мягкие вздохи насоса и журчанье воды.

— Теперь возьмем несколько жестянок. Не нужно много. Нельзя, чтобы это заметили.

Рик нашел маленькую комнату, занятую пожарным оборудованием, аварийными медицинскими запасами и аппаратами для сварки.

— Устроимся здесь, Лона,— сказал он не очень уверенно.— Сюда не заглядывают, разве что в крайних случаях. Нам нельзя будет зажигать свет, чтобы они не заметили утечки энергии, и пользоваться туалетом: придется выжидать периодов отдыха и не попадаться на глаза ночным сменам.

Ток воздуха внезапно прекратился. Мягкое монотонное жужжание сменилось тишиной.

— Скоро они погрузятся, и тогда мы полетим,— сказал Рик.

Если Рик почувствовал себя человеком, когда проснулся сегодня на рассвете, то сейчас он был гигантом и руки его протягивались через всю Галактику. Звезды были мячиками, а туманности — клочьями паутины, которые нужно снять.

Он был на корабле! Воспоминания хлынули широким потоком, вытесняя друг друга. Он забыл о кыртовых полях, о фабрике, о Валоне, ворковавшей

в темноте. Это были лишь мгновенные разрывы в картине, которая возвращалась теперь и оборванные концы которой медленно соединялись.

Корабль!

Если бы Рика раньше поместили на корабль, не пришлось бы ждать так долго, пока восстановятся клетки, выжженные в мозгу.

— Не волнуйся, Валона, ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум, но это будут только двигатели. Ты ощутишь на себе большую тяжесть. Это ускорение!

— А что такое: ус-ко-ре-ние?

— Не бойся, Лона. Просто тебе будет неприятно, ведь у нас нет аппаратуры, воспринимающей давление. Ты прислонись к этой стене, а когда почувствуешь, что тебя прижимает к ней, не сопротивляйся. Чувствуешь: уже начинается!

Он втиснулся в стену; и по мере того, как скорость гиператомных двигателей нарастала, тяжесть все увеличивалась.

Валона тихонько застонала, потом умолкла, тяжело дыша. В горле у нее свистело; ее грудная клетка, не защищенная ремнями и гидравлическими буферами, старалась впустить в легкие хоть немного воздуха.

Рику удалось произнести, задыхаясь, несколько слов, не вдумываясь в их значение, но Валона должна чувствовать, что он рядом. Пусть ее покинет острый страх перед неизвестностью, который переполняет ее. Это был только корабль, только чудесный корабль; но ведь она никогда раньше не бывала на корабле.

— Валона, будет еще прыжок, когда мы войдем в гиперпространство и сразу покроем большую часть расстояния между звездами. Ты даже не заметишь, как это случится. Только чуть дернется что-то внутри, и готово.— Рик добывал слова медленно, слог за слогом, и это заняло много времени.

Тяжесть медленно исчезала, и наконец невидимые цепи, приковавшие их к стене, ослабели и упали. Задыхаясь, Рик и Валона опустились на пол.

— Не ранен ли ты, Рик?

— Я ранен?— Он еще не отдышался, но засмеялся при мысли, что можно быть раненным на корабле.— Когда-то я месяцами не опускался ни на ка-

кую планету.

— Почему?— спросила она. Подползла поближе и приложила руку к его щеке, чтобы увериться, что ее Рик здесь.

— Такая у меня работа.

— Да,— подтвердила она.— Ты анализировал Ничто.

— Правильно. Именно это я и делал. Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

Он знал: она ничего не поймет, но должен был говорить. Должен был насладиться воспоминаниями, опьяниться тем, что может вспоминать прошлое.

— Видишь ли, все материалы во Вселенной состоят из сотни различных веществ. Мы называем эти вещества элементами. Железо и медь — элементы.

— Я думала, что металлы.

— Да, но они же и элементы. И кислород, и азот, и углерод, и палладий. Важнее всех водород и гелий. Они самые простые и встречаются чаще всех.

— Я никогда не слыхала об этом,— сказала Валона.

— Девяносто девять процентов всей Вселенной — это водород, а большая часть остального — гелий. Даже в пространстве.

— Мне говорили когда-то,— сказала Валона,— что пространство — это пустота. Там ничего нет. Верно?

— Не совсем. Нет почти ничего. Но, видишь ли, я был космоаналитиком; это значит, что я носился в пространстве, брал из него очень маленькие количества элементов и анализировал их. Я определял, сколько там водорода, сколько гелия, сколько других элементов.

— Зачем?

— Ну, это сложно. Ведь распределение элементов в пространстве неодинаково. В некоторых районах встречается больше гелия, в других — больше натрия, и так далее. Такие области с особым составом элементов движутся в пространстве как течения. Если изучить их особенности и направление, можно представить, как возникла Вселенная и как она развивалась.

— А как это можно узнать?

Рик поколебался.

— Никто не знает в точности...— Он продолжал говорить, опасаясь, что запас знаний, в которых сейчас блаженно купался его разум, может иссякнуть.— Потом мы определяем плотность, то есть густоту космического газа во всех районах Галактики, чтобы корабли могли точно рассчитать свой прыжок в гиперпространство. Это похоже на...— Голос у него замер.

Валона напряглась и нетерпеливо ждала продолжения. Но Рик умолк. Ее голос прозвучал хрипло в полном мраке:

— Рик? Что с тобой, Рик?

Снова молчание. Ее руки вцепились в его плечо, затрясли его.

— Рик! Рик!

И ответил ей почему-то голос прежнего Рика. Тихий, испуганный, без всякой радости и уверенности:

— Лона, мы сделали что-то плохое.

— В чем дело? Что плохого мы сделали?

— Нам не нужно было убегать. Не нужно было прятаться на этом корабле.

Он весь дрожал, и Валона тщетно пыталась обтереть ему рукой влажный лоб.

— Почему?— спрашивала она.— Почему?

— Ведь если Пекарь хотел вести нас по городу средь бела дня, то, значит, он не ждал помех от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, что застрелил Пекаря?

— Да.

— Ты помнишь его лицо?

— Я не посмела смотреть.

— А я посмел, и в нем было что-то странное, в этом лице. Но тогда я не думал... Лона, это был не патрульный! Это был Резидент, Лона! Это был Резидент, переодетый патрульным!

ВЫСОКОРОДНАЯ ДАМА

Разгневанная Сэмия Файфская быстро шагала из конца в конец комнаты. Темные волосы ее были собраны в пышную массу, тонкие каблучки делали

ее чуть выше ростом. Ее узкий, четко раздвоенный подбородок дрожал.

— О нет,— шептала она,— этого он со мной не сделает. Этого он не сможет сделать... Капитан!

Голос у нее был резкий и властный. Капитан Рэйсти склонился перед ней.

— Моя госпожа?

— Мне нельзя приказывать,— торжественно сказала она.— Я взрослая. Я сама себе хозяйка. Я предпочитаю остаться здесь.

— Прошу вас понять, госпожа моя,— сказал осторожно капитан.— Это не мои приказы. Моего мнения не спрашивали. Мне попросту сказали, что я должен сделать. Вот копии приказов.

— Меня не интересуют ваши приказы.— Сэмия отвернулась и быстро отошла от него, застучав каблучками.

Он последовал за нею и произнес мягко:

— В приказе сказано, что если вы не пожелаете лететь, я должен, простите меня, увести вас на корабль силой.

— Вы не посмеете!— она резко повернулась к нему.

— Приказ таков, что я осмелюсь на все.

Она попыталась успокоить его.

— Но, капитан, ведь настоящей опасности нет. Это смешно, это совершенно бессмысленно. Город спокоен. Все, что случилось,— это то, что вчера вечером в библиотеке сбили одного патрульного.

— Другой патрульный убит сегодня утром, и снова флориниянами.

— Что общего между ними и мною? Я не патрульный.

— Госпожа моя, корабль уже на старте. Вскоре он взлетит. Вы должны быть на нем.

— А моя работа? Мои исследования? Вы понимаете... Нет, вы не поймете.

Капитан не сказал ничего. Она отвернулась. Мерцающее платье из медного кырта с прожилками молочного серебра обрисовывало необычайно теплую округлость ее плеч и рук. Капитан Рэйсти взглянул на нее и в его взглядах было что-то большее, чем убогая учтивость и смиренная бесстрастность, с какими

простой саркит обязан смотреть на Высокородную Даму. Он всегда удивлялся, почему такая прелестная крошка предпочитает тратить свое время, притворяясь погруженной в университетские премудрости.

Сэмия очень хорошо знала: за это серьезное увлечение наукой ее, Сэмию Файфскую, слегка презирают те, кто привык думать, что удел аристократических Высокородных Дам Сарка — блистать в обществе и, кроме того, производить на свет не меньше (но и не больше) двух будущих саркитских Сквайров.

Они приходили к ней и говорили:

— Вы действительно пишете книгу, Сэмия?— и просили ее показать и хихикали.

Это женщины. Мужчины были еще хуже со своим любезным снисхождением и явной убежденностью, что достаточно только взгляда с их стороны или мужской руки вокруг талии, чтобы излечить Сэмию от этого вздора и обратить ее мысли к действительно важным вещам.

Это началось давно. Сэмия всю жизнь была влюблена в кырт, хотя большинство людей принимало его как нечто должное. Кырт! Царь, император, бог тканей!

Химически это всего лишь разновидность целлюлозы. Химики клялись в этом. Но со всеми своими инструментами и теориями они не могли объяснить, почему на Флорине и только на Флорине из всей Галактики, целлюлоза становится кыртом. Но спросите их, чем именно кырт отличается от целлюлозы, и они лишаются речи.

Когда-то ослепленная блеском кыртовых волокон, она спросила у своей няньки:

— Почему он блестит, няня?

— Потому, что это Кырт, Миаканс.

— Почему другие вещи не блестят так, няня?

— Другие — это не Кырт, Миаканс.

Вот и все. Двухтомная монография на эту тему была написана только три года назад. Она внимательно прочла ее. Все сводилось к нянькиному объяснению. Кырт — это кырт, потому что он кырт.

Правда, кырт не блестел сам по себе, но если спрясть его как должно, то он будет сиять на солнце

любым цветом или всем спектром сразу. Другой вид обработки придавал нити алмазное сверканье. Несложная обработка делала материал непроницаемым для 600 градусов и инертным почти ко всем химическим веществам. Волокна можно было превращать в тончайшие нити для воздушных тканей, и те же волокна обладали прочностью на растяжение, с которой не мог соперничать никакой из известных стальных сплавов.

Кырт имел более широкое, более разнообразное применение чем любое другое известное человеку вещество. Не будь он так дорог, он мог бы заменить стекло, пластмассу или металл во всех бесчисленных областях их применения в технике. Он был единственным материалом для нитяных крестов в оптических инструментах, для изложниц гидрохронов, применяемых в гиператомных моторах, для всех прочных сооружений — везде, где металл оказывался слишком хрупким и слишком тяжелым.

Но кырта было мало, очень мало. Фактически весь сбор кырта уходил на ткани, из которых делались самые сказочные одеяния в Галактике. Флорина одевала аристократию на миллионе планет, так что урожай приходилось распределять весьма скупо.

Когда Сэмия стала старше, она пришла к отцу.

— Что такое кырт, папа?

— Это хлеб и масло, Миа.

— Для меня?

— Не только для тебя, Миа. Это хлеб и масло для всего Сарка.

Она узнала, что не было планеты в Галактике, которая не пыталась бы выращивать кырт на своей собственной почве. Сначала Сарк принял закон о смертной казни для всякого, кого поймают на контрабандном вывозе семян кырта с планеты. Это не мешало успехам контрабанды, а потом Сарку стало ясно, что закон нужно отменить. Всякий, откуда бы он ни явился, мог покупать семена кырта по цене веса готовой кыртовой ткани: на любой планете Галактики, кроме Флорины, из семян кырта вырастал простой хлопок. Белый, тусклый, непрочный и бесполезный.

Перепробовано было все. Брались образцы флори-

нианской почвы. Строились искусственные источники света, воспроизводящие спектр флоринианского солнца. Инопланетную почву заражали флоринианскими бактериями. А кырт всегда вырастал белым, тусклым, непрочным и бесполезным.

Вот уже пять лет Сэмия Файфская мечтала написать настоящую книгу по истории кырта: о планете, где он рос, и о людях, которые его выращивали.

Это была мечта, окруженная глумливым смехом, но Сэмия дорожила ею. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Она собиралась провести сезон в полях и несколько месяцев на фабрике. Она хотела...

Но не все ли равно, чего она хотела? Ей было приказано возвращаться. Что ж, она полетит на Сарк! Но она, Сэмия Файфская, вернется еще на Флорину. Через день, через два, через неделю!

Сэмия оставалась у иллюминатора, пока Флори на не стала казаться едва заметным шариком...

— Госпожа, не угодно ли вам удалиться в вашу каюту?

Она взглянула на капитана Рэйсти и сказала не без сарказма:

— Какие новые приказы вы получили, капитан? Уж не пленница ли я?

— Конечно, нет. Это только предосторожность. Космопорт перед нашим взлетом был необычно пуст. По-видимому, этот флориниан убил еще кого-нибудь, и весь гарнизон космопорта помогает патрульным ловить преступника по всему Городу.

— А при чем тут я?

— Мне кажется, на наш корабль проникли нежелательные лица.

— Зачем?

— Пока я этого не знаю.

— Вы придумываете, капитан.

— Боюсь, что нет, госпожа моя. Наши энергометры были бесполезны в пределах планетарного расстояния от флоринианского солнца, но теперь они действуют, и мне кажется, что из аварийных складов исходит излишек теплового излучения.

— Это вы серьезно?

Неподвижное лицо капитана на мгновение стало высокомерным. Он сказал:

— Излучение равновелико тому, какое могло бы дать двое обыкновенных людей.

— Или нагревательная установка, если кто-нибудь забыл ее выключить.

— Наши энергетические запасы не тронуты, госпожа моя. Впрочем, мы готовы произвести расследование, но я прошу вас сначала удалиться в каюту.

Она молча кивнула и вышла.

Когда Мирлин Теренс, переодетый в форму патрульного, увидел на улице Пекаря, Рика и Валону, он понял, что действовать надо быстро и решительно. У него не было выбора: он потянулся к оружию, и Пекарь упал перед ним, мертвый и страшный.

Позже, когда толпа кипела и струилась, когда Рик и Валона растворились в толпе, а летательные машины настоящих патрульных появились в воздухе как коршуны, что еще он мог сделать?

Первым его импульсом было бежать за Риком и Валоной, но он быстро подавил его. Он никогда не пробьется к ним сквозь эту сумасшедшую толпу, а вероятность того, что патрульные его поймают, была слишком велика. Он поспешил в другую сторону, к пекарне.

На рассвете он подошел к патрульной станции. Одинокий скучающий дежурный был смесью равнодушия и свирепости. Теренсу было приказано удостоверить свою личность и род занятий. Вместо документов Резидент вынул из кармана пластмассовый брусок, вырванный из какой-то полуразрушенной хижины на окраине города.

Он ударил патрульного бруском по голове, потом обменялся с ним платьем и оружием. Список его преступлений был уже достаточно велик, и он не встревожился, когда увидел, что патрульный не только оглушен, но и убит. А он все еще был на свободе, и ржавая машина патрульного правосудия до сих пор напрасно скрежетала, разыскивая его.

Он был у пекарни. Пожилой помощник Пекаря, стоявший на пороге, только пискнул при виде страш-

ной формы патрульного и юркнул в лавку. Резидент кинулся за ним, схватил за осыпанный мукой воротник и скрутил его.

— Где Пекарь?

Губы у старика раскрылись, но звука не было.

— Говори. Две минуты назад я убил человека. Мне ничего не стоит убить еще одного.

— Сжальтесь! Я не знаю, сударь.

— Ты умрешь за то, что не знаешь.

— Но он ничего не сказал мне. Я слышал, как один раз он упомянул о Вотексе и о каком-то космическом корабле.

Теренс оттолкнул его.

Значит, Пекарь достал билеты для них. Корабль будет ждать. Рик и Валона придут туда. Они не могут не прийти. Но как ему, Резиденту, средь бела дня пробраться на космодром?.. Да, положение было отчаянное. Если он потеряет Рика — потенциальное оружие против тирании Сарка,— его жизнь будет ничтожной добавочной потерей. Все остальное не значило ничего...

И потому он вышел на улицу, вышел бестрепетно, хотя патрульные уже искали человека в форме патрульного, хотя их воздушные машины были еще на виду.

Теренс знал, куда он идет. Из многочисленных космопортов Флорины только один предназначен для обычных путешественников, саркитов победнее, флоринианских служащих и немногих чужеземцев, которым удалось получить разрешение посетить Флорину.

Контролер у ворот порта следил за приближающимся Теренсом со всеми признаками горячего интереса. Неизвестность вокруг него стала нестерпимой.

— Приветствую вас, сударь,— сказал он. В голосе у него звучала робкая жалость.— Большое волнение в Городе, не так ли?

Теренс не клюнул на приманку. Он низко опустил дугообразное забрало шляпы и застегнул верхнюю пуговицу мундира.

— Приходили ли здесь двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Вотекс?— спросил он резко и властно.

Контролер поразился. С минуту он прочищал горло, потом ответил гораздо смиреннее:

— Да, офицер. С полчаса назад. Может быть, еще меньше.— Он вдруг покраснел.— Связаны они как-нибудь с...? Офицер, билеты у них были в порядке. Я бы не пропустил чужих без надлежащего разрешения.

Теренс не обратил на это внимания. Надлежащее разрешение! Пекарь раздобыл его за ночь. О Галактика, подумал он, как глубоко проник транторианский шпионаж в саркитскую администрацию!

— Как они назвали себя?

— Гарет и Ханса Барн.

— Отлетел ли их корабль? Быстро!

— Н-нет, сударь.

— Какая платформа?

— Семнадцатая.

У главного шлюза корабля стоял межпланетник в офицерской форме. Теренс слегка задохнулся. Он спросил:

— Вошли ли в корабль Гарет и Ханса Барн?

— Нет, не входили,— флегматично ответил межпланетник. Для него, саркита, патрульный был просто человек в мундире.

— Так они не вошли?— теряя терпение, спросил Теренс.

— Я уже сказал. И ждать мы их не будем. Мы отправляемся по расписанию, с ними или без них.

Теренс снова пошел к контролеру.

— Улетели они?

— Улетели? Кто, сударь?

— Барны. Те, что с Вотекса. Они не сели на корабль. Так что же, они ушли обратно?

— Никто не выходил, сударь.

— Отлетал ли какой-нибудь корабль с тех пор, как они вошли?

Контролер посмотрел в расписание.

— Один,— сказал он.— Лайнер «Отважный».— И, желая задобрить гневного патрульного добровольной информацией, добавил:— «Отважный» идет специальным рейсом на Сарк, чтобы вернуть с Флорины Высокородную Сэмию Файфскую.

Теренс медленно отошел. Устрани невозможное,

и остальное, даже самое невероятное, будет правдой. Рик и Валона вошли в космопорт. Они не были схвачены, иначе сторож наверняка знал бы об этом. Они не взошли на корабль, куда действительны их билеты. Они не ушли из порта. Единственным кораблем, взлетевшим с тех пор, был «Отважный». Следовательно, Рик и Валона — на нем. Они либо пленники, либо беглецы.

Что по сути одно и то же. Если они беглецы, то скоро станут пленниками. Только флоринианской крестьянке и умалишенному неизвестно, что на современном космическом корабле спрятаться невозможно. Но самое поразительное: из всех космических кораблей они выбрали именно тот, на котором летит дочь самого Сквайра Файфского!

СКВАЙР

Сквайр Файф был самым важным лицом на Сарке, и потому он не любил стоять. Торс у него был массивный, а голова, несомненно, величавая, но торс был посажен на коротенькие ножки, поэтому он ходит неуклюже переваливаясь.

Вот почему Великий Сквайр всегда сидел за столом, и никто не видел его в другом положении, кроме дочери, личных слуг и жены, когда она была еще жива.

Сквайр позировал и знал это. Он изгнал всякое выражение с лица, а его руки, широкие, сильные, с короткими пальцами, слегка держались за край стола, гладкая, полированная поверхность которого была совершенно голой. Не было ни бумаг, ни слуховой трубки, ни украшений.

Он говорил своему бледному, белому как рыба секретарю тем особым, безжизненным тоном, которым обращался только к механическим слугам и флоринианским служителям:

— Полагаю, все это принято?

Секретарь отвечал столь же безжизненным тоном:

— Сквайр Бортский заявил, что обязательства по прежним деловым свиданиям помешают ему

явиться раньше чем в три.

— А вы сказали ему?

— Я сказал, что задержки нежелательны.

— Результат?

— Он будет здесь, господин. Остальные согласились без оговорок.

Файф улыбнулся. Великие Сквайры слишком чувствительны к своей независимости.

Теперь он ждал. Комната была большая, места для всех приготовлены. Большой хронометр, чья крошечная животворная искорка радиоактивности ни разу не задерживалась и не угасала за тысячу лет, бесстрастно показывал время.

А повидал он за тысячелетие немало. Когда он отсчитывал первые минуты, Сарк был новой планетой с возведенными вручную городами, с сомнительными связями среди прочих, более старых планет. В те времена хронометр висел на стене в старом кирпичном здании, самые кирпичи которого с тех пор превратились в прах. Он одинаково ровно отмечал три кратковременные саркитские «империи», когда недисциплинированным солдатам Сарка удавалось более или менее длительно править полудюжиной соседних миров. Его радиоактивные атомы распадались в строго статистической последовательности в те два периода, когда политику Сарку диктовали чужие звездные флоты.

Пятьсот лет назад он отметил спокойное время, когда Сарк обнаружил, что в почве ближайшей планеты, Флорины, скрыты неисчислимые сокровища. Затем две победоносные войны и торжественное провозглашение победного мира. Сарк отказался от своих империй, прочно проглотил Флорину и стал настолько могущественным, что даже Трантор не осмеливался указывать ему.

Трантору нужна была Флорина, как была она нужна и другим правительствам. Столетия превратили Флорину в лакомый кусок, к которому протягивались из космоса жадные руки. Но схватили ее руки Сарка, и Сарк скорее допустил бы Галактическую войну, чем выпустил свою добычу.

Трантор знал об этом! Трантор знал об этом!

Беззвучный ритм хронометра словно повторялся

этим припевом в мозгу Сквайра.

Было 2.23.

Около года назад уже состоялась встреча пяти. Тогда, как и теперь, Сквайры, рассеянные по лицу всей Планеты, каждый на своем материке, встретились в трехмерной проекции.

Подлинная особа Сквайра Руне находилась у антиподов, на единственном материке, где в это время была ночь. Кубическое пространство, окружавшее его изображение в зале у Файфа, светилось холодным искусственным светом, тускневшим в более ярком дневном свете.

В этом зале собрался, во плоти или в изображении, весь Сарк. Руне был лысый, розовый, жирный, а Балле — седой, морщинистый, высохший. Стин, напудренный и нарумяненный, сохранял улыбку совершенно обессиленного человека, притворяющегося, что еще обладает жизненной силой, но уже лишенного ее, а Борт доводил безразличие к жизненному комфорту до того неприятного уровня, что красовался двухдневной щетиной и грязными ногтями.

Пять Великих Сквайров.

Они были верхней из трех ступенек правящих сил на Сарке. Нижняя — Флориниански Гражданская Служба — оставалась самой устойчивой среди всех эксцессов, отмечавших возвышение и падение отдельных благородных домов на Сарке. Именно она фактически смазывала оси и вращала колеса управления. Выше находились министры и начальники департаментов, назначаемые наследственным (и безвредным) Главой Государства. Их имена, как и имя самого Главы, были необходимы на государственных бумагах, чтобы придать им законную силу, но их единственная обязанность состояла в том, чтобы подписывать свои имена. И вот наконец эти пятеро, каждому из которых остальные четверо молчаливо предоставляли один из материков. Они были главами семейств, контролировавших большую часть торговли кыртом. Власть на Сарке продавалась и политика диктовалась деньгами. И эти деньги были у них. А из всех пяти самым богатым был Файф...

Вот что сказал при прошлой встрече Сквайр Файф остальным хозяевам второй по богатству планеты Галактики (второй после Трантора, извлекавшего прибыли из полумиллиона миров):

— Я получил странное сообщение. Если вы не возражаете, я прочту его вслух.— И стал читать сладким голосом, придавая словам драматичность:— «Вы — Великий Сквайр Сарка, и никто не может соперничать с вами по власти и богатству. Но эта власть и богатство покоятся на утлом основании. Вы думаете, что будете вечно владеть всей мировой добычей кырта. Но спросите себя: долго ли просуществует Флорина? Вечно ли?

Нет! Флорина может быть разрушена завтра же. Не моими руками, конечно, но так, что вы не сможете предсказать или предусмотреть это. Подумайте о гибели Флорины. Подумайте также о том, что ваше богатство и власть уже исчезли, так как я требую большую часть их. У вас будет время подумать, но не очень много времени.

Если вы станете медлить, я заявлю всей Галактике и особенно всей Флорине истину о ее близкой гибели. После этого у вас не будет ни кырта, ни власти, ни богатства. Не будет их и у меня, но к этому я привык.

Я требую: отдайте большую часть ваших владений мне, и вы сможете безопасно владеть тем, что у вас останется. Это будет лучше, чем ничто, ожидающее вас в противном случае. Не презирайте того, что у вас останется. Флорина может просуществовать до самой вашей смерти, а вы можете жить если и не роскошно, то хотя бы комфортабельно».

— Забавное письмо,— закончил Сквайр Файф.— Подписи нет, а общий тон, как вы слышали, напыщен и ходулен. Что вы думаете обо всем этом, Сквайры?

— Очевидно, это дело человека не далеко ушедшего от психоза.— В красном лице Руне отражалось недовольство.— Он словно пишет исторический роман. Откровенно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чепухи надо нарушать традиции автономии материков и созывать нас всех.

Файф сложил вместе свои короткие пальцы.

— Я собрал вас не для того, чтобы прочесть письмо сумасшедшего. Это, надеюсь, вы понимаете. Я боюсь, что перед нами встала серьезная проблема. Прежде всего я спросил себя: почему дело касается только меня одного? Конечно, я самый богатый из Сквайров, но я один контролирую только треть торговли кыртом. А впятером мы контролируем ее всю. Сделать пять копий ленты так же легко, как сделать одну.

— Вы употребляете слишком много слов,— пробормотал Борт.— Я получил копию этого письма и уверен: эти трое получили тоже. Хотите знать, что я сделал со своим? Выбросил его. В мусоропровод. Советую сделать то же самое и с вашим. Покончим с этим. Я устал.

Его рука потянулась к выключателю, который должен был прервать контакты и погасить изображение, находящееся у Файфа.

— Погодите, Борт!— Голос Файфа стал резким.— Не делайте этого. Я еще не кончил. Вы не захотите, чтобы мы принимали меры и решали без вас. Я уверен, что не захотите.

— Потерпим, Сквайр Борт,— посоветовал Руне мягким тоном, хотя его маленькие, заплывшие жиром глазки отнюдь не были любезными.— Я удивляюсь, почему Сквайр Файф обеспокоен пустяками.

— Ну что же,— произнес Балле сухим, скрипучим тоном,— может быть Файф думает, что у нашего пишущего письма друга есть сведения о нападении Трантора на Флорину.

— Фи,— гневно сказал Файф,— откуда ему знать это, кто бы он ни был? Наша разведка знает свое дело, уверяю вас. И как он сможет остановить нападение, получив наше богатство в качестве взятки? Нет, нет. Он говорит о гибели Флорины так, словно думает о физическом уничтожении, а не о политическом.

— Это просто безумие,— сказал Стин.

— Да?— возразил Файф.— Значит, вы не постигаете значения событий за последние две недели?

— Каких событий?— спросил Борт.

— По-видимому, исчез один космоаналитик. Все вы прекрасно информированы об этом. Так вот, вы читали копию его последнего сообщения с базы на Сар-

ке, перед тем как он исчез?

— Мне показывали сообщение. Я не обратил внимания.

— А остальные?— взгляд Файфа вызывал их одного за другим.— Вашей памяти хватает на неделю?

— Я читал,— произнес Руне.— Я помню. Действительно! Там тоже говорилось об уничтожении. Вы к этому и ведете?

— Слушайте,— пронзительно заговорил Стин,— там было множество неприятных намеков, а смысла никакого. Об этом и говорить-то не стоит.

— Ничего не поделаешь, Стин,— сказал Файф.— Мы должны говорить об этом снова.— Космоаналитик сообщал об уничтожении Флорины. После его исчезновения мы получаем письма, тоже грозящие уничтожением Флорине. Неужели это совпадение?

— Вы хотите сказать, что космоаналитик посылал шантажирующие письма?— прошептал старик Балле.

— Маловероятно. Почему он говорил сначала от своего имени, а потом анонимно?

— Когда он говорил сначала,— сказал Балле,— он сообщался со своим местным начальством, а не с нами.

— Пусть даже так. Шантажист сообщается только со своей жертвой, если может.

— В чем же дело?

— Он исчез. Будем считать космоаналитика честным. Но он передал опасные сведения. Потом аналитик попадает в лапы негодяев, и они-то нас и шантажируют.

— Кто же это?

Файф мрачно откинулся в кресле; губы у него едва шевельнулись.

— Вы спрашиваете меня серьезно? Это Трантор!

— Трантор?

— Почему бы нет? Есть ли лучший способ завладеть Флориной? Это одна из главных целей их внешней политики. И если они могут сделать это без войны, тем лучше для них. Послушайте, если мы поддадимся этому невозможному ультиматуму, Флорина будет принадлежать им. Они предлагают нам оставить немного, но надолго ли мы сохраним даже это?

С другой стороны, предположим, что мы игнорируем это письмо, и у нас фактически нет другого выбора. Что сделает тогда Трантор? Будет распространять среди флориниан слухи о близком конце света. Те впадут в панику, и что может за этим последовать, кроме катастрофы? Какая сила может заставить человека работать, если он думает, что конец света наступит завтра же? Урожай погибнет. Склады опустеют. А Трантор только и ждет признаков беспокойства на Флорине. Если Сарк окажется не способным гарантировать поставку кырта, для них самым естественным будет двинуться на поддержание так называемого порядка. И свободные миры Галактики, вероятно, поддержат их ради кырта. Особенно если Трантор решит нарушить монополию, повысить производство и понизить цены. Потом, конечно, все изменится, но сразу они получат поддержку.

Единственный логический вывод: Трантор может завладеть Флориной. Если бы они просто применили силу, то вся свободная Галактика вне сферы влияния Трантора присоединилась бы к нам из чувства самосохранения.

— А при чем здесь космоаналитик?— спросил Рун.— Если ваша теория верна, вы должны объяснить это.

— Думаю, что верна. Эти космоаналитики обычно люди неуравновешенные, а этот построил какую-то сумасшедшую теорию. Неважно какую. Трантор не может обнародовать ее, иначе Бюро Космического Анализа ее разгромит. Но если они схватили этого человека и узнали от него какие-то подробности, это могло дать им нечто, имеющее для неспециалистов поверхностную важность. Они могут использовать эту химеру, придать ей вид реальности. Бюро — это транторианская марионетка, и его отрицания, когда история распространится путем псевдонаучных слухов, не смогут быть достаточно энергичными, чтобы бороться с ложью. Но мы узнали об опасности. Мы найдем космоаналитика, если сможем. Мы должны держать всех известных нам транторианских агентов под строгим наблюдением, не мешая им. Так можно узнать о готовящихся событиях. Надо тщательно

подавить на Флорине любые слухи о возможной гибели планеты. На первый же слабый шепот мы должны ответить самым энергичным противодействием. А пока будем ждать следующего хода...

Это было год назад. Они расстались, и тут последовало самое странное фиаско, которое когда-либо выпадало на долю Сквайра Файфского.

Второго хода не было. Никто больше не получал писем. Космоаналитик так и не был найден, а Трантор продолжал якобы поиски. Не было и следа апокалипсических слухов на Флорине; сбор и переработка кырта шли гладко, как всегда.

Файф снова созвал совещание. Сквайры явились вовремя. Сначала Борт, сжав губы, царапая толстым обломанным ногтем щетину на небритой щеке. Потом Стин, только что смывший краску с лица, бледный, с нездоровым видом. Балле, равнодушный и усталый, со впалыми щеками, окруженный подушками, со стаканом молока рядом. Последним — Руне, опоздавший на две минуты, надутый, с влажными губами.

Файф начал:

— Сквайры! Прошлый раз я говорил об отдаленной и сложной опасности. Сегодня она не так уж далеко. Она близко, очень близко. Один из вас знает, о чем я говорю. Остальные скоро узнают.

— О чем же вы говорите?— отрывисто спросил Борт.

— О государственной измене!

БЕГЛЕЦ

Мирлин Теренс покинул космодром и погрузился, наконец, в благословенную тень Нижнего Города. Он шел уверенно и не спеша, как и положено патрульному. И крепко сжимал свой нейрохлыст. Улицы пусты. Туземцы прячутся по хижинам. Тем лучше. Его ни о чем не спрашивают. Никто не задерживается, чтобы взглянуть в его бледное флориниансское лицо, не изучает его внешности. Черно-серебряного мундира вполне достаточно.

Но теперь пора перестать быть патрульным.

И другое. Отныне он не будет в безопасности нигде на Флорине. Убийство патрульного — величайшее преступление, и даже через 50 лет, если он сможет так долго скрываться, охота на него будет активно продолжаться. Значит, нужно покинуть Флорину.

Как?

Что ж, он дал себе еще сутки жизни. Это щедро. Значит, нужно рисковать так, как ни один человек в здравом уме рисковать не сможет...

Отряд патрульных повернул на улицу как раз в тот момент, когда дверь подъемника закрылась за Резидентом. Систематические поиски, вероятно, уже начались.

Он вышел из лифта в Верхнем Городе. Здесь не было укрытий. Колонн, сталесплава, закрывающего его, Мирлина Теренса, сверху.

Ни одного патрульного. Проходившие мимо Сквайры смотрели сквозь него. О географии Верхнего Города у него были смутные понятия. Где-то в этой части должен находиться парк. Самое логичное — спросить о дороге, затем войти в любое высокое здание и посмотреть с верхних террас. Первое просто невозможно. Патрульному не нужны никакие указания. Второе слишком опасно. Внутри здания патрульный слишком заметен.

Он попросту доверился направлению, подсказанному памятью случайно виденных им карт Верхнего Города. Путь оказался правильным. Вскоре Теренс достиг парка.

В мягком климате Флорины парк зеленел круглый год. Там были лужайки, рощицы, каменные гроты. Был прудик с красивыми рыбками и пруд побольше, чтобы плескаться детям. Ночью парк пылал цветной иллюминацией, пока не начинался дождь. Были танцы, трехмерное кино, извивающиеся тропинки, где блуждали парочки.

С полчаса Теренс бесцельно шагал по дорожкам. Никто не видел его. Никто не замечал. В этом он был уверен. Пусть спросят у Сквайров, проходивших мимо него: «Видели ли вы вчера в парке патрульного?» И Сквайры лишь посмотрят удивленно. Это все рав-

но, что спросить их, видели ли они кузнечика, проскакавшего через дорожку.

И тут он увидел то, что искал.

Человек! Вернее, Сквайр. Он быстро шагает взад и вперед. Докуривает сигару резкими затяжками, сует ее во впадинку скалы, где она мгновение лежит спокойно. Потом исчезает в быстрой вспышке. Смотрит на свои часы. Теренс оглянулся. По лестнице за ним не шел никто. Пора действовать!

Он подошел к Сквайру и быстро извлек свой нейрохлыст. Сквайр так и не увидел этого. Хлыст слабо зажужжал. Сквайр окаменел, парализованный, и рухнул наземь.

Вокруг все еще не было никого. Он оттащил одеревенелое с остекленевшими глазами тело в ближайшую пещеру. Доволок до самого дальнего конца и раздел Сквайра, с трудом стаскивая одежду с окаменелых рук и ног. Сбросил свою запыленную, пропотевшую патрульную форму и надел белье Сквайра. Впервые в жизни он ощутил кыртовую ткань всем телом.

Облачившись в одежду Сквайра, Мирлин Теренс натянул ермолку. Они не были особенно модными среди молодежи, но некоторые носили их,— к счастью, этот Сквайр тоже. Без ермолки светлые волосы Теренса сделали бы маскарад невозможным.

Потом он настроил пистолет на максимальную мощность и направил его на Сквайра. Вскоре от того осталась лишь дымящаяся обугленная масса. Это должно затруднить преследование.

Он превратил форму патрульного в мелкий белый пепел и выбрал из кучки почерневшие серебряные пуговицы и пряжки. Это тоже затруднит погоню.

Он вышел из парка, шагая безо всякой цели. Прошло еще полчаса.

Но что же дальше?

Он остановился на небольшой площади, где посреди лужайки бил фонтанчик. Вода пенилась и переливалась радугой. Он оперся об ограду, спиной к заходящему солнцу, и медленно, по одной, уронил почерневшее серебро пуговиц в бассейн. Потом подумал о Нижнем Городе, и мгновенная судорога раскаяния исчезла в нем.

Он медленно обследовал карманы, стараясь, чтобы это выглядело небрежно. Связка пластинчатых ключей, несколько монет, удостоверение личности (Святой Сарк, они есть даже у Сквайров! Но Сквайры не обязаны предъявлять их всякому встречному патрульному).

Его новое имя было, по-видимому, Алстэр Димон. Он надеялся, что ему не придется им пользоваться. В конце концов вероятность встречи с тем, кто бы знал Димона лично, невелика, но ею нельзя пренебрегать.

Ему 29 лет. Он ощутил легкую дурноту при мысли о том, что оставил в пещере, но поборол ее. Сквайр — это Сквайр. Сколько 29-летних флориниан погибло от их рук или по их приказу? В самом деле — сколько?

Он продолжал рыться в карманах. Копия свидетельства водителя яхты. У всех зажиточных саркитов есть яхты, все умеют водить их. Это нынешняя мода. Несколько листков саркитских кредиток. Они могут пригодиться.

Ему вспомнилось, что он ничего не ел с прошлого вечера, когда был у Пекаря. И тут его озарило: яхта сейчас на месте, а ее владелец мертв. Это его яхта! Ангар № 26, порт 9. Хорошо...

А где этот порт 9? Он не имел ни малейшего понятия.

Он оперся головой о холодный гладкий парапет вокруг фонтана. Что делать? Что делать?

Голос, раздававшийся над ним, заставил его вздрогнуть.

— Алло,— сказал голос,— вы нездоровы?

Теренс взглянул. Это был пожилой Сквайр. Он курил длинную папиросу с ароматическими листьями внутри, а с его золотого браслета свисал какой-то крупный зеленый камень.

— Я только отдыхаю,— сказал Резидент.— Решил пройтись и забыл о времени. Боюсь, что опаздываю на совещание.

Он неловко помахал рукой. Теренс довольно хорошо подражал саркитскому акценту — недаром общался с ними так долго,— но позаботился о том, чтобы не преувеличивать его. Преувеличение заметить легче, чем недостаток.

Не смотрит ли он на Теренса как-то странно? Резиденту пришло вдруг в голову, что, может быть, одежда сидит на нем плохо. Он быстро сказал:

— Погодите! Я, кажется, немного заблудился. Мне нужен порт 9. Посмотрим...— Он неопределенно оглядывался.

— Посмотрим. Это улица Реккет. Вам нужно только спуститься к улице Триффис и повернуть налево, а тогда идти до самого порта.— Он машинально показал направление.

Теренс улыбнулся.

— Вы правы. Мне нужно перестать мечтать и начать мыслить. Благодарю вас, сударь.

— Вы можете взять мой скитер.

— Вы очень любезны, но...— Теренс уже уходил, чуть чуть поспешно, махая рукой. Сквайр глядел ему вслед.

Может быть, завтра, когда труп в пещере будет найден и начнутся розыски, Сквайр вспомнит об этой встрече. Он может сказать: «В нем было что-то странное, если вы меня понимаете. Он говорил как-то странно и словно не знал, где находится. Я поклялся бы, что он не знает, где улица Триффис».

Но это будет завтра.

Он направился туда, куда Сквайр указал ему. Дошел до блестящего знака «Улица Триффис», почти тусклого на фоне оранжевого радужного здания. Свернул налево.

Порт 9 кишел молодежью в спортивных костюмах, с высокими остроконечными шляпами и вздувающимися на бедрах штанах. Теренс чувствовал себя заметным, но никто не обратил на него внимания. Воздух был полон терминами, которых он не понимал.

Он нашел ангар 26, но выждал несколько минут, прежде чем приблизиться. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь Сквайр торчал поблизости, чтобы у кого-нибудь была яхта в соседнем ангаре, чтобы кто-нибудь знал Алстэра Димона в лицо и удивился незнакомцу, занявшемуся Димоновым кораблем.

Наконец он вошел в ангар, где матовым сиянием струились длинные тела яхт.

А дальше что?

За последние двенадцать часов он убил трех человек. Он возвысился от флориниянского резидента до патрульного, от патрульного до Сквайра. Он пришел из Нижнего Города в Верхний, из Верхнего — в космопорт. Судя по видимым признакам, он владел яхтой, кораблем, достаточно надежным, чтобы увезти его на любую обитаемую планету в этом секторе Галактики.

Было только одно «но».

Он не умеет водить яхту.

Он устал до смерти и вдобавок голоден. Он пришел сюда, но не может двинуться дальше. Он был у края пространства, но перешагнуть через этот край не мог.

Сейчас патрульные, должно быть, решили, что в Нижнем Городе его нет. Они начнут обыскивать Верхний, как только до их тупых мозгов дойдет мысль, что флориниянин может осмелиться. А когда они найдут тело, поиски примут новое направление. Патрульные начнут искать поддельного Сквайра.

И найдут его. Он забрался в самый конец тупика и, прижавшись спиной к стене, мог только ждать, пока далекие звуки погони станут все громче и громче, пока ищейки в конце концов не кинутся на него.

Тридцать шесть часов назад в руках у него была величайшая возможность всей его жизни. Теперь возможность исчезла, а вскоре за нею последует и жизнь.

КАПИТАН

— Госпожа моя, как я могу позволить вам беседовать с ними наедине?

— Разве они вооружены, капитан?

— Конечно, нет. Это неважно. Но нельзя же рассчитывать на то, что они поступят разумно.

— Тогда зачем вы все время пугаете их? Вы окружили этих несчастных здоровенными космолетчиками с пистолетами, капитан. Я не забуду этого.

— Но что я скажу вашему отцу, госпожа, если он узнает, что я позволил вам находиться без охраны в присутствии двух отчаянных преступников?

— Отчаянных преступников! О Великий Космос!

Двое жалких глупцов, которые попытались бежать со своей планеты и не нашли ничего лучшего, чем спрятаться в корабле, идущем на Сарк!

И капитан сдался.

— Хорошо, госпожа, но я сам буду при этом присутствовать. Я — это не трое парней с пистолетами. Иначе...— Он, в свою очередь, придал своему голосу решительность:— Иначе я буду вынужден отказать вам в просьбе.

— Великолепно. Но если они не смогут говорить из-за вас, то я позабочусь, чтобы вы больше не были капитаном ни на одном корабле.

Валона быстро прикрыла рукой глаза Рику, когда Сэмия вошла в каюту.

— Он лишен разума, госпожа. Он не знает, что вы Высокородная Дама. Он мог бы взглянуть на вас.

— Так ты с Флорины, девушка?— спросила Сэмия.

Валона покачала головой.

— Мы с Вотекса.

— Вам не нужно бояться. Неважно, если вы и с Флорины. Вас никто не обидит.

— Мы с Вотекса.

— Тогда почему ты закрыла ему глаза?

— Ему нельзя смотреть на Высокородную Даму.

— Даже если он с Вотекса?— засмеялась Сэмия.

Валона молчала.

— Только флориниане нельзя смотреть на Высокородных Дам. Так что ты призналась, что вы с Флорины.

Валона вспыхнула.

— Он — нет!

— А ты?

— Я — да. Но он — нет. Не делайте ему ничего! Он вправду не флориниане. Его только нашли однажды на Флорине. Я не знаю, откуда он, но он не флориниане.

Сэмия удивленно взглянула на нее.

— Хорошо, я поговорю с ним. Как тебя зовут, юноша?

— Рик. Кажется, Рик.

— Ты флоринианин?

— Нет. Я был на корабле. Я прибыл сюда откуда-то из других мест.— Рик не мог оторвать взгляда от Сэмии, но словно видел вместе с нею корабль. Маленький, очень уютный корабль.— На корабле я прибыл на Флорину, а раньше жил на планете.

— На какой планете?

Воспоминание с болью пробивалось по каналам, слишком тесным для него. И наконец Рик закричал, радуясь звуку, произнесенному его голосом:

— Земля! Я прибыл с Земли!

Рик повернулся к Валоне, схватил ее за локоть, вцепился в рукав.

— Лона, скажи им, что я прибыл с Земли! Это так! Это так!

Глаза у Валоны расширились от тревоги.

— Мы нашли его однажды, госпожа, и у него вовсе не было разума. Он не мог ни одеваться, ни говорить, ни ходить. Не умел ничего. С тех пор он вспоминает, мало-помалу.— Она кинула испуганный взгляд на лицо капитана.

— Он действительно мог прибыть с Земли?

— В этом есть что-то странное,— сказала Сэмия, по-женски настраиваясь на романтический лад.— Я уверена в этом... Почему он был так беспомощен, девушка, когда его нашли? Он был ранен?

— Доктор сказал, что Рик психозондирован.

— Психозондирован!— Сэмия ощутила волну легкого отвращения.— Значит, он был психопатом?— Она встала и неуверенно поглядела на Рика.

Рик вскочил.

— Погодите!

— Прошу вас, госпожа. Думаю, вам все стало ясно,— произнес капитан, открывая перед нею дверь.— Мои люди успокоят их.

— Госпожа! Госпожа!— вскричал Рик.— Я могу доказать это! Я с Земли!

Сэмия нерешительно остановилась

— Послушаем, что он может сказать.

Рик весь горел. От усилия вспомнить губы у него растянулись в гримасу вроде улыбки.

— Я помню Землю. Она была радиоактивна. Я

помню Запретные Зоны и голубое сияние на горизонте по ночам. Почва светилась, и ничто на ней не росло. Было лишь немного мест, где люди могли жить. Вот почему я был космоаналитиком. Вот почему я хотел оставаться в пространстве. Моя планета была мертвой.

— Идемте, капитан. Он попросту бредит,— сказала Сэмия.

Но на этот раз капитан Рэйсти остановился, приоткрыв рот.

— Радиоактивная планета?— пробормотал он.— Но где он узнал об этом?

— Каким образом планета может быть радиоактивной и обитаемой?— недоумевала Сэмия.

— Но такая планета есть. Это Земля.

— Это Земля!— произнес Рик гордо и уверенно.— Древнейшая планета в Галактике. Это планета, с которой произошло все человечество.

— Так и есть!— тихо прошептал капитан. Внезапно решившись, он подошел к Рику.

— Что еще ты помнишь?

— Больше всего корабль,— сказал Рик,— и космический анализ.

— Значит, все это правда?— недоумевала Сэмия.— Но как же могло случиться, что его психозондировали?

— Эй ты, туземец, или инопланетный, или кто ты там еще!— сказал капитан Рэйсти.— Как случилось, что тебя психозондировали?

Рик казался смущенным.

— Вы все говорите это. Даже Лона. Но я не знаю, что значит это слово... Я был на корабле... Там была опасность. Я уверен в этом. Большая опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность для планеты?— Сэмия бросила быстрый взгляд на капитана.

— Да. В течениях.

— В каких течениях?— спросил капитан.

— В космических.

Капитан развел руками, потом уронил их.

— Это безумие!

— Нет, нет! Пусть он продолжает!— Губы у Сэмии приоткрылись, темные глаза блестели.— Что та-

кое космические течения?

— Различные элементы,— неопределенно ответил Рик. Он объяснял это раньше. Ему не хотелось повторяться. Он продолжал, быстро, почти бессвязно, высказывая мысли по мере того, как они приходили, подгоняемый ими:— Я послал сообщение местной базе на Сарке. Это я помню очень хорошо. На Флорину надвигалась опасность. Да. И даже больше, чем на Флорину. На всю Галактику. Нужна была большая осторожность.

Почему-то,— продолжал он, задыхаясь,— мое сообщение было перехвачено каким-то служащим на Сарке. Это было ошибкой. Я не знаю, как это случилось... Я уверен, что послал сообщение местному Бюро на его собственной длине волны. Как вы думаете, можно ли перехватить субрадио?— Он даже не удивился тому, что слово «субрадио» вспомнилось ему так легко.— Во всяком случае, когда я высадился на Сарке, меня ожидали.

Снова пауза, на этот раз длинная и вдумчивая. Капитан не сделал ничего, чтобы прервать ее.

— Кто тебя ждал? Кто?— не вытерпела Сэмия.

— Не... не знаю. Не могу вспомнить. Это было не в Бюро. Это было где-то на Сарке. Я помню, что говорил с ним. Он знал об опасности. Он говорил о ней. Я уверен, что говорил. Мы сидели за столом вместе. Я помню стол. Он сидел напротив меня. Это ясно, как Космос. Мы разговаривали. Кажется, я не спешил давать подробности. Я уверен в этом. Я хотел говорить сначала в Бюро. А тогда он...

— Да?— поторопила его Сэмия.

— Он сделал что-то. Он... Нет, я больше ничего не помню. Ничего не вспомню!

Он прокричал эти слова, и наступило молчание, прерванное жужжанием коммуникатора на руке капитана.

— Сообщение с Сарка для капитана. Крайне секретно. Личный прием.

Из коммуникатора поползла тонкая прозрачная фольга с красными строчками. Сэмия склонилась к руке капитана.

«Двое флориниан тайком, незаконно пробрались

на ваш корабль. Схватите их немедленно. Один из них будет называть себя космоаналитиком, нефлоринианским туземцем. Не делайте по этому поводу ничего. Вы строго отвечаете за сохранность этих людей. Задержите их для передачи охране безопасности. Крайне секретно. Крайне спешно».

СЫЩИК

Четверо Великих Сквайров глядели на Сквайра Файфа каждый по-своему: Борт — гневно, Руне — с улыбкой, Балле — с досадой, Стин — испуганно.

Руне заговорил первым:

— Государственная измена? Не пытаетесь ли вы испугать нас фразой? Что это значит? Измена — кому? Борту? Мне самому? Кто изменяет и как? И ради всего Сарка, Файф, эти совещания нарушают нормальные часы моего сна!

— Последствия,— возразил Файф,— помешают многим часам сна. Я не говорю об измене кому-нибудь из нас, Руне. Я говорю об измене Сарку.

— Сарку?— повторил Борт.— Но что это такое, если не мы сами?

— Назовите это мифом. Назовите чем-нибудь, во что верят простые саркиты.

— Я не понимаю,— простонал Стин.— Вы все, как всегда, стараетесь заговорить друг друга до смерти. Право, я хотел бы покончить с этим!

— Я согласен со Стином,— сказал Балле.

Файф произнес:

— Я хочу объясниться немедленно. Вы слышали, вероятно, о недавних беспорядках на Флорине. Итак...

Неожиданное требование на книги по космическому анализу. Потом нападение на пожилого патрульного, умершего через два часа с проломленным черепом. Потом погоня, закончившаяся перед тайником транторианского агента. Потом убийство второго патрульного, причем убийца ускользнул в патрульном мундире, а транторианский агент был, в свою очередь, убит еще через несколько часов.

Если вы хотите получить самый последний кусочек новостей,— закончил Файф,— можете добавить к этим видимым пустякам еще кое-что. Несколько часов назад в городском парке на Флорине был найден труп, вернее, остатки трупа.

У меня уже лежит доклад врачей, исследовавших строение скелета. Он не принадлежал ни патрульному, ни флориниянину. Это скелет саркита.

Стин вскричал: «Браво!» Балле широко раскрыл свои старые глаза; металлические зубы Руне, поблескивание которых придавало жизненность кубу сумрака, где он сидел, исчезли, когда он закрыл рот. Даже Борт казался пораженным.

— Я продолжаю,— сказал Файф.— Тот, кто убил саркита, хотел чтобы золу приняли за остатки одежды этого саркита, снятой и сожженой до убийства, которое мы могли бы тогда принять за самоубийство или за результат частой вражды, без всякой связи с нашим другом-самозванцем. Убийца не знал, что анализ золы всегда покажет отличие кырта саркитской одежды от целлюлита мундира патрульного.

Итак, где-то в Верхнем Городе скрывается живой Резидент в одежде саркита. Наш флориниянин, пробыв патрульным достаточно долго и находя, что опасность слишком велика, решил стать Сквайром. И он сделал это единственно возможным способом.

— Поймали его?— хрипло спросил Борт.

— Нет, не поймали.

— Почему? Клянусь Сарком, почему?

— Его поймают,— равнодушно произнес Файф.— Сейчас у нас есть заботы поважнее. Это последнее преступление — пустяки в сравнении с ними.

— Перейдите к делу!— немедленно потребовал Руне.

— Терпение! Прежде всего позвольте спросить вас, помните ли вы об исчезновении космоаналитика в прошлом году. Между этими событиями есть прямая связь. Ведь все началось с того, что во Флориниянской библиотеке были затребованы книги по космическому анализу. Начну с описания трех человек, замешанных в библиотечном инциденте, и прошу вас несколько минут не перебивать меня.

Во-первых, Резидент. Он самый опасный из троих. На Сарке о нем были прекрасные отзывы, как о разумном и надежном материале. К сожалению, он обратил свои способности против нас. Несомненно, он виновен во всех четырех убийствах. Хороший рекорд для кого угодно.

Второе лицо — женщина. Она простая работница, непривлекательная и малограмотная. Но ее родители были членами «Души Кырта», если вы помните этот наивный крестьянский заговор, без труда ликвидированный лет двадцать назад. Это приводит нас к третьему лицу, самому необычному.

Его историю нельзя проследить дальше чем за десять с половиной месяцев. Его нашли в поселке близ столицы Флорины в состоянии полного идиотизма. Он не мог ни ходить, ни говорить, ни даже есть самостоятельно.

Заметьте теперь, что он появился впервые через несколько недель после исчезновения космоаналитика. Заметьте также, что за несколько месяцев он научился говорить и даже выполнять работу на кыртовой фабрике. Какой идиот мог бы научиться этому так быстро? Остается одно — психозондирование.

Его можно было произвести только на Сарке или в Верхнем Городе на Флорине. Для полноты картины были обследованы все врачебные кабинеты в Верхнем Городе. Потом один из наших агентов догадался проверить записи всех врачей, умерших с тех пор, как идиот появился. Я позабочусь о том, чтобы агента повысили за эту идею.

Мы нашли запись о нашем идиоте только в одном из таких кабинетов. Идиот был привезен для физического обследования месяцев шесть назад. Его привозила женщина, вторая в нашем трио. По-видимому, это было сделано тайно. Врач обследовал идиота и отметил явные признаки вмешательства психозонда.

И вот тут интересная деталь. Доктор был одним из тех, кто держит кабинеты и в Верхнем и в Нижнем Городе. Этот идеалист считал, что туземцы достойны первоклассной медицинской помощи.

Будучи человеком педантичным, он заносил в картотеку обоих кабинетов — я подчеркиваю: обоих

кабинетов — сведения обо всех пациентах, не делая различий между флоринианами и саркитами. Так вот, агент сличил все карточки в одном кабинете с их копиями в другом. И что же оказалось? Единственная карточка без копии — нашего идиота. Причем найдена она в кабинете Верхнего Города. А в Нижнем? В конце концов этот человек был флорианинином, привезла его флоринианка, и обследование было проведено именно в Нижнем Городе — обо всем этом есть запись в карточке идиота. Итак: куда девалась другая карточка, копия первой?

На эту загадку может быть только один ответ. Она была уничтожена кем-то, кто не знал, что есть копия. Но об этом после.

Вместе с записью о нашем идиоте есть отметка о включении ее данных в ближайший периодический доклад доктора Отделу Безопасности. Это было правильно. Всякий случай психозондирования касается либо преступника либо извращенного человека. Но такое сообщение сделано не было. Меньше чем через неделю врач погиб в уличной катастрофе. Не правда ли, отличный детективный сюжет?

Рассмотрим эту историю с другой стороны. Забудем пока об идиоте и вспомним о космоаналитике. Первое, что мы слышали о нем,— это сообщение в Бюро Транспорта, что его корабль вскоре опустится на планету; кроме того, было получено сообщение, сделанное им раньше.

Космоаналитик так и не прибывает. Его не находят нигде в ближнем пространстве. Кроме того, исчезает посланное им сообщение, о котором говорило Бюро. МКБ заявляет, что мы намеренно скрываем это сообщение. Отдел Безопасности считает, что сообщение выдумано в пропагандистских целях. Теперь мне думается, что и те и другие были неправы. Сообщение было послано, но не было получено правительством Сарка.

Представим себе, что Некто (пока назовем его просто Икс) имеет доступ к записям Бюро Транспорта. Икс узнает о космоаналитике и его сообщении. Он устраивает так, чтобы послать секретную субрадиограмму на корабль космоаналитика, направляя

его для посадки на маленький частный порт. Космоаналитик так и делает. Икс встречает его там. И вот уже сумасшедший космоаналитик заговорил. Какими бы несвязными, безумными, невероятными ни были его речи, Икс увидел в них превосходный материал для пропаганды. Он послал свои шантажирующие письма Великим Сквайрам — нам. Его поведение и планы были, вероятно, именно такими, какие я тогда приписывал Трантору. Если мы не договоримся, он намеревался разрушить производство на Флорине слухами о гибели и вынудить нас сдаться.

Икс мог бы убить космоаналитика, но я думаю, что он был ему нужен как источник дальнейшей информации (в конце концов он сам ничего не знал о космическом анализе и не мог основывать свой шантаж на чистом блефе) или, возможно, как выкуп в случае конечного поражения. Так или иначе, он прибег к психозондированию. После этого у него в руках был не космоаналитик, а идиот, не причиняющий ему пока никаких затруднений. А через некоторое время его разум восстановился бы.

Что дальше? Нужно было сделать так, чтобы целый год никто не нашел космоаналитика, никто из значительных лиц вообще не увидел его. Поэтому он поступил гениально просто. Он перевез свою жертву на Флорину, и космоаналитик стал полоумным туземцем, работающим на фабрике кырта.

Я полагаю, что в течение этого года Икс или его доверенный навещал те места, куда он «пересадил» космоаналитика, чтобы убедиться в его здоровье и безопасности. При одном из таких посещений он каким-то образом узнал, что психозондированного идиота возили к врачу, который наверняка доложит о нем наверх. Поэтому врача немедленно убрали, а его запись исчезла, по крайней мере из кабинета в Нижнем Городе. Это был первый просчет Икса. Он не подумал, что где-то может оказаться копия.

И тут он сделал второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в разум, а у местного Резидента оказалось достаточно мозгов, чтобы увидеть, что это больше, чем простой бред. Быть может, девушка, возившая идиота к врачу, рассказала Рези-

денту о психозондировании. Это догадка.

Вот вам вся история.

Файф сцепил свои сильные руки и ждал реакции слушателей.

— Насколько я вижу,— медленно произнес Балле,— вы сочинили историю, столь же невозможную, как и в прошлом году. Это на девять десятых догадки.

— Чепуха!— отрезал Борт.

— А кто этот Икс?— спросил Стин.— Пока вы не узнаете, кто такой Икс, во всем этом нет смысла.— И он деликатно зевнул, прикрывая зубы согнутым пальцем.

— По крайней мере одному из вас ясно, в чем дело!— рявкнул Файф.— Центр истории — в личности Икса. Рассмотрим черты, которыми Икс должен обладать, если мой анализ правилен. Прежде всего Икс — это человек, связанный с Разведкой. Он может приказать произвести мощную кампанию шантажа, без всяких помех доставить космоаналитика с Сарка на Флорину и подстроить смерть врача. Он наверняка не простой смертный. Значит, он должен быть Великим Сквайром. Разве не так?

Борт вскочил. Стин засмеялся высоким, истерическим смехом. Глаза Руне, полуутонувшие в мягких складках жира, горячечно заблестели. Балле медленно покачал головой.

— Во имя Космоса, кого вы обвиняете, Файф?— взвизгнул Борт.

— Пока никого.— Файф остался невозмутимым.— Никого в частности. Давайте посмотрим. Нас пятеро. Никто на Сарке не мог бы сделать того, что сделал Икс. Только мы. Это можно считать доказанным. Но кто из пятерых? Прежде всего это не я.

— Мы можем поверить вам на слово, не так ли?— фыркнул Руне.

— Вам не нужно верить мне на слово,— возразил Файф.— Лишь у меня одного для этого нет мотивов. Икс хочет получить контроль над кыртовой промышленностью. У меня этот контроль есть. Я законно владею третью флоринианских земель. Мои фабрики, заводы и флот так сильны, что могли бы вытеснить всех и каждого из вас из промышленности, если бы я захо-

тел. Мне не нужно прибегать к шантажу. У остальных есть любые мотивы. Руне владеет самым маленьким из материков и самой малой долей вкладов. Я знаю: это ему не нравится. Он может притворяться, будто ему это нравится. Балле происходит из древнейшего рода. Было время, когда его род правил Сарком. Он, вероятно, не забыл об этом. Борту не нравится то, что на совете он всегда остается в меньшинстве и не может поэтому вести на своих территориях политику хлыста и пистолета, какую ему хотелось бы. У Стина вкусы расточительные, а финансы в плохом состоянии. Необходимость добывать средства — жестокая необходимость. Ну, вот вам все возможные мотивы. Зависть. Жажда власти. Алчность. Престиж. Так кто же из вас?

В старых глазах Балле неожиданно сверкнула злоба.

— Вы подозреваете нас? А кого именно?

— Это неважно. Икса испугало наше первое совещание, на котором я говорил о необходимости единых действий. Икс был на нем. Икс был и остается одним из нас. Он знал, что единство действий означает для него поражение.

Мы должны быть едины, и для этого есть только один безопасный путь, учитывая, что Икс — один из нас. С автономией материков нужно покончить. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить, ибо козни Икса окончатся только с экономическим поражением всех нас или вмешательством Трантора. Я сам — единственный, кому я могу доверять, и отныне я становлюсь во главе объединенного Сарка. Идете ли вы со мной?

Они вскочили со своих мест, крича и размахивая кулаками. Увы, физически они ничего не могли сделать. Файф улыбнулся. Каждый из них — на другом материке. Он может сидеть у себя за столом и смотреть, как они истекают пеной.

— У вас нет выбора. За год, прошедший после нашего первого совещания, я подготовил все. Пока вы спокойно присутствовали на совещании и слушали меня, преданные мне офицеры завладели флотом.

— Измена!— вскричали они.

— Измена автономии материков,— возразил

Файф.— Верность Сарку. Через двадцать четыре часа я узнаю, кто такой Икс. Космоаналитик, о котором мы все время говорили, находится в моих руках.

Файф хихикнул.

— Вы удивляетесь, кто из вас может оказаться Иксом? Один из вас знает это наверное, будьте спокойны. А через сутки узнаем и все мы. И помните, господа: вы почти беспомощны. Военные корабли — мои. До свидания.— Он сделал прощальный жест.

Один за другим они исчезали, как звезды в глубине пространства исчезают с экрана, когда их заслоняет проплывающая мимо невидимая глыба разбитого звездолета.

ЯХТСМЕН

Генро шел медленно, с полупогасшей папиросой, свисающей из угла рта.

Он останавливался у каждого занятого ангара, зорко вглядываясь внутрь.

У ангара № 26 он выказал повышенный интерес. Заглянул через низкую балюстраду и произнес:

— Сквайр?

У Сквайра, появившегося изнутри, вид был непрезентабельный. Прежде всего Сквайр был не в спортивном костюме. Во-вторых, он давно не брился, а довольно неприятная с виду ермолка закрыла поллица. Наконец, в поведении этого Сквайра была какая-то подозрительная осторожность, отнюдь не свойственная Сквайрам.

— Я Маркис Генро. Это ваша яхта, сударь?

— Да, моя.— Слова были произнесены медленно и напряженно.

— Вы не возражаете, если я войду?

Сквайр поколебался и отступил. Генро вошел.

— Какой у вас двигатель, сударь?

— Почему вы спрашиваете?

— Откровенно говоря, я хочу купить новый корабль.

— То есть вы интересуетесь этим?

— Не знаю. Что-то в этом роде, возможно, если

цена будет подходящая. Но, во всяком случае, вы не возражаете, если я посмотрю управление и двигатели?

Сквайр стоял молча.

— Ну, как вам угодно.— Генро повернулся уходить.

— В конце концов я могу продать,— сказал Сквайр.— Можете войти в корабль, если хотите.

— Спасибо. Покажете дорогу?

Сквайр снова порылся в карманах и достал связку ключей.

— После вас, сударь.

Генро взял ключи, перебрал их, ища условные значки корабля. Собеседник не делал никаких попыток помочь ему.

— Кажется, этот,— сказал он наконец.

Медленно беззвучно шлюз открылся, и Генро вошел в темноту...

У Мирлина Теренса не было выбора. Три долгих отчаянных часа он оставался близ Димонова корабля в ожидании, не будучи способным ни к чему другому. А теперь этот человек пришел и осматривает корабль. Иметь с ним дело — вообще безумие. Вот-вот ему станет ясно, что он, Мирлин Теренс,— самозванец.

И все же неплохо, что на этой посудине нашлась пища. Пока настойчивый покупатель бродил по кораблю, Теренс принялся за консервированные мясо и фрукты. С жадностью напился. Через коридор от кухни был душ. Он заперся там и вымылся. Было приятно снять тесную ермолку хотя бы на время. В неглубоком шкафу он нашел смену одежды.

Наконец Генро вернулся.

— Скажите, вы не будете против, если я попробую вести этот корабль?

— Не возражаю. Вы справитесь с этой моделью?— спросил Теренс с превосходно разыгранной беспечностью.

— Думаю, что да,— ответил тот с легкой улыбкой.— Я умею обращаться с любой из нынешних моделей. Во всяком случае, я беру на себя смелость запросить у контрольной башни о свободном взлетном колодце. Вот мои права яхтсмена, если вы хотите взглянуть на них перед стартом...

Скоро они уже были в пространстве. Сначала звезды на экране двигались туда и сюда, пока длинные тонкие пальцы яхтсмена играли на кнопках управления. Наконец, поверхность экрана заполнилась широким оранжевым сегментом планеты.

— Неплохо,— сказал Генро.— Вы держите корабль в хорошем состоянии, Димон. Он невелик, но у него есть свои достоинства.

— Я думаю, вы захотите испробовать его на скорость и маневренность,— сказал осторожно Теренс.— Я не возражаю.

— Очень хорошо. Куда бы нам направиться, по-вашему? Что, если...— Он поколебался, потом закончил:— Ну да, почему бы и не на Сарк?

Дыхание у Теренса слегка ускорилось. Он ожидал этого. Он был готов поверить, что живет в мире волшебства.

— Почему бы и нет, Генро?— сказал он порывисто.

— Значит, на Сарк.

С нарастающей скоростью диск Флорины соскользнул с экрана...

Теренс просыпался медленно, с туманом в глазах. Несколько долгих минут у него не было ни малейшего представления об окружающем.

— Я, кажется, уснул,— позевывая, сказал он.

— Кажется, да. Вот Сарк.— Генро кивнул на большой белый полумесяц на экране.

— Когда мы опустимся?

— Примерно через час.

И вдруг Теренс заметил, что серый металлический предмет в руке у Генро — изящное дуло иглоружья.

— Что, в чем дело?— начал было Теренс, вставая.

— Садитесь,— сдержанно произнес Генро. В другой руке у него была ермолка.

Теренс поднял руку к голове, и его пальцы вцепились в светлые волосы.

— Да,— отчеканил Генро.— Это очевидно. Вы туземец.

Теренс молча смотрел перед собою.

— Я знал, что вы туземец, еще раньше, чем взошел на корабль бедного Димона. Вашей основной ошибкой, Резидент, была мысль, будто вы можете

бесконечно хитрить с организованной полицейской силой. Что можно чувствовать, Резидент, хладнокровно убив человека, например Димона?

— Я не выбирал его,— прохрипел Теренс. Он задыхался. И пробормотал, сквозь красный туман гнева и разочарования:— Вы, саркиты, убили миллионы флориниан. Женщин. Детей. Вы разбогатели на этом. Эта яхта...

— Димон не виноват, что родился господином, а не слугой,— сказал Генро.— Будь вы саркитом, что бы вы сделали? Отказались от имущества, если бы оно у вас было, и пошли работать на кыртовых полях?

— Ну, так стреляйте!— корчась, закричал Теренс.— Чего ждете?

— Спешить незачем. У меня много времени, чтобы окончить рассказ. У нас не было уверенности относительно личностей убитого и убийцы, но я кое о чем догадывался. Необходимо было убедить Безопасность, что я один смогу доставить вас на Сарк. Без шума и затруднений. Вы должны согласиться, что именно это я и сделал. Признаться, сначала я сомневался: действительно ли вы тот, кого мы ищем. Вы, находясь на территории порта, были одеты в обычный костюм. Это невероятно дурной вкус. Никто, подумал я, не станет притворяться яхтсменом, не нося соответствующего костюма.

Я подумал, что вас нарочно выставили, как приманку, что вы стараетесь быть арестованным, в то время как преступник ускользает в другом направлении.

Я колебался и испытывал вас другими способами. Я возился с ключами от корабля не там, где нужно. Нет такого корабля, который открывался бы с правой стороны воздушного шлюза. Все они всегда и неизменно открываются с левой. Вы не выказали удивления при моей ошибке. Никакого!

Потом я спросил вас, может ли ваш корабль проделать путь от Флорины до Сарка меньше чем за шесть часов. Вы сказали, что да. Это поразительно! Рекордное время для такого перелета — свыше девяти часов.

Я решил, что вы вовсе не приманка. Ваше неведение было чересчур велико... Кстати, вы знаете, по-

чему я рассказываю вам все это?— неожиданно мягко докончил Генро.

Теренс молчал.

— Во-первых,— сказал Генро,— мне нравится видеть, как вы страдаете. Я не люблю убийц, и особенно не люблю, когда туземцы убивают саркитов. Мне было приказано доставить вас живым, но в моих инструкциях ничего не сказано о том, чтобы сделать перелет приятным для вас. Во-вторых, вам необходимо ознакомиться с ситуацией сейчас, поскольку позже, когда мы опустимся на Сарк, следующие шаги вы должны сделать сами.

Теренс взглянул на него.

— Не понимаю.

— Безопасность знает, что вы прибываете. Флоринианский отдел сообщил им об этом, как только мы вышли из атмосферы планеты.

— Не понимаю,— безнадежно сказал Теренс.

— Я сказал: вас ждут на Сарке. Но я подразумевал не Отдел Безопасности. Я подразумевал Трантор...

РЕНЕГАТ

За кофе Эбл рассказал Джунцу о случившемся за последние тридцать шесть часов.

Джунц был поражен. Он поставил свою наполовину выпитую чашку и сказал:

— Допустим, что из всех кораблей они смогли спрятаться именно в этом. Но ведь их могут и не обнаружить. Если вы пошлете людей навстречу этому кораблю при посадке...

— Ба! Вы и сами знаете: на любом из нынешних кораблей нельзя не обнаружить лишнего теплоизлучающего тела.

— Это могли просто не заметить. Приборы, разумеется непогрешимы, но люди — нет.

— Напрасно вы так думаете. Послушайте, в то время, когда корабль с космоаналитиком на борту приближается к Сарку, были получены вполне надежные сведения о том, что Сквайр Файф сообщается с прочими Великими Сквайрами. Эти межконтинен-

тальные совещания редки, как звезды в Галактике Совпадение? Странное совпадение!

— Как вы узнали все это?

— Что «все»?

— Все. Как и когда космоаналитик спрятался. Как и каким образом Резидент ускользал от поимки. Или вы собираетесь хитрить со мной?

— Дорогой мой доктор Джунц!

— Вы признали, что ваши люди следили за космоаналитиком независимо от меня. Вы позаботились безопасно устранить меня с дороги, не предоставляя ничего случаю.

— Всю эту ночь, доктор, я держал постоянную связь с некоторыми из своих агентов...

— Чтобы узнать все это, вам нужно было иметь разведчиков в самом правительстве Сарка.

— Ну, разумеется... Один такой человек, мой лучший агент, работает в Отделе Безопасности на Сарке. Кстати, сейчас он везет мне Резидента.

— Вы говорили, Резидент схвачен.

— Отделом Безопасности. Но мой агент — он еще и агент Безопасности.

— Что вы планируете теперь?

— Почти не знаю сам. Прежде всего мы должны получить Резидента. Я уверен только в том, что он опустится в порту. А потом? Ведь Сквайры тоже будут ждать Резидента.

Строго говоря, инопланетные посольства по всей Галактике имели права экстерриториальности. Практически это означало, что действительно независимым на территории своих посольств был только Трантор.

Территория транторианского посольства занимала почти квадратную милю, и эту площадь контролировали патрули в форме и со значками Трантора. Ни один саркит не мог войти иначе, как по приглашению, а вооруженный саркит — ни в коем случае. Все отчетливо сознавали, что за патрулями стояла карающая сила миллиона организованных планет. Посольство оставалось неприкосновенным.

Оно даже сообщалось с Трантором, минуя саркитские порты прибытия и отправления. Из трюмов

транторианского корабля-матки, означающей границу между «планетным пространством» и «свободным пространством», могли выскальзывать маленькие гирокорабли, снабженные направляющими лопастями для полета в атмосфере, и опускаться на площадку территории посольства.

Гирокорабль, появившийся сейчас над посольством, не шел по расписанию и не был транторианским. По сигналу тревоги в воздух ринулись маленькие истребители посольства. Подняла к небу свой сморщенный ствол иглопушка. Задвигались, поднимаясь, энергетические экраны.

— Требую убежища! Меня собьют через две минуты, если вы не позволите мне опуститься.

— Кто вы такой?

— Мне нужно говорить с послом!— Коротковолновой приемник закашлялся, и полуистерический голос закричал:— Есть тут кто-нибудь? Я спускаюсь, вот и все! Я не могу ждать ни секунды, говорю вам!

Гирокорабль опустился вертикально быстрее, чем должен был бы, поскольку руки, державшие управление, были скованы ужасом. Эскадрилья саркитских кораблей, появившихся над ним минут через десять, держала грозную стражу два часа, потом исчезла.

Они сидели за обедом: Эбл, Джунц и новоприбывший — Сквайр Стин. Эбл держал себя как непринужденный хозяин, воздерживаясь от расспросов. За вином Сквайр, наконец, заговорил.

— Вам интересно, почему я покинул материк?

— Я не могу догадаться,— согласился Эбл,— зачем Сквайру Стину пришлось убегать от саркитстких кораблей.

— Сегодня было межконтинентальное совещание.

— В самом деле?— удивился Эбл.

Он выслушал рассказ о совещании, не дрогнув и бровью.

— И он дал нам двадцать четыре часа,— возмущенно сказал Стин.— Теперь уже осталось шестнадцать. Право!

— А вы Икс!— вскричал Джунц, беспокойство

которого все нарастало во время рассказа.— Вы Икс! Вы прилетели сюда потому, что он поймал вас. Ну что ж, это замечательно! Эбл, вот вам доказательство относительно космоаналитика. Мы можем заставить их выдать нам нашего человека.

— Ну, право! Право! Вы с ума сошли! Перестаньте! Дайте мне сказать, говорю вам... Ваша светлость, я не могу вспомнить имя этого человека.

— Это доктор Селим Джунц, Сквайр.

— Послушайте, доктор Селим Джунц, я никогда не видел этого идиота, космоаналитика или как там его... Я никогда не слышал такой чепухи. Я не Икс. Право! Я буду вам благодарен, если вы перестанете называть меня этой дурацкой буквой. Подумать только, вы поверили смешной мелодраме Файфа! Он считает нас дураками и идиотами. Право! Он сочинил всю эту гадкую ерунду про идиотов и космоаналитиков. Я не удивлюсь, если туземец, якобы убивающий патрульных дюжинами, окажется просто одним из агентов Файфа в рыжем парике. Так вот, никакого Икса вообще нет, но если Файфа не остановить, он завтра же заполнит все субрадио известиями о заговорах, требованиями чрезвычайного положения и, наконец, объявит себя Вождем. У нас на Сарке Вождей не было уже пятьсот лет, но Файфа это не остановит. Он просто перечеркнет конституцию... Как только совещание окончилось, я велел проверить свой личный порт, и, знаете ли, он был захвачен его людьми. Это явное нарушение автономии материков. Это было сделано так подло. Право! Но хоть он и гадкий человек, но он очень умен. Он подумал, что некоторые из нас попытаются бежать, и велел стеречь космопорты, но...— Тут Стин улыбнулся по-лисьему и чуть слышно хихикнул,— ему не пришло в голову стеречь гиропорты. Вероятно, он думал, что на всей планете нет безопасного места для нас. Он забыл о транторианском посольстве. И вот я здесь.

— Вы оставили семью,— осторожно начал Эбл.— Подумали ли вы, что у Файфа все-таки может быть оружие против вас?

— Конечно, я не мог запихнуть всех моих любимых в свой гироплан.— Стин слегка покраснел.—

Файф не посмеет тронуть их! Кроме того, я завтра вернусь на мой материк.

— Как?— спросил Эбл.

Сквайр в замешательстве взглянул на него, тонкие губы его приоткрылись.

— Я предлагаю союз, ваша светлость. Вы не можете притворяться, будто Трантор не интересуется Сарком. Вы наверняка скажете Файфу, что всякая попытка изменить конституцию Сарка повлечет за собой вмешательство Трантора.

Эбл сложил вместе свои узловатые пальцы и смотрел на них.

— Я не могу поверить, Сквайр Стин, что вы действительно хотите объединить свои силы с Трантором.

По слабо улыбающемуся лицу Стина прошла мгновенная тень ослепляющей ненависти.

— Лучше Трантор, чем Файф!— воскликнул он.

— Мне не хочется угрожать силой. Не можем ли мы подождать некоторого развития событий?

— Нет, нет!— вскричал Стин.— Ни одного дня. Право! Если вы не решитесь сейчас, немедленно, то потом будет поздно. Как только срок пройдет, он увидит, что зашел слишком далеко, чтобы отступить с достоинством. Если вы поможете мне сейчас, остальные Великие Сквайры присоединятся ко мне. Если вы промедлите хотя бы день, Файфова машина пропаганды заработает. Я буду заклеймен как перебежчик.

— А если мы попросим у него разрешения поговорить с космоаналитиком?

— Какая от этого польза? Он будет вести двойную игру. Он скажет нам, что флоринианский идиот — это космоаналитик, но вам он скажет, что космоаналитик — это флоринианский идиот. Вы не знаете этого человека. Он ужасен!

Эбл раздумывал. Он напевал про себя, тихонько отбивая пальцем такт. Потом произнес:

— Резидент в наших руках.

— Какой Резидент?

— Тот, который убил патрульных и саркита.

— О? Ну, право! Вы думаете, Файфу это будет интересно, когда он готовится захватить весь Сарк?

— Думаю, что да. Вилите ли, дело не в том, что Резидент в наших руках. Дело в обстоятельствах его захвата. Я думаю, Сквайр, что Файф выслушает меня, и выслушает весьма смиренно.

Впервые за все время своего знакомства с Эблом Джунц ощутил, что холодность в голосе старика уменьшилась и ее заменяет удовлетворение, почти торжество.

ПЛЕННИК

В конце концов Высокородная Сэмия Файфская была вынуждена перейти от выражения своих желаний к заявлению своих прав, как самая обыкновенная саркитка.

— Я полагаю, что имею право встречать любой прибывающий корабль, какой захочу,— капризно сказала она.

Начальник порта высказался вполне определенно:

— Госпожа моя, мы совсем не хотим ущемлять вас. Дело в том, что мы получили от Сквайра, вашего отца, специальные распоряжения: помешать вам встретить этот корабль.

— Может быть, вы хотите приказать мне покинуть порт?

— Нет, госпожа. Нам не было приказано удалить вас из порта. Если угодно, вы можете оставаться. Но при всем уважении к вам мы должны задержать вас, если вы захотите подойти к колодцам поближе.

Он ушел, а Сэмия сидела в бесполезной роскоши своей машины, остановившейся неподалеку от самого внешнего входа порта.

Со стороны отца это было нечестно. Они всегда обращались с нею как с ребенком. Вот и сегодня...

Едва Сэмия рассказала отцу о психозондированном космоаналитике и об опасности, надвигающейся на Флорину, как Файф, даже не дав дочери договорить, резко спросил:

— Откуда ты знаешь, что он космоаналитик, Миа?

— Он так говорит.

— А подробности об этой опасности?

— Он не знает. Он был психозондирован. Разве ты не видишь, что это самое лучшее доказательство? Он знал слишком много. Кому-то было нужно скрыть это.— Ее голос инстинктивно понизился и зазвучал конфиденциально.— Видишь ли, если бы его теории были неверны, его не нужно было бы психозондировать.

— Почему же его не убили в таком случае?

— Если ты прикажешь Отделу Безопасности, чтобы мне позволили говорить с ним, то я узнаю это. Он мне верит. Я знаю, что верит. Я узнаю от него больше, чем может Отдел Безопасности. Пожалуйста, прикажи допустить меня к нему, папа. Это очень важно.

Файф нежно притронулся к ее сжатым кулачкам и улыбнулся.

— Не время, Миа. Не время. Скоро в наших руках будет третий человек. Тогда — может быть.

— Третий? Туземец-убийца?

— Вот именно. Корабль, на котором его везут, опустится примерно через час.

— И до тех пор ты не сделаешь ничего с космоаналитиком и с туземкой?

— Ничего.

— Хорошо! Я встречу корабль.

— Очень важно, чтобы о прибытии этого человека никто не знал. Ты будешь в порту слишком заметна.

— Ну и что?

— Я не могу объяснять тебе государственную политику, Миа.

— Политику, фи!— Она наклонилась к нему, клюнула его в середину лба быстрым поцелуем и исчезла.

А теперь она сидела беспомощно в своей машине на территории порта, пока высоко в небесах росла какая-то точка, черная на фоне яркого послеполуденного неба.

Сэмия нажала кнопку, открыла боковой шкафчик и достала оттуда бинокль. Она поднесла его к глазам,

и точка превратилась в крошечный кораблик с ясно видимым красноватым сиянием кормовых дюз.

Сарк заполнял весь экран.

— Космопорт не будет строго охраняться,— сказал Генро, не отрываясь от управления.— Это тоже было мое предложение. Я сказал, что всякий необычный прием корабля может внушить Трантору какие-нибудь подозрения. Я сказал, что успех зависит от того, насколько Трантор не догадается об истинном положении вещей, пока не станет слишком поздно.

— Сарк, Трантор,— угрюмо сказал Теренс,— какая разница...

— Для вас большая. Я воспользуюсь ближайшим к восточным воротам колодцем. Вы выйдете через аварийный шлюз на корме, как только я сяду. Идите к воротам быстро, но не слишком. Предоставляю вам свободу действий, если встретится препятствие. Судя по вашей истории, в этом на вас можно положиться. За воротами будет ждать машина, которая повезет вас в посольство. Вот и все...

Улыбка Генро была холодной и невеселой.

— Когда увидят, что вы бежали, меня могут в худшем случае расстрелять как изменника. Если же меня найдут совершенно беспомощным и физически неспособным задержать вас, то просто уволят, как дурака. Последнее, кажется, предпочтительнее, так что я попрошу вас, перед тем как уйти, применить ко мне нейрохлыст.

Они садились. Уже можно было различить что-то вроде радуги саркитского города.

— Надеюсь,— сказал Генро,— вы не собираетесь делать что-нибудь сами. Сарк не место для этого. Либо Трантор, либо Сквайры. Помните. Если Трантор не получит вас через час, то Сквайры поймают вас еще до конца дня. И тогда... Впрочем, вы и сами знаете, что они сделают с вами...

Порт стойко держался на экране, но Генро больше не смотрел на него. Он переключил приборы, направляя пульсолуч книзу.

Корабль медленно поворачивался в воздухе на высоте мили и опускался хвостом вниз.

В сотне ярдов над колодцем двигатели запели высоким тоном. Теренс ощущал их вибрацию, сидя на гидравлических пружинах. Голова у него кружилась.

— Берите хлыст. Быстро. Каждая секунда на счету. Аварийный шлюз закроется за вами. Встречающим понадобится пять минут, чтобы удивиться, почему я не открываю главный шлюз, еще пять — чтобы прорваться сюда, еще пять — чтобы найти вас. В вашем распоряжении пятнадцать минут: выйти из порта и сесть в машину...

Теренс ощутил холодок саркитской осени. Он провел годы в этом суровом климате, но почти забыл о нем в мягком вечном лете Флорины. И вдруг прошлое нахлынуло на него так, словно он никогда не покидал планеты Сквайров.

Но теперь Теренс был беглецом, и на нем горело клеймо величайшего преступления — убийства Сквайра.

Видел ли кто-нибудь, как он выходил из корабля?

Он слегка притронулся к шляпе. Она еще была надвинута ему на уши, и маленький медальон, украшавший ее теперь, был гладким на ощупь. Генро сказал, что это нужно для его опознания. Люди с Трантора будут искать именно этот медальон, сверкающий на солнце.

Он мог бы снять его, уйти самостоятельно, найти путь на какой-нибудь другой корабль, как-нибудь. Он мог бы покинуть Сарк, как-нибудь. Мог бы бежать, как-нибудь.

Слишком много «как-нибудь»! В глубине сердца он знал, что дошел до конца. Как и говорил Генро: либо Трантор, либо Сарк. Он боялся Трантора и ненавидел его, но знал, что выбора нет: ни в коем случае он не может выбрать Сарк.

— Вы! Эй, вы!— Молодая женщина выглядывала из окна сверхроскошной машины.— Подите сюда.

Теренс подошел.

— Вы прибыли на корабле, который только что опустился, да?

Он молчал.

— Ну, что же вы?

— Да. Да,— выдавил из себя Теренс.

— Тогда садитесь.

Она открыла дверцу перед ним. Внутри машина была еще роскошнее.

— Вы из команды?

Испытывают, подумал Теренс. И спокойно сказал:

— Вы знаете, кто я.— На мгновение он поднял пальцы к медальону.

Машина попятилась и повернула.

У ворот, где стояла охрана, Теренс вжался в мягкую, покрытую кыртом спинку. Но для тревоги не было никаких причин. Его благодетельница повелительно произнесла:

— Этот человек со мной. Я Сэмия Файф.

Усталому Теренсу понадобились секунды, чтобы услышать и понять это. Когда он напряженно подался вперед, машина уже мчалась по экспресс-полосе, делая сотню миль в час.

Их видел рабочий на территории порта. Он увидел их и коротко пробормотал что-то в лацкан своей куртки. И через несколько минут за пределами порта один агент Трантора сказал в машине досадливо другому:

— Человек с медальоном только что покинул порт в роскошной машине. Это машина Высокородной Сэмии! Значит, мы его прохлопали. Великий Космос, что делать?

— Следовать за ними.

— Но Высокородная Сэмия...

— Она для меня ничто. Она не должна быть ничем и для тебя. Иначе, что ты здесь делаешь?

— Откуда мы знаем, что убийца Сквайра с нею? Может быть, это притворство, чтобы заставить нас покинуть пост.

— Я знаю, но Файф не послал бы свою дочь, чтобы устранить нас. В конце концов достаточно отряда патрульных.

— Может быть, это вовсе не Сэмия...

— Все равно. Быстрее! Еще быстрее!..

— Я хочу поговорить с вами,— сказала девушка.

— Я готов говорить.

— Вы были на корабле, привезшем туземца с Флорины? Того, которого ловят за убийства?

— Я сказал, что да.

— Очень хорошо. Так вот, я привезла вас сюда для того, чтобы нам никто не помешал. Допрашивали ли туземца по пути на Сарк?

Такая наивность, подумал Теренс, не может быть поддельной. Сэмия действительно не знала, кто он такой. Он сказал осторожно:

— Да.

— Вы присутствовали при допросе?

— Да.

— Хорошо. Я так и думала. Кстати, почему вы ушли с корабля?

— Я должен был доставить специальный отчет...

Он заколебался. Она быстро ухватилась за его слова.

— Моему отцу? Не беспокойтесь об этом. Я полностью оправдаю вас. Скажу, что вы приехали со мной по моему приказанию.

— Хорошо, госпожа моя.

Слова «госпожа моя» глубоко поразили его самого. Она была высокородной, самой высокой в стране, а он флориниан. Но человек, убивающий патрульных, легко может научиться убивать Сквайров, а убийца Сквайров может взглянуть Высокородной в лицо.

Он взглянул на нее твердо и испытующе.

Она была чрезвычайно красива.

И он понял вдруг, что убийство Сквайра не было тягчайшим из преступлений.

Он даже не сознавал, что двигается. Но ее фигурка очутилась в его объятиях, и она напряглась и вскрикнула, и тогда он заглушил ее крик поцелуем...

Ее руки покоились у него на плечах, когда в спину подуло холодным ветром и дверца машины открылась.

Сэмия молча смотрела, приоткрыв рот, как взбешенный саркит вытаскивал Теренса из машины.

— И она позволила ему,— бормотал он.— Позволила ему...

Сэмия беспомощно отодвинулась в сторону, на-

сколько могла, а потом быстро закрыла лицо обеими руками, прижав пальцы так, что кожа под ними побелела.

— Что мы с нею сделаем?

— Ничего.

— Она видела нас. Она бросит за нами всю планету, раньше чем мы проедем хоть милю.

— Ты хочешь убить Высокородную Даму?

— Нет. Но мы можем испортить ей машину. К тому времени, как она доберется до радиофона, мы будем в безопасности.

— Не нужно.— Агент наклонился в машину.— Госпожа моя, у меня мало времени. Вы слышите меня?

Она не шевельнулась.

— Вам лучше выслушать меня. Сожалею, что помешал вам в нежную минутку, но, к счастью, эту минутку я использовал. Я действовал быстро и успел запечатлеть эту сцену с помощью стереоскопического фотоаппарата. Вы меня поняли?— Он повернулся к спутнику.— Она ничего не скажет обо всем этом. Ни словечка. Идите за мной, Резидент.

Теренс последовал за ним. Он не мог обернуться на белое, осунувшееся личико в машине.

Что бы теперь с ним не случилось, он совершил чудо. Он целовал самую гордую даму на Сарке, ощущал беглое прикосновение ее нежных, ароматных уст.

ОБВИНЯЕМЫЙ

В своей частной жизни Эбл предпочитал обходиться без дипломатических двусмысленностей. Соединившись личным лучом с Файфом, он мог быть просто пожилым человеком, любезно беседующим за стаканом вина.

— Трудно было добиться вас, Файф.

Файф улыбнулся. Он выглядел спокойно и беззаботно.

— Я был занят, Эбл.

— Да. Я кое-что слышал об этом.

— От Стина?

— Отчасти. Стин пробыл у нас часов семь.

— Знаю. Моя ошибка. Вы намерены выдать его нам?

— Боюсь, что нет.

— Он преступник.

Эбл коротко рассмеялся и передвинул свой кубок, следя за медленно поднимающимися пузырьками.

— Я думаю, мы можем назвать его политическим эмигрантом. Космический закон защищает его на территории Трантора.

— Ваше правительство поддерживает вас?

— Думаю, что да, Файф. Я пробыл на иностранной службе около четырех столетий и знаю, что Трантор поддержит, а что нет.

— Мне кажется, у вас есть какое-то предложение...

— Есть. У вас находится наш человек.

— Какой ваш человек?

— Космоаналитик. Уроженец планеты Земля, которая, кстати, входит в состав владений Трантора. У меня есть Стин, у вас землянин. В некотором смысле мы равны. Прежде чем начать выполнять свои планы, прежде чем истечет ваш ультиматум и произойдет ваш переворот почему бы не посовещаться насчет общего положении с кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком его внутреннее дело. Я лично готов гарантировать, что в кыртовой промышленности перебоев не будет, независимо от политических событий здесь. Думаю, это удовлетворит законные интересы Трантора.

Эбл задумчиво сказал:

— Кажется, у нас есть еще один политический эмигрант. Любопытный случай. Кстати, это один из ваших флориниансних подданных. Резидент. Называет себя Мирлином Теренсом.

Глаза у Файфа вдруг загорелись.

— Мы подозревали это. Клянусь Сарком, Эбл, есть пределы открытого вмешательства Трантора на этой планете. Человек, похищенный вами,— убийца. Вы не можете давать ему политическое убежище.

— Этот человек вам нужен?

— У вас на уме какой-то обмен? Что вы предлагаете?

— Совещание, о котором я говорил.

— Ради флориниапского убийцы? Конечно, нет!

— Но способ, каким Резиденту удалось ускользнуть от вас к нам, довольно любопытен. Вам должно быть интересно...

Уже занимался рассвет. Джунцу хотелось бы уснуть, но он знал, что ему опять понадобится сомнин.

— Я мог бы пригрозить силой, как советовал Стин,— сказал Эбл Джунцу.— Это было бы плохо. Риск велик, результаты — неясны. Пока Резидента не доставили к нам, у меня не было выбора. Кроме политики ничегонеделания.

— Я что дальше?— угрюмо спросил Джунц.— Шантажировать Файфа этим пикантным снимком?

— Называйте это как угодно: шантажировать, вести не совсем честную игру. Это не имеет значения. Высокородная Сэмия виновна только в некоторой податливости и известной наивности. Я уверен, что ее целовали и раньше. Если она поцелуется снова, если поцелуется несчетное число раз с кем угодно, кроме флориниапина, никто ничего не скажет. Но она поцеловалась с флориниапином.

Неважно, что она не знала, что он флориниапин. Неважно, что он поцеловал ее насильно. Если мы опубликуем этот снимок, то для нее и для ее отца жизнь станет невыносимой. Я видел, какое лицо было у Файфа, когда он смотрел копию.

— О чем же договорились в конце концов?— Джунц вздохнул.

— Мы встретимся завтра в полдень.

— Значит, он отсрочил свой ультиматум?

— До бесконечности. Я буду в его кабинете лично.

— И вы рискнете?..

— Риск тут небольшой. Будут свидетели. И мне очень хочется самому увидеть космоаналитика, которого вы ищете так долго.

— Надеюсь, я могу быть при встрече?— спросил Джунц.

— О да! Резидент тоже будет. Он нам понадобит-

ся, чтобы опознать космоаналитика. Стин тоже. Все вы будете присутствовать в трехмерной проекции.

— Благодарю.

С усовершенствованием трехмерной передачи важные совещания редко происходили лицом к лицу. Файф ощущал материальное присутствие старого посла как элемент явной непристойности.

Эбл! Старый скряга в потертом платье и с миллионом планет за спиной.

Джунц! Темнокожий, шерстистоволосый надоедала, чье упрямство ускорило кризис.

Стин! Предатель! Не смеет взглянуть ему в глаза!

Резидент! Смотреть на него было всего тяжелее. Туземец, оскорбивший его дочь своим прикосновением, но остающийся живым и неприкосновенным за стенами транторианского посольства.

— Совещание навязано мне насильно,— мрачно сказал Файф.— Я не вижу необходимости говорить что-нибудь. Я здесь для того, чтобы слушать.

— Я думаю, Стин хотел бы высказаться первым,— ответил Эбл.

Тогда Стин закричал:

— Вы заставили меня обратиться к Трантору, Файф! Вы нарушили принцип автономии. Не ждите, чтобы я благодарил вас за это. Я не претендую на звание сыщика, каким считает себя Сквайр Файф, но думать я умею. Право! И я думал! Вчера Файф рассказывал нам историю насчет таинственного преступника, которого он называет «Икс». Я вижу: это была только болтовня с целью объявить чрезвычайное положение. Я не был одурачен ни на минуту!

— Так никакого Икса нет?— спокойно спросил Файф.— Тогда почему вы бежали? Если человек бежит, ему не нужно других обвинений.

— Вот как?— вскочил Стин.— Ну, а я могу бежать из горящего дома даже не будучи поджигателем!..

— Продолжайте, Стин,— произнес Эбл.

— И продолжу!.. Так кто же этот Икс? Я знаю, что не я! И все же не сомневаюсь: предатель — Великий Сквайр. Но кто из Великих Сквайров знал об

этом больше всех? Кто пытался использовать историю с космоаналитиком, чтобы запугать остальных и вынудить их к «объединенным действиям», этой капитуляции перед диктаторством Файфа? Я вам скажу, кто этот Икс.— Стин встал; его темя касалось верхнего края куба приемника и сделалось плоским. Он указал дрожащим пальцем.— Икс — это он! Это — Сквайр Файф! Он нашел космоаналитика. Он устранил его, когда увидел, что не произвел на нас впечатления своими глупыми россказнями на первом совещании, а теперь вытащил снова, когда уже подготовил военный переворот!

Файф устало повернулся к Эблу.

— Кончил он? Если да, уберите его: он невыносимое оскорбление для всякого порядочного человека.

— Стин сказал, что хотел,— ответил Эбл.— Но ближе к делу. Мы хотели бы видеть космоаналитика.

— У нас под стражей есть человек с пониженным интеллектом, называющий себя космоаналитиком. Я прикажу привести его!

Такое Валоне Марч никогда в жизни не снилось. Вот уже больше суток прошло с того момента, как они спустились на эту планету, а она не переставала удивляться. Даже тюремные камеры, куда ее и Рика поместили отдельно, были сказочно великолепны. Вода шла из отверстия в трубе, стоило только нажать кнопку. От стен исходило тепло, хотя воздух снаружи был холоднее, чем она считала возможным для воздуха. И всякий, кто говорил с нею, был так роскошно одет.

А вот теперь ее привели в эту большую и светлую комнату. Тут находилось несколько человек. Один, сурового вида, за столом, и другой, гораздо старше, весь сморщенный, в кресле, и еще трое...

И одним из них был Резидент!

Она вскочила и кинулась к нему.

— Резидент! Резидент!

Она пробежала прямо сквозь него. Ее ноги прошли сквозь тяжелое кресло, где сидел Резидент. Она видела его ясно, отчетливо. Она протянула дрожащую руку, и рука погрузилась в обивку, которой она

тоже не ощутила.

Она вскрикнула и упала. Резидент машинально протянул руки, чтобы поддержать ее, и она упала сквозь них; как сквозь воздух телесного цвета...

Она снова была в кресле, и Рик крепко держал ее за руку, а морщинистый старик наклонялся над нею.

— Не бойся, милая. Это только изображение. Как фотография, знаешь ли.

Она указала пальцем на Резидента.

— Его здесь нет?

— Это трехмерная проекция, Лона,— вдруг вмешался Рик.— Резидент находится в другом месте, но мы видим его здесь.

Валона покачала головой. Если Рик говорит так, значит, все в порядке. Она потупилась. Она не смела смотреть на людей, которые одновременно и есть и нет.

Эбл обратился к Рику:

— Так вы знаете, что такое трехмерная проекция, молодой человек?

— Да, сударь.— Этот день был потрясающим и для Рика, но в то время, как Валону он ошеломлял, Рик находил окружающее все более знакомым и понятным.

— Где вы узнали о ней?

— Не знаю. Я знал раньше. Прежде, чем забыть.

— Обратите внимание, Файф,— вмешался Эбл,— ваш флориниан с пониженным интеллектом довольно хорошо знаком с трехмерной проекцией.

— Его хорошо дрессировали, я думаю,— отрезал Файф.

— Допрашивали его со времени прибытия на Сарк?

— Конечно.

— И что же?

— Ничего нового.

Эбл обратился к Рику:

— Как вас зовут?

— Рик — единственное имя, которое я помню,— ответил тот спокойно.

— Знаете ли вы кого-нибудь из присутствующих?

Рик без страха переводил взгляд с одного лица на другое.

— Только Резидента. И Лону, конечно.

— Это,— сказал Эбл, указывая на Файфа,— величайший из Сквайров, какие когда-нибудь жили. Ему принадлежит целая планета. Что вы думаете о нем?

— Я землянин,— ответил Рик.— Я-то ему не принадлежу.

— Слушайте, Рик,— снова заговорил Эбл.— Расскажу вам одну историю. Я хочу, чтобы вы слушали ее всем своим разумом и думали. Думали и думали! Вы понимаете?

Рик кивнул.

Эбл заговорил медленно, повторяя ход событий.

Он рассказывал о сообщении относительно опасности, о его перехвате, о встрече Рика с Иксом, о психозондировании, о том, как Рика нашли и выхаживали на Флорине, о враче, который поставил ему диагноз, а потом умер, обо всем остальном.

— Вот и вся история, Рик. Знакомо ли вам что-нибудь в ней?

— Я помню последнюю часть,— медленно произнес Рик.— Последние несколько дней. Я вспоминаю кое-что из прошлого... Это очень смутно... Но это все.

— Но вы вспоминаете прошлое? Вы вспоминаете опасность для Флорины?

— Да, да. Это первое, что я вспомнил.

— А что было потом? Вы опустились на Сарке и встретили одного человека...

— Не могу. Не могу вспомнить!— Рик застонал.

— Попытайтесь! Попытайтесь!

Рик взглянул на него, весь побелев, с мокрым лицом.

— Я помню одно слово.

— Какое слово, Рик?

— У него нет смысла.

— Все равно скажите.

— Оно связано со столом. Давно, очень давно. Очень смутно. Я сидел. Кажется, кто-то другой тоже сидел. Потом он встал и смотрел на меня сверху вниз.

И тут было слово.

Эбл спросил терпеливо:

— Какое слово?

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф!

ОБВИНИТЕЛЬ

— Покончим с этой комедией!— прорычал Файф.

— Почему вы называете это комедией?— почти закричал Эбл.

— А разве не так? Я согласился на эту встречу главным образом потому, что вы говорили об опасности для Флорины. Я отказался бы, если бы предвидел, что на этом совещании меня самого будут судить предатели и убийцы, играющие роль и прокурора и судьи.

Эбл произнес с ледяной учтивостью:

— Это не суд, Сквайр. Доктор Джунц пришел, чтобы выручить члена МКБ, это его право и обязанность. Я — для того, чтобы защитить интересы Трантора в смутное время. У меня нет сомнений относительно этого человека, Рика: он и есть пропавший космоаналитик. Мы можем кончить эту часть совещания немедленно, если вы согласитесь отдать Рика доктору Джунцу для дальнейших исследований, включая проверку медицинских характеристик. Разумеется, нам понадобится ваша дальнейшая помощь. Нужно найти преступника, произведшего зондирование, и установить гарантии против повторения таких актов в будущем.

— Вот так речь!— усмехнулся Файф.— Ваши планы видны насквозь. Что будет, если я выдам этого человека? Тогда, наверное, МКБ сумеет найти в нем именно то, что хочет найти. Оно называет себя межзвездным учреждением без всяких местных связей. Но разве не факт, что Трантор финансирует две трети годового бюджета МКБ?

И что же оно найдет? Это тоже очевидно. Память вернется к этому человеку медленно. МКБ будет вы-

пускать ежедневные бюллетени. Мало-помалу он будет вспоминать все новые и новые нужные подробности. Сначала мое имя. Потом мою внешность. Потом мои точные слова. Меня торжественно признают виновным. Будут потребованы репарации, и Трантор будет вынужден оккупировать Сарк. Временно, разумеется. Потом оккупация станет постоянной.

Но есть границы, которых не может перейти никакой шантаж. Ваш шантаж, господин посланник, дошел до них. Если этот человек нужен вам, пусть за ним прилетит весь флот Трантора!

— О силе не может быть и речи,— сказал Эбл.— Но я замечаю, что вы тщательно избегаете отрицать значение того, что космоаналитик сказал под конец.

— Это ничего не значит. Имя Файфа — великое имя на Сарке. Даже если предположить, что так называемый космоаналитик правдив, у него в распоряжении был целый год, чтобы услышать это имя на Флорине. Он прибыл на Сарк в корабле, везшем мою дочь, это еще лучшая возможность, чтобы услышать имя Файф. Разве не естественно, что это имя слилось с его смутными воспоминаниями? Конечно, он может и не говорить правды. Эти постепенные откровения могут быть и заученными.

— Слушайте, слушайте!— закричал Рик, вырвавшись из цепких рук Валоны.

— Еще одно откровение, кажется,— заметил Файф.

— Слушайте. Мы сидели за столом. В чае было зелье. Мы ссорились. Не помню, из-за чего. Потом я не мог шевелиться. Мог только сидеть. Не мог говорить. Мог только думать: «Великий Космос, меня опоили». Мне хотелось вскочить, и закричать, и убежать, но я не мог. Потом другой, Файф, подошел ко мне. Он стоял и возвышался надо мной. А я не мог ничего сказать. Не мог ничего сделать. Мог только смотреть, подняв на него глаза.

— Повернитесь и взгляните на него!— быстро сказал Джунц.— Вы его знаете?

Рик обернулся к Сквайру Файфу. С минуту он пристально смотрел на него, потом отвернулся.

— Теперь вы вспоминаете?

— Нет! Нет!

Файф сделал свирепую гримасу.

— Ваш человек забыл свою роль, или же его история станет более вероятной, если он вспомнит мое лицо в следующий раз?

— Я никогда не видел этого человека, и никогда не говорил с ним,— возразил Джунц.— Я ищу только правду.

— Тогда могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Благодарю вас за любезность. Теперь ты, Рик, или как там тебя зовут...

— Да, сударь?

— Ты помнишь человека, который подходил к тебе из-за стола, пока ты сидел, оглушенный и беспомощный?

— Да, сударь.

— Последнее, что ты помнишь, это то, что человек смотрел на тебя сверху вниз?

— Да, сударь.

— А ты смотрел на него снизу вверх или пытался смотреть?

— Да, сударь.

— Сядь.

Рик повиновался.

Некоторое время Файф не делал ничего. Безгубый рот у него сжался, мускулы под иссиня-черной тенью на щеках и подбородке напряглись. Потом он соскользнул с кресла.

Соскользнул вниз! Словно опустился под столом на колени. Но он вышел из-за стола, и тогда стало ясно, что он стоит.

Голова у Джунца закружилась. Человек, такой большой и величественный, пока сидел, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ноги Файфа двигались с усилием, неуклюже неся его крупное тело и голову. Лицо у него налилось кровью, но глаза сохранили высокомерное выражение.

Рик сидел, Файф стоял, но они смотрели друг другу в глаза на одном уровне.

Могу ли я быть этим человеком?— спокойно

спросил Файф.

— Нет, сударь.

— Ты уверен?

— Да, сударь.

— Ты все-таки говоришь, что помнишь имя «Файф»?

— Я помню это имя,— настойчиво ответил Рик.

— Значит, кто-то ложно воспользовался моим именем?

— Да, должно быть.

Файф повернулся, медленно, с достоинством вернулся к столу и вскарабкался на свое кресло.

— С тех пор как я стал взрослым человеком, я никому еще не позволял видеть меня стоящим. Есть у вас основания продолжать совещание?

Вот тогда заговорил Джунц:

— Мне кажется, надо продолжать совещание. Ведь Рика подвергли зондированию не просто потому, что он космоаналитик!

— Вот и спросите его сами: почему его психозондировали,— сказал Файф.

— Разумеется, он не вспомнит,— гневно возразил Джунц.— Психозонд действует всего сильнее на наиболее логические цепи суждений, хранящиеся в мозгу. И все же стоит спросить у него об опасности, нависшей над Флориной. Итак, что вы помните, Рик?

— Только то, что была опасность и что она связана с космическими течениями,— пробормотал Рик.

Наступило молчание, которое снова нарушил Джунц:

— Вы говорили, что не доверяете показаниям, как вы их называете, туземцев. Но у нас есть один человек — не простой туземец. Мне кажется, он показал достаточно ясно, что не похож на почтительного флориниана. Пора уже задать и ему несколько вопросов. Если он окажется упрямым и ненадежным, мы можем рассмотреть заявление о его выдаче Сарку.

Теренс, до сих пор упрямо рассматривавший пальцы на своих сжатых руках, бросил беглый взгляд на Джунца.

— Рик был в вашем поселке с тех пор, как его впервые нашли на Флорине, не так ли?

— Да.

— И вы были в поселке все это время? То есть вам не приходилось уезжать по делам надолго, да?

— Резиденты не ездят по делам. Все их дела — в поселке.

— Кто именно из Сквайров посещал ваш поселок в прошлом году?

— Откуда мне знать? Я не могу ответить на этот вопрос: Сквайры — это Сквайры, а туземцы — это туземцы. Для вас я Резидент, для них всегда туземец. Я не встречаю их у ворот и не проверяю документы.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Сквайру Файфу.

Стин вмешался совершенно неожиданно:

— О, послушайте! Право! С такими расспросами вы играете на руку Файфу, доктор Джунц. Разве вы не видите, что никуда не придете? Неужели Файф заинтересован в слежке за этим человеком, неужели он возьмет на себя труд летать на Флорину и обратно? А зачем тогда патрульные?

— В подобном случае,— сказал Джунц,— когда экономика и, может быть, физическая сохранность планеты зависят от мозга одного человека, тот, кто применил зондирование, естественно, не станет доверять патрульным.

— Даже если он уничтожил этот мозг?— спросил, улыбаясь, Файф.

Эбл выпятил нижнюю губу и нахмурился. Его последняя ставка уплывала, как и все прочие, в руки Файфа.

Помощь пришла неожиданно со стороны угрюмо молчавшей Валоны:

— Я хочу сказать что-то.

— Говори, девушка. В чем дело?— сказал Джунц.

— Я только крестьянская девушка. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Мне просто кажется, что все может быть по-другому. Был ли мой Рик таким важным? Ну, этим, космоаналитиком?

— Я думаю, был.

— Тогда это должно быть так, как вы говорили. Тот, кто поместил его на Флорину, не смел потом ни на минуту потерять его из виду. Я хочу сказать, чтобы Рика не бил начальник фабрики, чтобы дети не забрасывали его камнями, чтобы он не заболел и не умер. Его не оставили бы беспомощным в поле, где он мог умереть раньше, чем его найдут, верно? Не полагались бы только на удачу, чтобы он остался жив.— Она говорила напряженно и медленно.

— Продолжай,— сказал Джунц, наблюдая за ней.

— Потому что есть человек, следивший за Риком с самого начала. Он нашел его в полях, он устроил так, чтобы я заботилась о нем, он знал о каждом его дне. Он даже знал все о докторе, потому что я рассказала ему. Это он! Он!— Ее голос поднялся до крика, а рука твердо указывала на Мирлина Теренса, Резидента.

И на этот раз даже сверхчеловеческое спокойствие Файфа изменило ему. Его руки сжались на краю стола, массивное тело приподнялось над креслом, а голова быстро повернулась к Резиденту.

ПОБЕДИТЕЛИ

Все были поражены словно параличом.

Потом раздался пронзительный смех Стина.

— Я верю,— хохотал Стин.— Я все время говорил это. Я говорил, что туземец был нанят Файфом. Теперь вы видите, что за человек Файф. Он нанял туземца, чтобы...

— Это адская ложь!

Говорил не Файф, а Резидент. Он вскочил, и глаза у него пылали от возбуждения.

— Что — ложь?— спросил Эбл.

Теренс некоторое время смотрел на него, не понимая, потом ответил, задыхаясь:

— То, что сказал Сквайр. Никто из саркитов не платит мне.

— А то, что сказала девушка? Это тоже ложь?

— Нет. Правда. Психозонд применял я. Не смот-

ри на меня так, Лона! Я не хотел повредить Рику. Я не хотел ничего того, что случилось.

— Все подстроено,— возмутился Файф.— Не знаю в точности ваших замыслов, Эбл, но для этого преступника явно невозможно включить в свою биографию и это преступление. Как известно, только Великий Сквайр может обладать достаточными познаниями и возможностями. Или вы хотите спасти своего наемника, Стин, подстраивая ложные признания?

- Я не беру денег и от Трантора,— сказал Резидент.— Но если хотите знать, что произошло, я расскажу вам. В конце концов либо Сарк, либо Трантор, так что пропадай все! По крайней мере у меня будет случай высказаться.— Он указал на Файфа.— Вот это — Великий Сквайр. Только Великий Сквайр, говорит Файф, может обладать достаточными познаниями и возможностями, чтобы сделать то, что сделал преступник. Он сам верит в это. А что он умеет? Что умеет любой из саркитов?

Они не участвуют в управлении. Управляют флориниане! Управляет Флориниянская Гражданская Служба. Флориниане получают бумаги, пишут бумаги, раскладывают бумаги. А бумаги управляют Сарком. Конечно, большинство из нас слишком забито, чтобы даже пищать, но знаете ли вы, что мы можем сделать, если захотим, под самым носом у наших проклятых Сквайров? Ну вот, посмотрите, что сделал я.

Год назад я временно был начальником движения в космопорте. Это записано в моем послужном списке. Вам придется немножко порыться, чтобы найти это, так как официальным начальником движения был саркит. Официальное звание было у него, а всю работу делал я. Мое имя можно отыскать лишь в специальном отделе с пометкой «Туземный персонал». Ни один саркит не стал бы пачкать глаз, заглядывая туда.

Когда местное отделение МКБ прислало сообщение космоаналитика, предлагая встретить корабль с каретой «Скорой помощи», эти сведения получил я. Согласитесь: не так уж часто приходится слышать о гибели Флорины.

Я договорился встретиться с космоаналитиком в маленьком пригородном порту. Сделать это было легко. Все рычаги и нити, приводившие в движение Сарк, были к меня в кулаке.

Я встретил космоаналитика, спрятал его и от Сарка и от МКБ. Я выжал из него все сведения, сколько мог, и решил использовать их ради Флорины и против Сарка.

У Файфа невольно вырвался вопрос:

— Так это ты послал первые письма?

— Я посылал эти первые письма, Великий Сквайр,— спокойно произнес Теренс.— Я думал, что смогу овладеть достаточной долей кыртовых площадей, чтобы поставить Трантору свои условия и прогнать саркитов с моей планеты.

— Ты с ума сошел!

— Возможно. Во всяком случае, ничего не получилось. Я сказал космоаналитику, что я Файф. Это было необходимо, ибо он знал, что Файф — крупнейший человек на планете, и, пока он считал меня Файфом, он говорил открыто.

К несчастью, у него терпения еще меньше, чем у меня. Он упорно требовал свидания с представителем МКБ. Мне было трудно справиться с ним, пришлось прибегнуть к зондированию. Зонд я смог достать. Как с ним обращаться, я видел в госпиталях. Я знал о нем немного. К несчастью, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы убрать страх и тревогу из верхних слоев его разума. Это была простая операция. Я до сих пор не знаю, что произошло. Вероятно, страх и тревога лежали глубже, очень глубоко, и зонд автоматически следовал за ними, попутно разрушая весь сознательный разум. На руках у меня осталось лишенное разума существо... Я сожалею, Рик... Итак, космоаналитик остался совершенно беспомощным. Нельзя было позволять, чтобы его нашел кто-нибудь, кто мог бы разузнать насчет его личности. Нельзя было и убивать его. Я был уверен, что память к нему вернется, а мне его знания еще были нужны.

Я устроил так, что меня послали на Флорину Резидентом, и взял с собою космоаналитика с поддельными документами. Я устроил так, что его нашли,

и выбрал Валону, чтобы ходить за ним. С тех пор опасностей не было, кроме одного раза с доктором. Тогда мне пришлось пойти на силовые станции Верхнего Города. Там инженерами были саркиты, но у входа стояли флориниане. На Сарке я узнал о механизмах энергии достаточно, чтобы закоротить силовую линию. С тех пор убивать мне стало легко. Но я никогда не думал, что доктор держит копии карточек в обеих половинах своего кабинета. А подумать было бы нужно. Потом, сто часов назад,— а кажется, будто сто лет,— Рик начал вспоминать снова. Ну, вот и все. Джунц прав.

Теперь смотрите. Только я знаю, где находятся бумаги Рика. Ни один саркит, ни один транторианин никогда не найдет их. Если они вам нужны, вы должны мне дать политическое убежище. Саркит или транторианин могут называть себя патриотами; почему не может флориниан?

— Мы не отдадим вас Сарку,— сказал Джунц.— За вред, нанесенный космоаналитику, вас будут судить. Я не могу гарантировать исхода, но если вы пойдете нам навстречу, то это зачтется в вашу пользу.

Теренс испытующе поглядел на Джунца.

— Попытаюсь поверить вам, доктор... По словам космоаналитика, солнце Флорины вошло в стадию, предшествующую взрыву новой звезды.

— Как?— Это восклицание вырвалось у всех, кроме Валоны.

— Оно готово бабахнуть и взорваться,— насмешливо произнес Теренс.— А когда это случится, то вся Флорина исчезнет, как облачко табачного дыма.

— Я не космоаналитик, но слышал, что невозможно предсказать, когда звезда взорвется,— сказал Эбл.

— Это верно. Объяснял ли вам Рик, почему он так думает?— спросил Джунц.

— Вероятно, в его бумагах это сказано. Я помню только что-то об углеродном течении.

— Что такое?

— Он все время твердил: «Углеродное космическое течение. Углеродное космическое течение». Это и еще что-то о «каталитическом эффекте». Вот и все.

Стин хихикнул. Файф нахмурился. Джунц широко открыл глаза.

Потом Джунц пробормотал:

— Простите, я сейчас вернусь.— Он вышел из куба приемника и исчез.

Он вернулся через четверть часа.

Вернувшись, Джунц изумленно огляделся. В комнате были только Эбл и Файф.

— Мы ждали вас, доктор Джунц,— сказал Эбл.— Космоаналитик и девушка находятся на пути в посольство. Совещание окончено.

— Окончено? Великий Космос, мы только начали! Я хочу объяснить вам условия взрыва новой звезды.

Эбл смущенно задвигался в кресле.

— В этом нет надобности, доктор.

— Это очень нужно. Это необходимо. Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит,— произнес Файф. Он улыбался.

— Начнем сначала. В самых ранних научных записях Галактической цивилизации уже отмечалось, что звезды получают свою энергию от ядерных превращений в своих недрах. Было известно также, что, насколько мы знаем относительно условий в недрах звезд, их энергия получается от двух, и только двух, типов ядерных реакций. Оба ведут к превращению водорода в гелий. Первая реакция — прямая: два ядра водорода соединяются с двумя нейтронами, давая одно ядро гелия. Вторая — проходит несколько фаз. Она кончается тем, что водород превращается в гелий, но в промежуточных фазах участвуют ядра углерода. Эти ядра не используются, но снова образуются в ходе реакции, так что ничтожное количество углерода участвует в ней снова и снова, служа для превращения в гелий огромных количеств водорода. Иначе говоря, углерод действует как катализатор. Все это было известно еще в доисторические времена, еще когда человечество было привязано к одной планете, если такое время когда-нибудь было.

— Если это известно всем,— заметил Файф,— вы лишь тратите время.

— Но это все, что мы знаем. Идет ли в звездах

только одна из этих реакций или обе, это никогда не было известно. Всегда существовали школы, предпочитавшие либо ту либо другую теорию. Но обычно общее мнение склонялось к непосредственному превращению водорода в гелий, как более простому.

Так вот, теория Рика должна была быть следующей. Непосредственное превращение водорода в гелий — это нормальный источник звездной энергии, но в некоторых условиях начинает участвовать и углеродный катализ, подстегивая этот процесс, ускоряя его, разогревая звезду.

В пространстве есть течения. Вы это тоже знаете. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь течения, захватывают из них несчетные количества атомов. Однако общая масса захваченных атомов микроскопически мала в сравнении с массой самой звезды и ничуть не влияет на нее. Кроме углерода! Звезда, проходящая сквозь течение с повышенным содержанием углерода, становится устойчивой. Я не знаю, сколько лет, или столетий, или миллионолетий нужно, чтобы атомы углерода просочились в недра земли, но для этого, вероятно, нужно много времени. Это означает, что углеродное течение должно быть широким, а звезда — входить в него под малым углом. Во всяком случае, как только количество углерода, просочившегося в звезду, перешло известный критический уровень, излучение звезды внезапно и резко возрастает. Внешние слои разлетаются в чудовищном взрыве, и рождается новая звезда. Что вы скажете?

Джунц ждал.

— Вы придумали все это за две минуты, на основании туманной фразы, которую, судя по воспоминаниям Резидента, космоаналитик произнес год тому назад?

— Да. Да. В этом нет ничего удивительного. Космический анализ готов к этой теории. Если бы ее не выдвинул Рик, то вскоре выдвинул бы кто-нибудь другой. Действительно, подобные теории предлагались и раньше, но их никогда не принимали всерьез. Их выдвигали еще до того, как развилась техника космического анализа, и ни одна не была в состоянии

объяснить внезапный рост содержания углерода в данной звезде.

Но теперь мы знаем: углеродные течения существуют. Мы можем нанести их пути на карту, узнать, какие звезды входили в них за последние десятки тысяч лет, проверить и сравнить это с записями появления новых звезд и изменения радиации. Именно это должен был сделать Рик. Таковы должны были быть расчеты и наблюдения, которые он пытался показать Резиденту. Но все это сейчас неважно. Важно вот что: надо начать немедленную эвакуацию Флорины.

— Я так и думал, что дойдет до этого,— сдержанно произнес Файф.

— Простите, Джунц,— сказал Эбл,— но это невозможно.

— Почему невозможно?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тревоге Рика год назад, я сказал бы, что времени у нас мало.

— Но вы можете установить срок?

— Конечно, нет.

— Когда вы сможете установить его?

— Не могу сказать. Даже если мы получим расчеты Рика, их все нужно будет проверить.

— Можете ли вы ручаться, что теория космоаналитика окажется верной?

Джунц нахмурился.

— Я лично в этом уверен, но никакой ученый не станет ручаться за теорию заранее.

— Тогда выходит, что вы требуете эвакуации Флорины на основании простых рассуждений!

— Я думаю, что жизнь населения всей планеты — это не такая вещь, которой можно рисковать.

— Если бы Флорина была обычной планетой, я согласился бы с вами. Но Флорина — это источник кырта для всей Галактики. То, чего вы требуете, невозможно.

— Господа, тайна дешевого кырта скоро будет у нас в руках. Через год кыртовой монополии не станет.

— Что вы хотите сказать?

— Вот теперь совещание дошло до самого существенного, Файф. Из всех обитаемых планет кырт растет только на Флорине. Так что весьма вероятно, что кырт и предвзрывная стадия взаимосвязаны. Ведь другого солнца, готового взорваться, в Галактике нет, как, впрочем, и других кыртовых планет.

— Чепуха,— сказал Файф.

— Разве? Должна же быть какая-то причина, почему кырт — это кырт на Флорине и хлопок — во всех других мирах. Ученые давно пытались получить кырт искусственно на других планетах, но эти попытки шли вслепую, а потому не удались. Теперь мы будем знать, что это может быть показателем предвзрывного состояния звезды.

— Они пытались повторить картину излучений солнца Флорины,— гневно сказал Файф.

— Да, с помощью электрических дуг, дававших только видимую и ультрафиолетовую часть спектра. А что можно сказать об инфракрасной части и за ее пределами? О магнитных полях? Об эмиссии электронов? О влиянии космических лучей? Я не физический биохимик, так что тут могут быть и такие факторы, о которых я ничего не знаю. Но этим займутся — и по всей Галактике — люди, знакомые с физической биохимией. Через год, ручаюсь вам, решение будет найдено.

— Блеф!— проворчал Файф.

— Сквайр Файф, через год ваши владения на Флорине потеряют всякую ценность, с новой звездой или без нее. Продайте их. Продайте всю Флорину. Трантор заплатит.

— Купить целую планету?— в отчаянии спросил Эбл.

— Почему бы и нет? Средства у Трантора есть, а симпатии населения всей Галактики окупят расходы тысячекратно. Вы спасете сотни миллионов жизней, дадите всем дешевый кырт.

— Я подумаю,— произнес Эбл.

Он взглянул на Файфа. Глаза Сквайра опустились. После долгого молчания он тоже сказал:

— Я подумаю.

Джунц хрипло рассмеялся.

— Не думайте слишком долго. История с кыртом распространится быстро. Ее ничем не остановить. А тогда ни у кого из вас не будет свободы действий. Лучше поторгуйтесь сейчас!

Резидент выглядел подавленным.

— Это верно?— повторял он.— Действительно так? Флорины не будет?

— Это верно,— сказал Джунц.

Теренс протянул руки, потом уронил их.

— Если вам нужны Риковы бумаги, то они спрятаны в статистических карточках у меня дома. Я взял старые карточки, за сто лет назад и раньше. Никому и в голову не пришло бы заглядывать в них.

— Послушайте,— сказал Джунц.— Я уверен: мы можем договориться с МКБ. Нам нужен человек на Флорине, человек, знающий флориниан, могущий объяснить им все факты, знающий, как организовать эвакуацию, как выбрать самые подходящие планеты для переселения. Хотите помочь вам?

— То есть загонять дичь для вас? И спасти шкуру от кары за убийство? Почему нет?— Глаза Резидента вдруг наполнились слезами.— Но я все-таки теряю. У меня не будет дома, не будет планеты. Мы все теряем. Флориниане теряют планету, саркиты теряют богатство, Трантор — возможность захватить это богатство. Выигрыша нет ни у кого.

— Если только не считать,— мягко произнес Джунц,— что в новой Галактике — в Галактике, избавленной от угрозы неустойчивых звезд, в Галактике, где кырт есть для всех, в Галактике, так приблизившейся к политическому объединению,— выигравшие все-таки есть. Целый квадрильон их. Обитатели Галактики — вот победители!

ЭПИЛОГ. ЧЕРЕЗ ГОД

— Рик! Рик!— Селим Джунц кинулся к кораблю, протягивая руки.— И Лона! Я бы никогда не узнал вас обоих. Как живете? Как поживаете?

— Как нельзя лучше. Наше письмо попало к вам,

я вижу,— сказал Рик.

— Конечно. Расскажите мне, что вы обо всем этом думаете?

Они возвращались вместе, шли к кабинету Джунца.

Валона сказала печально:

— Мы были сегодня утром в своем поселке. Поля такие пустые!

Она была одета скорее как женщина Империи, чем как флориниапская крестьянка.

— Сколько уже эвакуировано меньше чем за год!— сказал Рик.

— Мы стараемся, как можем, Рик. О, я думаю, вас нужно называть вашим настоящим именем!

— Пожалуйста, не надо. Я никогда к нему не привыкну. Я — Рик. Это единственное имя, какое я помню.

— Решили вы, когда вернетесь к космоанализу?— спросил Джунц.

Рик покачал головой.

— Да, я решил, но решил не возвращаться. Эта часть памяти исчезла навсегда. Но мне безразлично. Я вернусь на Землю... Кстати, я надеялся, что встречусь с Резидентом.

— Кажется, не встретитесь. Он решил уехать сегодня. Кажется, ему не хотелось видеть вас. Он чувствует себя виноватым. У вас нет к нему враждебных чувств?

— Нет. Он хотел сделать хорошо, и он во многом изменил мою жизнь к лучшему. Прежде всего я узнал Лону.— Он обнял ее за плечи. Валона взглянула на него и улыбнулась.— Резидент настроил психозонд так, чтобы устранить чувство тревоги, но не позаботился об интенсивности. Да, мне уже нельзя быть космоаналитиком. Зато я вернусь на Землю. Я могу работать, а люди там всегда нужны.

— А я теперь — женщина Земли,— сказала Валона.

Рик посмотрел на горизонт. Верхний Город был ярким, как всегда, но людей там не было.

— Много еще осталось на Флорине?— спросил он.

— Миллионов двадцать,— ответил Джунц.—

Переселение находится еще в самой начальной стадии. Большинство переселенцев живет на соседних планетах во временных лагерях. Это неизбежные трудности.

— Когда отсюда уйдет последний человек?

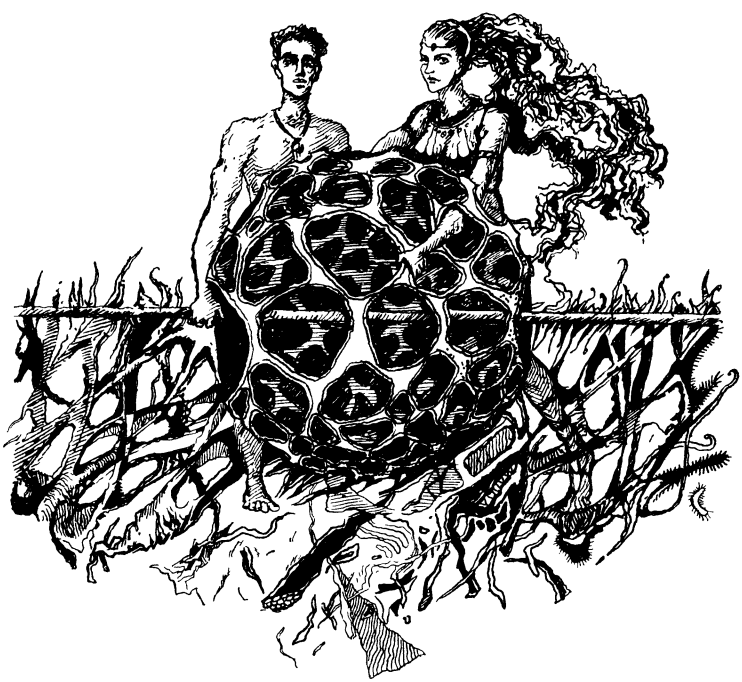
— Конечно, никогда.

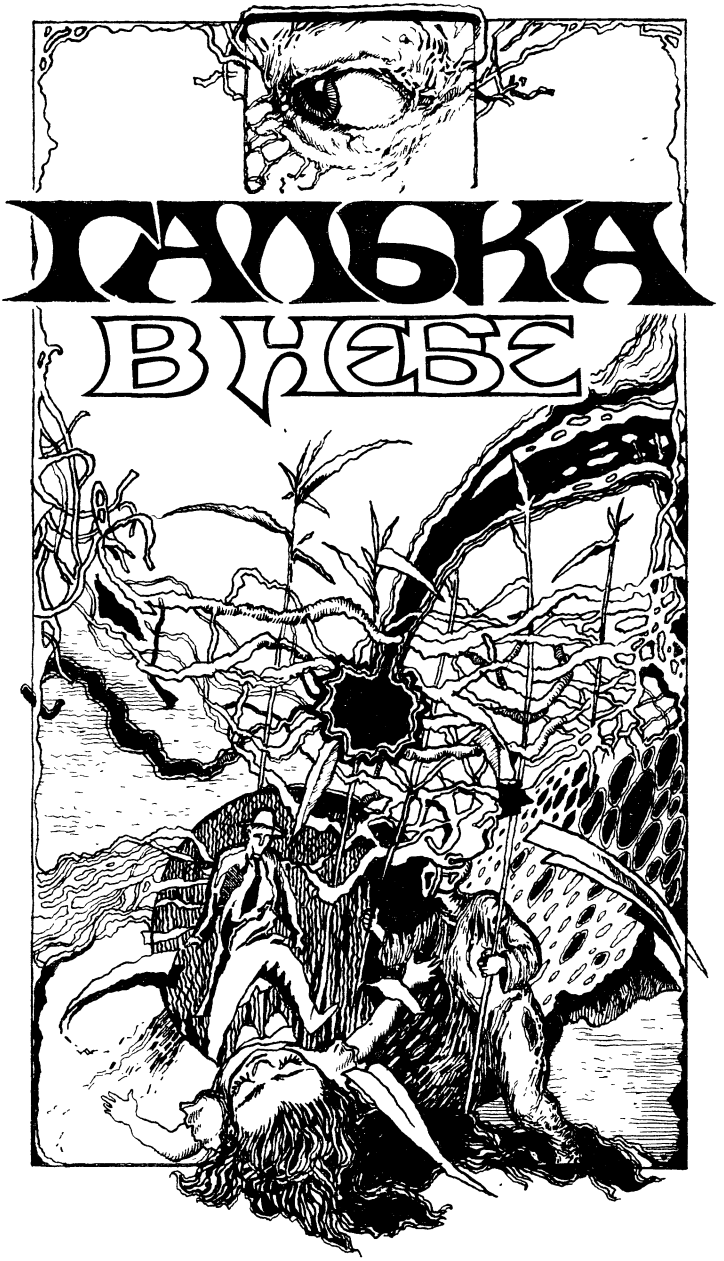
— Не понимаю.

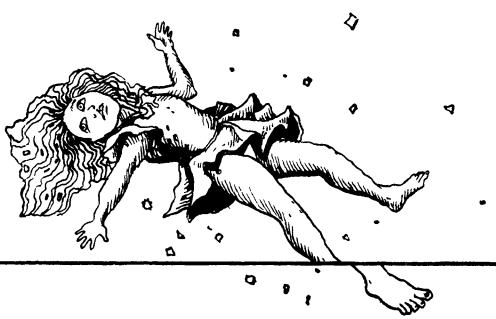
— Резидент неофициально попросил разрешения остаться. Ему разрешили, тоже неофициально. Общественность об этом не узнает.

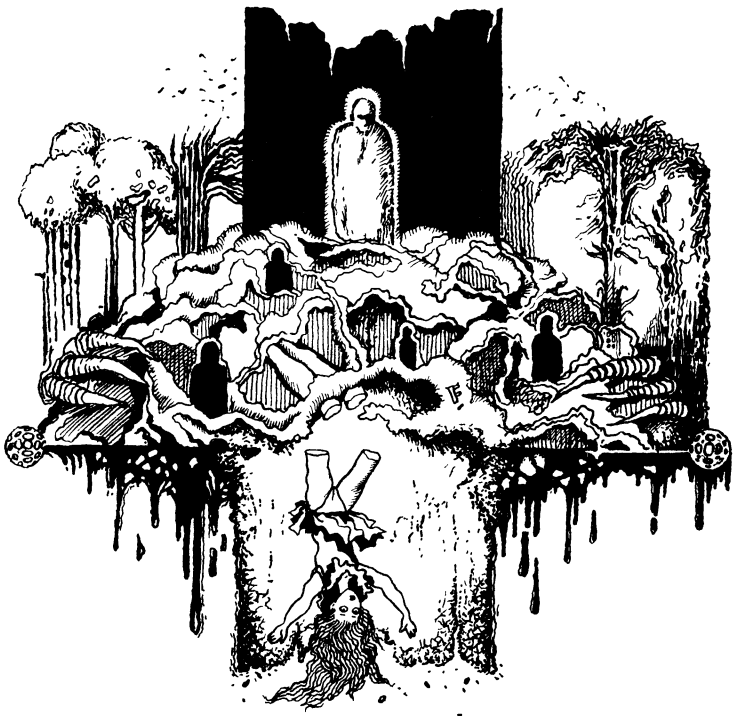
— Остаться?— Рик был поражен.— Но, во имя всей Галактики, зачем?

— Не знаю,— ответил Селим Джунц,— но, кажется, вы объяснили это, когда говорили о Земле. Он чувствует то же, что и вы. «Я не могу,— говорит он,— даже допустить мысли о том, чтобы дать Флорине умереть в одиночестве».




ГАЙКА
В НЕБЕ





ГЛАВА 1
МЕЖДУ ДВУМЯ ШАГАМИ

За две минуты до своего внезапного исчезновения Джозеф Шварц прогуливался по приятным ему улицам пригородного Чикаго, цитируя про себя Брауninга.

В некотором смысле это было странно, поскольку Шварц едва ли производил впечатление человека, увлекающегося поэзией. Он выглядел именно тем, кем был: портной на пенсии, которому серьезно не хватало того, что сегодняшние умники называют «общим образованием». Благодаря своему стремлению к знаниям, он много читал. И хотя его чтение носило бессистемный характер, Шварц знал много

«отовсюду понемножку»: память у него была великолепная.

Например, Браунинга он в молодости читал дважды и, конечно же, помнил прекрасно. Большая часть была ему непонятна, но эти три строчки стали особенно дороги в последние годы. И он вновь повторил их про себя в этот яркий солнечный день 1949 года.

«Со мною к радости иди!
Все лучшее ждет впереди,
Жизни конец, если ты упустил начало...»

Теперь Шварц полностью ощущал их смысл. После юношеской борьбы за жизнь в Европе, и позднее, в Соединенных Штатах, безмятежная обеспеченная старость была особенно приятной. У него была хорошая жена, две удачно вышедшие замуж дочери и внук — для утехи в эти последние лучшие годы. О чем еще можно было беспокоиться?

Правда, существовали еще атомные бомбы и все эти разговоры о третьей мировой войне, но Шварц верил в лучшие черты людей и в то, что они не допустят еще одной войны и того, чтобы Земля когда-либо увидела ад разъяренного атома. Поэтому он снисходительно улыбался детям, мимо которых проходил, и мысленно желал им быстрого и не слишком трудного пути через юность к тому лучшему, что впереди.

Он поднял ногу, чтобы переступить через куклу, лежащую посреди тротуара. Спокойно опустить эту ногу ему было не дано...

В другой части Чикаго находился институт ядерной физики, и работавшие в нем люди также имели свои теории относительно моральных качеств человека, но понимали и то, что инструмент для измерения этих качеств до сих пор не создан. Размышления на эту тему зачастую ограничивались упованием на некие высшие силы, которые помогут предотвратить попытки людей превратить изобретения человечества в смертоносное оружие.

Удивительно, что человек, проявляя необузданное любопытство в исследовании атома, способного погубить в считанные секунды половину человечества, обладает столь же удивительной способностью рисковать

собственной жизнью ради спасения другого человека.

Как-то доктор Смит, проходя мимо полуоткрытой двери одной из лабораторий, вдруг заметил в ней странное голубое свечение. Химик, бодрый молодой человек, насвистывая, наклонял мензурку, почти до краев наполненную жидкостью, в которой медленно оседал, постепенно растворяясь, белый порошок. Собственно, почти ничего не происходило, но Смит инстинктивно почувствовал тревогу.

Вбежав в комнату, он схватил линейку и сбросил ею на пол стоявший на печи тигель. Послышалось шипение расплавленного металла. Смит почувствовал, как на лице у него выступили капли пота.

Химик ошеломленно уставился на бетонный пол, на котором уже застыли брызги серебристого металла.

— Что случилось?— с трудом выговорил он.

Смит пожал плечами. Он сам еще ничего не понимал.

— Не знаю. Скажите... Чем вы занимались?

— Ничем,— пробормотал химик.— Это всего лишь необработанный уран. Я производил электролиз меди... Понятия не имею, что могло случиться.

— И все же что-то случилось, молодой человек, я видел свечение вокруг этого тигля. А это значит, возникла жесткая радиация. Так, говорите, уран?

— Да, но необработанный уран, это ведь безопасно. Я имею в виду, что чистота — один из наиболее важных критериев расщепления, не правда ли? Вы думаете произошло расщепление? Это же не плутоний, и его не облучали.

— К тому же,— задумчиво сказал Смит,— масса была ниже критической. Или по крайней мере ниже той критической массы, которую мы знаем. Мы не столь хорошо знаем атом, чтобы быть в нем уверенными. Когда металл остынет, я бы советовал вам собрать его и тщательно изучить.

Он задумчиво оглянулся вокруг, затем подошел к противоположной стене и остановился у точки на уровне плеча.

— Что это?— обратился он к химику.— Это всегда здесь было?

— Что именно?— молодой человек быстро подошел и взглянул на указанную Смитом точку. Тонкое отверстие, которое могло быть проделано гвоздем, было сквозным.

Химик покачал головой.

— Раньше я этого не видел, правда, я особо и не приглядывался.

Смит молчал. Он отошел назад и приблизился к термостату — прямоугольной коробочке с тонкими металлическими стенками.

— Ну, а это что такое?!— Смит мягко коснулся пальцем стенки термостата. В металле тоже было маленькое аккуратное отверстие.

Глаза химика расширились.

— Раньше этого точно не было.

— Хм. А с вашей стороны есть отверстие?

— Черт побери! Да!

— Хорошо. А теперь взгляните в отверстие.

Он приложил палец к дырке в стене.

— Что вы видите?

— Ваш палец. Вы отметили им отверстие?

Смит говорил спокойно, но видно было, что это давалось ему с трудом.

— Посмотрите в противоположном направлении... Что вы видите теперь?

— Ничего.

— Но это место, где стоял тигель с ураном? Вы смотрите прямо на него, не так ли?

— Я думаю, да,— неуверенно сказал химик.

Быстро взглянув на именную табличку на все еще открытой двери, Смит тихо сказал:

— Все это должно оставаться в строжайшем секрете, мистер Дженингс. Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Тогда выйдем отсюда. Лабораторию необходимо проверить на радиацию, а нам придется обратиться к врачу.

— Вы думаете, возможно облучение?— химик побледнел.

— Увидим.

Однако серьезных следов облучения ни у одного из них не нашли. Кровяные тельца были в норме,

ничего не показало и исследование корней волос.

Никто в институте так и не смог объяснить, почему тигель с ураном при массе гораздо ниже критической, не подвергавшийся бомбардировке нейронами, неожиданно стал источником жесткой радиации.

В составленном отчете доктор Смит не сообщил всей правды. Он не упомянул об отверстиях в лаборатории, и о том, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметно, следующее, на другой стороне термостата, было чуть больше, отверстие же в стене, удаленное на расстояние в три раза большее, имело диаметр крупного гвоздя.

Луч, движущийся по прямой линии, может пройти несколько миль, прежде чем кривизна Земли сделает невозможным его дальнейшее движение, а, значит, и разрушение, и достигнет к тому времени десяти футов в диаметре, после чего направится в космос, расширяясь и слабея.

Никогда и ни с кем он не делился этой мыслью.

Никому не рассказывал он и о том, как на следующий день просматривал утренние газеты, поставив перед собой весьма определенную цель.

В гигантской метрополии каждый день исчезает столько людей, но никто еще не приходил в полицию с рассказом об исчезновении человека, причем прямо на виду у всех.

И доктор Смит постарался об этом больше не думать...

Для Джозефа Шварца это произошло прежде, чем он успел шагнуть. Подняв правую ногу, чтобы переступить через куклу, он на мгновение почувствовал головокружение — как будто на долю секунды вихрь поднял и перевернул его. Когда он наконец опустил ногу, дыхание у него перехватило, он ощутил неожиданную слабость в коленях и стал медленно опускаться на траву.

Долгое время он не решался открыть глаза, но наконец заставил себя сделать это.

Это была правда! Он сидел на траве, хотя ясно помнил, что шел по асфальту.

Дома исчезли! Белые дома, каждый со своим са-

дом, стоявшие здесь один за другим, все исчезли!

И сидел он на газоне, трава была буйной, неподстриженной, вокруг стояли деревья, множество деревьев и еще больше на горизонте.

Когда шок прошел, он заметил, что листья на деревьях желтые и опадают, словно наступила осень.

Осень! Когда он поднял ногу, стоял июльский день, и все вокруг было зелено.

Подумав об этом, он автоматически посмотрел на свои ноги, и вскрикнул от испуга... Маленькая кукла, через которую он переступил,— маленький фрагмент реальности... Она была здесь!

Дрожащими руками он перевернул куклу и увидел, что перед ним — лишь ее часть. Кукла была не сломана, а скорее разрезана. А как ровно был срезан носок ее туфли! Ни один нож не дал бы такого ровного среза!

Единственным утешением в этом сумасшедшем мире остался его собственный голос, и Шварц заговорил сам с собою.

— Во-первых, я в своем уме. Я ощущаю себя так же, как всегда... Конечно, возможно, что если бы я сошел с ума, то не заметил бы этого...

Он почувствовал панику.

— Что же со мной? Должно быть какое-то другое объяснение. Может быть сон? Как определить, сплю я или нет?

Он ущипнул себя и почувствовал боль, но тут же покачал головой.

— То, что я чувствую боль, могло мне и присниться. Это не доказательство.

Он с отчаянием оглянулся вокруг. Может ли сон быть столь отчетливым, столь реальным? Где-то он читал, что сон длится не более пяти секунд, а кажущаяся его продолжительность — всего лишь иллюзия.

Слабое утешение. Он взглянул на часы. Секундная стрелка без устали двигалась по кругу. Если это сон, то пять секунд тянутся безумно долго.

Он оторвал взгляд от часов и вытер выступивший на лбу холодный пот.

— Может быть амнезия?

Никто не ответил на этот вопрос. Шварц закрыл

лицо руками. Что, если он поднял ногу, и в это время его сознание соскользнуло куда-то... Что, если три месяца спустя, осенью, или год и три месяца спустя, или десять лет и три месяца спустя, он опустил ногу здесь, и в это время его сознание вернулось... Но тогда, где он был, и что делал все это время?

— Нет!— у него вырвался громкий крик.— Этого не может быть!— Шварц посмотрел на свою рубашку. Ведь именно ее он надел сегодня утром. А маленькая кукла, откуда взялась она?

Он почувствовал, что теряет контроль над собой, и решил, что это должен быть сон, или он действи тельно сошел с ума.

Неожиданно Шварц заметил, что изменилось и время дня. Приближался вечер, по крайней мере на это указывали удлинившиеся тени. Он вдруг остро почувствовал свое одиночество. Шварц встал. Конечно же, нужно найти людей, любых людей. А для этого лучше всего выйти на дорогу. И он отправился в ту сторону, где деревья росли более редко.

В воздухе уже ощущалась вечерняя прохлада и начинало темнеть, когда он вышел к прямой и безликой полосе бетона и направился вдоль нее, с радостью ощущая под ногами твердое покрытие.

Однако дорога была пуста, и он вновь ощутил страх. Он надеялся встретить машину. Что может быть легче, чем остановить ее и сказать:

«Вы едете не в Чикаго?» — И он произнес это вслух.

А что, если он далеко от Чикаго? Что же, тогда любой город, любое место, где есть телефон. У него в кармане всего пять долларов и двадцать семь центов, но ведь существует полиция...

Он продолжал идти посередине дороги, время от времени оглядываясь назад, не обращая внимания на то, что солнце скрылось за горизонтом, и на небе появились звезды.

Стало уже совсем темно, а ни машин, ни домов не было.

Джозеф испугался повторного головокружения, когда увидел, что горизонт слева светится. Холодное голубое сияние было отчетливо видно сквозь просве-

ты между деревьями. И это было не зарево лесного пожара — а легкая мерцающая голубизна. И тут он заметил, что так же светится и бетон у него под ногами. Шварц наклонился и дотронулся до него рукой — обыкновенный бетон. И все же глаза улавливали едва заметное сияние.

Шварц с трудом сохранял самообладание. Он был голоден, и действительно напуган, когда вдруг справа увидел свет.

Без сомнения, это был дом! Он закричал, но голос его одиноко замер в пустоте. Да, это был дом, проблеск реальности, излучающий свет сквозь ужасную пустоту. Он свернул с дороги и через заросли, между деревьями, через ручей направился на свет.

Странная вещь! Даже ручей слегка фосфоресцировал. Однако Шварц отметил это лишь краем сознания.

И вот он уже возле дома, руками касается белых его стен, про себя отмечая, что он сделан не из кирпича, камня или дерева, а как будто из фосфора. Но Шварц не придал этому особого значения — он искал дверь. Когда он наткнулся на нее и увидел, что звонка нет, то забарабанил по ней и закричал как демон. Услышав звуки шагов внутри, он благословил очарование человеческого голоса.

— Откройте!— закричал он вновь.

Послышался слабый звук, и дверь открылась.

В глазах вышедшей женщины был заметен испуг. Она была высока и худощава, а чуть поодаль стоял такой же худощавый мужчина в рабочей одежде... Нет, не в рабочей одежде. Собственно говоря, ничего подобного Шварц никогда прежде не видел, но что-то неопределенное говорило, что эта одежда предназначена для работы.

Однако Шварцу было не до размышлений. Для него эти люди и их одежда были прекрасны, прекрасны так, как только может быть прекрасен вид друга для одинокого человека.

Женщина заговорила. Голос ее звучал мягко, но властно. Шварц схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

Он никогда не слышал языка, на котором говорила эта женщина...

ГЛАВА 2
КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРИШЕЛЬЦА

В тот вечер Ло Марен и ее флегматичный супруг играли в карты, как вдруг ее отец, сидящий в инвалидной коляске, раздраженно отложил свою газету и позвал:

— Арбин!

Арбин Марен ответил не сразу. Он осторожно перебирал карты, обдумывая следующий ход, и, приняв решение, рассеянно отозвался:

— Что вам, Гро?

Седой Гро раздраженно взглянул на зятя и принялся шелестеть газетой. Его успокаивал этот звук. Когда человек еще полон сил, но прикован к инвалидному креслу, ему хочется чем-нибудь выразить свое отношение к происходящему. Гро пользовался своей газетой. Он шелестел ею, жестикулировал, бросал при необходимости.

Гро знал, что на других планетах есть устройства, выпускающие микрофильмы, которые содержат все последние известия. Он подобных вещей не признавал, и по прежнему отдавал предпочтение газете.

— Ты читал об археологической экспедиции, которую они посылают на Землю?— спросил Гро.

— Нет,— спокойно ответил Арбин.

Гро знал, что получит такой ответ, так как, кроме него, газету еще никто не читал, а от видеоэкрана семья в прошлом году отказалась. Однако он привык начинать разговор подобными вопросами.

— Так вот, они ее отправили,— сказал он.— И к тому же на государственные средства. Как тебе это нравится?

Он прочитал вслух:

«Бел Авардан, глава исследовательского отдела Археологического Института, в интервью с надеждой отозвался об ожидаемых ценных результатах археологических исследований, которые будут проведены на планете Земля, расположенной на границе сектора Сириуса (см. карту). «Земля,— сказал он,— с ее архаичной цивилизацией и уникальной природой представляет образец необычной культуры, на кото-

рую ученые долго не обращали внимания. У меня есть все основания уже в ближайшее время ожидать революционных перемен в некоторых из основных концепций социальной эволюции и истории человечества».— И так далее,— с усмешкой проговорил Гро.

Арбин Марен, слушавший все это краем уха, пробормотал:

— Что он подразумевает под «необычной культурой?»

Ло Марен, не слушавшая совсем, просто сказала:

— Твой ход, Арбин.

— Ну, а тебе не кажется странным, что «Трибуна» напечатала все это?— продолжал Гро.— Ты же знаешь, что они не перепечатают сообщение галактической прессы и за миллион имперских кредов без особой на то причины.

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Потому что они могут сделать из этого передовую статью. Этот парень собирается сюда, и они вылезут из шкуры, чтобы не допустить этого. Ты только посмотри! Взгляни! Почему бы тебе не прочитать это?

Ло Марен отложила карты и плотно сжала свои тонкие губы.

— Отец,— проговорила она.— У нас был трудный день. Давай отложим политику на потом. Пожалуйста.

— «Пожалуйста! Пожалуйста!» — нахмурившись, передразнил ее Гро.— Вы, я вижу, очень устали от старика, раз уже даже не хотите ответить мне. Я все понимаю: сидит здесь в углу, и заставляет вас, двоих, работать за троих... Но в чем моя вина? У меня есть силы. Я хочу работать. Вы же знаете, что мои ноги можно было бы вылечить. Но я не могу лечиться, потому что слишком стар, и затраты на мое лечение не окупятся. Разве это не «странная культура?» Как еще можно назвать мир, где работоспособному человеку не дают работать? Я думаю...

Он взмахнул руками, и лицо его покраснело от ярости.

Арбин встал и положил руку на плечо старика.

— Стоит ли так переживать, Гро,— сказал он.—

Я сейчас прочитаю эту статью.

— Ладно, зачем это нужно, ты ведь все равно согласишься с ними. Все вы, молодые, просто воск в руках Старейших.

— Хватит, папа. Не будем начинать этот спор,— резко сказала Ло.

Арбин не любил, когда упоминали Совет Старейших. Говорить так, как Гро, высмеивать древнейшую культуру Земли было просто опасно.

Конечно, когда Гро был молод, много говорили об отказе от старых путей, но тогда были другие времена. Гро, по-видимому, понимал это, но трудно требовать рассудительности от человека, прикованного к инвалидному креслу, для которого не остается ничего другого, как считать дни до следующей Проверки.

Гро почувствовал себя обиженным и замолчал, а вскоре уснул, так и не успев прокомментировать спортивные события. Газета, прошелестев, выскользнула из его рук.

— Может быть, мы слишком грубы с ним,— озабоченно прошептала Ло.— Ведь ему нелегко. Такое существование все равно, что смерть, по сравнению с тем, каким он был раньше.

— Ничего нельзя приравнивать к смерти, Ло. У него есть газеты и книги. Чуть-чуть волнения только придает ему бодрости. Сейчас он спокоен и счастлив.

Арбин вновь взялся за карты, и в это время за дверью раздался дикий нечеловеческий крик.

Арбин замер. Ло со страхом взглянула на мужа.

— Вывези отсюда Гро. Быстро!— скомандовал Арбин. Ло взялась за кресло. Губы ее беззвучно шевелились. Как только кресло двинулось, Гро мгновенно проснулся. Он выпрямился и автоматически потянулся за газетой.

— В чем дело,— раздраженно спросил он.

— Тсс. Все в порядке,— неуверенно пробормотала Ло, увозя кресло в соседнюю комнату. Закрыв дверь, она вопросительно посмотрела на мужа. Снова раздался стук в дверь.

Открыв дверь, они стали рядом, враждебно глядя на низкого полного мужчину, на лице которого скользила неуверенная улыбка.

— Чем мы можем вам помочь?— проговорила Ло с официальной вежливостью и отшатнулась назад, когда мужчина покачнулся и схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

— Он что, болен?— изумленно спросил Арбин.— Помоги мне внести его в дом.

Прошло несколько часов. В тишине спальни Ло и Арбин медленно готовились ко сну.

— Арбин,— проговорила Ло,— а это не опасно?

— Что?

— То, что мы взяли в дом этого человека. Кто он такой?

— Откуда я знаю,— раздраженно ответил он.— Но в конце концов не можем же мы отказать в крове больному человеку. Если мы не узнаем, кто он такой, то завтра сообщим в региональную службу безопасности, и на этом все закончится.

Он отвернулся, явно не желая продолжать разговор. Однако Ло вновь прервала молчание. Ее тонкий голос звучал еще настойчивее:

— А ты думаешь, он может служить Совету Старейших? Ты же знаешь, как обстоит дело с Гро.

— Ты имеешь в виду его сегодняшние слова? Это абсолютно нереально. Не о чем и говорить.

— Я говорю о другом, и ты знаешь это. Я имею в виду, что мы уже два года нелегально содержим Гро и тем самым нарушаем один из основных законов.

— Мы не навредили никому,— пробормотал Арбин.— Ведь мы вносим свою долю, рассчитанную на трех работоспособных. И как они могли что-то заподозрить? Мы ведь не разрешали ему покидать дом.

— Они могли узнать про инвалидное кресло. Ты покупал мотор и приспособления.

— Не будем снова начинать этот разговор, Ло. Я много раз объяснял, что купил всего лишь стандартный кухонный набор. Кроме того, вообще глупо подозревать, что он — агент Братства. Думаешь, они стали бы проделывать такой трюк из-за какого-то старика в инвалидном кресле? Что, они не могут прийти днем с официальным ордером на обыск? Подумай сама.

— Хорошо, но тогда,— ее глаза неожиданно загорелись,— если ты действительно так думаешь, а я

надеюсь, что это правда, он наверное чужак. Он не похож на землянина.

— Не может быть! Что ты хочешь этим сказать? Это же просто нелепо! С какой стати кто-то из Империи явится на Землю, именно сюда, к нам?

— Откуда я знаю? Хотя, возможно, это — какой-нибудь преступник.

Эта мысль немедленно увлекла ее.

— Почему бы и нет. Вполне логично. Земля — довольно подходящее место для укрытия. Кто догадается искать его здесь?

— Если только он — чужак. Какие у тебя доказательства?

— Он не знает языка, не так ли? Ты сам убедился в этом. Значит, он явно прибыл с какой-то окраины Галактики, где говорят на каком-то странном диалекте. Я слышала, что жителям Фомальгаута приходится практически заново учить язык, чтобы быть понятыми в имперсуде на Транторе... Понимаешь, что все это может значить? Если он не землянин, то не зарегистрирован в Департаменте Контроля, и будет рад избежать этого. Мы сможем использовать его вместо отца на ферме, и нас опять будет трое, чтобы выполнять в следующем сезоне работу для троих... Даже сейчас он сможет помочь убрать урожай.

Она вопросительно посмотрела на лицо мужа, выражавшее нерешительность.

— Давай спать, Ло,— сказал он после долгого раздумья.— Обсудим это завтра.

На следующее утро пришла очередь Гро высказать свое мнение. Арбин, который полагался на тестя больше, чем на самого себя, с надеждой изложил ему суть дела.

— Твои трудности, Арбин,— сказал Гро,— явно происходят из-за того, что я зарегистрирован как работоспособный, так что вы должны вносить долю за троих. Я не хочу доставлять вам неприятности. Уже второй год я живу сверх положенного. Хватит.

Арбин смутился:

— Я говорю совсем не об этом. Я и не думаю намекать, что вы нам в тягость.

— Хорошо, но какая разница в конце концов?

Через два года будет Проверка и мне все равно придется уйти.

— По крайней мере, у вас будет два года для книг и отдыха. Зачем вам отказываться от этого?

— Потому что есть еще и Ло. Когда они придут за мною, они заберут и вас. Что я буду за человек, если проживу несколько паршивых лет ценою...

— Перестаньте, Гро. Не нужно драматизма. Мы же много раз говорили вам, что сделаем. Мы сообщим о вас за неделю до Проверки.

— И обманете врача?

— Мы его подкупим.

— Хм... а этот пришелец, он же удвоит вашу вину. Вы будете отвечать и за то, что прятали его.

— Он уйдет. Черт побери, стоит ли сейчас думать о нем?! У нас еще два года. Но что делать с ним теперь?

— Пришелец,— задумчиво произнес Гро.— Пришел и постучал в дверь. Пришел ниоткуда. Разговаривает на непонятном языке... Не знаю, что и посоветовать.

— Он не агрессивен и, кажется, до смерти напуган,— сказал Арбин.— Он не может причинить нам зла.

— Напуган, говоришь? А что если он помешанный? Что если его слова — не чужой диалект, а просто лепет безумца?

— Вряд ли.— Однако Арбин был явно обеспокоен.

— Ты уверяешь себя в этом, потому что можешь использовать его. Хорошо, я скажу тебе, что делать. Отвези его в город.

— В Чику?— ужаснулся Арбин.— Зачем?

Гро спокойно сказал:

— Твоя беда в том, что ты не читаешь газет. К счастью для семьи, этим занимаюсь я. Так вот, в институте Атомной физики изобрели прибор для облегчения обучения людей. Об этом была большая статья в воскресном приложении. И им нужны добровольцы. Отвези этого человека. Пусть он будет добровольцем.

Арбин упрямо покачал головой.

— Вы сошли с ума. Я не могу сделать этого. Они в первую очередь спросят регистрационный номер. Начнется расследование, и они узнают все о вас.

— Нет, это им не удастся. Дело в том, что ты абсолютно неправ, Арбин. Институту нужны добровольцы потому, что аппарат еще не испытан. У них, видимо, уже погибло несколько человек, так что, я уверен, они не будут задавать вопросы. А если пришелец погибнет, он будет, по-видимому, не в худшем положении, чем сейчас. А теперь, дай мне книжный проектор. И принеси заодно газету, хорошо?

Когда Шварц открыл глаза, была уже вторая половина дня. Он почувствовал тупую, заставляющую замирать сердце боль, которая возникала сама по себе, боль из-за того, что он не видит больше жены, а знакомый ему мир утерян...

Он встрепенулся, когда над дверью загорелся свет и послышался голос, явно принадлежащий хозяину дома, видимо, фермеру. Затем дверь открылась и ему подали завтрак: неизвестную ему мучнистую кашу, напоминавшую кукурузную, и молоко.

Он сказал «спасибо» и энергично кивнул головой.

Фермер что-то ответил и взял в руки висевшую на спинке стула рубашку Шварца. Он внимательно осмотрел ее со всех сторон, особое внимание уделяя пуговицам.

Затем, повесив ее на место, он отодвинул скользящую дверь ванной, и тут Шварц впервые обратил внимание на мягкий молочно-белый цвет стен.

— Пластик,— тихо пробормотал он, используя это всеобъемлющее слово с уверенностью, типичной для профана. Он заметил также, что в комнате не было ни стыков, ни углов, все ее плоскости плавно переходили одна в другую. Тем временем его хозяин делал знаки, смысл которых был ясен: Шварца просили умыться и одеться.

Сопровождаемый одобрительными жестами, он направился в ванную. Единственным неудобством было отсутствие прибора для бритья, однако на все знаки Шварца в ответ было лишь невнятное бурчание. Шварц провел рукой по подбородку и слегка вздохнул.

Знаками же его пригласили занять место в небольшом автомобиле. Машина рванулась вперед, и через некоторое время впереди показались белые дома.

— Чикаго?— быстро проговорил Шварц, указывая на них, вкладывая в эти слова последнюю иррациональную надежду, потому что эти дома меньше всего напоминали город.

Ответа не было, и последняя надежда исчезла.

ГЛАВА 3
ОДИН ИЛИ МНОЖЕСТВО МИРОВ?

Бел Авардан, все еще возбужденный после интервью, данного им прессе, ощущал в себе чувство дружелюбия ко всей сотне миллионов звездных систем, входящих во всеобъемлющую Галактическую Империю. Сейчас ему было безразлично, знают ли его в том или ином секторе. Если его теории относительно Земли будут доказаны, его имя будут повторять на всех обитаемых планетах Млечного пути, на каждой планете, на которую ступила нога человека за тысячелетия его экспансии космоса.

Рано пришедшая к нему известность принесла и некоторые трудности. Ему было всего тридцать пять, и карьера его была полна противоречий. Она началась с потрясшего всех известия о получении им первой ученой степени в университете Арктура. Этот случай был беспрецедентным для человека в возрасте двадцати трех лет. Его диссертация, опубликованная в журнале археологического общества, вызвала что-то наподобие взрыва в научной среде. И это было впервые в истории университета.

Для человека, несведущего в археологии, причины, по которым небольшая статья, озаглавленная «О возрасте артефактов сектора Сириуса и рассмотрении возможной их связи с положениями гипотезы о родине человека», вызвала такой гнев, могли показаться загадочными. Дело в том, что Авардан брал в качестве исходной теорию некой группы мистиков, которых связывали скорее с метафизикой, чем с археологией, о том, что человечество зародилось на одной планете, а затем постепенно расселилось по Галактике. Теория, с энтузиазмом подхваченная писателями-фантастами, не принималась всерьез ни одним из ав-

торитетных археологов Империи.

Однако Авардан стал силой, с которой приходилось считаться даже наиболее уважаемым из них. Всего за десять лет он заслужил авторитет специалиста по памятникам доимперской культуры, сохранившимся в различных уголках Империи.

Им, например, была написана монография о цивилизации сектора Ригеля, где благодаря успехам в развитии робототехники возникла самостоятельная культура, просуществовавшая несколько веков, пока совершенство механических рабов не уменьшило человеческую самостоятельность настолько, что флот Империи без труда одержал победу. Основой классической археологии было положение об одновременной эволюции людей на различных планетах, происходящей независимо друг от друга, как это было на Ригеле. Как доказательства приводились расовые различия людей, все еще не исчезнувшие окончательно, несмотря на долгое кровосмешение. Авардан эффективно противостоял этой концепции, доказывая что культура Ригеля представляла собой лишь естественный продукт экономических и социальных условий того времени.

Существовали, кроме того, древние записи, в том числе слова Опихуса, которые сторонники классической теории использовали как образец свидетельств человека, цивилизация которого не знала еще межзвездных полетов. Всеми учебниками эти слова использовались как лучшее доказательство теории Мергера, что человечество представляет собой естественную вершину эволюции любого мира. А основой развития служат вода и кислород при определенных уровнях температуры и гравитации и что возможны браки между представителями независимых видов человечества, которые и имеют место после начала межзвездных путешествий.

Авардан, однако, открыл следы цивилизаций, существовавших за тысячи лет до Опихуса, и доказал, что уже в самых ранних записях есть упоминание о межзвездных полетах. Последней его победой стало доказательство того, что человек появился в исследуемых районах уже обладая высоким уровнем развития.

И вот теперь развитие этой теории привело Авар-

дана на одну из наименее значительных планет Империи, планету по имени Земля.

Авардан прибыл в единственное место Земли, напоминавшее другие планеты Империи, высокогорное плато, затерявшееся среди пустынных вершин на севере Гималаев. Здесь, где никогда не было радиоактивности, высился дворец, архитектура которого явно говорила о его внеземном происхождении. Собственно, это была копия правительственных дворцов, существовавших в более удачных местах. Каменная поверхность плато была покрыта слоем чернозема, на котором, погруженные в искусственную атмосферу и климат, на пять квадратных миль вокруг раскинулись сады и цветники.

Стоимость всего этого по земным масштабам была немыслимо высока, но Империя не скупилась на субсидии. (По статистике, в 827 году галактической эры ежедневно в среднем пятьдесят новых планет получали статус провинции, так как численность их населения достигала миллиона).

Во дворце жил Наместник Земли, которому в окружении искусственного комфорта иногда удавалось забыть, что он являлся наместником столь низкого мира. Но он всегда помнил, что является аристократом высокого звания и ветвью древнего рода.

Его жена менее поддавалась подобным иллюзиям, особенно, когда с вершины покрытого травой холма видела перед собой линию, отделяющую их от дикой пустоты Земли.

Авардан был принят Наместником гораздо теплее, чем предусматривали официальные требования, потому что он принес с собой атмосферу величественной и безграничной Империи.

Авардан, в свою очередь, нашел много причин для восхищения.

— Это сделано прекрасно и со вкусом,— похвалил он жилище Наместника.— Удивительно, что влияние центральной культуры ощущается и в самых отдаленных частях Империи, господин Энус.

Энус улыбнулся.

— Боюсь, что здесь, на Земле, дворец Наместника гораздо приятнее посещать, чем в нем жить,— это

всего лишь красивая оболочка, пустая внутри. Семья, служащие, имперский гарнизон и редкие посетители, такие как вы,— вот и все, что есть у нас от центральной культуры.

Конечно, даже положение Наместника не позволяло проявлять любопытство относительно планов гостя, однако подобные ограничения теряли силу для человека, оторванного от Империи.

— Вы собираетесь пробыть здесь некоторое время, доктор Авардан?— спросил Энус.

— Трудно сказать. Я прибыл раньше остальной части экспедиции, чтобы ознакомиться с земной культурой и получить необходимые разрешения властей. Например, мне нужно ваше разрешение на посещение определенных мест Земли.

— О, конечно, конечно! Но когда вы начинаете раскопки? И что вы хотите найти в этой куче мусора?

— Если все будет в порядке, я надеюсь разбить лагерь через пару месяцев. А что касается этого мира, то он — что угодно, но не куча мусора. Он совершенно уникален во всей Галактике.

— Уникален?— резко проговорил Наместник.— Ничего подобного. Это самый обыкновенный мир. В большей или меньшей степени это — дыра, помойная яма, к нему подойдет любой эпитет подобного рода, и все же, несмотря на всю его тошнотворность, он не может быть назван уникальным даже по жестокости и остается обычным грубым аграрным миром.

— Однако,— сказал Авардан несколько озадаченный энергией, с которой это было сказано,— этот мир радиоактивен.

— Ну и что? В Галактике тысячи радиоактивных планет, причем некоторые заражены в гораздо большей степени, чем Земля.

— Это правда,— согласился Авардан,— радиоактивных планет тысячи, но лишь одна из них обитаема. Эта.

— Хорошо,— Наместник неопределенно кивнул,— возможно, в этом смысле планета уникальна. Однако это незавидное отличие.

— Дело не только в статистической уникальности. Биологи утверждают, что на планете, где ради-

ация превышает определенный уровень, жизнь зародиться не может. Радиоактивность Земли значительно выше этого предела.

— Интересно. Я этого не знал. По-моему, это действительно доказывает фундаментальное отличие земных организмов от всех остальных... Это должно заинтересовать вас, ведь вы с Сириуса.

Он иронически усмехнулся и продолжал доверительным тоном:

— Знаете, наибольшая трудность в управлении этой планетой состоит в том, чтобы справиться с антиземными настроениями в Империи, особенно сильными в секторе Сириуса, которые, кстати, вызывают у этих землян довольно интересную реакцию, аналогичную, конечно. Я не утверждаю, что антиземных настроений нет в других областях Галактики, но нигде они так не сильны, как на Сириусе.

— Я не могу согласиться с этим,— порывисто ответил Авардан.— Во мне, например, столько же терпимости, как и в любом другом человеке. Я верю в равенство людей, и земляне для меня не исключение. Живые организмы все одинаковы, все они основаны на веществе, которое мы называем протоплазмой, и все они могут быть облучены радиацией. Как вы и я.

— Но как же тогда могла развиться жизнь на Земле?

— Видите, и вы начинаете удивляться. Однако ответ, по-моему, прост. Дело в том, что уровень радиоактивности на Земле все же недостаточен, чтобы уничтожить уже существующую жизнь.

— Не понимаю, к чему вы ведете,— сказал Энус.

— Разве это не очевидно? Жизнь на Земле зародилась до того, как планета стала радиоактивной.

Энус с удивлением посмотрел на него.

— Но ведь этого не может быть!

— Почему?

— Но как может планета стать радиоактивной? Продолжительность существования радиоактивных элементов составляет миллионы лет. По крайней мере, так меня учили еще в университете. Они должны были существовать еще в необозримом прошлом.

— Однако существует еще искусственная радиоактивность. Возможны тысячи ядерных реакций, в результате которых можно получить какие угодно радиоактивные изотопы. И можно предположить, что когда-то люди использовали некоторые из этих реакций в промышленности без надежного контроля или даже в военных целях. В результате атомной войны на одной планете большая часть верхнего слоя почвы могла стать радиоактивной. Что вы на это скажете?

— Мне все это непонятно,— ответил Энус.— Я, например, не могу представить, как можно использовать ядерные реакции в военных целях, или каким образом они могут выйти из-под контроля.

— Конечно, вы склонны недооценивать ядерные реакции, потому что живете сейчас, когда их контролируют столь просто. Но что если кто-то, какая-то армия применяла это оружие до того, как была разработана защита? Это все равно, что использовать зажигательные бомбы до того, как огонь догадались тушить водой или песком.

— Хм,— пробормотал Энус,— вы говорите, как Шект.

— Кто этот Шект?— Авардан удивленно взглянул на него.

— Землянин. Один из немногих землян, с которым может разговаривать культурный человек. Он физик и как-то говорил мне, что Земля не всегда была радиоактивной.

— А... Ну что же, ничего странного в этом нет, ведь теория придумана не мною. Это составная часть «Книги древних», содержащей основанную на преданиях историю доисторической Земли.

— «Книга древних»?— Энус, казалось, был удивлен, и несколько расстроен.— Где вам удалось ее найти?

— В разных местах. Это было непросто, и мне удалось достать лишь отдельные ее части. Все эти предания, пусть даже лишенные научной основы, довольно важны для моего проекта... А почему вы спрашиваете?

— Потому что это — священная книга радикальной секты землян. Чужакам запрещается ее читать! Неземлян, или чужаков, как они нас называют, лин-

чевали и за меньшее.

— По вашим словам, можно подумать, что силы Империи здесь недостаточно для поддержания порядка.

— В случаях святотатства — да. Советую прислушаться к моим словам, доктор!

Прозвучал мелодичный звон колокольчика, гармонирующий с шорохом окружающих их деревьев. Энус встал.

— Кажется, время обедать. Приглашаю вас присоединиться ко мне и насладиться гостеприимством в той степени, в какой его может предоставить этот кусочек Империи на Земле.

После обеда окруженный гостями Авардан еще раз повторил им большую часть своей беседы с Энусом, не вызвав своим рассказом никакого сочувствия.

Румяный мужчина в форме полковника с явно выраженным снисхождением ученого к школяру обратился к нему:

— Если я правильно вас понял, доктор, вы пытаетесь доказать, что эти земные скоты представляют собой древнюю расу, которая, возможно, дала начало всему человечеству?

— Не могу утверждать наверняка, полковник, но, вероятно, именно так и есть. Надеюсь, что через год смогу ответить вам вполне определенно.

— Если вы найдете, что это действительно так, в чем я, доктор, сильно сомневаюсь, то бесконечно меня удивите. Я уже четыре года на Земле, так что опыт у меня немалый. И я знаю, что эти земляне — мошенники и негодяи, причем все подряд. Они ленивы, суеверны, скупы, у них нет и намека на благородство души. Покажите мне землянина, который хотя бы в чем-нибудь может сравниться с полноценным человеком, со мной или с вами, например, и только тогда я поверю, что он может представлять расу наших предков. Но до тех пор увольте меня, пожалуйста, от подобных предположений.

— Землянин хорош, когда он мертв, но и тогда он дурно пахнет,— неожиданно добавил полный мужчина, сидевший у стола.

Авардан нахмурился, и не глядя на него, ответил:

— Я не собираюсь спорить о расовых различиях, тем более, что в данном случае это не имеет значения, ведь я говорю о доисторических землянах. Их сегодняшние потомки долго находились в изоляции в довольно необычной окружающей среде, и все же я не стал бы говорить о них столь категорично.

Он повернулся к Энусу.

— Сегодня вы упоминали одного землянина.

— Я? Не помню.

— Физик. Шект.

— А, да. Да.

— Случайно не Афрет Шект?

— Да. Вы о нем слышали?

— Кажется, да. Я все время пытался вспомнить, и, кажется, мне это удалось. Он работает в институте Ядерной физики, в... Как же называется это место? В Чике?

— Да, это именно он. И что вы о нем слышали?

— Только то, что в «Физическом обозрении» была его статья. Я заметил ее потому, что просматривал все, относящееся к Земле, а статьи землян в галактической периодике довольно редки... Короче говоря, суть в том, что он изобрел нечто, названное им Синапсайфер, который должен улучшать умственные способности млекопитающих.

— Действительно?— несколько резко проговорил Энус.— Об этом я не слышал.

— Я могу найти для вас эту заметку. Это довольно интересная статья, хотя я, конечно, не претендую на понимание ее математического обоснования. Аппарат был испытан на каких-то земных животных, кажется, их называют крысами, которых затем учили находить правильный путь к пище через лабиринт. У контрольных обычных крыс на эту задачу уходило втрое больше времени. Вы понимаете, что все это значит, полковник?

— Нет, доктор, не понимаю,— безразлично ответил военный.

— Тогда я должен объяснить. Я твердо уверен, что любой ученый, способный проделать эту работу, пусть даже он землянин, ничуть не ниже меня по умственному развитию.

— Извините, доктор,— вмешался Энус.— Я хотел бы вернуться к Синапсайферу. Доктор Шект проводил эксперименты на людях?

— Вряд ли,— улыбнулся Авардан,— в экспериментах девять десятых крыс погибало. Вряд ли он решился экспериментировать с людьми до получения лучших результатов.

Нахмурившись, Энус откинулся в своем кресле и больше не отзывался.

Еще до наступления полуночи Наместник, предупредив жену, на личном глайдере отбыл в Чику в плохом расположении духа и с чувством гнетущего беспокойства.

Тем же вечером Арбин Марен привез Джозефа Шварца в Чику как добровольца для Синапсайфера Шекта. Сам Шект тем временем уже в течение часа разговаривал с Наместником Земли.

ГЛАВА 4
ВЕЛИКАЯ ДОРОГА

Арбин чувствовал себя в Чике беспокойно, как человек, попавший в ловушку. Где-то здесь, в Чике, одном из самых больших городов Земли (в нем проживало около пятидесяти тысяч жителей), находилось представительство великой Империи.

Арбин никогда не видел людей, прилетевших с других планет, и все же, здесь в Чике, он то и дело оглядывался в страхе, что подобный случай может представиться. Вряд ли он смог бы объяснить и то, как он собирался отличить землянина от чужака, даже если бы тот и попался ему на глаза, однако всем своим существом он чувствовал, что какое-то отличие несомненно должно быть.

Входя в институт, он еще раз оглянулся. Его автомобиль был припаркован на свободном месте, с талоном, обеспечивающим шестичасовую стоянку. Сейчас Арбина пугало буквально все. Воздух, казалось, был полон глаз и ушей.

Только бы этот странный человек не выкинул чего-либо. Хотя он энергично кивнул в знак согласия,

но понял ли он? И как он только дал Гро уговорить себя на это безумие?— мучил себя Арбин вопросами.

В это время дверь перед ним открылась, раздавшийся голос вывел его из задумчивости.

— Что вам нужно?— в голосе чувствовалось нетерпение, возможно, что этот вопрос ему пришлось повторить несколько раз.

— Мне нужен человек, с которым можно поговорить относительно Синапсайфера,— хрипло сказал Арбин.

Швейцар изучающе посмотрел на него и сказал:

— Распишитесь здесь.

Арбин убрал руки за спину и поспешно повторил:

— С кем я могу поговорить относительно Синапсайфера?

Гро называл ему имя, но оно вылетело у него из головы.

— Я не могу ничего для вас сделать, пока вы не распишетесь в книге посетителей,— сказал швейцар, в голосе которого слышались железные нотки.— Таковы правила.

Не говоря ни слова, Арбин повернулся и направился прочь. В это время в дверях появилась девушка в белом рабочем халате.

— Доброволец на Синапсайфер, мисс Шект,— обратился к ней швейцар.— Он не хочет называть своего имени.

— Это правда?— обратилась она к Арбину.

— Я хотел бы поговорить с вашим начальником,— сухо ответил он.

— Хорошо,— она, казалось, вовсе не была обескуражена его ответом.— Пойдемте.

С замирающим сердцем он последовал за ней в небольшую приемную.

— Через полчаса доктор Шект примет вас,— мягко проговорила она.— Сейчас он занят...

Она вышла, и Арбин остался один, словно запертый в четырех стенах. Была ли это ловушка? Попал ли он в руки Старейших?

Никогда еще в жизни Арбина ожидание не было столь долгим.

Его светлость Энус, Наместник Земли, встретил-

ся с доктором Шектом без особого расположения к беседе с ним, испытывая при этом заметное возбуждение. Для него, четвертый год пребывающего в качестве Наместника на Земле, посещение Чики все еще оставалось событием. Как представитель далекого Императора официально он занимал положение, равное положению управляющего гигантскими, насчитывающими сотни кубических парсеков, секторами Галактики. В действительности же его жизнь немногим отличалась от ссылки.

Для человека, заключенного в стерильную пустоту Гималаев, окруженного населением, ненавидящим как его, так и Империю, которую он представлял, бегством становилось даже путешествие в Чику.

Однако и эти путешествия были краткосрочными, поскольку здесь, в Чике, он был вынужден постоянно, даже не снимая на ночь, носить пропитанную свинцом одежду, хуже того — постоянно принимать метаболин.

Он горько жаловался на это Шекту.

— Метаболин,— говорил он, разглядывая таблетку, которую держал в руках,— наверно, это настоящий символ всего, что ваша планета означает для меня. Он должен усиливать все обменные процессы, пока я сижу здесь, в этом радиоактивном облаке, которое вы даже не замечаете.

Доктор Шект слушал его с легкой усмешкой. Он производил впечатление близорукого, и не потому, что носил очки, просто у него давно выработалась привычка рассматривать вещи вблизи, взвешивать осторожно все факты, прежде чем сказать что-нибудь. Это был высокий пожилой мужчина, худощавый и несколько сутулый.

Широкая начитанность по вопросам галактичекой культуры делала его относительно свободным от той абсолютной враждебности и подозрительности, которую средний землянин испытывал даже к такому космополиту как Энус.

— Я абсолютно уверен, вы не нуждаетесь в таблетках,— сказал Шект.— Метаболин — это один из ваших предрассудков, и вы прекрасно знаете это. Если бы вы не принимали его, то чувствовали бы себя

ничуть не хуже.

— Но не будете же вы отрицать, что ваш метаболизм выше моего?

— Нет, конечно, ну и что из этого? Я знаю этот имперский предрассудок, что мы, земляне, отличны от других людей, но в сущности это не так. Уж не приходите ли вы сюда как посланник антиземлян?

— Я говорю серьезно, Шект. Какая еще планета со столь яростным мазохизмом держится за свои бессмысленные традиции? Не проходит и дня, чтобы ко мне не явилась делегация от какого-нибудь из ваших правителей с требованием смертной казни для несчастного, единственное преступление которого в том, что он побывал в запретной зоне, спрятался от Шестидесяти, или просто съел больше, чем ему положено.

— Да, но вы всегда с готовностью подписываете эти приговоры. Ваше идеалистическое отвращение, как видно, имеет слабую сопротивляемость.

— Клянусь звездами, я пытаюсь бороться. Но что могу сделать я один? Император требует, чтобы все части Империи жили по своим местным законам. Это мудро и правильно, поскольку лишает поддержки глупцов, готовых восстать при первом подходящем случае.

Стоит мне только возразить, когда ваши Советы, Сенаты и Палаты требуют смерти, что за крики, что за дикий вой поднимается в ту же минуту, какие обвинения сыплются в адрес Империи! Лучше я двадцать лет проведу среди полчищ дьявола, чем на десять минут попаду на подобную Землю.

Вздохнув, Шект почесал затылок:

— Для остальной части Галактики, если только там подозревают о нашем существовании, Земля — это галька в небе. Для нас же это — дом, единственный дом, который у нас есть. И все же мы ничем не отличаемся от вас, просто мы менее удачливы. Мы заключены здесь, на мертвой планете, отрезанные стеной радиации от окружающей нас огромной Галактики, которая от нас отказалась. Вот вы, Наместник, разрешили бы эмигрировать тем людям, которые захотели бы покинуть Землю?

Энус пожал плечами.

— От меня ли это зависит? Люди, живущие на других планетах, не желают стать жертвами земных болезней.

— Земных болезней!— Шект нахмурился.— Подобным представлениям пора положить конец. Мы вовсе не носители смерти. Разве вы умерли, побывав среди нас?

— Честно говоря,— улыбнулся Энус,— я делал все возможное, чтобы избежать лишних контактов.

— Все благодаря вашей пропаганде, основанной исключительно на глупости.

— Так вы, Шект, хотите сказать, что теория о том, что сами земляне радиоактивны, не имеет никакой научной основы?

— Да, конечно, как могут они быть не радиоактивными? Так же, как и вы. Так же, как и любой человек на каждой из сотен миллионов планет Империи. Мы радиоактивны чуть больше, но не настолько, чтобы причинить кому-либо вред.

— Однако жители Галактики верят в обратное. И кроме того...

— И кроме того, вы хотите сказать, что мы не такие, как все. Мы не люди, потому что из-за радиации подвержены мутациям и поэтому изменились во многих отношениях... Тоже не доказано.

— Но в это верят.

— И пока в это будут верить, пока нас, землян, будут считать париями, вы будете находить в нас все то, что вызывает ваше возмущение. Вы невыносимо давите на нас, и разве странно, что мы отвечаем вам тем же? Можете ли вы жаловаться на ненависть, которой мы лишь отвечаем на вашу ненависть? Нет, нет, мы больше защищаемся, чем нападаем.

Энус был огорчен тем, что его слова вызвали такой гнев.

«Даже лучшим из этих землян,— подумал он,— присуще все то же слепое чувство противопоставления Земли всей Вселенной».

— Извините мою бестактность, Шект,— мягко сказал он.— Пусть усталость будет мне оправданием. По существу, мы оба узники Земли. Дайте руку и будем друзьями.

Шект улыбнулся.

— Слова извинения, произнесенные тоном дипломата Империи. Вы плохой актер, Наместник.

— Тогда будьте хорошим учителем и расскажите мне о вашем Синапсайфере.

Шект вздохнул и нахмурился.

— Вы слышали о приборе? Значит, вы не только администратор, но и физик?

— Положение обязывает. Но, серьезно, я хотел бы узнать что-нибудь о вашем изобретении.

Глаза Шекта заблестели.

— Ну что же, говоря попросту, это прибор, предназначенный для улучшения способностей человека к обучению.

— Человека? В самом деле? И он действует?

— Хотел бы я знать. Необходимы дальнейшие работы. Я опишу вам проблему вкратце, и судите сами. Нервная система человека и животного состоит из нейропротеинового вещества, которое в свою очередь складывается из гигантских молекул, находящихся в состоянии очень шаткого электрического равновесия. Молекулу можно вывести из равновесия легчайшим толчком, это выведет из равновесия следующую, и так далее. Процесс будет повторяться, пока не достигнет мозга. Сам мозг представляет собой гигантскую комбинацию подобных молекул, всевозможными способами соединенных друг с другом. Поскольку в наличии имеется примерно десять в двадцатой степени молекул, то число возможных комбинаций исчисляется факториалом десяти в двадцатой степени. Это число столь велико, что если бы все электроны и протоны во Вселенной сами стали бы Вселенными, и все электроны и протоны в этих вновь возникших Вселенных тоже бы стали Вселенными, то и тогда все электроны и протоны во всех получившихся Вселенных были бы ничем в сравнении с... Вы меня понимаете?

— Слава звездам, ни слова.

— Хм... Хорошо, короче говоря, то, что мы называем нервным импульсом, это просто возрастающий электронный дисбаланс, идущий от нервов к мозгу, а затем назад к нервам. Это вам ясно?

— Да.

— Ну что ж, восславим вашу гениальность. Пока импульс передается по нервам клеткам, он передвигается с большой скоростью, поскольку нейропротеины практически находятся в контакте друг с другом. Однако нервные клетки ограничены в размере и не имеют контакта друг с другом, так как разделены тонким слоем соединительной ткани.

— Ясно,— сказал Энус,— и нервный импульс должен преодолевать барьер.

— Вот именно! Эти слои ослабляют импульс и замедляют его передачу. То же самое справедливо и для мозга. А теперь вообразите, что удалось снизить диэлектрическую постоянную слоев, разделяющих клетки. Человек сможет быстрее думать и лучше воспринимать новое.

— Хорошо, а теперь я вернусь к своему первому вопросу. Прибор действует?

— Я проводил эксперименты на животных.

— И каковы результаты?

— Большинство вскоре умерло от разрушениия протеинов мозга, иначе говоря, от их свертывания, словно у яйца, сваренного вкрутую.

Энус вздрогнул.

— Есть что-то невыразимо жестокое в хладнокровии науки. А тем, которые не умерли?

— Ничего определенного, ведь это не люди. Результаты обнадеживающие... Но мне нужны люди. Видите ли, это вопрос природных электронных качеств каждого мозга. Но у меня нет людей для экспериментов. Я приглашал добровольцев, но...

Он развел руками.

— А когда работы будут закончены, что вы собираетесь делать с прибором?— спросил Энус.

Физик пожал плечами.

— Не мне это решать. Вопрос будет рассмотрен на Высшем Совете.

— Вы не думали о том, чтобы сделать изобретение доступным для Империи?

— Я? Ничего не имею против. Но только Высший Совет имеет право...

— Ох,— с нетерпением проговорил Энус,— к

черту ваш Высший Совет. Я уже имел с ним дело. Вы согласны говорить с ними, когда это потребуется?

— Но как я могу повлиять на них?

— Вы скажите, что если Земля изготовит безопасный для человека Синапсайфер и сделает его доступным для Галактики, то земляне получат возможность эмигрировать на другие планеты.

— В таком случае,— иронически проговорил Шект,— у вас возникнет опасность заражения нашими болезнями.

— Вы, земляне,— спокойно сказал Энус,— могли бы даже все вместе быть переселены на другую планету. Подумайте об этом.

В это время дверь открылась, и в кабинет вошла девушка, сразу наполнившая мрачную атмосферу кабинета дыханием весны.

— Заходи, Пола,— сказал Шект.— Ваша светлость,— обратился он к Энусу,— разрешите представить вам мою дочь. Пола, это его светлость господин Энус, Наместник Земли.

Наместник быстро встал и обратился к ней с непринужденной вежливостью, не дав ей закончить неуклюжую попытку сделать реверанс.

— Дорогая мисс Шект,— сказал он,— трудно поверить, что на Земле можно встретить столь прелестное существо. Вы явились бы украшением любого из существующих миров.

Он взял Полу за руку, поспешно и несколько смущенно протянутую в ответ на его жест. На мгновение он сделал движение, как будто собрался поцеловать ее, следуя галантному обычаю предков, но намерение, если таковое и было, осуществлено не было. Полуподнятая рука была высвобождена, возможно, несколько поспешно.

— Я поражена вашей добротой к простой девушке с Земли,— сказала Пола, слегка нахмурившись.— Вы вежливы настолько, что не побоялись даже заразиться...

— Моя дочь,— вмешался Шект,— заканчивает обучение в университете Чики, а сейчас две недели работает у меня в лаборатории в качестве лаборанта. С гордостью могу сказать вам, что когда-нибудь она

займет мое место.

— Отец,— мягко сказала Пола,— у меня важное известие для тебя.

В голосе ее послышалось колебание.

— Мне уйти?— спокойно спросил Энус.

— Нет, нет,— сказал Шект.— В чем дело, Пола?

— Есть доброволец, отец.

— На Синапсайфер?— пораженно спросил Шект.

— Так он говорит.

— Ну что ж,— сказал Энус,— как видно, я приношу вам удачу.

— Похоже,— Шект повернулся к дочери.— Отведи его в комнату «С», я сейчас приду.

Когда Пола вышла, он обратился к Энусу.

— Извините, Наместник...

— Конечно. Как долго продлится операция?

— Думаю, что несколько часов. Вы хотите присутствовать?

— Не могу представить себе ничего отвратительнее, дорогой Шект. Я останусь в посольстве до завтра. Вы сообщите мне результаты?

— Да, конечно.— Шект, казалось, был обрадован.

— Хорошо... И подумайте над тем, что я говорил о Синапсайфере.

Энус вернулся к себе еще более обеспокоенный, чем до визита к Шекту.

Глава 5
ДОБРОВОЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ

Оставшись один, доктор Шект мягко нажал кнопку вызова, и в кабинет быстро вошел молодой лаборант.

— Пола вам сказала...

— Да, доктор Шект. Я наблюдал за ним на экране. Он определенно не подослан.

— Должен я сообщить Совету, как вы думаете?

— Не знаю, что и посоветовать. Совет не одобряет обычную связь, так как существует возможность перехвата информации.

Он поспешно добавил:

— Может быть, он нам не подойдет? Ведь нам нужны добровольцы до тридцати лет. Он значительно старше.

— Мне нужно посмотреть на него,— сказал Шект.

До сих пор ему удавалось решать все возникающие вопросы вполне официально. Он сообщил достаточное количество информации, чтобы создалось впечатление откровенности, не более того. И вот теперь настоящий доброволец, и сразу же после визита Энуса. Была ли здесь связь? Шект имел неопределенное представление о гигантских скрытых силах, находящихся в противоборстве на изувеченном лице Земли. Однако он знал достаточно, чтобы чувствовать себя полностью в их руках. Но знал он значительно больше, чем подозревали Старейшие.

И все же, что он мог сделать, когда его жизни угрожала двойная опасность?

Через десять минут он был в комнате, где ожидал его доброволец. Мужчина, похожий на фермера, чувствовал себя неуверенно. Его руки беспокойно вздрагивали.

— Итак, сэр,— мягко сказал Шект,— я слышал, что вы не хотите назвать свое имя.

— Мне сказали, что если вы получите добровольца, вопросы задаваться не будут,— твердым голосом проговорил Арбин.

— Хм... Хорошо, но что-нибудь вы хотите сказать? Или вы хотите начать эксперимент немедленно?

— Я? Здесь? Сейчас?— в голосе фермера послышался испуг.— Доброволец — вовсе не я.

— Нет? Вы хотите сказать, что доброволец кто-то другой?

— Вот именно. Я хотел бы...

— Понимаю. Он с вами?

— Можно сказать, да,— осторожно ответил Арбин.

— Хорошо. Теперь говорите ваши условия. Все, что вы скажете останется между нами. Договорились?

Фермер кивнул.

— Благодарю вас. Я согласен, сэр. У нас есть человек на ферме, дальний... родственник. Он помога-

ет, понимаете...

Арбин запнулся и Шект серьезно кивнул.

— Он очень хороший работник, очень хороший, но, понимаете, у него не совсем в порядке голова. Он не болен, ничего, из-за чего его следовало бы убрать. Он просто медленно соображает и не разговаривает.

— Он не умеет разговаривать?— Шект, казалось, был поражен.

— Ох, нет, умеет. Просто не любит и говорит плохо.

Физик с сомнением посмотрел на него.

— И вы хотите с помощью Синапсайфера улучшить его умственные способности?

Арбин медленно кивнул.

— Он может погибнуть. Вы это понимаете? Мне нужно его согласие.

Фермер покачал головой медленно и упрямо.

— Он не поймет.

Затем настойчиво, почти задыхаясь, добавил:

— Поймите меня, сэр. Этот человек стареет. Это не вопрос Шестидесяти, но что, если на следующей Проверке они решат, что он полоумный и заберут его? Мы не хотели бы его потерять и поэтому я привел его сюда.

— Я понимаю. Ведите сюда вашего родственника.

Он дружески похлопал фермера по плечу. Арбин судорожно улыбнулся, чувствуя невыразимое облегчение.

Шект взглянул на тучного человека, лежащего на кушетке. Мужчина спал и дышал при этом ровно и глубоко. Шект нагнулся к нему и не нашел в его лице никаких признаков слабоумия.

Старик! Хм...

Он искоса взглянул на Арбина, который внимательно следил за происходящим.

— Вы не будете возражать против анализа кости?

— Нет,— крикнул Арбин и затем более спокойно добавил: — Я не хочу ничего, что могло бы послужить идентификации.

— Это может оказать нам помощь, если мы будем знать его возраст,— сказал Шект.

— Ему пятьдесят,— отрезал Арбин.

Физик пожал плечами и вновь посмотрел на спящего. Когда его привели, он был, или по крайней мере казался, одиноким и потерянным. Даже гипнотические таблетки, по-видимому, не вызвали у него никаких подозрений, быстрая судорожная улыбка — и он проглотил их.

Лаборант возился уже с последней из нескольких неуклюжих установок, которые вместе составляли Синапсайфер. Нажатие кнопки, и молекулы в поляризованных окнах операционной поменяли свое расположение, сделав их непрозрачными. И теперь лишь искусственный свет озарял своим холодным сиянием пациента, удерживаемого мощным диамагнетическим полем в нескольких дюймах над операционным столом.

Здесь же в темноте сидел Арбин, ничего не понимающий, но тем не менее решительно настроенный самим фактом своего присутствия предотвратить возможные грязные трюки, на которые, по его разумению, способны такого рода ученые.

Физики не обращали на него внимания, занятые подгонкой электродов к голове. Это была долгая и трудная работа, требующая большой точности. Шект болезненно улыбнулся. Конечно, морщины на человеческом лице не всегда давали точное представление о возрасте, но в данном случае их было достаточно. Этот человек был старше пятидесяти.

И тут улыбка исчезла с его лица. Он нахмурился. С морщинами что-то было не так. Они выглядели странно, не совсем...

На мгновение он был готов поклясться, что его череп имеет примитивную форму, словно анахронизм, но...

В конце концов, этот человек психически ненормален, так почему бы и нет? И тут он неожиданно, пораженный, воскликнул:

— Как я не заметил? У этого человека на лице растут волосы!

Он повернулся к Арбину.

— У него всегда была борода?

— Борода?

— Волосы на лице! Идите сюда! Видите?

— Да, сэр.— Арбин лихорадочно соображал. Утром он заметил это, но потом забыл.— Это у него от рождения,— сказал он, и добавил:

— По-моему.

— Ладно; удалим это. Вы же не хотите, чтобы он выглядел как дикое животное, не так ли?

— Нет, сэр.

— У него волосы и на груди,— сказал лаборант, удалявший волосы с лица.

— Великая Галактика,— сказал Шект,— дайте мне взглянуть! Да это же настоящий ковер! Ладно, оставьте это. В рубашке этого не видно, да и пора заняться электродами. Присоединяйте здесь, здесь и здесь.

Дюжина микроэлектродов, которые должны были уловить тончайшее эхо микротоков, передаваемых от одной клетки мозга к другой, были введены в кожу.

Дольше всего заняла настройка Синапсайфера. Записывались показания приборов, вновь и вновь проверялись инструменты и опять продолжалась настройка.

Наконец Шект улыбнулся Арбину и сказал:

— Скоро все кончится.

Масса аппаратуры нависла над спящим, как медлительное и прожорливое чудовище. Четыре длинных провода тянулись к рукам и ногам пациента, серая прокладка из чего-то, напоминающего резину, была аккуратно подложена под шею и зажимами крепко закреплена на плечах. Наконец два электрода были закреплены на висках.

Шект не сводил глаз с хронометра, его правая рука лежала на выключателе. Большой палец руки сдвинулся, ничего заметного не произошло. Прошли, казалось, часы, в действительности же, всего около трех минут, и палец двинулся вновь.

Помощник Шекта склонился над все еще спящим Шварцем и радостно произнес:

— Он жив.

Прошло еще несколько часов, в течение которых было произведено множество измерений. В комнате царила атмосфера почти дикого восторга. Была уже

почти полночь, когда глаза добровольца открылись.

Шект отошел измученный, но счастливый.

— С ним все в порядке,— сказал он, коснувшись ладонью лба пациента.

— Несколько дней ему придется побыть здесь,— твердо проговорил он, повернувшись к Арбину.

В глазах Арбина немедленно появилось беспокойство.

— Но... но...

— Можете положиться на меня, он будет в безопасности. Кроме того, он может умереть, если вы заберете его сейчас. Что вам это даст?.. А если он умрет, вам придется объяснять Старейшим, откуда взялся труп.

Последние слова сделали свое дело.

— Но как я буду знать, когда прийти за ним? Я не хочу называть его имени,— проговорил Арбин.

Это было согласие.

— Приходите через неделю,— сказал Шект,— я буду ждать вас. Вы должны верить мне и ничего не бояться.

Было уже далеко за полночь, когда Шект наконец подумал об отдыхе, и то лишь благодаря настойчивости Полы. Но уснуть он не мог. Встав с кровати, он сел у окна, глядя на город, погруженный во тьму ночи. На горизонте, по другую сторону озера, светилось голубое сияние смерти, царившее почти над всей Землей.

События изнурительного дня в бешеном темпе промелькнули в его сознании. После того как напуганный фермер ушел, первым делом Шект связался с посольством. Энус должно быть ждал его, потому что ответил сам.

— А, Шект, добрый вечер. Ваш эксперимент окончен?

— И почти то же самое с моим добровольцем. Бедняга.

— Значит, я был прав, когда решил не оставаться. По-моему, вы, ученые, тоже способны на убийство.

— Он еще жив, Наместник, и, может, нам удастся спасти его, но...— он пожал плечами.

— Да, крысы в этом деле предпочтительнее, Шект... Однако где вы могли привыкнуть ко всему этому?

— Старею, ваша светлость,— просто ответил Шект.

— Опасное занятие у вас,— послышался сухой ответ.— Идите спать, Шект.

И вот Шект сидит здесь, глядя на темный город умирающего мира.

Два года шли испытания Синапсайфера, и два года он был рабом Совета Старейших, или Братства, как они себя называли.

Он написал несколько статей, которые можно было бы опубликовать в Сирианском Журнале Нейрофизиологии и которые могли принести ему столь желанную известность во всей Галактике. Статьи лежали у него в столе. Но они не были опубликованы.

Вместо этого появилась туманная и специально искаженная статья в «Физическом Обозрении». Такова была воля Братства.

И все же Энус был заинтересован. Почему?

Имело ли это связь с другими секретами, о которых он узнал? Подозревала ли Империя то же, что и он?

За двести лет Земля восставала три раза. Под знаменем провозглашаемого древнего величия Земля выступала против гарнизонов Империи, и Галактический Совет не был особенно обрадован тем безвыходным положением, в которое попала Земля, кровью вычеркивая себя из списка населенных планет.

Однако, на этот раз все могло быть иначе...

Но действительно ли это так? Насколько он может доверять словам умирающего сумасшедшего, словам, которые на три четверти не имели смысла?

Какая разница? В любом случае он не посмел бы ничего предпринять. Только ждать, хотя он стареет и скоро ему шестьдесят.

Но даже на этом ничтожном, обугленном шарике, Земле, он хотел жить.

Он снова лег, и уже засыпая, подумал о том, не мог ли его разговор с Энусом быть перехвачен Старейшими? Он еще не знал, что Старейшие имели дру-

гие источники информации.

Рано утром один из помощников Шекта, молодой лаборант, обдумывал случившееся.

Он восхищался Шектом, однако прекрасно знал, что секретный эксперимент на неизвестном властям добровольце был нарушением приказа Братства, которому был придан статус Закона, что делало неподчинение серьезным проступком.

Кем был этот доброволец? Кто же прислал этого человека? Совет Старейших, в тайне от всех, с целью проверить преданность Шекта? А может Шект — предатель? Вчера днем он говорил с кем-то наедине, с кем-то в нелепой одежде, которую носят чужаки, опасаясь радиоактивного заражения.

В любом случае Шект обречен на гибель, но почему и он должен следовать за ним? Он, такой еще молодой, с почти четырьмя десятилетиями жизни впереди.

Кроме того, это означало бы продвижение... А Шект так стар, что в любом случае доживет лишь до следующей Проверки, так что для него в этом будет не много вреда. Практически никакого.

Лаборант решился. Он на коммутаторе набрал комбинацию из цифр и связался с премьер-министром, который, после Императора и Наместника, был властен над жизнью и смертью любого человека на Земле.

Наступил вечер следующего дня. Туманные впечатления в голове Шварца стали проясняться. Он вспомнил поездку, низкие беспорядочно стоявшие на берегу озера строения, долгое ожидание.

И потом — что? Что? Ах да, они пришли за ним. Потом была комната с инструментами и приборами, две таблетки... Они дали ему таблетки, и он с готовностью их проглотил. Что он терял?

А потом — пустота.

Стоп. Проблески сознания были... Люди, склонившиеся над ним... Девушка, приносившая ему еду...

Проходили дни, и Шварц начал ориентироваться. Мужчину, который приходил к нему, звали доктор Шект. Девушка была его дочь, Пола. Шварц об-

наружил, что он больше не нуждался в бритье. Волосы на лице не росли. Это напугало его. А росли ли они когда-нибудь?

Силы быстро возвращались к нему. Ему разрешили одеваться и ходить.

Страдал ли он амнезией? Была ли это причина, по которой они подвергли его операции? Был ли этот мир естествен и нормален, в то время как все, что он помнил, было фантазией его больного рассудка?

Ему не разрешалось выходить из комнаты даже в коридор. Означало ли это, что он узник? Может быть, он совершил преступление?

Никто не потерян так, как человек, заблудившийся в запутанных коридорах собственного одинокого ума. Никто не беспомощен так, как человек, лишенный памяти!

Пола обучала его новому для него языку. Это ее развлекало. Шварц не был особенно удивлен той легкостью, с которой улавливал и запоминал слова. Он помнил, что в прошлом у него была хорошая память. За два дня он научился понимать отдельные фразы. Через три начал говорить.

На третий день, однако, ему пришлось удивиться. Шект научил его цифрам и решал с ним задачи. Шварц должен был давать ответы, а Шект про себя отмечал, сколько времени у него на это уходит. Затем Шект объяснил ему значение термина «логарифм», и спросил, чему будет равен логарифм двух.

Шварц осторожно подбирал слова. Когда слов не хватало, он дополнял ответ жестами:

— Я — не — сказать. Ответ — не — число.

Шект возбужденно кивнул головой и проговорил:

— Не число. Не это, не то, часть этого, часть того.

Шварц прекрасно понял, что Шект своими словами подтверждает, что ответ — не целое число, а дробь, и поэтому сказал:

— Ноль целых, три, ноль, один, ноль, три — и дальше — цифры.

— Достаточно!

Пришло время удивиться и Шварцу. Как он уз-

нал ответ? Шварц был уверен, что никогда прежде не слышал о логарифмах, и все же у него в голове сразу же появился ответ. Он не имел ни малейшего представления о процессе его вычисления. Он чувствовал, что его ум начал представлять собой нечто самостоятельное.

А может, он был математиком до того, как его поразила амнезия?

Жить в неизвестности ему было трудно. В Шварце нарастало желание вырваться на волю; где-то там должны быть ответы на все вопросы, которые ему никогда не узнать, если он будет заточен в этой комнате, где он чувствовал себя подопытным кроликом.

Такая возможность представилась на шестой день. Шварцу начали доверять. Утром его посетил Шект, затем он ушел.

Шварц подождал, пока не убедился, что Шект не вернется, после чего медленно закрыл рукой небольшую светящуюся точку на двери, так делали люди, обслуживающие его. Дверь плавно и беззвучно отошла в сторону... Коридор был пуст.

Так Шварц сбежал.

Мог ли он знать, что все шесть дней его пребывания здесь агенты Совета Старейших следили за институтом, его комнатой и им самим?

ГЛАВА 6
НОЧНЫЕ СТРАХИ

Ночью дворец Наместника выглядел не менее сказочно, чем днем. Гирлянды вьющихся вечерних цветов (завезенных на Землю) раскрыли белые бутоны, наполняя весь дворец тонким ароматом. В поляризованном свете луны искусственные самоцветы, умело впаянные в орнамент на стенах здания, давали легкое фиолетовое мерцание на фоне металлического блеска.

Энус смотрел на звезды и любовался ими как частью того мира, к которому он принадлежал. Над землей было обычное небо, которое не имело той непередаваемой красоты небес центральных миров, где звезды были так густы, что темнота ночи почти от-

сутствовала в их сиянии. Не было у него и своеобразного великолепия пограничных миров, где непроницаемая темнота лишь изредка освещалась тусклым светом одинокой планеты и где одинокие звезды были неотличимы от алмазной пыли Млечного пути.

На небосклоне Земли сразу были видны две тысячи звезд. Среди них — Сириус, вокруг которой вращалась одна из десяти наиболее населенных планет Империи, Арктур — столица сектора, в котором родился Энус. Свет Трантора, столицы Империи, тоже затерялся где-то в Млечном пути.

Энус почувствовал прикосновение к плечу нежной руки и накрыл ее своей.

— Флора!— прошептал он.

— Все устроится,— послышался голос жены.— Уже почти утро, а ты так и не ложился спать после возвращения из Чики. Может, ты позавтракаешь? Мне заказать еду сюда?

— Почему бы и нет?

— Что тебя беспокоит?— мягко спросила она.

— Не знаю,— проговорил Энус, покачав головой.

— Я устал от накопившихся проблем... Этот Шект и его Синапсайфер, и этот археолог Авардан с его теориями. И многое другое.

— Эти земляне!— сквозь зубы продолжал Энус.— Многое указывает на то, что они вновь готовят восстание.

Он посмотрел на жену.

— Ты знаешь, что доктрина Совета Старейших состоит в том, что некогда Земля была единственным домом человечества?

— Но ведь именно об этом говорил Авардан, не так ли?

— Да, именно так,— мрачно произнес Энус,— но он говорил только о прошлом. Совет Старейших говорит и о будущем. Земля, утверждают они, вновь станет столицей расы. Они провозглашают даже приближение мифического второго царствия Земли, предупреждают, что Империя погибнет, а Земля приобретет свое первозданное величие. Трижды подобная чушь вызывала восстания, которые заканчивались массой разрушений на Земле, но это не поколебало их веру.

— Они всего лишь несчастные существа, эти земляне,— сказала Флора.— Что у них есть, кроме веры? Они лишены абсолютно всего: нормального мира, нормальной жизни. Они лишены даже достоинства, которое равняло бы их с другими людьми Галактики. Поэтому они живут в мечтах. Можно ли осуждать их за это?

— Да, можно,— возбужденно воскликнул Энус.— Пусть оставят свои мечты и борются за признание. Они не отрицают своего отличия. Они просто хотят заменить «хуже» на «лучше», и трудно ожидать, что остальная Галактика согласится с ними. Пусть забудут свою помешанность, свои устаревшие и унизительные «законы». Пусть будут людьми и на них будут смотреть как на людей... Но не будем об этом. Что, например, происходит с Синапсайфером? Здесь есть кое-что, что не дает мне уснуть.— Энус нахмурился.

— Синапсайфер?.. Это не тот прибор, о котором за обедом говорил доктор Авардан? Ты ведь из-за него ездил в Чику?

Энус кивнул.

— И что ты там узнал?

— Собственно говоря, ничего. Я знаю Шекта. И знаю неплохо. Я уверен, что этот человек умирал от страха все время, пока я с ним говорил. Здесь какая-то грустная тайна, Флора.

— Но машина работает?

— Разве я нейрофизиолог? Шект говорил, что нет. Доброволец, который был подвергнут обработке, как он утверждает, почти мертв. Но я этому не верю. Я чувствовал его возбуждение. Более того. Он торжествовал! Его доброволец жив и эксперимент завершился благополучно, или я в жизни не видел счастливого человека?! Тогда почему он лгал мне? Ты представляешь, что такое Синапсайфер в действии? Ты понимаешь, что Шект может создать расу гениев?

— Но зачем тогда держать это в секрете?

— Ах! Зачем? Тебе это не ясно. Восстания землян потерпели неудачу? Так увеличьте уровень интеллекта среднего землянина. Удвойте его. Утройте.

— Ох, Энус.

— Мы можем оказаться в положении обезьян, атакованных людьми.

— Ты сгущаешь краски. Бюро внешних провинций всегда может выслать несколько психологов для выборочной проверки уровня интеллекта землян. Любое отклонение будет обнаружено.

— Да, конечно... Но возможно и что-нибудь другое. Я не уверен ни в чем, кроме того, что восстание готовится.

— Ну, а мы готовы к нему?

— Готовы?— Энус с горечью рассмеялся.— Я — да. Гарнизон в готовности. Все, что можно было сделать имеющимися средствами, я сделал. Но, Флора, я не хочу восстания. Я не хочу, чтобы мое наместничество вошло в историю как наместничество восстания. Я не хочу, чтобы мое имя связывали с насилием и смертью. Меня наградили бы за это, но в историю я вошел бы как кровавый тиран. Я предпочел бы известность человека, который предотвратил восстание и спас бесценные жизни двадцати миллионов дураков,— довольно безнадежно закончил он.

— И ты можешь это сделать?

— Как я могу? Все против меня. Само бюро поддерживает этих фанатиков, присылая сюда Авардана.

— Но я не понимаю, чем может навредить нам этот археолог?

— Разве это не ясно? Он хочет, чтобы ему дали доказать, что Земля — родина человечества, то есть научно подтвердить домыслы этих фанатиков.

— Так останови его.

— Не могу. У него есть разрешение из Бюро Внешних провинций, одобренное Императором. Это абсолютно лишает меня власти над ним. Но и это не худшее, Флора. Знаешь, как он собирается доказывать свою теорию? Попробуй догадаться.

Флора мягко улыбнулась.

— Ты смеешься надо мной. Я же не археолог. Наверное попробует раскопать какие-нибудь статуи или кости и датировать их по радиоактивности, или что-нибудь в этом роде.

— Если бы это было так. Дело в том, что он со-

бирается проникнуть в радиоактивные зоны Земли. Там он намеревается найти артефакты и доказать, что они существовали до того, как почва Земли стала радиоактивной, поскольку он утверждает, что радиоактивность искусственная, и соответственно определить ее возраст.

— Но это почти то же, что сказала я.

— А ты знаешь, что означает проникнуть в радиоактивную зону? Это запрещено одним из основных Законов самих землян.

— Но тогда все отлично. Земляне сами остановят Авардана.

— Прекрасно. Его остановит сам премьер-министр! А как я смогу потом убедить его, что это не правительственный проект, что святотатство исходит не от Империи?

— Премьер-министр не может быть столь обидчивым.

— Не может?— Энус откинулся назад и посмотрел на жену.— Ты в высшей степени наивна. Знаешь, что произошло около пятидесяти лет назад? Я расскажу, и ты сможешь судить сама.

На Земле, видишь ли, нет статуса ее принадлежности к Империи, поскольку эти сумасшедшие земляне считают, что Земля по праву должна править Галактикой. Однако случилось так, что молодой Станнел Второй (помнишь Императора, который был не совсем в своем уме, так что от власти его почти сразу отстранили) приказал, чтобы инсигния Императора была поднята в столице Земли Вашене, в их Зале Совета. Сам по себе приказ был резонным, поскольку инсигния имеется в любом Зале Совета, на каждой планете Галактики как символ единства Империи. И вот что произошло.

В день, когда инсигния была поднята, город превратился в скопление бунтовщиков. В Вашене фанатики сорвали инсигнию и напали на гарнизон. У Станнела Второго хватило безумия требовать выполнения приказа, даже если бы это потребовало уничтожения всех землян, но он был отстранен от власти, и Эдар, его преемник, отменил приказ. И вновь воцарился мир.

— Ты хочешь сказать,— с недоверием проговорила Флора,— что инсигнию так и не подняли вновь?

— Именно так. И Земля — единственная из миллионов планет Империи, не имеющая инсигнии в Зале Совета. Планета, на которой мы сейчас находимся, самая ничтожная. Но они вновь будут драться до последнего человека, повтори мы сейчас эту попытку. А ты спрашиваешь, чувствительны ли они? Да они просто сумасшедшие.

Наступившую тишину вновь нарушил слабый голос Флоры:

— Энус?

— Да.

— Восстание беспокоит тебя не только потому, что оно может повлиять на твою карьеру. Мне кажется, ты ждешь действительно опасного для Империи... Не скрывай от меня. Ты боишься, что эти земляне победят?

— Флора, я не могу говорить об этом. Это даже не догадка... Может быть, четыре года в этом мире — это слишком много для нормального человека. Но почему эти земляне так уверены в себе?

— Откуда ты это знаешь?

— О, я знаю. У меня есть источники информации. В конце концов их сокрушали трижды. У них не должно остаться иллюзий. Им противостоят двести миллионов миров, каждый из которых сильнее их, и все же они уверены в себе. Они столь тверды в своей вере в какую-то судьбу или сверхъестественную силу, во что-то известное только им. Может быть... может быть...

— Может быть что, Энус?

— Может быть, у них есть свое оружие?

— Оружие, с помощью которого один мир сможет победить двести миллионов? Ты паникуешь. Такого оружия нет.

— Я уже упоминал Синапсайфер.

— Но его действие можно обнаружить. Может быть, тебе известно другое оружие, которое они могут использовать?

— Нет,— неохотно ответил Энус.

— В этом-то все и дело. Такое оружие и невоз-

можно. А почему бы тебе не связаться с премьер-министром и из лучших побуждений предупредить его о планах Авардана? Это отведет все подозрения по поводу участия Империи в этом глупом нарушении их обычаев. И в то же время ты, не вмешиваясь, остановишь Авардана... А теперь, почему бы тебе не поспать? Прямо здесь. Можно опустить кресло, а когда ты проснешься, я пришлю завтрак. При солнце все видится по-другому.

Так Энус после бессонной ночи заснул за пять минут до рассвета.

А спустя восемь часов премьер-министр узнал от него об Авардане и его миссии.

ГЛАВА 7
РАЗГОВОР С СУМАСШЕДШИМИ

Что касается Авардана, то его интересовало только то, как заполнить свое свободное время. Его корабль «Опихус», на котором прибудут остальные члены экспедиции, можно ожидать не раньше чем через месяц, поэтому в течение месяца он будет полностью предоставлен самому себе.

На шестой день по прибытии на Землю Бел Авардан воспользовался услугами Земной Компании воздушных перевозок и сел на стартоплан между Эверестом и столицей.

Он сознательно отказался от скоростного глайдера, предложенного Энусом, поскольку, как человек здесь чужой и как археолог, хотел увидеть жизнь людей, населяющих Землю.

Была и другая причина.

Авардан жил в секторе Сириуса, пресловутом первом секторе Галактики, где антиземные настроения были особенно сильны. И все же он предпочитал считать, что у него не было подобных предрассудков. Конечно, у него сложилась привычка думать о землянах, как о неких нелепых существах, даже само слово «землянин» казалось ему нелепым. Но он действительно был лишен предрассудков.

Так, по крайней мере, он думал. Например, если

бы землянин, обладающий необходимыми знаниями и способностями, выразил желание присоединиться к его экспедиции, он бы согласился... Только если другие участники экспедиции не будут возражать.

Он задумался. Конечно, он смог бы есть вместе с землянином, или даже спать на одной кровати в случае необходимости, но при условии, что землянин будет достаточно чист и здоров.

Собственно говоря, он смог бы во всех отношениях рассматривать его как любого другого человека. И все же нельзя отрицать, что он никогда не сможет забыть, что землянин — это землянин.

И вот ему представился случай проверить себя. Он летел в самолете в окружении землян и чувствовал себя вполне естественно.

Авардан оглянулся на обычные и ничем не примечательные лица пассажиров. Отличил бы он этих землян в толпе от других людей? Вряд ли.

От этих мыслей его отвлек смех. Объектом внимания пассажиров были пожилые мужчина и женщина.

Авардан повернулся к соседу.

— Что там происходит?

— Сорок лет они были женаты и сейчас совершают поездку вокруг Земли.

Пожилой мужчина, раскрасневшийся от удовольствия, многословно рассказывал историю своей жизни. Жена время от времени вмешивалась, педантично исправляя малозначительные подробности. Все это выслушивалось окружающими с величайшим вниманием, и земляне показались Авардану такими же теплыми и человечными, как любые другие люди в Галактике.

И тут кто-то спросил:

— А когда ваши Шестьдесят?

— Через месяц,— с готовностью ответил мужчина,— шестого ноября.

— Ну что ж,— сказал спрашивающий,— надеюсь вам повезет с погодой в этот день. Помню, когда было Шестьдесят моего отца, лил проливной дождь. Я пошел с ним, знаете в такой день человек нуждается в компании, и он все время жаловался на дождь.— Слушай,— сказал я,— что ты жалуешься,

отец? Ведь возвращаться-то придется мне.

Раздался общий взрыв смеха, к которому не замедлила присоединиться и пожилая чета. Авардан, однако, почувствовал приступ ужаса, вызванного ясным и невыносимым подозрением.

— Эти шестьдесят,— обратился он к сидящему рядом мужчине,— о которых они говорят, имеется в виду, что человека, достигшего шестидесяти, убивают?

В голосе Авардана было что-то, заставившее соседа с подозрением посмотреть на него. Наконец он сказал:

— Ну, а вы что думали?

Авардан сделал рукой неопределенный жест и довольно глупо улыбнулся. Ему был известен этот обычай, но лишь по книгам, по обсуждению в научных статьях. Но теперь его окружали люди, которые по закону могли жить только до шестидесяти.

Мужчина все еще смотрел на него.

— Слушай, парень, откуда ты? У вас что, не знают о Шестидесяти?

— Мы называем это «время»,— с трудом выговорил Авардан.— Я оттуда.— Он неопределенно показал большим пальцем назад, и после минутного колебания собеседника отвел от него свой жесткий изучающий взгляд.

Тем временем пожилой мужчина заговорил вновь.

— Она идет со мной,— сказал он, кивая на свою добродушную жену.— У нее еще остается три месяца, но она предпочитает уйти со мной.

Вскоре, казалось, все пассажиры погрузились в вычисления времени, оставшегося каждому из них.

Низкий мужчина в облегающей одежде, с решительным выражением лица, твердо произнес:

— У меня осталось двенадцать лет, три месяца и четыре дня, и никуда от этого не деться.

— Они могут вычислить это с точностью до дня,— проговорил стройный молодой человек.— А есть люди, живущие дольше своего времени.

— Точно,— сказал другой, вызвав общее согласие и возмущение.

— Я,— продолжал молодой человек,— не вижу ничего странного в том, что человек желает продлить

свою жизнь, особенно, если у него есть дела, требующие завершения. Но эти паразиты, пытающиеся протянуть до следующей Проверки, пожирают еду следующего поколения...

— Но разве возраст всех не зарегистрирован?— мягко вмешался Авардан.— Они не смогут долго скрываться, не так ли?

Все замолчали, немало смущенные выражением столь глупого идеализма.

Наконец кто-то, как будто пытаясь перевести разговор на другую тему, дипломатично произнес:

— Не думаю, чтобы жизнь после шестидесяти имела какой-то смысл.

— Для фермера никакого,— согласился с ним другой.— Нужно быть сумасшедшим, чтобы после полувековой работы на полях не радоваться ее окончанию. Но что вы скажете относительно чиновников и администраторов?

Наконец пожилой мужчина, сорокалетие свадьбы которого вызвало этот разговор, осмелился высказать свое мнение, ободренный, вероятно, тем, что ему как очередной жертве Шестидесяти, терять было нечего.

— Разное бывает, знаете ли,— подмигнул он с лукавым намеком.— Я знал человека, которому исполнилось шестьдесят во время Проверки восемьсот десятого года, а он продолжал жить до восемьсот двадцатого. До шестидесяти девяти лет! Представляете!

— Как же ему это удалось?

— У него были какие-то деньги, а брат его был членом Совета Старейших. Для такой комбинации нет ничего невозможного.

Замечание вызвало общее согласие.

— Слушайте,— сказал все тот же молодой человек.— У меня был дядя, который прожил лишний год, всего год. Это был один из тех себялюбцев, которые, знаете, не особенно желают уходить. Какое ему было дело до остальных... Случилось так, что я не знал об этом, иначе я, конечно же, сообщил бы о нем, уверяю вас, потому что каждый должен уйти в свое время. Так или иначе, обман обнаружился. Братство вызвало меня и брата и пожелало узнать, почему мы не сообщили о нем. Я ответил, что ничего не знал,

и никто в семье не знал об этом. Я сказал им, что мы не виделись десять лет. И все равно пришлось заплатить кругленькую сумму в пять сотен кредитов.

Выражение беспокойства на лице Авардана усилилось. Уж не сумасшедшие ли эти люди, которые воспринимают смерть как должное и отказываются от своих друзей и родственников, которые пытаются избежать смерти? Не попал ли он случайно на самолет, перевозящий сумасшедших? Или это были просто земляне?

А его сосед вновь хмуро посмотрел на него. Голос его прервал размышления Авардана.

— Эй, парень, где это «оттуда»?

— Извините?

— Я спрашивал, откуда ты. Ты сказал «оттуда». Что это за «оттуда»? А?

Авардан почувствовал, что окружающие подозрительно смотрят на него. Не приняли ли его за члена их Совета Старейших? А может его считают провокатором?

И он ответил им вспышкой откровенности.

— Я не с Земли. Меня зовут Бел Авардан, и я из сектора Сириуса. А ваше имя?— И он протянул руку.

Его ответ прозвучал как брошенная в салон самолета атомная капсула.

Возникший испуг землян быстро перешел в яростную, злобную враждебность, направленную на него. Мужчина, сидевший рядом с ним, поднялся и пересел на другое место.

Все отвернулись. Плечи плотно сомкнулись вокруг него. На мгновение в Авардане вспыхнуло негодование. Земляне смеют так обращаться с ним! Земляне! Он протянул им руку дружбы. Он снизошел до них, и вот чем они ему ответили.

Преодолев усилие, он расслабился. Ясно, что предубеждение не могло быть односторонним, ненависть порождала ненависть.

Остальную часть путешествия он провел в молчаливом одиночестве, не обращая внимания на разговоры за спиной и бросаемые на него время от времени взгляды.

Приземление в Чике было воспринято им с радостью, хотя Авардан мысленно усмехнулся, взглянув из самолета на «лучший город» Земли.

Его багаж был перенесен в автомобиль. Здесь он, по крайней мере, был единственным пассажиром, так что вряд ли можно было ожидать каких-либо неприятностей.

— В посольство,— сказал он шоферу, и машина тронулась с места.

Так Авардан впервые оказался в Чике, и произошло это в тот день, когда Шварц сбежал из Института Ядерной Физики.

ГЛАВА 8
ВСТРЕЧА В ЧИКЕ

Доктор Шект в двадцатый раз посмотрел свои записи и поднял глаза на Полу, входящую в его кабинет. Нахмурившись, она сняла свой рабочий халат.

— Итак, отец, ты до сих пор не ел?

— А? Конечно, я ел... Что это?

— Это обед. По крайней мере, это было обедом. То, что ты ешь, скорее напоминает завтрак. Какой смысл в том, что я приношу обед сюда, если ты его не ешь?

— Не нервничай. Я съем. Ты же знаешь, что я не могу прерывать важный эксперимент ради приема пищи.

Он вновь взглянул на заметки.

— Ты не представляешь, что за человек этот Шварц. Я рассказывал тебе о его черепе?

— Он имеет примитивную форму. Ты говорил.

— Но это не все. У него тридцать два зуба, в том числе один, должно быть, вставленный искусственно, да еще так странно. По крайней мере, я еще не видел зуба, который бы крепили к соседним, вместо того, чтобы вживлять в челюстную кость. Ты когда-нибудь видела человека с тридцатью двумя зубами?

— Я не занимаюсь подсчетом чьих-либо зубов, отец. Сколько их должно быть, двадцать восемь?

— Именно. Но я еще не закончил. Вчера мы про-

вели внутренний анализ. Как ты думаешь, что мы нашли?.. Угадай!

— Кишки?

— Пола, ты стремишься меня разозлить, но это тебе не удастся. Можешь не гадать, я тебе скажу. Шварц имеет открытый аппендикс три с половиной дюйма длиной. Великая Галактика, это совершенно беспрецедентный случай. Я консультировался у медиков,— со всеми предосторожностями, конечно,— аппендикс не бывает длинее, чем половина дюйма и никогда не открыт.

— Ну, и что это значит?

— То, что этот человек — настоящее живое ископаемое.— Он поднялся с кресла.— Слушай, Пола, я думаю, мы не должны отдавать Шварца. Он представляет собой слишком ценный образец.

— Нет, нет, отец,— быстро проговорила Пола,— ты не можешь этого сделать. Ведь ты обещал фермеру вернуть Шварца и ты должен это сделать. Это необходимо самому Шварцу. Мне кажется, он несчастен.

— Несчастен! И это когда мы обращаемся с ним как с богатым чужаком.

— Какое это имеет значение? Бедняга привык к своей семье, к своей ферме. Там он прожил всю свою жизнь. И вот теперь ему пришлось пережить страх и страдания, и рассудок его стал работать иначе. Трудно ожидать, чтобы он все понял. Мы должны вспомнить о его человеческих правах и вернуть его семье.

— Но, Пола, интересы науки...

— Чепуха! Как ты думаешь, что скажет Братство, когда услышит об экспериментах, проведенных без их разрешения? Думаешь, их беспокоят интересы науки? Позаботься о себе, если не хочешь заботиться о Шварце. Чем дольше ты его продержишь здесь, тем больше шансов, что об этом узнают. Ты отправишь его домой завтра ночью, так, как это планировалось, слышишь?.. Я пойду посмотрю, не нужно ли Шварцу чего-нибудь.

Не прошло и пяти минут, как она вернулась с растерянным лицом.

— Отец, он сбежал!

— Кто?— пораженно спросил он.

— Шварц!— воскликнула она, чуть не плача.— Ты, наверное, забыл закрыть дверь, когда вышел от него.

Шект вскочил на ноги.

— Когда?

— Не знаю. Но, должно быть, недавно. Когда ты был у него?

— Самое большее пятнадцать минут назад.

— Хорошо,— с неожиданной решительностью проговорила она.— Я побегу за ним. Ты останешься здесь. Если его найдет кто-нибудь другой, то легче мне его забрать, чтобы отвести подозрения от тебя. Понимаешь?

Шект лишь кивнул.

Джозеф Шварц не чувствовал никакой радости, поменяв неволю института на просторы улицы. Он не питал никаких иллюзий относительно своей свободы, и у него не было какого-либо плана действий.

Если им и руководил какой-то рациональный импульс (вроде слепого желания сменить бездействие на любую деятельность), то это была надежда натолкнуться на что-нибудь, что помогло бы ему обрести исчезнувшую память. Сейчас он был полностью убежден в том, что страдает амнезией.

Однако встреча с городом погасила его энтузиазм. Стояла поздняя осень. И Чика, освещенная солнцем, была молочно-белой. Здания, как и дом фермера, казалось, были сделаны из фарфора. Какое-то неопределенное чувство подсказывало ему, что города должны быть коричневыми и красными и гораздо более грязными. В последнем он был уверен.

Он шел медленно, каким-то образом чувствуя, что официальных поисков не будет. Собственно говоря, в последние дни он чувствовал в себе возросшую чувствительность к окружающей его «атмосфере». Это была часть перемен в его мышлении, начинавшихся...

Он мысленно вернулся назад.

В любом случае атмосфера госпиталя носила отпечаток скрытности, связанной со страхом, как ему казалось. Так что они не могут преследовать его в открытую. Но откуда? Была ли эта странная активность его мышления связана с амнезией?

Он миновал еще один перекресток. Автомобилей было относительно мало. Одежда пешеходов выглядела довольно нелепо, без швов, без пуговиц, разных цветов. Но такая же одежда была и на нем. Он попытался вспомнить, куда исчезла его старая одежда, потом усомнился, была ли у него вообще одежда. Трудно быть уверенным в чем-либо, когда человек вообще сомневается в своей памяти.

Но он так ясно помнил свою жену, детей. Они были реальны. Он остановился на середине тротуара и с трудом взял себя в руки. Возможно, они были искаженными версиями реальных людей этой нереально выглядевшей жизни, к которой должен был принадлежать и он.

Неожиданно он почувствовал голод. Он оглянулся вокруг. Ничего поблизости не напоминало ресторана. Хотя откуда он знает? Ведь он же не знает этого слова на новом для него языке.

Он внимательно смотрел на дома, мимо которых проходил, и вскоре увидел внутри одного из них небольшие столы, за которыми ели люди. По крайней мере, хоть это не изменилось. Люди, которые ели, жевали и глотали.

Шварц вошел внутрь и замер в замешательстве. Никто не подавал пищу, никто ее не готовил, не было заметно никаких признаков кухни. Он собрался предложить вымыть тарелки в обмен на еду, но к кому обращаться с этим предложением?

Он неуверенно приблизился к сидящим за одним из столов, старательно выговаривая слова:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Они удивленно посмотрели на него. Один быстро и совершенно непонятно заговорил, похлопывая по небольшому устройству на краю стола. Второй раздраженно присоединился к нему.

Шварц с отчаянием повернулся, собираясь уходить, и тут он почувствовал руку, остановившую его...

Гранц заметил полное грустное лицо Шварца еще через окно.

— Что ему надо?— проговорил он.

Месстер, сидевший за тем же столом, спиной к окну, оглянулся и ничего не ответил.

— Он вошел,— сказал Гранц, и Месстер ответил:

— Ну и что?

— Ничего.

Однако вскоре вошедший беспомощно оглянулся вокруг, приблизился к ним и произнес со странным акцентом:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Гранц взглянул на него.

— Еда здесь, приятель. Сядь к любому столику и воспользуйся пищематом... Пищематом! Ты не знаешь, что это такое?.. Посмотри на беднягу, Месстер. Он смотрит на меня так, как будто не понял ни слова из того, что я сказал. Эй, парень, смотри — вот эта штука. Брось в нее монету... Эй, подожди.— Он поймал за рукав Шварца, когда тот уже собирался уходить.

— Деньги, друг, деньги.

Он достал из кармана блестящую монету в полкредита.

— У тебя есть?— спросил он.

Шварц медленно покачал головой.

— Ну что же, тогда держи!— Он положил полкредита в карман и достал более мелкую монету.

Шварц нерешительно принял ее.

— Правильно. Только не стой здесь. Брось ее в пищемат. Вот в эту штуку.

Неожиданно Шварц почувствовал, что понимает его. Пищемат имел ряд отверстий для монет различного достоинства и ряд кнопок под светлыми прямоугольниками, надписи над которыми он прочитать не мог. Шварц указал на стоявшую на столе еду и, проведя пальцем по кнопкам, вопросительно поднял глаза.

— Сэндвич не достаточно хорош для него,— раздраженно сказал Месстер.— Не выбрасывай деньги, Гранц.

— Ничего, завтра получка... Смотри,— обратился он к Шварцу и, опустив в пищемат свою монетку, достал широкий металлический контейнер из углубления в его стене.— Теперь возьми это на другой стол...

Шварц осторожно перенес контейнер на сосед-

ний стол. Сбоку контейнера была прикреплена ложка, покрытая прозрачной пленкой, разорвавшейся при первом же прикосновении. Как только пленка была порвана, контейнер разошелся по шву.

Еда была холодной, но для него это не имело значения. Через минуту он заметил, что она нагревается и замер в замешательстве... Вскоре подливка закипела, затем вновь остыла и Шварц принялся за еду.

Гранц и Мессер все еще сидели на своих местах, когда он вышел. За необычным посетителем следил еще один человек, на которого Шварц не обратил внимания.

Не заметил Шварц и того, что от самого института за ним, не отставая, следил худой маленький человек.

Бел Авардан, выкупавшись и сменив одежду, упрямо решил выполнить свой первоначальный замысел наблюдения за существами, населяющими Землю в их естественной среде обитания. Стояла приятная погода, дул легкий освежающий ветерок, сама деревня, то есть город, был светлым, спокойным и чистым. Не так уж и плохо.

В полдень, обедая, он стал свидетелем небольшой сценки, в которой участвовали двое землян, вошедших вскоре после него, и пришедший после них пожилой мужчина. Авардан мельком следил за ними, просто противопоставляя этот случай неприятному инциденту в самолете. Двое мужчин за столом явно были водителями аэротакси: людьми небогатыми, но поступившими милосердно.

Нищий вышел, а минуты две спустя и Авардан.

Людей на улице значительно прибавилось, приближался конец рабочего дня.

Он поспешно отошел в сторону, чтобы не столкнуться с бегущей молодой девушкой.

— Извините меня,— сказал он.

Девушка была одета в стереотипную белую униформу. Казалось, она была чем-то озабочена. Он слегка прикоснулся к ее плечу.

— Не могу ли я вам помочь? У вас неприятности?

Девушка остановилась и испуганно посмотрела на него. У нее были каштановые волосы, темные гла-

за, тонкая талия. Ей было от девятнадцати до двадцати одного года.

Она ответила, чуть не плача.

— Ох, это бесполезно. Не обращайте на меня внимания. Трудно рассчитывать найти кого-то, не имея никакого представления, где искать.

На глазах ее появились слезы. Она тяжело вздохнула.

— Вы не видели пожилого мужчину лет пятидесяти в белом с зеленым костюме, без шапки, несколько лысоватого?

Авардан удивленно взглянул на нее.

— Что? Зеленый с белым?.. Трудно поверить... Слушайте, этот человек — он говорит с трудом?

— Да, да. Значит вы его видели?

— Минут пять назад он обедал с двумя мужчинами... Вон они... Эй, вы,— он приблизился к ним.

Гранц быстро встал.

— Такси, сэр?

— Нет, но если вы расскажете о человеке, который ел с вами, то получите плату. Куда он пошел?

Гранц выглядел огорченно.

— Хотел бы вам помочь, но я видел его первый раз в жизни.

Авардан повернулся к девушке.

— Если бы он пошел навстречу вам, то вы бы его увидели. И он не мог уйти далеко. Значит, нужно идти в противоположную сторону. Я узнаю его, если увижу.

Он предложил помощь под влиянием импульса. Неожиданно он почувствовал, что улыбается ей.

— А что он сделал?— неожиданно вмешался Гранц.— Может быть, он нарушил какой-нибудь закон?

— Нет, нет,— поспешно ответила она.— Он лишь немного нездоров, вот и все.

После того, как они отошли, Месстер посмотрел им вслед.

— Немного нездоров? Как тебе это понравилось, Гранц? Немного нездоров.

Он вопросительно посмотрел на товарища.

— Что на тебя нашло?— с беспокойством спро-

сил Гранц.

— Ничего, что заставляет меня чувствовать себя не совсем здоровым. Этот парень явно сбежал из госпиталя. Его ищет медсестра и к тому же очень обеспокоенная медсестра. Стала бы она беспокоиться, если бы он был всего лишь немного нездоров? Ты заметил, что он почти не разговаривает и почти ничего не понимает?

В глазах Гранца неожиданно появился страх.

— Не думаешь же ты, что это горячка?

— Я как раз думаю, что это был случай радиационной горячки, причем зашедшей далеко. А он стоял в футе от нас. Ничего хорошего это не...

Рядом с ними оказался маленький худой человек с вкрадчивым голосом, появившийся ниоткуда.

— В чем дело, господа? У кого здесь радиационная горячка?

— Кто вы такой?— с неприязнью спросил Мессер.

— Хо,— сказал маленький человек,— вы хотите знать, кто я такой? Дело в том, что я посланник Братства, представьте себе.

Он блеснул маленьким светящимся значком на отвороте куртки.

— А теперь, именем Совета Старейших, что значат все эти разговоры о радиационной горячке?

— Я ничего не знаю,— сказал Мессер, испуганно и глухо.— Медсестра искала здесь какого-то больного, и я подумал не радиационная ли горячка у него. Ведь мы не нарушали законов, не так ли?

— Хо! Это вы-то будете учить меня законам? Занимайтесь лучше своим делом и предоставьте мне беспокоиться о законах.

Маленький человек потер руку об руку, быстро оглянулся вокруг и быстро пошел вслед за Полой и Аварданом.

— Вот он!— Пола лихорадочно сжала руку своего спутника. Все произошло быстро, легко и случайно. Шварц неожиданно появился в главном ходе большого магазина самообслуживания.

— Я его вижу,— прошептал Авардан.— Стойте здесь, а я пойду за ним. Если он увидит вас и зате-

ряется в толпе, нам его не найти.

Они вошли в магазин. Авардан не спеша приблизился к Шварцу, и его сильная рука крепко сжала плечо беглеца.

Шварц вздрогнул и испуганно рванулся прочь. Однако из хватки Авардана не могли вырваться люди и посильнее Шварца. Авардан улыбнулся и спокойно, так чтобы это могли слышать случайные свидетели, проговорил:

— Привет, старина, давно не виделись. Как поживаешь?

К ним присоединилась Пола.

— Шварц,— прошептала она,— пойдемте с нами.

На мгновение Шварц напрягся, сопротивляясь, затем сдался.

— Я — иду — с — вами,— устало произнес он, но неожиданно грохот громкоговорителя заглушил его слова.

— Внимание! Внимание! Внимание! Администрация приказывает всем, соблюдая порядок, покинуть магазин через выход на пятую линию. В дверях предъявлять регистрационные карточки. Выполнять быстро. Внимание! Внимание! Внимание!

Объявление повторяли трижды, последний раз под топот ног толпы, выстраивающейся в линию у выхода.

— Что случилось? В чем дело?— слышалось со всех сторон.

— Пойдемте,— сказал Авардан, пожав плечами.

Однако Пола покачала головой.

— Мы не можем...

— Почему?— археолог нахмурился.

Не ответив, девушка отошла в сторону. Могла ли она сказать, что у Шварца нет регистрационной карточки? Кем был этот человек? Почему он помогал ей? Она была в отчаянии.

— Вам лучше уйти, иначе у вас могут быть неприятности,— тихо проговорила она.

Верхние этажи магазина уже опустели. Авардан, Пола и Шварц образовали небольшой подвижный островок в потоке людей.

Позднее, вспоминая, Авардан понял, что в этот

момент он мог бы и покинуть девушку. Покинуть и никогда больше не увидеть! И все было бы иначе.

Но он ее не оставил. Едва ли она была привлекательна, охваченная страхом и отчаянием. Но ее беспомощность вызывала у него сочувствие.

Он шагнул, чтобы уйти, и остановился.

— Вы так и будете здесь стоять?

Она кивнула.

— Но почему?

— Потому что,— Пола больше не могла сдерживать слезы,— я просто не знаю, что делать.

Это просто маленькая испуганная девочка, хотя и землянка.

— Если вы объясните мне в чем дело, я постараюсь помочь,— мягко сказал Авардан.

Ответа не было.

И тут к ним приблизился маленький человек.

ГЛАВА 9
КОНФЛИКТ В ЧИКЕ

Лейтенант расположенного в Чике гарнизона Марк Клавдий лениво зевнул, с непередаваемой скукой глядя в пустоту. Заканчивался второй год его службы на Земле, и он с нетерпением ждал смену.

Нигде в Галактике проблема поддержания дисциплины в гарнизоне не была столь сложной, как в этом кошмарном мире. На других планетах существовала определенная дружба между военными и гражданским населением, особенно его женской частью. Там существовала свобода.

Здесь же гарнизон был тюрьмой. В казармы поступал отфильтрованный воздух, свободный от радиоактивной пыли. Здесь надевали пропитанную свинцом одежду, холодную и тяжелую, без которой солдаты подвергались серьезному риску заражения.

Что же оставалось, кроме ворчания, сна и медленного сумасшествия?

Лейтенант Клавдий покачал головой, тщетно пытаясь забыться, еще раз зевнул, сел и начал натягивать туфли.

В следующую минуту он вскочил на ноги, успев надеть лишь одну туфлю, и отдал честь.

Полковник неодобрительно оглядел его и сухо приказал:

— Лейтенант, поступили сообщения о беспорядках в деловом районе. Вы с подразделением дезактивации отправитесь в магазин Дунхама и восстановите порядок. Позаботьтесь, чтобы ваши люди были надежно защищены от заражения радиационной горячкой.

— Радиационная горячка!— воскликнул лейтенант.— Извините, сэр, но...

— Будьте готовы отбыть через пятнадцать минут,— холодно сказал полковник.

Авардан заметил маленького человека первым и замер, когда тот сделал едва заметный приветственный жест.

— Привет, парень. Скажи леди, что вовсе ни к чему увлажнять помещение.

Пола резко подняла голову и затаила дыхание.

— Чего вы хотите?— резко проговорил Авардан.

Маленький человек с пронзительным взглядом уверенно отошел от прилавка, заваленного какими-то пакетами. Тон его был одновременно и заискивающим, и дерзким.

— Есть возможность выйти отсюда,— сказал он,— но вам, мисс, не стоит утруждать себя. Я сам отведу вашего человека назад в институт.

— В какой институт?— со страхом спросила Пола.

— Ну, не стоит,— сказал маленький человек.— Я Наттер, тот парень, который торгует фруктами напротив института. Я видел вас там много раз.

— Слушайте,— неожиданно вмешался Авардан,— в чем дело?

Наттер весело пожал щуплыми плечами.

— Они думают, что у этого парня радиационная горячка...

— Радиационная горячка?— одновременно воскликнули Пола и Авардан.

Наттер кивнул.

— Именно. С ним ели двое, и это их слова. Знаете, такие новости быстро расходятся.

— Так они просто ищут кого-то с горячкой?—

спросила Пола.

— Именно.

— А вы почему не боитесь горячки?— спросил вдруг Авардан.

— А чего мне бояться? У этого парня нет горячки. Посмотрите на него. Румянца нет, глаза в порядке. Я знаю, как выглядят больные лихорадкой. Согласитесь, мисс, и мы выйдем отсюда.

Однако Полой вновь овладел страх.

— Нет, нет. Это невозможно. Он... он...

— Я могу вывести его. Никаких вопросов, никаких регистрационных карточек.

Пола с трудом сдержала восклицание.

— Вы столь важная персона?— с нескрываемой неприязнью спросил Авардан.

Наттер хрипло рассмеялся и показал свой значок.

— Посланник Совета Старейших. Никто не задает мне вопросов.

— И почему вы заинтересованы в этом?

— Деньги. Вы нуждаетесь в помощи, и я могу оказать ее. Все совершенно честно. Вы и я оцениваем эту услугу в сто кредитов. Пятьдесят сейчас, пятьдесят потом.

— Вы отведете его к Старейшим?— с ужасом прошептала Пола.

— Зачем? Им он ни к чему, а для меня стоит сотню кредитов. Если вы дождетесь чужаков, то они пристрелят его, не разбираясь, есть ли у него горячка. Вы же знаете чужаков, убить землянина — для них пустяк. Это даже доставит им удовольствие.

— Возьмите леди с собой,— сказал Авардан.

Маленькие глаза Наттера смотрели на него лукаво и пронзительно.

— О нет. Это было бы неоправданным риском. Я могу провести одного человека, но не двух. И если я беру только одного, то того, кто стоит больше.

— А что, если я пристукну тебя,— проговорил Авардан, хватая его за руку,— и сделаю из тебя калеку? Что тогда?

Наттер вздрогнул, однако быстро взял себя в руки и улыбнулся.

— Что ж, тогда вам крышка. Вас все равно схва-

тят, а к преступлениям прибавится еще одно. Так что лучше попридержите свои руки.

— Пожалуйста,— Пола удержала руку Авардана,— мы должны использовать этот шанс. Пусть будет так, как он предлагает... Вы не обманете нас, не так ли?

Наттер усмехнулся.

— Ваш друг вывихнул мне руку. А я не люблю, когда со мной поступают подобным образом. За это я возьму дополнительные сто кредитов. Итого двести.

— Отец вам заплатит...

— Сотня задатка,— упрямо ответил он.

— Но у меня нет ста кредитов,— Пола заплакала.

— Не беспокойтесь, мисс,— глухо проговорил Авардан,— у меня есть деньги.

Он вынул кошелек, достал несколько банкнот и бросил их Наттеру.

— Действуйте!

— Идите с ним, Шварц,— прошептала Пола.

Ни о чем не думая и ни о чем не беспокоясь, Шварц подчинился. В этот момент он пошел бы даже в ад, не испытывая никаких эмоций.

Они остались одни, глядя друг на друга. Возможно впервые Пола по-настоящему посмотрела на Авардана и с удивлением заметила, что он привлекателен. Держался он уверенно и спокойно.

Они не знали даже имени друг друга.

— Меня зовут Пола Шект,— с улыбкой сказала она.

Авардану ее улыбка напоминала теплое сияние, которое пробуждало у нее чувство... Однако он прогнал прочь эти мысли. Землянка!

Ответил он не так приветливо, как намеревался.

— Я — Бел Авардан.

— Я должна поблагодарить вас за помощь,— сказала девушка.

Авардан сделал протестующий жест.

— Я думаю, что теперь ваш друг в безопасности и вы можете идти.

— Да, конечно.

В это время вдали послышался шум и пронзительные крики. В глазах девушки появился страх.

— В чем дело?— спросил Авардан.

— Это солдаты Империи.

— Вы их боитесь?— в Авардане заговорил самоуверенный неземлянин — археолог с Сириуса, для которого солдаты Империи ассоциировались с разумом и гуманностью.

— Не бойтесь чужаков,— сказал он, снисходя даже до использования местного термина для неземлян,— я беру их на себя.

— Нет, нет, даже не пытайтесь,— с неожиданным беспокойством проговорила она.— Не заговаривайте с ними, просто делайте то, что скажут.

Авардан улыбнулся.

Охранники заметили их, когда до выхода им осталось пройти еще немного, и поспешно отошли назад В это время появилась группа солдат в круглых стеклянных шлемах, перед которыми толпа в ужасе раздвинулась в стороны.

Лейтенант Клавдий, шедший впереди, приблизился к охранникам-землянам у главного входа.

— Эй, у кого здесь горячка?

Его лицо слегка искажало защитное стекло шлема, содержащего чистый воздух. Радио, через которое он говорил, придало голосу металлический оттенок.

Охранник склонил голову с выражением глубокого почтения.

— С вашего разрешения, ваша честь, мы изолировали его в магазине. Двое, бывшие с ним, сейчас стоят перед вами.

— Вот эти? Отлично. Пусть остаются здесь. Теперь я хочу в первую очередь избавиться от этой толпы. Сержант! Очистите площадь!

Последовала зловещая процедура. Сгущающиеся сумерки нависли над Чикой и вскоре толпа растворилась в темноте. На улицах загорелось мягкое искусственное освещение.

Лейтенант Клавдий постучал концом своей нейроплети по тяжелым ботинкам.

— Вы уверены, что больной в магазине?

— Он не выходил, ваша честь. Значит, должен быть там.

— Хорошо, предположим, что это так и не будем

терять времени. Сержант! Дезактивировать здание!

Группа солдат, изолированная герметическими костюмами, направилась в здание.

Прошло четверть часа.

Авардан внимательно наблюдал за происходящим.

Когда последние солдаты вышли на улицу, была уже глубокая ночь.

— Опечатать двери!

Теперь лейтенант подошел к Поле и Авардану.

— Как его звали?— спросил он голосом, полным безразличия, и добавил: — Больной должен быть убит.

Ответа он не получил. Пола опустила глаза, а Авардан с любопытством наблюдал за ним. Офицер Империи, не сводя с них глаз, сделал полшага вперед.

— Проверьте их на инфекцию,— дал он команду солдатам.

Приблизившийся к ним офицер со значком имперской медицинской службы не был особенно вежлив при обследовании.

— Инфекции нет, лейтенант. Если бы они заразились сегодня днем, это было бы заметно уже сейчас.

— Ухм...— Лейтенант снял шлем и хрипло спросил у Полы: — Твое имя, скво?

Обращение само по себе было оскорблением, тон же, которым оно было произнесено, усиливал его вдвойне, однако Пола не проявила никаких признаков негодования.

— Пола Шект,— шепотом ответила она.

— Документы!

Пола достала розовую книжицу из небольшого кармана своей белой куртки.

Лейтенант при свете карманного фонаря просмотрел ее и бросил на землю. Пола нагнулась, быстро подняла ее.

Авардан нахмурился и решил, что настало время вмешаться.

— А теперь посмотрите сюда,— сказал он.

Лейтенант с яростью в глазах повернулся к нему.

— Что ты сказал?

В ту же минуту Пола оказалась между ними.

— С вашего разрешения, сэр, этот человек не имеет к происшедшему никакого отношения. Я вижу его впервые...

Лейтенант оттолкнул ее в сторону.

— Я спрашиваю, что ты сказал?

Авардан ответил ему холодным взглядом.

— Я сказал — а теперь посмотрите сюда. И я хочу добавить, что мне не нравится, как вы обращаетесь с женщиной. Я советую вам улучшить свои манеры.

Лейтенант Клавдий невесело улыбнулся.

— Откуда это ты взялся? Ты не знаешь, что следует добавлять «сэр», обращаясь ко мне? Ты что, забыл свое место? Ну что ж, вспомню, какое удовольствие я испытывал, обучая землян.

И его ладонь с быстротой броска змеи дважды прошлась по лицу Авардана. Авардан пораженно отступил назад, чувствуя шум в ушах. Затем он мгновенно перехватил направленную на него руку, успел заметить удивление, появившееся на лице его противника...

Он слегка напрягся...

Лейтенант с глухим стуком свалился на землю, разбив свой шлем.

Авардан мстительно улыбнулся.

— Может быть, еще какой-нибудь подонок попытается проделать то же самое с моим лицом?

Однако сержант уже поднял свой нейрохлыст. Щелкнул спуск и появилась слабая фиолетовая вспышка. Тело Авардана застыло от невыносимой боли. Он медленно стал опускаться на колени, а затем, потеряв сознание, упал.

Когда туман в его сознании рассеялся, Авардан почувствовал приятную прохладу на лбу. Он попробовал открыть глаза. Веки, казалось, были подвешены на ржавых шарнирах. Отказавшись от попытки, он бесконечно медленно (движения каждой мышцы вызывали острую боль) поднял руку к лицу.

Маленькая рука держала мягкое влажное полотенце...

Он с трудом открыл один глаз. Все перед ним было словно в пелене.

— Пола,— проговорил он.

Ответом было тихое радостное восклицание.

— Да. Как вы себя чувствуете?

— Как после смерти,— с трудом выговорил он.— За исключением боли... Что произошло?

— Нас привезли на военную базу. Здесь был полковник. Они обыскали вас.., я не знаю, что они собираются делать, но... Ох, не нужно было вам бить лейтенанта. Мне кажется, вы сломали ему руку.

Авардан с трудом улыбнулся.

— Отлично. Жаль, что не шею.

— Но сопротивление офицеру Империи — серьезное преступление.— В ее голосе слышался испуг.

— В самом деле? Это мы еще посмотрим.

— Тсс... Они возвращаются.

В комнату вошел полковник.

Авардан закрыл глаза и расслабился. Восклицание Полы дошло до него слабым эхом, и, почувствовав прикосновение иглы шприца, он не смог даже пошевельнуться.

А затем наступило изумительное спокойствие, боль испарилась. Напряжение, сковывающее мышцы рук и ног исчезло. Он быстро открыл глаза и одним движением сел.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Итак, доктор Авардан,— сказал он,— прошлым вечером произошел неприятный инцидент.

Авардан коротко рассмеялся.

— Неприятный, говорите? Мне кажется это несколько неподходящее определение.

— Вы сломали руку офицеру Империи, выполнявшему свои обязанности.

— Офицер первым ударил меня. В его обязанности не входит оскорбление меня как словесно, так и физически. Как свободный гражданин Империи я имел право защищаться.

Полковник смутился, видимо, не находя слов. Пола смотрела на обоих широко открытыми от удивления глазами.

— Я полагаю,— наконец мягко произнес он,— что все происшедшее следует считать несчастным случаем. Думаю, что лучше будет забыть обо всем.

— Забыть? Не думаю. Я гостил во дворце Наместника, и его может заинтересовать то, как его гар-

низон поддерживает порядок на Земле.

— Я заверяю, что вы получите публичное извинение.

— К черту. Что вы собираетесь делать с мисс Шект?

— Что вы предлагаете?

— Вы освободите ее, вернете документы и извинитесь — немедленно.

— Конечно,— покраснев, с усилием выговорил полковник.— Он повернулся к Поле.— Соблаговолите, леди, принять мои глубочайшие извинения...

Темные стены казарм остались позади. За десять минут аэротакси доставило их на территорию города, и теперь они стояли возле института, погруженного в безмолвную темноту. Было уже за полночь.

— Не понимаю,— сказала Пола.— Должно быть, вы — очень важная персона. Странно, что я не слышала вашего имени. Я и не представляла, что чужаки могут так относиться к землянину.

Авардану не очень то хотелось признаваться, но все же он решился покончить с недоговорками.

— Я не землянин, Пола, я — археолог из сектора Сириуса.

Пола быстро повернулась к нему, лицо ее, залитое лунным светом, было бледно.

— Значит вы сопротивлялись солдатам потому, что вам ничего не угрожало, и вы знали это. А я думала...

В ее словах звучала резкая горечь.

— Я должна была догадаться.

— Покорнейше прошу простить меня, сэр, если сегодня я в своем неведении позволила себе быть неуважительной по отношению к Вам...

— Пола,— воскликнул он,— в чем дело? Ну и что, если я не землянин? Разве это делает меня иным, чем пять минут назад?

— Вам нужно было предупредить меня, сэр.

— Я не просил называть меня, «сэр». Не будь такой, как они все, слышишь?

— Как кто, сэр? Как отвратительные звери, населяющие Землю?.. Я должна вам сто кредитов.

— Забудьте,— неприязненно сказал Авардан.

— Я не могу выполнить этот приказ. Если вы оставите мне свой адрес, завтра я вышлю деньги.

Авардан неожиданно почувствовал ожесточение.

— Вы должны мне гораздо больше, чем сто кредитов.

Пола закусила губу и проговорила покорным тоном:

— Я могу возвратить лишь эту часть своего огромного долга. Итак, ваш адрес?

— Посольство,— бросил он через плечо, растворяясь во тьме.

Проводив его взглядом, больше не в силах сдерживаться, Пола заплакала.

Шект встретил Полу в дверях своего кабинета.

— Он вернулся,— сказал он.— Его привел маленький худой человек.

— Хорошо,— с трудом выговорила Пола.

— Он потребовал двести кредитов, и я заплатил.

— Он должен был получить сто, но это пустяки.— Она прошла в кабинет.

— Я страшно беспокоился,— проговорил Шект.— Эти беспорядки по соседству... Я не смел никого расспрашивать, чтобы не подвергать тебя опасности.

— Все в порядке. Ничего не случилось... Разреши переночевать здесь, отец.

Однако, несмотря на усталость, уснуть она не смогла, потому что думала об Авардане. Да, что-то с ней произошло! Она встретила человека, и он был чужаком.

Но у нее есть его адрес.

ГЛАВА 10
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ

Эти два землянина имели прямое отношение к власти. Только один из них обладал реальной властью, а второй — ее видимостью.

Они были противоположны друг другу, эти двое землян.

Так, премьер-министр был наиболее значительным человеком Земли, признанным правителем планеты, подчиняющимся непосредственно Императору или его представителю — Наместнику. Его же секретарь, казалось, был никем. Просто — член Совета Старейших, занимающийся незначительными делами, порученными ему премьер-министром, который при желании всегда мог его уволить.

Премьер-министр, известный всей Земле, рассматривался как верховный арбитр в делах, касающихся законов. Именно он объявлял освобождение от Шестидесяти, судил нарушителей обычаев, тех, кто не был согласен с долей производства и потребления, нарушителей запретных территорий и так далее.

В то же время секретарь не был известен широкому кругу лиц, за исключением Совета Старейших.

Премьер-министр хорошо владел языком и часто выступал с высоко эмоциональными речами с налетом сентиментальности. Он был светловолосым, с аристократическими чертами лица.

Курносый же секретарь с непропорциональным лицом предпочитал краткость велеречивости, ворчание — словам, а безмолвие — ворчанию.

Именно премьер-министру обладал видимостью власти, а на самом деле она принадлежала секретарю. Оставаясь наедине в кабинете премьер-министра, оба эти человека осознавали это со всей очевидностью.

На этот раз премьер-министр был раздражен и озадачен, а секретарь — холодно равнодушен.

— Чего я не могу понять,— говорил премьер-министр,— так это связи между двумя сообщениями, которые вы доставили мне. Сообщения, сообщения...

Он поднял руку над головой и яростно ударил по воображаемой кипе бумаги.

— У меня нет для них времени.

— Вот именно,— холодно произнес секретарь.— Поэтому вы и наняли меня. Я читаю их, обдумываю, принимаю по ним решения.

— Хорошо, друг мой Балкис, стало быть, это ваше дело. С этими пустяками следует разобраться быстро.

— Пустяками? Когда-нибудь ваше сиятельство может постичь большая неудача, если вы не научи-

тесь яснее судить о вещах... Давайте посмотрим, что означают эти доклады, а потом я вас спрошу, считаете ли вы их по-прежнему пустякам. Во-первых, у нас имеется сообщение от сотрудника Шекта, и это первое, что навело меня на след.

Балкис язвительно улыбнулся.

— Ваша светлость, разрешите мне напомнить вам о некоторых важных исследованиях, вот уже несколько лет ведущихся на Земле.

— Тсс!— премьер-министр неожиданно утратил внешнее величие и растерянно посмотрел на секретаря.

— Ваша светлость, только уверенность принесет нам победу... Вы знаете, конечно, что успех определенных замыслов, зависит от правильного использования маленькой игрушки Шекта — Синапсайфера. И вот, без предупреждения, Шект подвергает обработке неизвестного человека, тем самым полностью нарушая наши указания.

— Здесь,— заметил премьер-министр,— все просто. Приструните Шекта, заключите неизвестного под стражу, и делу конец.

— Нет, нет. Вы слишком прямолинейны, ваше сиятельство. Вы не уловили самой сути. Важно не то, что сделал Шект, а то, почему он это сделал. Заметьте, совпадения, существующие в этом деле,— целая цепь многозначительных признаков. В тот же день Шекта посетил Наместник Земли, и сам Шект с выражением преданности сообщил нам обо всем происшедшем между ними. Энус хотел получить Синапсайфер для Империи. Кажется, он обещал помощь участием самого Императора.

— Хмм...— произнес премьер-министр.

— Вы заинтригованы? Подобное предложение выглядит привлекательно в сравнении с опасностями, исходящими от взятого нами направления... Вы помните, нам обещали пищу во время голода пять лет назад. Купить мы ничего не могли, потому что не имели имперских кредитов, а производимые у нас товары, как зараженные радиацией, они принимать не желали. Получили ли мы пищу безвозмездно, как это было обещано? Дали ли нам хотя бы заем? Сотни тысяч людей умерли от голода. Не стоит верить обе-

щаниям чужаков.

Но не в этом дело. Что дала Шекту его демонстрация лояльности? Конечно же, то, что мы перестанем в нем сомневаться. И наверняка не будем подозревать его в измéне.

— Вы подразумеваете самовольный эксперимент?

— Да, ваше сиятельство. Кем был человек, подвергнутый обработке? У нас есть его фотография, и, благодаря помощи лаборанта Шекта, другие сведения о нем. Проверка в отделе планетарной регистрации не дала результатов. Отсюда вывод — он не землянин, то есть чужак. Далее, Шект должен был знать об этом, так как регистрационную карточку подделать невозможно. Так, неоспоримые факты подводят нас к мысли, что Шект сознательно подверг обработке на Синапсайфере чужака. Но почему?

Ответ на это может быть болезненно прост. Шект не является идеальным инструментом для наших целей. В молодости он был ассимиляционистом, даже выступал за выборы на платформе партии, ратующей за сотрудничество с Империей.

— Этого я не знал. Почему мне не сообщили? Шект опасен для нас.

Балкис мягко и снисходительно улыбнулся.

— Шект изобрел Синапсайфер и по-прежнему остается единственным человеком, по-настоящему понимающим его действие. За ним всегда наблюдали, а теперь будут наблюдать еще пристальнее. Не забывайте, что предатель в наших рядах, которого мы знаем, может нанести неприятелю больше вреда, чем преданный человек принесет нам пользы.

Итак, пойдем дальше. Шект подверг обработке на Синапсайфере чужака. Зачем? Прибор можно использовать лишь для одной цели — улучшения мышления. Зачем им это понадобилось? А затем, что только так можно превзойти наших ученых, мышление которых уже улучшено Синапсайфером. Что скажете? Это означает, что у Империи есть, по крайней мере, отдаленные подозрения относительно того, что готовится на Земле. Пустяки ли это, ваше сиятельство?

На лбу премьер-министра выступили капли пота.

— Вы уверены в этом?

— Факты складываются в головоломку, которую можно решить только таким образом. Чужак, подвергнутый обработке, обладает неординарной, можно сказать даже, отталкивающей внешностью. Неплохой ход, потому что и лысоватый полный человек может быть лучшим агентом разведки Империи. О да, да. Кому еще можно поручить подобную миссию?.. Однако мы следим за этим пришельцем, чье имя, между прочим, насколько нам известно, Шварц. Проанализируем теперь оставшиеся сообщения.

Премьер-министр быстро взглянул на них.

— Те, которые касаются Бела Авардана?

— Доктора Бела Авардана,— уточнил Балкис.— Известного археолога из прекрасного сектора Сириуса — этого края смелых и благородных болванов.

Итак, мы имеем, так сказать, отражение Шварца в кривом зеркале, поэтический контраст. Вместо неизвестного — знаменитая личность. Он является не тайно, нет, его приезд вполне официален. О нем сообщает не какой-то неизвестный лаборант, а сам Наместник Земли.

— Вы думаете, здесь есть связь?

— Вполне можно допустить, что один предназначен для отвлечения внимания от другого. Или же, учитывая что правящие классы Империи достаточно профессиональны в плетении интриг, перед нами могут быть образцы двух методов маскировки. В случае со Шварцем свет погашен. В случае с Аварданом он слепит нам глаза. Ни в одном, ни в другом случае мы не должны увидеть ничего... Вспомните, о чем предупреждал нас Энус, говоря об Авардане.

Премьер-министр задумчиво потер нос.

— Он говорил, что Авардан возглавляет археологическую экспедицию и намеревается с научной целью проникнуть в запретные зоны. Он заявил, что не желает нарушения наших обычаев, и что если мы сумеем вежливо остановить Авардана, то он постарается оправдать наши действия перед имперским советом. Что-то в этом роде.

— И мы начали пристально наблюдать за Аварданом. С какой целью? Чтобы предотвратить само-

вольное проникновение в запретные зоны. Перед нами глава археологической экспедиции без людей, корабля и оборудования. Перед нами чужак, который не остается среди своих в Гималаях, а отправляется путешествовать по Земле, причем, первым делом едет в Чику. И как наше внимание отвлекают от всех этих странных и подозрительных обстоятельств? Просто предлагают нам наблюдать за чем-то, не имеющим никакого значения.

Заметьте также, что Шварца шесть дней скрывали в институте. И вдруг он убегает. Не странно ли это? Дверь неожиданно оказалась незапертой. И так же неожиданно никого не оказалось в коридоре. А в какой день он сбежал? Именно в тот, когда Авардан прибыл в Чику. Еще одно странное совпадение.

— Значит, вы думаете..,— растянуто произнес премьер-министр.

— Я думаю, что Шварц — агент чужаков на Земле, Шект — их связной с представителями среди нас, а Авардан поддерживает их связь с Империей.

Обратите внимание на профессионализм, с которым была организована встреча Шварца и Авардана. Шварцу позволяют сбежать, а спустя определенное время за ним направляется дочь Шекта. Прекрасная страховка на случай какого-либо сбоя в их рассчитанной комбинации — она неожиданно находит его, и для окружающих он становится бедным больным пациентом.

Теперь следите внимательно. При первой встрече Шварц и Авардан, казалось бы, не замечают друг друга. Это предварительная встреча, которая просто должна подтвердить, что все в порядке, и можно переходить к следующему этапу... По крайней мере в том, что они недооценивают наши возможности, их обвинить нельзя.

Авардан встречает дочь Шекта. Разыграв небольшую сценку, они направляются в магазин, где к ним присоединяется Шварц. Для встречи выбрано идеальное место. Ни одна пещера в горах не обеспечит большей безопасности. Все слишком открыто, чтобы вызвать какие-либо подозрения. Изумительно, нужно отдать должное нашим противникам.

Премьер-министр скорчился в своем кресле.

— Противник, у которого слишком много достоинств, может одержать победу.

— Это невозможно. Он уже потерпел поражение. И здесь нужно вспомнить неоценимого Наттера.

— Кто это такой?

— Всего лишь незначительный агент, действовавший по собственной инициативе. Его заданием было наблюдение за Шектом. С этой целью он держал лоток с фруктами напротив института. На последней неделе ему было поручено следить за Шварцем.

Он видел, как человек, известный ему по фотографиям, сбежал, и, оставаясь незамеченным, следил за каждым его шагом. Это в его докладе описаны вчерашние события. С невероятной интуицией он догадался, что действительной целью «бегства» была встреча с Аварданом. В одиночку он не мог следить за этой встречей, и поэтому решил не допустить ее. Он сообщает местным властям о больном радиационной горячкой, и, к счастью, они оказались достаточно сообразительными, чтобы действовать быстро. Магазин был очищен от людей, и тем самым маскировка, на которую они рассчитывали, исчезла. Они остаются одни в магазине, в весьма подозрительном положении. И тут к ним подходит Наттер и предлагает отвести Шварца в институт. Они соглашаются, потому что другого выхода у них нет. И таким образом в этот день Авардан и Шварц не сказали друг другу ни слова. К счастью, он не сделал глупости, арестовывая Шварца. Таким образом, наши противники по-прежнему не знают о провале, что позволяет нам вести еще более крупную игру.

Но Наттер на этом не остановился. Он уведомил имперский гарнизон, и это был великолепный шаг, поскольку он создал ситуацию, на которую Авардан явно не рассчитывал. Ему оставалось либо раскрыть себя как чужака, отказавшись тем самым от дальнейших действий, успех которых, по-видимому, зависел от его маскировки под землянина, либо продолжать скрывать свое происхождение со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Он выбирает вторую, более героическую возможность и

даже ломает руку офицеру Империи, чтобы это выглядело достоверно. Это, по крайней мере, нужно зачесть в его пользу. Его действия весьма знаменательны. Зачем чужаку подставлять себя под нейрохлыст из-за какой-то землянки, если речь не шла о деле первостепенной важности?

Черты лица премьер-министра исказил страх.

— Хорошо вам, Балкис, из подобных мелких деталей плести свою сеть. Вы делаете это умело, и я чувствую, что дела обстоят именно так, как вы говорите. Логика не оставляет другой возможности... Но это значит, что они совсем близко, Балкис. Совсем близко... И на этот раз они будут безжалостны.

Балкис пожал плечами.

— Они не могут быть совсем близко, иначе, учитывая потенциальную опасность для всей Империи, удар был бы нанесен немедленно. А их время ограниченно. Чтобы чего-либо достичь, Авардан должен встретиться со Шварцем, так что я могу предсказать вам будущие события. Шварца необходимо сейчас же отослать и подождать, пока спадет накал событий.

— Но куда его послать?

— И на это есть ответ. Шварца привез в институт мужчина, по-видимому, фермер. Его описание дают как лаборант Шекта, так и Наттер. Мы просмотрели личные дела всех фермеров, живущих в пределах шестидесяти миль от Чики, и Наттер опознал мужчину. Его зовут Арбин Марен. Независимо от него это подтвердил и лаборант.

Мы незаметно навели о нем справки, и похоже на то, что он содержит своего тестя-инвалида, скрывая его от Шестидесяти.

Премьер-министр ударил по столу.

— Подобные случаи стали слишком часты, Балкис. Необходимо усилить наказания...

— Тут дело не в том, ваше сиятельство. Важно другое: поскольку фермер нарушает законы, его можно шантажировать.

Шект и его друзья-чужаки нуждаются в подручном, у которого Шварц мог бы безопасно скрываться дольше, чем в институте. Этот, по-видимому ничего не подозревающий и беззащитный фермер, идеально

подходит для данной цели. Что же, за ним будут следить. Мы не выпустим Шварца из поля зрения... Чтобы организовать ему встречу с Аварданом нужно время, и на этот раз мы будем к ней готовы. Теперь вам все ясно?

— Да.

— Хвала Земле. Тогда я покину вас.— И, иронически улыбнувшись, он добавил.— С вашего разрешения, конечно.

Премьер-министр, не замечая иронии, кивнул.

Секретарь направился в свой небольшой кабинет. Временами, когда он оставался один, мысли выходили из-под жесткого контроля и обращались к потайным уголкам его сознания.

Не много места занимали в них Шект, Шварц, Авардан и еще меньше — премьер-министр.

Перед Балкисом представал вид планеты Трантора, откуда осуществлялось управление гигантскими метрополиями планет всей Галактики. Управление велось из дворца, шпили и изогнутые арки которого он, да и никакой другой землянин, никогда не видел. Он думал о невидимых лучах великолепия и могущества, протянувшихся от солнца к солнцу и сходящихся здесь, в центральном дворце, в руках этой абстракции — Императора, который в конце концов был всего лишь человеком.

Его ум упрямо держался за мысль о собственном могуществе, дающем возможность чувствовать себя богом при жизни. Он сосредоточено думал о том, кто был всего лишь человеком...

Всего лишь человеком! Как и он!

И он может быть...

ГЛАВА 11
УМ, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛСЯ

Перемены в сознании Джозефа Шварца происходили незаметно. Неоднократно в тишине ночи он пытался проследить ход этих перемен и найти переломный момент.

Сначала был день страха, когда он оказался

один в этом странном мире. Воспоминания об этом дне были так же туманны, как и память о самом Чикаго. Потом — путешествие в Чику, так непонятно закончившееся. Он часто об этом думал.

Какая-то машина, проглоченные таблетки. Дни выздоровления, затем бегство, блуждание по городу, необъяснимые события в магазине. И как ясно он все помнит сейчас, два месяца спустя, насколько точна его память!

Уже тогда все начало казаться странным. Он стал чувствовать обстановку. Доктор и его дочь были неспокойны, даже напуганы. Знал ли он это тогда? Или же это было лишь беглое впечатление, усиленное затем его догадками?

Но и затем, в магазине, за мгновение до того, как мужчина схватил его, всего за мгновение, он почувствовал его приближение. Предостережение пришло слишком поздно, чтобы спасти его, но это был определенный признак перемен.

И кроме того — головокружение. Нет, не совсем головокружение. Скорее пульсация, как будто в его голове начинала работать скрытая динамомашина. Ничего подобного в Чикаго не было, если, конечно, предположить, что его воспоминания о Чикаго имели какой-то смысл. Не было этого и в первые дни его пребывания здесь.

Сделали ли с ним что-то в Чике? Машина? Таблетки, предназначенные для обезболивания? Операция? И его мысли вновь, уже в сотый раз, остановились на этом рубеже.

Он покинул Чику на следующий день после неудачного побега, и с этого момента время пошло быстрее.

Гро в своем кресле повторял слова, указывая на предметы или делая движения, так же как до него это делала Пола. И однажды Гро прекратил издавать бессмысленные звуки и заговорил по-английски. Или нет, это он — Джозеф Шварц, прекратил говорить по-английски и стал издавать звуки, которые больше не были бессмысленны.

Все было так просто. За четыре дня он научился читать, удивившись сам. Когда-то в Чикаго у него

была, или ему казалось что была, отличная память. Но на подобное он способен не был. Неизвестно откуда взявшиеся способности Шварца совершенно не вызывали удивления у Гро.

Шварц махнул на все рукой.

Позднее, когда осень по-настоящему окрасила все в желтый цвет, его взяли на полевые работы. Он с легкостью управлялся со сложнейшими машинами после первого же объяснения.

Шварц ждал привычных холодов зимы, но их не было. Зиму он провел, разрыхляя и удобряя землю, всячески подготавливая ее к весеннему севу.

Разговаривая с Гро, он пытался объяснить, что такое снег, но тот лишь удивленно посмотрел на него и ответил:

— Замерзшая вода, падающая как дождь, а? Так это называется снег. Я знаю, что такое бывает на других планетах, но не на Земле.

Позднее Шварц следил за температурой и обнаружил, что она почти не меняется изо дня в день, и все же дни становились короче. Впервые к нему пришла мысль, что он не на Земле.

Он пробовал читать некоторые книги Гро, но вскоре отказался от этого занятия. Изложенные исторические факты, социологические аспекты жизни этих людей ставили его в затруднительное положение.

Загадки продолжались. Все дожди были однообразно теплы. Шварцу строго запрещалось приближаться к определенным местам, однако голубое сияние горизонта все сильнее манило к себе.

После ужина он незаметно покинул дом, но не успел пройти и мили, как послышался шум двигателя автомобиля и свирепый окрик Арбина. Шварцу пришлось остановиться и вернуться назад.

— Вы должны держаться подальше от всего, что светится ночью,— раздраженно проговорил фермер.

— Почему?— покорно спросил Шварц.

— Потому, что это запрещено,— последовал резкий ответ, потом длинная пауза, и Арбин добавил: — Вы действительно не знаете, что это такое, Шварц?

Шварц развел руками.

— Откуда вы явились? Вы чужак?

— Что такое чужак?

Арбин пожал плечами и ушел.

Однако эта ночь имела огромное значение для Шварца, потому что за время его короткого путешествия странные ощущения в сознании он сам для себя определил как Мысленный Контакт.

Он еще раз прокрутил в своем сознании то, что произошло. Он был один в багряной темноте. Его шаги по пружинящему покрытию дороги были почти беззвучны. Он не слышал и не видел никого вокруг. Он не чувствовал ничего.

Не совсем... Казалось, кто-то прикоснулся к нему, но не к его телу. Это было не совсем прикосновение, скорее присутствие, что-то напоминающее едва заметную щекотку.

Их было два — два разных контакта издалека. Второй (как он различал их?) усиливался (хотя нет, это было неподходящее слово), он становился отчетливым, более явным.

Он знал, что это был именно Арбин. Он знал это, по крайней мере, за пять минут до того, как услышал шум автомобиля, за десять минут до того, как увидел Арбина.

Затем эти мысленные контакты повторялись все чаще и чаще.

Теперь он всегда знал, когда Арбин, Ло или Гро находились в пределах сотни футов от него, даже если у него не было никаких оснований предполагать, что они там. В подобное трудно поверить, и все же он начал воспринимать это, как нечто естественное.

Шварц проэкспериментировал и выяснил, что может с точностью указать, где находится один из них, он мог различать их, поскольку каждый имел свой, отличный от других, мысленный контакт. Рассказывать об этом кому-либо так и не отважился.

Иногда он задумывался, что означает первый мысленный контакт, который он ощутил, направляясь к сиянию на горизонте. Это был не Арбин, не Ло и не Гро. Хотя имело ли это какое-нибудь значение?

Как выяснилось позже — имело. Однажды он вновь почувствовал этот контакт. Тогда он спросил у Арбина:

— Что это за леса за южными холмами?

— Ничего особенного,— грубовато ответил тот.— Это министерская земля.

— Что это значит?

Арбин казалось, был раздражен.

— Какое вам до этого дело? Ее называют министерской землей, потому что она принадлежит премьер-министру.

— Так на ней ничего не выращивают?

— Она не предназначена для этого.— В голосе Арбина чувствовалось возмущение.— Это был огромный центр. В древности. Это священное место, которое никто не имеет права посещать. Слушайте, Шварц, если вы хотите жить спокойно, умерьте любопытство и делайте свою работу.

— Значит, никто не может там жить?

— Вот именно. Вы правы.

— Вы уверены?

— Уверен... И не пытайтесь ходить туда. Иначе вам конец.

— Не буду.

Шварц, задумавшись, отошел, чувствуя странное беспокойство. Именно из этого леса пришел мысленный сигнал, и на этот раз к ощущению добавилась нечто новое. Это был враждебный, угрожающий сигнал.

И все же он не смел ни о чем рассказывать никому из членов фермерского семейства. Они бы не только не поверили ему, но положение его стало бы еще хуже. Он знал это. Собственно говоря, он знал слишком много.

Кроме того, он помолодел, похудел и стал шире в плечах. Его мышцы стали сильнее и выносливее, пищеварение улучшилось. Все это было результатом работы на свежем воздухе. Но было кое-что еще, что в большей степени привлекало его внимание. Это были изменения в его мышлении.

Старики обычно забывают, как они умели думать в юности, забывают быстроту своих мысленных решений, смелость юношеской интуиции, живость воображения. Они привыкают больше задумываться над разнообразными причинами, и поскольку это в

конечном итоге дает опыт, считают себя мудрее молодых.

С огромным удовольствием почувствовал Шварц, что понимает все мгновенно, что продвигается от понимания объяснений Арбина к предвидению их, к мысленному опережению собеседника. Это давало ему более реальное ощущение молодости, чем отличное физическое самочувствие.

И вот однажды, спустя два месяца от начала жизни у фермера, Шварц, играя с Гро в шахматы, невольно обнаружил свои новые качества.

Шахматы были те же, только изменились названия фигур. Они были такими, как он их помнил,— это всегда утешало его. По крайней мере в этом отношении память его не обманывала.

Гро рассказал ему о существующих разновидностях шахмат. Среди них были шахматы, в которые играли вчетвером, причем каждый игрок имел свою доску, углами соприкасающуюся с другими, пятая доска, как нейтральная территория, занимала пространство в центре. Существовали объемные шахматы, с расположенными друг над другом восьмью досками, в которых каждая фигура двигалась в трех измерениях, так же, как они обычно двигались в двух, с удвоенным количеством фигур. Победа засчитывалась при мате, поставленном одновременно обоим королям противника. Довольно популярны были шахматы, в которых первоначальное положение фигур определялось бросками костей, или же такие, в которых возможности фигуры зависели от места ее расположения на доске.

Шварц и Гро сыграли уже около полусотни партий.

Сначала Шварц весьма слабо ориентировался в шахматах, и в первых партиях постоянно проигрывал. Однако со временем поражения становились все реже. Постепенно Гро стал чаще проигрывать и каждое поражение сопровождалось его ворчанием.

Гро играл белыми, и его пешка уже прошла на поле противника.

Шварц со скучающим выражением лица следил за игрой, она становилась ему неинтересной, так как

он предчувствовал каждый ход, который намеревался сделать Гро. Все это происходило так, будто Гро имел туманное окно в голове. То, что Шварц почти инстинктивно предугадывал следующий ход противника, было лишь частью окружающих его загадок.

Они играли на «ночной» доске со Шварцем светящимися в темноте голубыми и оранжевыми квадратами. Фигуры, обычно нелепые статуэтки из красноватого пластика, ночью преображались. Половина из них излучала кремовую белизну, придававшую им вид холодного блестящего фарфора, вторая половина светилась слабым красным светом.

Светящиеся фигуры словно скользили по доске по своей воле, тогда как движущая их рука полностью терялась в темноте.

Шварц боялся. Он рисковал узнать о своем безумии, но ему необходимо было знать правду.

— Где я?— неожиданно проговорил он.

Гро, прервав осторожное продвижение своей фигуры, посмотрел на него.

— Что?

Шварц не знал слов, означающих «страна» или «народ».

— Что это за мир?— спросил он, делая ход.

— Земля,— последовал короткий ответ, и Гро с энтузиазмом снял с доски фигуру противника.

Это был совершенно неудовлетворительный ответ. Слово, которое использовал Гро, Шварц мысленно перевел как «Земля»? Но что такое «Земля»? Любая планета — «земля» для живущих на ней. Он передвинул на две клетки королевскую пешку, заставив ладью Гро отступить.

— Какой сейчас год?— спросил Шварц со всем спокойствием и обыденностью, на которые был способен.

Гро замер. Возможно, он был даже напуган.

— Что это на тебя нашло сегодня? Не хочешь играть. Если это доставит тебе удовольствие, сейчас 827 год. Г. Э.— добавил он иронически и, нахмурившись, стал обдумывать очередной ход. Шварц мягко спросил:

— Что такое Г.Э.?

— Что?— недовольно переспросил Гро.— А, ты все еще интересуешься, какой сейчас год? Что же, я забыл, что ты научился говорить всего месяц назад. Но ты хорошо соображаешь. Ты действительно не знаешь? Это значит 827 год галактической эры. Галактическая эра — Г.Э., ясно? 827 год со времени основания Галактической Империи, со дня коронования Франкена Первого. А теперь твой ход, пожалуйста.

Однако Шварц задержал его руку, готовую сделать ход. Им овладело отчаяние.

— Минутку,— сказал он, ставя фигуру на место.— Вы знаете эти названия: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа...

Возможно, Гро слегка покачал головой, но Шварцу не нужно было этого видеть. Он почувствовал отрицание так же ясно, как если бы оно было высказано.

— Вы не знаете где можно найти карту?— сделал он еще одну попытку.

— Никаких карт,— проворчал Гро,— если ты не хочешь рискнуть своей головой, в Чике. Я не географ.

— Рискнуть головой? Почему?— взволновался Шварц. Может быть, он совершил преступление, и Гро знает об этом?

— У Солнца девять планет, не так ли?— спросил он с сомнением.

— Десять,— последовал уверенный ответ.

Шварц колебался. Конечно, они могли открыть еще одну планету, о которой он не слышал. Но тогда откуда Гро знает о ней? Он подсчитал на пальцах.— Шестая планета, у нее есть кольца?

Гро медленно продвинул вперед королевскую пешку, и Шварц мгновенно сделал то же самое.

— Ты имеешь в виду Сатурн?— спросил Гро.— Конечно, у него есть кольца.— Он раздумывал, взять ли пешку короля или пешку ладьи. Последствия и того и другого хода были неясны.

— А между Марсом и Юпитером находится пояс астероидов — маленьких планет? Я имею в виду между четвертой и пятой планетами.

— Да,— пробормотал Гро. Он вынул изо рта

трубку и напряженно размышлял.

Шварц уловил его невнимание и был раздражен. Теперь, когда он удостоверился, что находится на Земле, игра не значила для него абсолютно ничего.

— А ваши книги, они реальны? Существуют другие планеты? На них живут люди?

На этот раз Гро оторвал глаза от доски, вглядываясь в темноту.

— Ты спрашиваешь серьезно?

— Существуют?

— Клянусь Галактикой! По-моему, ты действительно не знаешь!

Шварц почувствовал себя униженным собственным невежеством.— Пожалуйста...

— Конечно, существуют планеты. Миллионы планет! Почти каждая звезда, которую ты видишь, имеет планеты, их имеют и большинство тех звезд, которые не видны. Все это часть Империи.

В сознании Шварц ощущал слабое эхо его слов, идущее непосредственно от одного ума к другому. Он чувствовал, что с каждым днем мысленный контакт становится все сильнее. Возможно, вскоре он будет слышать эти тихие слова, когда собеседник думает, не произнося их вслух.

И тут впервые он наконец подумал о возможной альтернативе безумия. Прошел ли он каким-то образом сквозь время? Может быть, проспал?

— Как давно это все произошло, Гро?— хрипло проговорил он.— Сколько времени прошло с того момента, когда была только одна планета?

— Что ты хочешь этим сказать?— Гро неожиданно стал осторожен.— Ты как-нибудь связан со Старейшими?

— С кем? Я не связан ни с кем, но разве не была Земля единственной планетой?.. Не была?

— Старейшие говорят, что была,— мрачно сказал Гро,— но кто знает? Планеты существовали в течение известной истории.

— Сколько это времени?

— Я думаю — тысячи лет. Пятьдесят тысяч, сто тысяч,— не знаю.

Тысячи лет! Шварц почувствовал прорываю-

щийся хрип в горле и, охваченный паникой, сдержал его. И все это между двумя шагами? Мгновение — и он миновал тысячи лет? Он вновь вернулся к амнезии. Его идентификация солнечной системы должна быть результатом пробивающейся сквозь туман болезни искаженной памяти.

Тем временем Гро делал очередной ход, и почти автоматически Шварц мысленно отметил ошибку. Он задержался, прежде чем приступить к конечной атаке.

— Земля — ее глава, не так ли?— сказал он.

— Глава чего?

— Имп...

Гро расхохотался так, что фигуры на доске задрожали.

— Слушай, я устал от твоих расспросов. Ты что круглый дурак? Похожа ли Земля на главу чего-либо?— послышалось тихое жужжание, и кресло Гро объехало стол. Шварц почувствовал пальцы, сжавшие его руку.

— Смотри! Смотри сюда!— Голос Гро перешел в отрывистый шепот.— Видишь горизонт? Сияние?

— Да.

— Это Земля — вся Земля такая.

— Я не понимаю.

— Почва Земли радиоактивна. Она светится, светилась и будет светиться всегда. Ничего не растет. Никто не может жить... Неужели ты действительно не знал этого. Как ты думаешь, почему у нас установлено Шестьдесят?

Инвалид успокоился и вновь объехал стол.

— Твой ход.

Шестьдесят! Опять мысленный контакт с неуловимой атмосферой угрозы. Шварц автоматически передвигал фигуры, с замирающим сердцем обдумывая услышанное.

Спустя некоторое время он заговорил вновь.

— Что такое Шестьдесят?

— Почему ты спрашиваешь об этом?— с резким недружелюбием проговорил Гро.— Что тебе нужно?

— Пожалуйста,— покорно произнес Шварц.— Я совершенно безвредный человек. Я не знаю ни кто я, ни что со мной случилось. Возможно, у меня амнезия.

— Весьма вероятно. Ты сбежал от Шестидесяти? Говори правду?

— Но я же сказал, что не знаю, что такое Шестьдесят!

По-видимому, Гро поверил в его искренность. Долгое время он молчал. Шварц отчетливо чувствовал его мысленный контакт, но не мог разобрать слов.

— Шестьдесят — это твое шестидесятилетие,— медленно сказал Гро.— Земля может содержать двадцать миллионов человек, не больше. Чтобы жить, человек должен работать. Кто не может работать, тот не может жить. После шестидесяти ты не можешь работать...

— И тогда...,— Шварц замер с открытым ртом.

— Человека устраняют. Это не больно.

— Его убивают?

— Это не убийство,— жестко проговорил Гро.— Так должно быть. Другие планеты не желают принимать нас, а мы должны как-то освободить место для детей. Это долг старшего поколения перед младшим.

— А что если кто-то скроет, что ему шестьдесят?

— Зачем? Жизнь после шестдесяти невесела. И каждые десять лет проводится Проверка, и всех, кто достаточно глуп, чтобы пытаться жить, так или иначе обнаружат. Кроме того, у них зарегистрирован возраст каждого.

— Но не мой.— Слова сами вырвались у него.— Кроме того, мне всего пятьдесят — исполнится.

— Это не имеет значения. Они могут проверить возраст, проведя анализ костей. Ты не знал этого? Подобные вещи невозможно скрыть. На этот раз они заберут меня... Твой ход.

Шварц проигнорировал напоминание.

— Вы имеете в виду, что они...

— Именно. Мне всего пятьдесят пять, но посмотри на мои ноги. Могу ли я работать? В нашей семье зарегистрировано трое, и соответственно на троих рассчитана наша доля. Нужно было сообщить, когда меня разбил паралич, и долю бы уменьшили, но тогда я получил бы предварительные Шестьдесят, а Арбин с Ло не пожелали этого. Они повели себя как дураки, потому что это означало тяжелую работу для

них, пока не появился ты. И все равно в следующем году меня заберут... твой ход.

— В следующем году Проверка?

— Точно... Твой ход.

— Подождите!— нетерпеливо воскликнул Шварц.— Но кто-нибудь живет после шестидесяти? Есть исключения?

— Не для таких, как мы с тобой. Премьер-министр и члены Совета Старейших живут полную жизнь, некоторые ученые, имеющие особые заслуги. Таких немного. Может быть, дюжина... Твой ход!

— Кто это решает?

— Премьер-министр, конечно. Ты будешь ходить?

Однако Шварц встал.

— Это не имеет смысла. Я ставлю мат в пять ходов.— И он быстро назвал свои действия.

— Хорошая партия,— автоматически добавил он.

Гро посмотрел на доску, после чего с криком сбросил ее со стола. Светящиеся фигуры рассыпались по земле.

— Вы... со своей проклятой болтовней..,— закричал он.

Однако Шварц был поглощен мыслью спасения от Шестидесяти. Потому, что хотя Браунинг и сказал:

«Со мною к старости иди!
Все лучшее ждет впереди...»

сказано это было на Земле, на которой жили миллиарды людей, и на всех хватало пищи. Лучшее, которое ждет впереди, теперь означало шестьдесят и смерть.

Шварцу было шестьдесят два года.

Шестьдесят два...

ГЛАВА 12
УМ, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ

Все было очень тщательно обдумано Шварцем. Раз он не хотел умирать, необходимо покинуть ферму. Если он останется здесь, то будет Проверка, а

вместе с ней смерть. Итак, надо покинуть ферму. Но куда идти?

Он вспомнил, что это было,— госпиталь?— в Чике. Там о нем заботились. Но почему? Потому, что он был для них объектом научного опыта. Но разве не остался он им и теперь? Он может разговаривать, может описать им симптомы, чего прежде сделать не мог. Он может даже рассказать им о мысленном контакте.

А что если мысленным контактом обладали все люди? Может ли он знать, так это или нет?.. Ни у Арбина, ни у Ло, ни у Гро его не было. Это он знал. Не слыша и не видя его, они не знали, где он находится. Да и не выигрывал бы он у Гро в шахматы, если бы тот мог...

Стоп, ведь шахматы — популярная игра. А если бы люди обладали мысленным контактом, играть в эту игру было бы невозможно.

Эти размышления привели Шварца к мысли, что он обладает особым психологическим складом ума. Возможно, роль подопытного предполагала не особенно приятную жизнь.

А если предположить, что верна новая пришедшая ему в голову гипотеза? Что, если он не болен амнезией, а прибыл из прошлого? Значит, он представляет ценность для историков, археологов. При очередной Проверке можно все рассказать и, значит, ему не грозит смерть.

Если ему поверят, конечно.

Вот доктор должен ему поверить. Он был небрит в то утро, когда Арбин отвез его в Чику. Он прекрасно помнит это. Позже волосы на лице расти перестали, значит, они что-то сделали с ним. Тогда доктор должен помнить, что он — Шварц — имел на лице волосы. Разве этого мало? Гро и Арбин никогда не брились. Как-то Гро сказал ему, что волосы на лице имеют только звери.

Итак, нужно найти доктора.

Как его звали? Шект?.. Да, Шект.

Но он так плохо знал этот ужасный мир! Если он уйдет ночью, ему трудно будет ориентироваться в пути, он может попасть в радиоактивные ловушки, о которых ничего не знает. Поэтому с отчаянием че-

ловека, не имеющего выбора, рано утром он вышел на шоссе.

До ужина его ждать не будут, а за это время он успеет уйти далеко.

Первые полчаса у него было приподнятое настроение, впервые с того времени, как все это началось. Наконец он что-то делает, пытается бороться с окружающим его миром. И на этот раз перед ним стояла цель! Это был не просто бессмысленный побег, как тот раз в Чике.

Для старика он — в неплохой форме. Он им еще покажет!

И тут Шварц замер. Он остановился посередине шоссе потому, что вдруг напомнило о себе что-то, о чем он забыл.

Это был тот странный сигнал, неизвестный мысленный сигнал, который он почувствовал, когда пытался достичь светящегося горизонта, но был задержан Арбином, сигнал с министерской земли.

Сейчас он почувствовал, что этот кто-то — сзади и следит за ним.

Он внимательно прислушался, или, по крайней мере, сделал то, что было эквивалентом этого действия по отношению к мысленному контакту.

Он не приближался, но усиливался. Он содержал осторожность и враждебность, но не отчаяние.

Стало ясно и другое. Целью преследователя было не выпускать его из виду, к тому же он был вооружен.

Осторожно, почти бессознательно, Шварц повернулся, пристально вглядываясь в горизонт. И сигнал, полученный им, мгновенно изменился. Он стал осторожным, неуверенным в собственной безопасности и в успехе своих планов, в чем бы они не состояли. Еще яснее стал факт наличия у преследователя оружия, как будто тот размышлял о возможности его применения в случае необходимости.

Шварц понимал, что сам он был безоружен и беззащитен. Он знал, что преследователь скорее убьет его, чем позволит скрыться, убьет при первом же подозрительном движении... Этот невидимый преследователь...

И Шварц продолжал идти, зная, что преследо-

ватель где-то достаточно близко и готов при случае убить его. Его спина застыла от ожидания неизвестности. Как выглядит смерть?

Шварц держался за мысленный сигнал преследователя, как за спасение. Он должен уловить миг усиления интенсивности, означающий, что оружие направлено на него, спуск нажат и смерть близка. В этот момент он упадет на землю, убежит...

Но зачем? Раз существовали Шестьдесят, не лучше ли встретить смерть сразу?

Теория прыжка во времени вновь ускользнула из его сознания, скорее это все-таки амнезия. Возможно, он опасный преступник, за которым нужно следить. Возможно, его подсознание защищается амнезией от признания какой-то огромной вины.

Так он шел по пустому шоссе навстречу неизвестной судьбе, преследуемый смертью.

Было темно, и дул пронизывающий ветер. По подсчетам Шварца был декабрь, что подтверждало и время восхода солнца, однако в прохладе ветра не чувствовалось холода зимы.

Шварц давно решил, что источником постоянного тепла этой планеты (Земли?) было не только Солнце. Радиоактивная почва сама излучала энергию, незаметную на квадратном футе, но гигантскую в масштабе миллионов квадратных миль.

Мысленный контакт невидимого в темноте преследователя приблизился. По-прежнему пристальный и настороженный. Следить в темноте было трудно. Возможно, он не хотел рисковать?

— Эй! Эй, послушайте!— раздался тонкий и гнусавый голос. Шварц замер и медленно повернулся.

Маленькая фигура, с трудом различимая в темноте, не спеша приближалась к нему.

— Эй! Хорошо, что я вас встретил. Не очень весело идти одному. Не возражаете, если я пойду с вами?

— Здравствуйте,— вяло ответил Шварц. Это была материализация того самого мысленного контакта преследователя. И лицо мужчины было ему знакомо. Оно относилось к его туманным воспоминаниям о Чике.

И тут преследователь проявил все признаки распознания.

— Слушайте, я вас знаю. Точно!.. А вы меня помните?

Поверил бы он в искренность говорившего в другое время и при других условиях, Шварц не знал. Однако сейчас он не мог не заметить, что этот тонкий слой деланного распознания не мог скрыть мысленного сигнала, который говорил, кричал ему, что этот маленький человек с пронзительными глазами знал его с самого начала. Знал и готов был в случае необходимости использовать против него оружие.

Шварц покачал головой.

— Ну как же,— настаивал маленький человек.— Помните магазин? Я забрал вас тогда из толпы.— Он деланно рассмеялся.— Они еще думали, что у вас радиационная горячка. Вы должны помнить.

Шварц действительно помнил, смутно и неопределенно. Человек, похожий на этого, и толпа, которая сначала закрыла им дорогу, а затем расступилась перед ними.

— Да,— сказал он.— Рад вас встретить.— Ответ не был особенно остроумным, но Шварц на лучшее способен не был, и маленький человек, по-видимому, не имел ничего против.

— Меня зовут Наттер,— проговорил он, протягивая маленькую руку.— В тот раз я не имел возможности с вами поговорить, но я рад, что представился еще один случай... Давайте познакомимся.

— Шварц,— и он обменялся с маленьким человеком кратким рукопожатием.

— Как вы здесь оказались?— спросил Наттер.— Идете куда-нибудь?

Шварц пожал плечами.

— Просто гуляю.

— Любите ходить пешком? Я тоже. Свежий воздух и так далее. Но всегда приятно иметь спутника. Куда вы идете?

Второй раз Наттер задал этот вопрос, и мысленный сигнал явно говорил, сколь важно для него это. Шварц засомневался, что ему удастся избежать этой темы. Он чувствовал беспокойство в уме преследова-

теля. Никакая ложь не могла ему помочь. И Шварц не знал этот новый мир настолько, чтобы лгать.

— Я иду в больницу,— сказал он.

— Больницу? Какую больницу?

— Ту, в которой я был в Чике.

— Вы имеете в виду институт. Не так ли? Тот, в который я отвел вас тогда из магазина.

Беспокойство и растущая напряженность.

— К доктору Шекту,— сказал Шварц.— Вы его знаете?

— Я о нем слышал. Большой человек. Вы больны?

— Нет, но я должен время от времени навещать его. Звучит ли это убедительно?

— Пешком?— проговорил Наттер.— Разве он не присылает за вами машину?— По-видимому, его слова прозвучали неубедительно.

Шварц промолчал. Наступила натянутая тишина.

Однако Наттер был общителен.

— Слушайте, скоро будет стоп-пункт. Я закажу такси из города. Оно встретит нас на дороге.

— Стоп-пункт?

— Конечно. Они разбросаны вдоль всего шоссе. Видите, вот и он.

Он шагнул в сторону от Шварца, и тот вдруг понял, что кричит:

— Стойте! Ни с места!

Наттер остановился. Когда он повернулся, на его лице не было прежней любезности.

— Что с вами?

Шварц почувствовал, что его знания языка едва хватает для той скорости, с которой у него вырвались слова.

— Я устал от этого притворства. Я знаю вас и знаю, что вы собираетесь делать. Вы хотите сообщить кому-то, что я иду к доктору Шекту. Они будут ждать меня в городе и пришлют за мной машину. А если я попытаюсь убежать, вы меня убьете.

На лице Наттера появились морщины.

— Ты чертовски прав насчет последнего,— пробормотал он. Это не было предназначено для ушей Шварца и не достигло их, но слова мягко появились на самом краю мысленного сигнала.

Вслух он сказал:

— Господи, вы меня удивляете.— В то же время его рука двигалась по направлению к бедру.

И Шварц утратил контроль над собой. В диком бешенстве он замахал руками.

— Оставьте меня в покое, слышите, вы! Что я вам сделал? Убирайтесь!

Его голос перешел в хриплый крик, лоб напрягся от ненависти и страха перед существом, стоящим перед ним, ум которого источал такую враждебность. Его собственные эмоции сконцентрировались в давлении на мысленный контакт, пытаясь избежать его навязчивости, освободиться от него...

И все исчезло. Исчезло неожиданно и сразу. На мгновение он почувствовал невыносимую боль, не в себе, а в противнике, и потом — пустота. Мысленного контакта больше не было.

Наттер медленно осел на землю и повалился лицом вниз.

Шварц нагнулся над ним. Наттер был маленьким человеком, и повернуть его не составляло особого труда. На его лице застыло выражение непередаваемого страдания. Шварц приложил руку к его груди. Сердце не билось.

Он выпрямился, чувствуя наполнявший его ужас перед самим собой.

Он убил человека!

Затем пришло изумление.

Не дотронувшись до него! Он убил этого человека одной ненавистью, ударяя каким-то образом по мысленному контакту.

Какими силами он обладал еще?

Шварц быстро принял решение. Обыскав карманы Наттера, он нашел деньги. Отлично! Это ему пригодится. Покончив с этим, он оттащил труп в поле, где его скрыла высокая трава.

Он шел еще два часа. Другие мысленные контакты не появлялись. Вскоре он достиг границ Чики.

Чика для Шварца была всего лишь деревней, и по сравнению с Чикаго, каким он его помнил, численность населения была абсолютно ничтожной. И

все же в первое время мысленных контактов было невыносимо много. Они изумляли и смущали его.

Так много! Одни неопределенные и рассеянные, другие ясные и отчетливые. Его миновали люди, ум которых, казалось, обладал взрывной интенсивностью, и другие, мысли которых не содержали ничего, кроме ленивого пережевывания только что съеденного завтрака.

Сначала Шварц воспринимал каждый контакт как персональное обращение, однако менее чем за час научился не обращать на это внимания.

Теперь он слышал слова, даже когда их не произносили вслух. Это было нечто новое, и он почувствовал, что прислушивается к ним. Это были тихие, возникающие непонятно откуда словосочетания, как далекий, далекий шорох ветра... А с ними появились живые, трепещущие эмоции, и другие тонкие, неуловимые ощущения, которые невозможно было описать — так, что весь мир был лишь панорамой кипящей жизни внутри него.

Проходя мимо зданий, он почувствовал, что может проникнуть внутрь их, просто направляя туда свое сознание, как вещь, которую он держит на привязи и которая способна проникать сквозь невидимые для глаза отверстия.

Он остановился перед большим зданием с белокаменным фасадом и задумался. Они (кем бы они ни были) искали его. Он убил преследователя, но должны были быть другие, те, с которыми он хотел связаться. Лучшим выходом для него было бы скрыться на несколько дней, но как это сделать?.. Может быть, работа?..

Он мысленно проник в стоящий перед ним дом. Где-то в его глубине он почувствовал мысленный контакт, который мог означать работу для него. Здесь нужны были текстильные рабочие, а он когда-то был портным.

Шварц вошел внутрь, однако никто не обращал на него внимания. Он тронул чье-то плечо.

— Извините, где я могу узнать насчет работы?

— В эту дверь!— Донесшийся до него мысленный контакт был полон раздражения и подозрительности.

За узкой дверью худой мужчина с острым подбородком быстро задал ему несколько вопросов и указал на классификационную машину, на которой нужно было набрать ответы.

С одинаковой неуверенностью Шварц отвечал правду и неправду.

Наконец мужчина с явной незаинтересованностью обратился к нему. Вопросы следовали один за другим: Возраст?.. Пятьдесят два? Хм. Состояние здоровья?.. Квалификация?.. Работали с текстилем? С каким сортом... Термопластик?.. Эластомерик?.. У кого работали последний раз?.. Его имя... Вы не из Чики?.. Где ваши документы?.. Вы должны были взять их с собой, раз собирались устраиваться на работу... Ваш регистрационный номер?..

Такого поворота дел Шварц не предвидел. И мысленный контакт сидящего перед ним человека начал меняться, становясь подозрительным и осторожным.

— Мне кажется,— нервно проговорил Шварц,— что я не подойду для этой работы.

— Нет, нет, подождите.— мужчина кивнул ему.— У нас есть кое-что для вас. Минутку.— Он улыбнулся, но мысленный контакт стал отчетливее и еще враждебнее.

Он нажал кнопку вызова на столе...

Охваченный неожиданным страхом Шварц бросился к двери.

— Держите его!— тут же закричал мужчина, выскакивая из-за стола.

Шварц ударил по мысленному контакту, яростно атакуя его своей волей, и услышал стон позади. Он быстро оглянулся. Мужчина сидел на полу, сжав лицо руками. Какой-то человек нагнулся над ним, а затем направился к Шварцу. Шварц не ждал ни минуты.

Он выбежал на улицу, полностью сознавая, что теперь его начнут искать, имея его полное описание, и что, по крайней мере, этот мужчина его узнает.

Он наугад бежал по улицам, привлекая к себе внимание все большего числа людей. Подозрение, подозрение отовсюду, подозрение потому, что он не мог

понять, где настоящие враги, те, которые излучали не только подозрение, но и уверенность, и поэтому неожиданный удар нейрохлыста он предугадать не смог.

Шварц почувствовал неожиданно возникшую невыносимую боль, как от удара плети, боль, сжавшую его в стальных объятиях. Затем он провалился в темноту.

ГЛАВА 13
ПАУЧЬЯ СЕТЬ В ВАШЕНЕ

Отличительной чертой парка при здании Собрания Старейших в Вашене было царящее здесь спокойствие. Суровый аскетизм, так можно было бы определить ту неподдельную степенность, с которой группы новичков совершали свою прогулку среди деревьев Квадрата, где не имел права появляться никто, кроме Старейших. Время от времени мимо проходил кто-нибудь из высокопоставленных Старейших, одетый в зеленую мантию, величественно принимая приветствия.

Изредка здесь появлялся премьер-министр.

И вот сегодня премьер-министр почти бежал, не обращая внимания на почтительные жесты рук, чувствуя за спиной осторожные взгляды, непонимающие переглядывания и слегка поднятые в удивлении брови.

Он ворвался в Зал Собраний через служебный вход и побежал по пустому коридору, затем забарабанил в дверь, открывшуюся при нажатии ноги сидящего в комнате, и вошел.

Секретарь искоса взглянул на него из-за своего маленького стола, на котором был установлен миниатюрный телевизор с экранируемым приемом, и продолжал внимательно слушать сообщения.

Премьер-министр резко стукнул по столу.

— Что это такое? Что происходит?

Секретарь холодно посмотрел на него и отодвинул телевизор в сторону.

— Мое почтение, ваша светлость.

— Не нужно церемоний!— нетерпеливо прокричал премьер-министр.— Я хочу знать, что происходит.

— Если в двух словах, то наш подопечный сбежал.

— Вы хотите сказать, что человек, которого Шект подверг обработке Синапсайфером — чужак-шпион — тот, который был на ферме...

Неизвестно, как много определений произнес бы еще обеспокоенный премьер-министр, если бы секретарь не прервал его безразлично:

— Именно.

— И почему мне не сообщили? Почему мне ничего не сообщили?

— Необходимо было действовать немедленно, а вы были заняты. Поэтому я надеялся на свои силы.

— Да, вас очень беспокоит моя занятость, когда вы хотите обойтись без меня. Но я не позволю обходить меня стороной. Я не...

— Мы зря теряем время,— невозмутимо произнес секретарь, и премьер-министр запнулся посреди начатой фразы. Он закашлялся, не зная, что сказать, и мягко проговорил:

— Расскажите подробности, Балкис.

— Подробностей почти нет. После двух месяцев терпеливого ожидания этот Шварц покидает ферму, за ним следят, но он уходит от слежки.

— Как уходит?

— Точно мы не знаем, но факты следующие. Наш агент, Наттер, прошлой ночью пропустил три сеанса связи. По шоссе, по направлению к Чике был послан его напарник, который и нашел его у обочины шоссе мертвого.

Премьер-министр побледнел.

— Его убил чужак?

— Вероятно, хотя мы не можем утверждать наверняка. Не было обнаружено никаких признаков насилия, кроме выражения боли на его лице. Конечно, будет произведено вскрытие. Он мог умереть и от инфаркта в самый неподходящий момент.

— Это было бы невероятным совпадением.

— Я тоже так думаю,— холодно ответил секретарь.— Однако, если его убил Шварц, то события становятся еще более загадочными. Видите ли, из того,

о чем мы говорили раньше, вполне определенно следует, что Шварц должен был отправиться в Чику, чтобы встретиться с Шектом, да и Наттер был найден на дороге между фермой Марена и Чикой. Поэтому три часа назад мы объявили в городе розыск, и человек был схвачен.

— Шварц?— недоверчиво спросил премьер-министр.

— Именно он.

— Почему вы этого не сказали сразу?

Балкис пожал плечами.

— Ваша светлость, у нас есть более важные дела. Я сказал, что Шварц в наших руках. Но он был схвачен легко и быстро, и мне трудно соотнести это со смертью Наттера. Как может быть он одновременно столь умным, чтобы обнаружить и убить Наттера, одного из наших людей, и столь глупым, чтобы открыто искать работу?

— Он искал работу?

— Да... Это дает возможность выдвинуть две версии. Или он уже передал имеющиеся у него сведения Шекту или Авардану, или же он позволил себя схватить с целью отвлечь внимание; не исключено, что действуют и другие агенты, которых мы не обнаружили и которых он прикрывает. В любом случае мы не должны быть чересчур спокойными.

— Не знаю,— беспомощно сказал премьер-министр, красивое лицо которого выражало беспокойство.— Все это слишком сложно для меня.

Балкис усмехнулся с почти нескрываемым презрением и объявил:

— Через четыре часа у вас назначена встреча с профессором Белом Аварданом.

— У меня? Зачем? Что мне ему говорить? Я не хочу его видеть.

— Успокойтесь. Вы должны видеть его, ваше сиятельство. Это кажется мне необходимым, потому что близится время начала этой фиктивной экспедиции, и он должен сыграть свою роль, спрашивая вашего разрешения на исследование запретных зон. Об этом предупредил нас Энус, а уж он должен знать подробности этой комедии. Вы должны воздать ему тем же

и сделать вид, что принимаете все всерьез.

— Хорошо, я попробую,— кивнул премьер-министр.

Бел Авардан прибыл вовремя и имел возможность оглядеться вокруг. Для человека, хорошо знакомого с лучшими произведениями архитектуры Галактики, здание Собрания Старейших выглядело не более чем примитивная коробочка из гранита и стали, выполненная в архаическом стиле. Для того, кто был к тому же археологом, оно своим мрачным, почти диким аскетизмом, могло олицетворять жилище, соответствующее мрачному, почти дикому образу жизни. Эта примитивность у него ассоциировалась с далеким прошлым.

Мысленно Авардан вновь вернулся назад. Его двухмесячное путешествие по западному континенту оказалось не совсем приятным. Все испортил тот первый день. Воспоминание о событиях того дня мгновенно его разозлило. Эта девушка была груба, неблагодарна, настоящая землянка. Почему он должен чувствовать себя виноватым? И все же...

Учитывал ли он, каким потрясением для нее было узнать, что он чужак? Он вспомнил и оскорбившего ее офицера, которому он отплатил сломанной рукой за высокомерие и жестокость? Да и мог ли он знать, сколько ей уже довелось претерпеть от чужаков. Неужели он оказался для нее одним из них?

Если бы он был более терпеливым... Он даже не помнил точно ее имени. Пола, а дальше? Странно. Обычно он не жаловался на память. Была ли это подсознательная попытка все забыть?

Что же, это совсем неглупо. Забыть! Собственно говоря, о чем ему помнить? Землянка. Обыкновенная землянка.

К радости Авардана, появился премьер-министр. Это означало конец воспоминаниям о том дне в Чике. Однако он чувствовал, что они еще вернутся. И эти мысли возвращались к нему все время.

Что касается премьер-министра, то он был облачен в новую блестящую мантию. Его лицо было спо-

койно и невозмутимо.

Разговор между ними прошел по-дружески. Авардану пришлось передать добрые пожелания людям Земли от некоторых высокопоставленных политиков Империи. Затем речь зашла о важности археологии для граждан Империи, о вкладе, который она вносит в великое положение о том, что люди всех планет — братья. Премьер-министр заметил, что земляне с этим согласны и надеются, что вскоре наступит время, когда остальная часть Галактики перейдет в этом отношении от теории к практике.

— Именно с этой целью,— слегка усмехнувшись, сказал Авардан,— я пришел к вам, ваше превосходительство. Различия между Землей и некоторыми находящимися по соседству провинциями Империи, возможно, в большей степени обусловлены несходством образа мыслей проживающих людей. И все же множество разногласий можно было бы устранить, доказав, что земляне не отличаются в расовом отношении от других граждан Галактики.

— И как вы намереваетесь это сделать?

— Трудно объяснить это словами. Возможно, вам известны два основных направления в археологии, называемые теорией Мергера и теорией расселения.

— Я знаком с ними в общих чертах.

— Великолепно. Так вот, теория Мергера утверждает, что различные части человечества, развивающиеся независимо друг от друга, на определенном этапе смешались в результате межвидовых браков. Подобная концепция основывается на сегодняшней схожести людей.

— Да,— сухо ответил премьер-министр,— и кроме того, из этой концепции следует, что существует несколько сотен или тысяч самостоятельно развившихся существ человеческого типа, обладающих столь близким химическим и биологическим родством, что возможны взаимные браки между ними.

— Действительно,— с удивлением проговорил Авардан.— Вы коснулись самого слабого ее места. И все же большинство археологов не обращает на это внимания, упорно придерживаясь теории, что в изолированных частях Галактики могут существовать

подвиды человечества, не смешавшиеся с остальными и сохранившие свои отличия.

— Вы имеет в виду Землю,— заметил премьер-министр.

— Земля берется как пример. С другой стороны, теория расселения...

— Считает всех нас потомками одной планетарной группы людей.

— Именно.

— Мой народ,— сказал премьер-министр,— основываясь на доказательствах из нашей истории и определенных источниках, которые священны и потому не могут быть показаны чужаку, верит, что Земля является первоначальной родиной человечества.

— В это же верю и я, и прошу вас помочь мне доказать это всей Галактике.

— И на чем основан ваш оптимизм?

— На моем убеждении, что многие примитивные артефакты и архитектурные памятники могут быть расположены в тех зонах вашей планеты, которые, к несчастью, радиоактивны. Их возраст может быть точно определен.

Однако премьер-министр, не дослушав, отрицательно покачал головой.

— Об этом не может быть и речи.

— Почему?— удивился Авардан.

— Прежде всего,— произнес премьер-министр,— чего вы надеетесь добиться? Если вы докажете свою правоту, даже если на всех планетах согласятся с вами, что изменит тот факт, что миллион лет назад все мы были землянами? В конце концов, миллион лет назад все мы были обезьянами, и все же никто не называет их своими родственниками.

— Вы приводите доказательства в пользу своих противников,— неохотно произнес Авардан, закусив нижнюю губу.

— Потому, что я спрашиваю себя, что скажут по этому поводу мои противники. Таким образом, вы не достигнете ничего, за исключением, быть может, дальнейшего обострения ненависти к нам.

— Но существуют еще интересы чистой науки, расширения наших знаний...

Премьер-министр кивнул.

— Я искренне огорчен, что мне приходится этому препятствовать. Я бы с радостью помог вам, но земляне — упрямый и гордый народ, которому столетиями приходилось проявлять смирение из-за... отношения к ним в определенных частях Галактики, достойного сожаления. У них есть определенные табу, определенные обычаи, которые даже я не посмею нарушить.

— И радиоактивные зоны...

— Да, они являются одним из наиболее серьезных запретов. Даже если бы я дал вам свое разрешение, а я сделал бы это с величайшим удовольствием, это вызвало бы лишь беспорядки, которые не только подвергнут опасности вас и членов вашей экспедиции, но и спровоцируют враждебные действия против Земли со стороны Империи. Допустив это, я потеряю доверие моего народа.

— Но я собираюсь принять все возможные предосторожности. Если вы хотите, можете послать со мной наблюдателей... Или же я могу дать обещание не публиковать никаких полученных результатов без предварительной консультации с вами.

— Вы искушаете меня. Ваш замысел очень интересен. Но вы переоцениваете мои возможности, даже если мы оставим в стороне вопрос о чувствах моего народа. Я не обладаю абсолютной властью. Собственно говоря, моя власть весьма ограничена, и все вопросы должны передаваться на рассмотрение Совета Старейших, прежде чем по ним будет принято окончательное решение.

Авардан покачал головой.

— Очень жаль. Наместник предупреждал меня о трудностях, но я все же надеялся... Когда вы проконсультируетесь со своим Советом?

— Президиум Совета соберется через три дня. Не в моих силах изменить повестку дня, так что возможно пройдет несколько дней, прежде чем будет обсужден ваш вопрос. Скажем, неделя.

Авардан рассеянно кивнул.

— Хорошо. Между прочим, ваше превосходительство...

— Да?

— Я хотел бы встретиться с одним ученым, живущим на вашей планете. Доктор Шект из Чики. Поскольку я уверен, что он человек занятой, не могу ли я попросить у вас сопроводительное письмо?

Премьер-министр заметно сосредоточился и некоторое время молчал.

— Могу ли я спросить, с какой целью вы желаете его видеть?— проговорил он наконец.

— Конечно. Я читал об изобретенном им приборе, который он, кажется, назвал Синапсайфером. Дело касается нейрохимии мозга и может оказаться весьма интересным для одного моего замысла. Я занимался работой по разбиению человечества на энцефалогические группы, знаете, по различным типам мозговых токов.

— Ухм... Я кое-что слышал об этом изобретении. Кажется, ему не удалось добиться успеха.

— Что же, возможно вы правы, но он специалист в этой области и может быть мне очень полезен.

— Понимаю. В таком случае письмо для вас будет приготовлено. Конечно, вы не должны упоминать о своих намерениях в связи с запретными зонами.

— Разумеется, ваше превосходительство.— Авардан встал.— Благодарю вас за любезность, и могу лишь выразить надежду, что Совет Старейших будет благосклонен к моим замыслам.

Секретарь появился сразу после ухода Авардана. На его губах застыла свойственная ему холодная злобная улыбка.

— Отлично,— проговорил он.— Вы держались отлично, ваша светлость.

Премьер-министр мрачно посмотрел на него.

— Зачем он хочет встретиться с Шектом?

— Вы удивлены? Не стоит. Все прекрасно согласуется. Вы заметили его холодность, когда вы отказали в его просьбе? Была ли это реакция ученого, переживающего, что нечто без всякой причины ускользает из его рук? Или же это была реакция человека, сыгравшего свою роль и довольного, что дело уже сделано?

И снова странное совпадение. Шварц убегает и пробирается в Чику. На следующий день здесь появляется Авардан, и после равнодушной болтовни о своей экспедиции, между прочим, упоминает, что направляется в Чику, чтобы встретиться с Шектом.

— Но почему он сказал об этом, Балкис? Это выглядит безрассудно.

— Потому, что вы прямолинейны. Представьте себя на его месте. Он считает, что мы ничего не подозреваем. В подобных случаях победу приносит искренность. Он отправляется на встречу с Шектом. Отлично! Он откровенно говорит об этом. Он даже просит письмо. Что может быть лучшей гарантией его честных и откровенных намерений? И это поднимает другой вопрос. Шварц мог обнаружить, что за ним следят. Но у него не было времени предупредить сообщников, иначе перед нами не разыгралась бы эта комедия.

Секретарь прищурил глаза, закончив плести свою словесную сеть.

— Трудно сказать, сколько времени пройдет, прежде чем отсутствие Шварца покажется им подозрительным, но, по крайней мере, Авардан за это время успеет встретиться с Шектом. Мы схватим их вместе, и они не смогут выкрутиться.

— Сколько у нас есть времени?— спросил премьер-министр.

Балкис задумчиво посмотрел на него.

— Пока точно ответить нельзя, а с тех пор как стало известно об измене Шекта, мы утроили скорость приготовлений, и все идет хорошо. Мы ждем лишь математические расчеты необходимых орбит. Несовершенство наших компьютеров задержит нас. Что же... Теперь это вопрос всего нескольких дней.

— Дней!?— Это было сказано тоном, в котором странно смешались торжество и ужас.

— Дней!— повторил секретарь.— Но помните, что всего одной бомбы за две секунды до нулевого времени будет достаточно, чтобы остановить нас. И даже после этого будет период от одного до шести месяцев, в течение которого возможен ответный удар. Так что мы еще не в полной безопасности.

Несколько дней! И начнется небывалая в истории Галактики битва, и Земля атакует всю Империю.

Руки премьер-министра слегка дрожали.

ГЛАВА 14
ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

За два месяца, прошедшие со дня, когда Синапсайфер Шекта был испытан на Шварце, физик неузнаваемо изменился.

Он похудел, стал больше сутулиться, изменилось его поведение — он стал рассеянным, напуганным. Он замкнулся в себе, начал избегать даже ближайших сотрудников, которых сторонился столь явно, что это было заметно всем.

Лишь с дочерью Шект был откровенен, возможно потому, что и она как-то ушла в себя. Старалась быть незаметной на работе.

— Они следят за мной,— говорил он.— Я это чувствую. Я ни на минуту не могу оставаться один. Всегда кто-нибудь рядом. Они не хотят даже, чтобы я писал отчеты.

И Пола это чувствовала, но чтобы подбодрить отца, вновь и вновь повторяла:

— Но в чем они могут обвинить тебя? Даже если ты и провел эксперимент на Шварце, не такое уж страшное это преступление. Они бы просто вызвали тебя «на ковер» за это.

Однако он бормотал с бледным лицом:

— Они не разрешат мне жить. Приближаются мои Шестьдесят, и они не разрешат мне жить.

— После всего, что ты сделал? Чепуха!

— Я слишком много знаю, Пола, и они мне не верят.

— Слишком много знаешь о чем?

Он слишком устал и не мог больше нести эту тяжесть. И он рассказал ей. Сначала она не поверила ему, но потом, когда поняла, что все это правда, застыла, охваченная ужасом.

На следующий день Пола с другого конца города позвонила в посольство. Говоря через платок, она

спросила доктора Бела Авардана.

Его не было. Они думали, что он может быть в Бонере, шесть тысяч миль отсюда, но не были уверены. Да, но он скоро должен вернуться в Чику, но когда — они сказать не могут. Может быть, она назовет свое имя? Они попытаются с ним связаться.

Тут Пола прервала связь и прижалась щекой к стеклянной стенке кабины, с радостью ощущая ее прохладу. Глаза ее были полны слез.

Дура, дура!

Он помог ей, а она так себя вела. Он подставил себя под нейрохлыст, чтобы защитить от чужака достоинство маленькой землянки, и чем она ему отплатила?!

Сто кредитов, отправленные ею на следующее после происшествия утро, вернулись назад. Она хотела использовать их, чтобы прийти и извиниться перед ним, но не решалась. И как бы она проникла в посольство, куда могли входить лишь чужаки?

Только он мог помочь ей теперь. Он, чужак, который мог разговаривать с землянином как с равным. Она никогда бы не догадалась, что он — чужак, не скажи он об этом. Он был такой сильный и уверенный в себе. Он должен знать, что делать. Он должен помочь, ибо на гибель обречена вся Галактика. У Полы промелькнула злорадная мысль о том, что чужаки заслужили такую участь своим пренебрежительным отношением к землянам. Но касалось ли это их всех? Женщин и детей, больных и стариков? Таких, как Авардан? Тех, которые никогда не слышали о Земле? И в конце концов все они были людьми. Столь страшная месть топила в море крови ту справедливость, которой служила Земля.

И вдруг, совершенно неожиданно,— звонок от Авардана. Шект покачал головой.

— Я не могу ему этого сказать.

— Ты должен,— жестко сказала Пола.

— Здесь? Это невозможно, это погубит нас обоих.

— Тогда прогони его. Я позабочусь обо всем.— Ее сердце бешено стучало. Конечно, причиной была лишь эта потребность спасти бесчисленные миллиарды человеческих жизней.

Бел Авардан поможет что-нибудь предпринять!

Авардан был в полном неведении относительно происходящего. Поведение Шекта он воспринял так, как оно выглядело (как ничем не спровоцированную грубость, что так свойственна землянам).

Авардан тщательно подбирал слова:

— Мне не хотелось бы обременять вас своим посещением, доктор, не будь я профессионально заинтересован в вашем Синапсайфере. И мне говорили, что в отличие от многих землян, вы не настроены враждебно к людям с других планет.

По-видимому, он сказал что-то не то, потому что доктора Шекта буквально передернуло от его слов.

— Кем бы ни был ваш информатор, он весьма ошибается, приписывая мне особое дружелюбие к подобным гостям. У меня нет симпатий и антипатий. Я — землянин...

Авардан стиснул зубы.

— Поймите, доктор Авардан,— послышался поспешный шепот,— мне очень жаль, что я выгляжу невежливым, но я действительно не могу...

— Я все понимаю,— холодно прервал археолог, хотя он не понимал абсолютно ничего.— Прощайте, сэр.

Шект слабо усмехнулся.

— Моя занятость...

— Я тоже очень занят, доктор Шект.

Он повернулся к двери, проклиная всех землян и невольно вспоминая некоторые пословицы, столь часто повторяемые его согражданами. Например такие: «Вежливость на Земле подобна сухости в океане», или «Землянин дает тебе что угодно, пока это не стоит ему ничего или меньше того».

Его рука уже пересекла фотоэлектрический луч, открывающий входную дверь, когда он услышал сзади чьи-то быстрые шаги и предостерегающий шепот. В его руке оказался лист бумаги. Повернувшись, он успел заметить лишь промелькнувшую фигуру в красном.

Только сев в нанятый им наземный автомобиль, Авардан развернул бумагу и прочитал:

«Сегодня в восемь часов вечера будьте у дома игр. Убедитесь, что за вами не следят».

Авардан нахмурился, раз пять перечитал записку и даже просмотрел ее на свет, как-будто ожидая увидеть невидимые слова. Невольно он оглянулся. Улица была пуста. Он сделал движение, чтобы выбросить бумагу в окно, но, поколебавшись, сунул ее в карман.

Несомненно, что если бы он вечером не сделал того, к чему призывала записка, все было бы кончено, и, возможно, нескольким триллионам людей не удалось бы избежать смерти. Но этого не случилось.

По дороге он раздумывал, была ли отправителем записки...

К восьми часам вечера его машина скользила среди длинного потока машин по извивающейся дороге, ведущий к дому игр. Лишь раз он спросил путь, и прохожий, с подозрением оглядев его (очевидно, ни один землянин никогда не был свободен от этой всеобъемлющей подозрительности), коротко ответил:

— Вам нужно просто следовать за другими машинами.

Похоже, действительно все машины направлялись в дом игр, потому что он увидел, что все они, одна за другой, исчезают в отверстии въезда на подземную стоянку. Вырвавшись из потока, он объехал дом игр и стал ждать, сам не зная чего.

Стройная девушка отделилась от толпы прохожих и нагнулась к окну его автомобиля. Он удивленно посмотрел на нее, но она одним движением открыла дверь и оказалась внутри салона.

— Извините,— проговорил он,— но...

— Тсс!— девушка пригнулась к сидению.— За вами следили?

— А должны были?

— Не смейтесь. Поезжайте прямо вперед. Свернете, когда я скажу... Чего вы ждете?

Он узнал голос. Капюшон соскользнул на плечи, открыв каштановые волосы. Темные глаза пристально смотрели на него.

— Будет лучше, если вы поедете,— мягко сказала она.

Он подчинился, и за следующие пятнадцать ми-

нут она ни сказала ему ничего, если не считать тихих указаний относительно направления движения.

Авардан украдкой взглянул на нее и с неожиданным удовольствием подумал, что она еще красивее, чем он ее помнил. Странно, что на этот раз он не чувствовал никакого негодования.

Они остановились в безлюдном районе. После небольшой паузы Пола, посмотрев на него, сказала:

— Доктор Авардан, я сожалею, что мне пришлось проделать все это, чтобы поговорить с вами с глазу на глаз. Я знаю, что мне нечего терять в ваших глазах...

— Не думайте так,— проговорил он.

— Я не могу так не думать. Я хочу, чтобы вы знали, что я полностью понимаю, как низко и неблагодарно я вела себя той ночью.

— Не надо, пожалуйста,— он посмотрел в сторону.— Я мог бы быть более дипломатичным.

— Что же...— Пола на минуту замолчала, чтобы немного прийти в себя.— Но не для этого мы приехали сюда. Вы — единственный чужак, которого я встретила, способный быть вежливым и благородным, и я нуждаюсь в вашей помощи.

Авардан подумал недовольно: «Неужели, только это было причиной?» — И он спросил холодно:

— Да?

— Нет,— закричала она в ответ.— Нет, не я, доктор Авардан, вся Галактика. Мне не надо ничего. Ничего!

— В чем дело?

— Во-первых... Я не думаю, чтобы кто-нибудь следил за нами, но если вы услышите какой-нибудь шум, то вы... то вы,— она замерла,— обнимите меня, и... и... вы знаете.

Он кивнул и сухо произнес:

— Я думаю, что это я смогу сымпровизировать легко. Стоит ли ждать шума?

Пола покраснела.

— Пожалуйста, не шутите и поймите правильно мои намерения. Это лишь для того, чтобы отвести подозрения от нас. Это единственное, что будет выглядеть убедительно.

— Все настолько серьезно?— мягко проговорил Авардан.

Он с любопытством посмотрел на нее. Она казалась такой юной и беззащитной. Всю свою жизнь он руководствовался здравым смыслом. И гордился этим. Он был человеком сильных страстей, но умел их смирять. И вот только потому, что девушка выглядела слабой, он испытывал иррациональную потребность защищать ее.

— Да, это серьезно,— сказала она.— Я кое-что вам расскажу, но знаю, что сначала вы мне не поверите. Но я попытаюсь убедить вас. Я хочу, чтобы вы поняли, что я откровенна с вами. Но, в первую очередь, вы должны решить, останетесь ли вы с нами после того, как я вам все расскажу и вы обдумаете услышанное. Я даю вам пятнадцать минут, и если я не внушаю вам доверия, я уйду, и на этом все закончится.

— Пятнадцать минут?— он невольно усмехнулся, затем снял свои часы и положил их перед собой.— Хорошо.

Она сжала руками колени, глядя через стекло вперед.

Авардан почувствовал, что она искоса посмотрела на него, и поспешно отвел взгляд.

— В чем дело?— спросил он.

Пола повернулась к нему и закусила нижнюю губу.

— Я смотрела на вас.

— Да, я это заметил. У меня пятно на носу?

— Нет,— она слегка улыбнулась, первый раз после того, как села в машину.— Просто я все время удивляюсь, почему вы не носите свинцовую одежду, если вы чужак. Именно это обмануло меня в тот раз. Чужаки обычно напоминают мешок с картошкой.

— А я не напоминаю?

— О нет,— в ее голосе неожиданно появился оттенок восхищения,— вы напоминаете... вы очень похожи на древнюю мраморную статую, за исключением того, что вы живой и теплый... Извините. Я веду себя дерзко.

— Вы говорите обо мне так, будто я считаю вас

землянкой, которая забыла свое место. Вам придется прекратить думать обо мне подобным образом, или мы не сможем быть друзьями... Я не верю в предрассудки радиоактивности. Я измерил радиоактивность атмосферы Земли, провел опыты на животных в лаборатории и вполне убежден, что эта радиация не может мне повредить. Я здесь уже два месяца и не ощущаю никаких болезненных симптомов. Хотя, признаюсь, небольшие предосторожности я все же принял. Однако пропитанной свинцом одежды я не ношу.

Все это было сказано серьезным тоном, и она вновь улыбнулась.

— По-моему, вы немного сумасшедший.

— Вы так думаете? Вы удивились бы, если бы знали, как много умных и знаменитых археологов говорили то же самое, причем в длинных речах.

— Так вы будете меня слушать?— неожиданно спросила она.— Пятнадцать минут прошло.

— А вы как думаете?

— Я думаю, что это вполне возможно. В противном случае, вы не сидели бы здесь. Особенно после всего, что я сделала.

— Разве у вас создалось впечатление, что я заставляю себя сидеть рядом с вами,— мягко проговорил он.— Если да, то вы ошибаетесь.. Знаете, Пола, я никогда не видел девушки такой красивой, как вы.

Она со страхом посмотрела на него.

— Пожалуйста, не надо. Я стремлюсь вовсе не к этому. Вы мне верите?

— Конечно, Пола. Расскажи мне свою историю. Я поверю и помогу.— Он безоговорочно верил в то, о чем говорил. В этот момент Авардан с готовностью взялся бы даже свергнуть Императора. Он не бывал прежде влюблен, и на этом он мысленно заставил себя остановиться.

Любовь? К землянке?

— Вы встречались с моим отцом, доктор Авардан?

— Доктор Шект — ваш отец? Зовите меня, пожалуйста, Белом. Я буду звать вас Полой.

— Если вы этого хотите, я постараюсь. Я думаю, вы очень злы на него.

— Он не был особенно вежлив.

— Он не мог иначе. За ним следят. Собственно говоря, мы договорились с ним заранее, что он отправит вас ни с чем, после чего с вами встречусь я. Видите, это наш дом... Дело в том,— ее голос перешел в быстрый шепот,— на Земле готовится восстание.

Авардан не смог сдержать удивления.

— Не может быть!— проговорил он, широко открыв глаза.— В самом деле?

Однако Пола тут же разозлилась.

— Не смейтесь. Вы обещали выслушать и поверить мне. На Земле готовится восстание, и это серьезно, потому что Земля может уничтожить всю Империю.

— Земля в силах сделать это?— Авардан подавил желание рассмеяться.— Пола, насколько хорошо вы знаете галактографию?— мягко спросил он.

— Не хуже любого другого, учитель, но какое это имеет отношение к тому, о чем я говорю?

— Прямое. Объем Галактики — несколько миллионов кубических световых лет. Это включает двести миллионов населенных планет и приблизительно пятьсот квадриллионов человек населения. Правильно?

— Думаю, что да, раз вы так говорите.

— Это именно так, поверьте мне. Земля же — одна планета с населением в двадцать миллионов, лишенная всех материальных ресурсов. Другими словами, на каждого землянина приходится двадцать пять биллионов граждан Галактики. Что может сделать Земля при соотношении сил — двадцать пять биллионов к одному?

Пола преодолела сомнение на мгновение овладевшее ею.

— Бел,— твердо ответила она,— я не знаю, но мой отец может ответить на этот вопрос. Он не посвятил меня в детали, потому что боится подвергать опасности мою жизнь. Однако если вы пойдете со мной, то все узнаете. Он сказал, что Земля может уничтожить всю жизнь в Галактике, и он знает это наверняка. Он никогда не ошибался.

Ее щеки порозовели от нетерпения, и Авардан почувствовал страстное желание прикоснуться к ним. (Как мог он раньше чувствовать ужас от при-

косновения к ней?)

— Уже есть десять часов?— спросила Пола.

— Да,— ответил он.

— Тогда он должен ждать нас наверху, если они его не арестовали.— Она невольно вздрогнула.— Мы поднимемся в дом, и если вы пойдете со мной...

Она положила руку на кнопку, контролирующую двери, и неожиданно замерла. Затем хрипло прошептала:

— Кто-то идет... Ох, быстрее...

Остальное прошло гладко. Авардан без труда вспомнил ее первоначальные наставления. Его руки легким движением обняли ее, и он почувствовал, как их губы встретились...

Прошло немало времени, прежде чем он заговорил.

— Должно быть, это был уличный шум.

— Нет,— прошептала она,— я не слышала никакого шума.

Он удивленно посмотрел на нее, но она не отвела глаз.

— Серьезно? Ты — само коварство.

Глаза Полы вспыхнули.

— Я хотела, чтобы ты поцеловал меня и не жалею об этом.

— Думаешь, я жалею? Поцелуй меня еще раз, только теперь потому, что этого хочу я.

Еще одна длинная пауза, потом она отстранилась от него, поправляя волосы и разглаживая воротник платья.

— Я думаю, сейчас нам лучше будет подняться в дом. Выключи свет. У меня есть фонарь.

Авардан вышел за ней из машины.

— Возьми меня за руку,— сказала она.— Здесь ступеньки.

— Я люблю тебя, Пола,— прошептал он за ее спиной. Это получилось так просто и звучало так правдиво.— Я люблю тебя, Пола,— повторил он.

— Ты почти не знаешь меня,— мягко проговорила она.

— Нет. Клянусь, я знаю тебя всю жизнь. Всю мою жизнь, Пола, два месяца я мечтал о тебе.

— Я всего лишь землянка, сэр.

— Тогда и я буду землянином. Испытай меня.

Он остановил ее и мягко поднял ее руку, пока свет фонарика не осветил ей лицо.

— Почему ты плачешь?

— Потому что, когда отец расскажет то, что он знает, вы поймете, что не можете любить землянку.

— Испытай меня и в этом.

ГЛАВА 15
ПОТЕРЯННОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Авардан встретился с Шектом в задней комнате на втором этаже дома, окна которой были тщательно поляризованы до полной непроницаемости. Пола осталась внизу, настороженно ожидая в кресле и следя за погруженной в темноту улицей.

Сутулая фигура Шекта производила несколько иное впечатление, чем несколько часов назад.

Лицо физика, по-прежнему изможденное и усталое, теперь, вместо прежнего колебания, выражало почти отчаянную решимость.

— Доктор Авардан,— сказал он, и голос его был тверд,— я должен извиниться за мое сегодняшнее поведение. Я надеюсь, что вы поймете...

— Признаюсь, что мне это не удавалось, но думаю, теперь все будет иначе.

Шект сел за стол и кивнул на бутылку с вином. Авардан сделал отрицательный жест.

— Если вы не возражаете, я попробую фрукты... Что это? В жизни не видел ничего подобного.

— Это один из сортов апельсинов,— ответил Шект,— которые растут только на Земле. Кожура легко снимается.— Он показал, и Авардан с любопытством надкусил сочный плод.

— Это изумительно,— воскликнул он.— Земля никогда не пробовала экспортировать их?

— Старейшие,— мрачно проговорил физик,— не особенно склонны к торговле с внешним миром. Да и наши соседи не стремятся торговать с нами. Это всего лишь один из аспектов наших трудностей.

Авардан неожиданно почувствовал приступ раздражения.

— Ничего не может быть глупее. Уверяю вас, иногда меня охватывает отчаяние, когда я вижу, что может существовать в сознании людей.

Шект пожал плечами со снисходительностью человека с жизненным опытом.

— Боюсь, что это часть антиземной политики, которую разрешить невозможно.

— Но эту проблему делает неразрешимой именно то, что никто по-настоящему не желает ее решения,— воскликнул археолог.— Сколько землян способствуют этому, ненавидя подряд всех жителей Галактики. Действительно ли ваш народ стремится к равенству, взаимному уважению? Нет! Большинство из них желает лишь, в свою очередь, занять место наверху.

— Возможно, в том, что вы сказали, немало правды,— грустно проговорил Шект.— Этого я не отрицаю. Но это не вся правда. Дайте нам только возможность, и новое поколение землян достигнет зрелости без самовыделения, всем сердцем веря в единство всех людей. Ассимиляционисты с их терпимостью и верой в возможность компромисса не раз имели сильные позиции на Земле. Я — один из них. Или, по крайней мере, я им был. Однако Землей сейчас правят Зелоты. Это крайние националисты, верящие в прошлое и будущее величие Земли. Это от них должна быть защищена Империя.

Авардан нахмурился.

— Вы имеете в виду восстание, о котором говорила Пола?

— Доктор Авардан,— мрачно проговорил Шект,— нелегко убедить кого-либо в столь нелегкой перспективе, как покорение Землей всей Галактики, но это правда. Я не обладаю особой храбростью и ужасно хочу жить. Поэтому вы можете представить, сколь опасным должен быть кризис, заставивший меня пойти на предательство в то время, когда местные власти не спускают с меня глаз.

— Что же,— сказал Авардан,— если это так серьезно, то я должен сразу предупредить вас. Я по-

могу вам всем, сделаю все, что в моих силах, но только как гражданин Империи. Я не обладаю здесь никаким официальным статусом и на имею особого влияния ни на Совет, ни на Наместника. Я именно тот, за кого себя выдаю,— археолог, прибывший сюда только с научными целями. Поскольку вы готовы на все, не лучше ли вам встретиться с Наместником? Он действительно сможет что-то предпринять.

— Именно этого я и не могу сделать, доктор Авардан. За мной поэтому и следят, чтобы не допустить этого. Когда вы пришли сегодня утром, я подумал даже, что, возможно, вас прислал Энус. Я считал, что он что-то подозревает.

— Возможно, он и подозревает, этого нельзя отрицать. Если вы пожелаете, я смогу все ему передать.

— Благодарю. Именно этого я и хочу. Используйте свои возможности, доктор, чтобы отвести от Земли слишком суровое возмездие.

— Конечно.— Авардан чувствовал беспокойство. Он был убежден, что имеет дело со стариком, возможно, безвредным, но явно ненормальным. Однако единственное, что он мог,— это дослушать и попытаться успокоить его — ради Полы.

— Из сказанного вами сегодня утром, я понял, что вы слышали о Синапсайфере,— проговорил Шект.

— Да, действительно. Я читал вашу статью в «Физическом обозрении». Я говорил о вашем изобретении с Наместником и премьер-министром.

— С премьер-министром?

— Да. Когда просил у него письмо, которое вы, боюсь, так и не прочитали.

— Сожалею. Но лучше бы вы не говорили... Что вы знаете о Синапсайфере?

— Это довольно интересная неудача. Он предназначен для улучшения способностей к обучению. Он был до некоторой степени удачно испытан на крысах, но оказался непригоден для людей.

— Да, из этой статьи вы большего узнать и не могли,— кивнул Шект.— Эксперимент был представлен неудавшимся, а наиболее интересные результаты намеренно не опубликованы.

— Хм. Несколько необычное трактование научной этики, доктор Шект.

— Согласен с вами. Но мне пятьдесят пять, а если вы знакомы с законами Земли, то знаете, что мне осталось недолго жить.

— Шестьдесят. Да, я слышал об этом даже больше, чем мне того хотелось бы.— И он с горечью вспомнил свое первое путешествие.

— Насколько я знаю, для выдающихся ученых делают исключения.

— Вы правы. Но это решает премьер-министр и Совет Старейших, и их решение не изменит даже Император. Мне поставили условие: держать в секрете все, что касается Синапсайфера в обмен на мою жизнь.— Он беспомощно развел руками.— Мог ли я тогда знать о последствиях, о том, как машина будет использована?

— И как же ее использовали?— достав сигареты, Авардан предложил Шекту, но тот отказался.

— Я подхожу к этому... Одного за другим, после того, как мои эксперименты показали безопасность использования Синапсайфера на человеке, обработке подвергли некоторых биологов Земли. Все они остались живы, кстати, все эти люди, как я знал, симпатизировали Зелотам. Однако через некоторое время стали проявляться побочные эффекты, и один из них был подвергнут вторичной обработке. Я не смог спасти его. Но из его предсмертного бреда я узнал обо всем.

Время приближалось к полуночи. День был длинным и полным событий. Однако что-то не давало покоя Авардану.

— Давайте перейдем к сути,— сказал он.

— Немного терпения. Я должен объяснить все подробности, чтобы вы мне поверили. Вы, конечно, знаете о радиоактивности Земли...

— Да, я хорошо знаком с этим вопросом.

— И о том, как она влияет на жизнь землян?

— Да.

— Тогда я не буду об этом говорить. Хочу только сказать, что процент мутаций на Земле больше, чем в любой другой части Галактики. Поэтому утвержде-

ния наших противников, что земляне отличны от других людей, имеют долю правды. Собственно говоря, число мутаций очень мало, и большинство из них не обладает жизненной стойкостью. Если в землянах и произошли какие-то устойчивые изменения, то это те изменения химического состава их тел, которые дали им большую сопротивляемость окружающей среде. Так, они обладают большим сопротивлением к воздействию радиации...

— Доктор Шект, это мне знакомо.

— Тогда приходило ли вам когда-нибудь в голову, что процессы мутаций происходят и у других живущих на Земле существ?

После короткой паузы Авардан ответил:

— Нет, но, конечно же, это неизбежно.

— Так оно и есть. У нас гораздо больше разновидностей домашних животных, чем на любой другой обитаемой планете. Апельсин, который вы ели,— продукт мутации. Между прочим, это — одна из причин, делающих их экспорт невозможным. Чужаки не доверяют нашим продуктам, как и нам. И конечно, то, что относится к растениям и животным, применимо также к микромиру.

И тут Авардан действительно почувствовал страх.

— Вы имеете в виду бактерии?— спросил он.

— Я имею в виду все формы примитивной жизни. Микробы, бактерии и самовоспроизводящиеся протеины, которые называют вирусами.

— И к чему вы ведете?

— Я думаю, что вы догадываетесь. Неожиданно вы проявили интерес. Видите ли, среди ваших сограждан существует мнение, что земляне — носители смерти, что земляне приносят неудачи...

— Все это я знаю. Обыкновенные предрассудки.

— Не совсем. Это-то самое страшное. В предрассудке есть доля истины. Видите ли, иногда землянин носит в себе некоторые мутированные формы микроскопических паразитов, подобных которым нет ни на какой другой планете. А чужаки не обладают особой сопротивляемостью к их действию. Последствия — вопрос простой биологии, доктор Авардан.

Авардан молчал.

— Конечно, иногда они атакуют и нас,— продолжал Шект.— Но у нас поколениями вырабатывается иммунитет против новых вирусов и микробов. Чужаки же его не имеют.

— Вы хотите сказать,— проговорил Авардан со странным чувством,— что контакт с вами сейчас...

Он отодвинул свой стул назад, думая о вечерних поцелуях.

Шект покачал головой.

— Конечно же, нет. Мы не распространяем болезнь, мы просто носим ее в себе, если она есть, что, кстати, случается редко. Если бы я жил на вашей планете, то носил бы в себе не больше микробов, чем вы. У меня нет особой предрасположенности к этому. Даже здесь существует лишь один из квадриллиона квадрилионов, представляющий действительную опасность. Вероятность того, что вы заразитесь сейчас, не больше, чем того, что метеорит пробьет крышу этого дома и попадет в вас. Если же, конечно, упомянутые микробы специально не выбраны, изолированы и сосредоточены для вас.

После продолжительной паузы Авардан спросил сдавленным голосом:

— Земляне это сделали?— он перестал думать о ненормальности Шекта и готов был поверить ему.

— Да. Сначала из абсолютно невинных побуждений. Наши биологи, конечно, были заинтересованы в особенностях земной жизни и недавно получили вирус обычной горячки.

— Что такое обычная горячка?

— Слабая эпидемическая земная болезнь. Она всегда у нас существовала. Большинство землян перенесли ее в детстве, и симптомы ее известны. Болезнь длится четыре-шесть дней, после чего человек приобретает иммунитет. И я, и Пола перенесли ее. Время от времени встречается более сильная форма этой болезни, вызванная несколько отличным вирусом, называемая радиационной горячкой.

— Я о ней слышал,— сказал Авардан.

— В самом деле? Ее название происходит из-за ошибочного мнения, что заболевание вызывается об-

лучением в радиоактивных зонах. Действительно, после облучения часты заболевания, потому что в этих зонах вирус наиболее способен мутировать в опасные формы. Однако причина болезни — вирус, а не радиация. После заражения симптомы болезни появляются через два часа. Губы поражаются настолько сильно, что человек почти не может разговаривать, смерть может наступить в течение нескольких дней.

Но главное то, что земляне адаптировались к обычной горячке, а чужаки — нет. Иногда ею заболевает кто-нибудь из имперского гарнизона, и в этом случае он реагирует точно так же, как землянин на радиационную горячку. Обычно он умирает в течение двенадцати часов. Затем его сжигают. Это делают земляне, поскольку солдаты гарнизона рискуют смертельно заболеть при приближении к нему.

Как я сказал, вирус был получен десять лет назад. Это нуклеопротеин, как и большинство выделяемых вирусов, содержащий необычайно высокий процент радиоактивных углерода, фосфора и серы. Говоря «необычайно высокий», я подразумеваю, что пятьдесят процентов его углерода, серы и фосфора — радиоактивны. Предполагаю, что воздействие на организм, в котором он находится, обусловлено не столько отравляющим действием вируса, сколько его радиоактивностью. Естественно, выглядит логичным, что земляне, адаптировавшиеся к гамма-радиации, переносят болезнь легко. Как вы знаете, изотопы нельзя разделить. Только полученный нами вирус может это сделать. Но затем исследования стали вестись в другом направлении.

Я буду краток, доктор Авардан, но думаю вам все будет понятно. Эксперименты могли проводиться на животных с других планет, но не на самих чужаках. Чужаков на земле слишком мало, чтобы исчезновение кого-нибудь из них осталось незамеченным. Итак, группа бактериологов была послана на Синапсайфер и вернулась с многократно улучшенной способностью к мышлению. Именно они создали новую математическую модель химии протеинов, которая позволила искусственно создать вирус, способный по-

ражать только живущих на других планетах Галактики,— чужаков.

Авардан вдруг почувствовал страшную усталость. Он ощутил капли пота, выступившего на лице.

— Так вы хотите сказать,— с трудом выговорил он,— что Земля намеревается распространить этот вирус по Галактике, и затеять гигантскую бактериологическую войну...

— В которой никто не сможет одержать победы. Как только начнется эпидемия, миллионы будут умирать ежедневно, и ничто не сможет остановить этого. Грузовые корабли будут переносить инфекцию, и болезнь каждый раз будет вспыхивать в новом месте. И никто не сможет связать этого с Землей. Со временем станет сомнительно и наше выживание, поскольку опустошение зайдет так далеко, чужаки будут в таком отчаянии, что перестанут считаться с чем-либо.

— И все умрут?— Авардан все еще не верил, не мог представить того, о чем говорил Шект.

— Возможно, что нет. Исследования производились в обоих направлениях. У нас есть и противоядие, которое можно будет использовать в случае немедленной капитуляции. Возможно, люди выживут в каких-нибудь отдаленных концах Галактики, не исключено существование у кого-нибудь врожденного иммунитета.

Авардан больше не мог сомневаться в правдивости услышанного. Голос Шекта звучал слабо и устало:

— В этом виновата не Земля. Кучка лидеров, отвечая на давление, отделившее их от остальной Галактики, с сумасшедшей силой ненавидя тех, кто это давление на них оказывает, желая любой ценой отомстить... И все же, я прежде всего — человек, а уж потом — землянин.

Должны ли триллионы умирать из-за миллионов? Должна ли цивилизация Галактики быть уничтоженной ради мести, пусть даже вполне оправданной, одной планеты? И станем ли мы лучше жить после этого? Могущество Галактики останется сосредоточенным на планетах, обладающих ресурсами, которых у нас нет. Поколение землян может править

Трантором, но их потомки, став транторианами, в свою очередь будут свысока смотреть на оставшихся на Земле. И кроме того, будет ли лучше от этого человечеству, если тиранию Галактики сменит тирания Земли. Нет... нет... должен существовать путь для всех людей, путь к свободе и справедливости.

Он закрыл лицо руками, медленно покачивая головой из стороны в сторону.

Слушавший в оцепенении Авардан, пробормотал:

— В том, что вы сделали, нет предательства. Я немедленно направляюсь в Гималаи. Наместник мне поверит. Он должен поверить.

В это время раздались быстрые шаги, и в открывшейся двери показалось испуганное лицо Полы.

— Отец... Сюда идут какие-то люди.

Лицо Шекта потемнело.

— Быстро выходите через гараж, доктор. Возьмите Полу и не беспокойтесь обо мне. Я их задержу.

Однако у входа их уже поджидал человек в зеленой накидке. Чуть улыбаясь, он небрежно держал в руках нейроплеть. Было слышно, как забарабанили в дверь главного входа.

— Кто вы такой?— неуверенно спросил Авардан, обращаясь к человеку в зеленом. Он заслонил собой Полу.

— Я?— хрипло проговорил человек.— Я всего лишь ничтожный секретарь его светлости, премьер-министра.— Он сделал шаг вперед.— Я уже почти отчаялся вас дождаться. Хм, и девчонка. Зря, зря...

— Я гражданин Империи,— спокойно сказал Авардан,— и не признаю за вами права задерживать меня, а также врываться в дом без официального ордера.

— Я,— секретарь слегка постучал по своей груди свободной рукой,— представляю все права и власть на этой планете, а скоро и во всей Галактике. Все вы в наших руках, даже Шварц.

— Шварц?— воскликнула Пола.

— Вы удивлены? Я сейчас отведу вас к нему.

Последним, что помнил Авардан, была его злобная улыбка и вспышка нейрохлыста. Чувствуя оглушающую боль, он провалился в пустоту.

ГЛАВА 16
РЕШИ, НА ЧЬЕЙ ТЫ СТОРОНЕ!

Некоторое время Шварц беспокойно лежал на твердой скамье в одной из подземных комнат «Зала исправления» Чики.

Зал, как обычно его называли, представлял собой символ власти премьер-министра и его окружения.

За прошедшие века немало землян в его стенах ждали суда за совершенные ими противозаконные деяния: нежелание работать, стремление жить сверх положенного времени и т. п.

Иногда, когда в суде рассматривались совершенно нелепые преступления, вмешивался Наместник — и наказание могло быть отменено.

Обычно, когда Совет требовал смерти, Наместнику приходилось соглашаться. В конце концов в жертву приносился всего лишь землянин...

Вполне естественно, что обо всем этом Джозеф Шварц не знал ничего. Его поле зрения ограничивалось небольшой комнатой, стены которой освещал тусклый свет. В комнате находились две жесткие скамейки и стол. Ниша в стене служила ванной и санузлом. Окон, через которые можно было видеть небо, не было, приток воздуха через вентиляционное отверстие был едва ощутим.

Шварц взъерошил волосы и неуклюже сел. Его попытка сбежать в никуда (потому что где на Земле он мог чувствовать себя в безопасности?) закончилась неудачно.

Для развлечения у него оставался только мысленный контакт.

Но хорошо это было или плохо?

Пока он жил на ферме, Шварц ощущал эту способность как странный беспокоящий дар природы, которого он раньше не знал, о возможностях которого не думал. Теперь у него было время все обдумать.

Двадцать четыре часа в сутки размышлять над своим положением. От этого можно было сойти с ума. Он мог ощущать проходящих мимо тюремщиков. Шварц осторожно заглянул в их умы. Они распались как скорлупа расколотого ореха, из которого обиль-

ным дождем полились их знания и чувства.

Он узнал много о Земле и Империи, больше чем мог бы узнать за два месяца пребывания на ферме.

Конечно, он узнал и то, что приговорен к смерти!

Это могло наступить сегодня, могло завтра. Но он должен умереть! Неожиданно он смирился и воспринял известие почти благодарно.

Дверь открылась, и Шварц, охваченный страхом, вскочил на ноги. Можно было всем своим сознанием смириться со смертью, но тело оставалось диким животным, не желающим ничего слушать. Это смерть!

Нет, это была не смерть. Появившийся мысленный контакт не говорил о смерти. Вошел часовой, держа в руках наготове металлический прут. Шварц знал, что это такое.

— Пошли со мной,— резко проговорил он.

Шварц последовал за охранником.

Комната, в которую его привели, была очень большой. В ней находились двое мужчин и девушка, похожие на трупы, лежащие на высоких плитах. И все же это были не трупы, доказательством чему служили три активных мозга.

Парализованы! Но они ему знакомы!.. Почему они так знакомы?

Он остановился, чтобы рассмотреть их, но рука охранника прикоснулась к его плечу.

— Проходи.

Здесь же была четвертая плита, пустая. В уме стражника не было смерти, и Шварц взгромоздился на нее. Он знал, что последует.

Стальной стержень охранника коснулся каждой из его конечностей. Они окаменели и, казалось, исчезли, осталась чувствительной одна голова, парящая в пустоте.

Он повернул ее.

— Пола,— воскликнул он,— ведь вы — Пола, не правда ли? Девушка, которая...

Она кивнула. Он не узнал ее мысленный контакт. Два месяца назад он еще не чувствовал этого. В то время его развитие достигло только стадии чув-

ствительности к «атмосфере». Он ясно помнил это.

Из их сознания он мог узнать дальнейшие подробности. Человек рядом с девушкой был доктором Шектом, другой мужчина — доктор Бел Авардан. Он мог узнать их имена, почувствовать их отчаяние, ощутить страх в сознании девушки.

На мгновение ему стало жаль их, но затем он вспомнил, кем они были. И сердце его сжалось от негодования.

«Пусть умирают!»

Трое пленников уже почти час находились здесь. В комнате, где они оказались, могло поместиться не менее сотни человек. Они чувствовали себя потерянными и одинокими в пустоте. Говорить было нечего. Горло Авардана пересохло, и он бессильно ворочал головой из стороны в сторону. Это была единственная его часть, которая могла двигаться.

Глаза Шекта были закрыты, губы бледны и сухи.

— Шект. Слушайте, Шект!— слабо прошептал Авардан.

— Что?.. Что?— такой же слабый шепот.

— Что вы делаете? Спите? Думайте, думайте!

— Зачем? О чем думать?

— Кто такой Джозеф Шварц?

— Ты не помнишь, Бел?— прозвучал тонкий и усталый голос Полы.— Тогда, в магазине, мы встретились впервые.

После яростной борьбы с собой Авардану удалось поднять голову на два мучительных дюйма. Теперь ему стала видна часть лица Полы.

— Пола! Пола!— если бы он мог приблизиться к ней, так, как он мог это делать в течение двух месяцев, когда не воспользовался такой возможностью. Она смотрела на него, улыбаясь так слабо, что эта улыбка могла бы принадлежать статуе.

— Мы еще победим,— проговорил он.— Вот увидишь.

Но она покачала головой, насколько позволяла больно сжатая шея.

— Шект,— вновь заговорил Авардан,— слушайте. Как вы встретились с этим Шварцем? Он был вашим пациентом?

— Синапсайфер. Он пришел как доброволец.

— И был подвергнут обработке?

— Да.

Авардан обдумал услышанное.

— Что побудило его прийти к вам?

— Не знаю.

— Но тогда... Может он работает на Империю?

(Шварц отлично понимал его мысли и внутренне усмехался, но молчал и решил в дальнейшем не говорить ничего).

Шект покачал головой:

— Работает на Империю? Вы так думаете, потому что это сказал секретарь. Чушь. Да и какое значение это имеет? Он так же беспомощен, как и мы... Слушайте, Авардан, если мы придумаем какую-нибудь убедительную историю, они подождут. Мы могли бы...

Археолог глухо рассмеялся.

— Могли бы остаться в живых? В то время, когда Галактика будет мертва и цивилизация разрушена? Жить? С тем же успехом я могу умереть.

— Я думаю о Поле,— пробормотал Шект.

— Я тоже,— сказал Авардан.— Спросим ее... Пола, мы сдадимся или попытаемся выжить?

Голос Полы был тверд.

— Я выбрала на чьей я стороне. Я не хочу умирать, но если моя сторона обречена на смерть, я погибну вместе с ней.

Авардан почувствовал торжество. Когда он заберет ее на Сириус, они будут называть ее землянкой, но она,— равная им, и он с огромным удовольствием выбьет зубы любому...

И тут он вспомнил, что вряд ли заберет ее на Сириус, как и кого-либо другого. Да и сам он вряд ли увидит Сириус.

И затем, отбросив мысли об этом, он прокричал:

— Эй, вы! Как вас там! Шварц!

Шварц на мгновение поднял голову и взглянул на обращающегося к нему человека.

Он не сказал ничего.

— Кто вы такой?— продолжал Авардан.— Как вы оказались замешанным во все это? Ваша роль?

При этом вопросе вся несправедливость происшедшего вновь всплыла в сознании Шварца. Вся безобидность его прошлого, весь ужас настоящего ожили в нем, и он в ярости ответил:

— Я? Я — честный человек, упорно трудившийся всю жизнь. Я не приносил вреда никому, никого не беспокоил, заботился о своей семье.— И затем совершенно неожиданно:

— Нет, не в Чику!— яростно закричал Шварц.— Я попал в этот сумасшедший мир... Ох, какое мне дело, верите вы или нет? Мой мир в прошлом. Там была земля и еда, и два миллиарда людей, и это был мой единственный мир.

Авардан молчал, пораженный этой словесной атакой. Он повернулся к Шекту...

— Вы его понимаете?

— А вы знаете,— проговорил Шект,— ведь он имеет аппендикс — трех с половиной дюймов длины. Помнишь, Пола? И зуб мудрости. И волосы на лице.

— Да! Да!— вызывающе прокричал Шварц.— И я хотел бы иметь хвост, чтобы показать его вам. Я из прошлого. Я прошел сквозь время. Только я не знаю как и почему. А теперь оставьте меня в покое.

Неожиданно он добавил:

— Они скоро придут за нами. Это ожидание предназначено лишь для того, чтобы сломать нас.

— Откуда вы знаете?— поспешно спросил Авардан.— Кто вам сказал?

Шварц молчал.

— Коренастый курносый человек — это секретарь?

Шварц не мог узнать внешне человека, с которым контактировал только мысленно. На мгновение он вспомнил контакт сильного, обладающего совестью человека, который, кажется, был секретарем.

— Балкис?— с любопытством спросил он.

— Что?— переспросил Авардан, но Шект прервал его:

— Так зовут секретаря.

— Ох... Что он сказал?

— Он не сказал ничего,— ответил Шварц.— Я знаю. Это смерть для всех нас и спасения нет.

Авардан понизил голос.

— Вам не кажется, что он сумасшедший?

— Не знаю... Его череп. Он имеет примитивную форму, очень примитивную.

Авардан был поражен.

— Вы хотите сказать... Нет, это невозможно.

— И я всегда думал так же.— На мгновение голос Шекта стал слабой имитацией нормального тона, как будто наличие научной загадки заставило его забыть о положении, в котором он находился.— Была рассчитана энергия, необходимая для перемещения вдоль временной оси, и был получен результат, превышающий бесконечность, так что идея всегда выглядела невозможной. Но некоторые говорили о вероятности «временных ошибок», знаете, аналогичных геологическим ошибкам. Например, на глазах исчезали космические корабли. Из древности широко известен случай с Гора Девалоу, который однажды вошел в свой дом и больше оттуда не вышел, но внутри его тоже не было. В галактографических справочниках последнего столетия была зафиксирована планета, которую посетили три экспедиции и привезли новое ее описание. Затем эта планета исчезла. Кроме того, в ядерной физике существуют определенные открытия, которые опровергают закон сохранения массы, энергии. Это пытаются объяснить переходом некоторой массы вдоль временной оси. Например, урановые ядра в смеси с медью и барием в определенной пропорции при облучении гамма-лучами создают резонансную систему...

— Отец,— проговорила Пола,— хватит! Это бесполезно...

Однако Авардан вмешался голосом, не допускающим возражения.

— Подождите. Дайте мне подумать. Кто может проверить это лучше, чем я? Разрешите мне задать несколько вопросов... Слушайте, Шварц.

Шварц снова поднял на него глаза.

— Ваш мир был единственный в Галактике?

Шварц кивнул и глухо ответил:

— Да.

— Но это вы так считаете. Я хочу сказать, что

у вас не было межзвездных путешествий, и проверить вы не могли. Могли существовать и другие населенные планеты.

— Этого я не могу знать.

— Да, конечно. Жаль. А как насчет атомной энергии?

— У нас были атомные бомбы. Урановые... и плутониевые... Я думаю, что именно это сделало планету радиоактивной. Должно быть была еще одна война... Атомные бомбы.— И Шварц мысленно вновь вернулся в Чикаго, в свой старый мир. Ему стало жаль, но не себя, а тот прекрасный мир...

Тем временем Авардан, немного подумав, сказал:

— Хорошо. У вас, конечно, был язык.

— На Земле? Множество языков.

— А ваш?

— Английский.

— Хорошо, скажите что-нибудь на нем.

Уже больше двух месяцев Шварц ничего не говорил по-английски. Он медленно произнес:

— Я хочу вернуться домой, к своему народу.

Авардан обратился к Шекту:

— На этом языке он говорил, когда пришел к вам?

— Трудно сказать,— озадаченно ответил тот.— Странные звуки тогда и странные звуки сейчас. Как я могу их сравнивать?

— Хорошо, оставим это... Как будет «мать» на вашем языке, Шварц?

Шварц ответил.

— Угу. А отец, один, два, три... дом... человек... и так далее.— Когда Авардан наконец остановился, чтобы перевести дыхание, на лице его было выражение изумления.

— Шект,— сказал он,— или этот человек тот, за кого он себя выдает, или я — жертва самого дикого бреда, который только можно вообразить. Он говорит на языке, практически эквивалентном надписям, найденным в раскопках пятидесятитысячелетней давности, обнаруженных на Сириусе, Арктуре, Альфе Центавра и многих других планетах. Он говорит на нем. Язык был расшифрован лишь недавно, и в Галактике найдется не более дюжины человек, кроме

меня, способных понять его.

— Вы в этом уверены?

— Уверен ли я? Конечно, уверен. Я — археолог. Знать подобные вещи входит в мою профессию.

На мгновение Шварц почувствовал, что броня его безразличия дала трещину. Впервые он почувствовал возвращение утраченной им индивидуальности. Секрет раскрылся, он был человеком из прошлого, и они поверили в это. Это доказывало, что он в своем уме, уничтожало его гнетущее сомнение и он обрадовался этому.

— Он был необходим мне,— вновь заговорил Авардан, сгорая в святом огне своей профессии.— Шект, вы не представляете, что это значит для археологии. Шект, это — человек из прошлого. Слушайте, мы можем заключить сделку. Ведь это же доказательство, которое ищет Земля. Они могут его получить. Они могут...

— Я знаю, о чем вы думаете,— иронически прервал его Шварц.— Вы думаете, что благодаря мне Земля может доказать, что она — источник цивилизации и что они все будут благодарны за это. Я говорю вам — нет! Я думал об этом, и я бы променял на это всю жизнь. Но они не поверят ни мне, ни вам.

— Существуют неопровержимые доказательства.

— Они не будут слушать. И знаете почему? Потому что у них есть определенные устоявшиеся идеи относительно прошлого. Любые перемены, даже основанные на правде, будут святотатством в их глазах. Они хотят сохранить свои традиции.

— Я думаю, он прав, Бел,— заметила Пола.

Авардан сжал губы.

— Мы можем попытаться.

— И потерпим неудачу,— продолжал настаивать Шварц.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю.— В его словах было столько убежден, что Авардан умолк.

В усталых глазах Шекта вдруг появился интерес:

— Вы чувствовали какие-нибудь неприятные эффекты после Синапсайфера?

Шварц не знал этого слова, но понял его значе-

ние. Они оперировали, оперировали его мозг. Сколько нового он узнал!

— Нет,— ответил он.

— Но, я вижу, вы быстро выучили наш язык. Вы говорите очень хорошо. Это вас не удивляет?

— У меня всегда была отличная память,— холодно проговорил Шварц.

— И вы чувствуете себя таким же, как до операции?

— Именно.

Шект жестоко сказал:

— Зачем вы скрываете? Я уверен, что вы знаете, о чем я думаю.

Шварц коротко рассмеялся.

— Что я могу читать мысли? Хорошо, и что дальше?

Но Шект не ответил. Он повернул к Авардану свое бледное беспомощное лицо.

— Он читает мысли, Авардан. Чего бы я мог с ним добиться! И быть здесь... Беспомощным...

— Что?!— с силой выдохнул Авардан.

Даже лицо Полы выражало теперь заинтересованность.

— Вы действительно это можете?— обратилась она к Шварцу.

Он кивнул ей. Она заботилась о нем когда-то, а теперь вот ее ждет смерть. Но ведь она была предателем!

Шект произнес:

— Авардан, вы помните бактериолога, о котором я вам рассказывал, того, который умер после обработки Синапсайфером? Одним из первых симптомов его помешательства было утверждение, что он может читать мысли. И он действительно мог. Я обнаружил это незадолго до его смерти и держал в секрете. Я не рассказывал никому, что это возможно, Авардан, но это возможно. Видите ли, с понижением сопротивления мозговых клеток мозг может обретать возможность улавливать магнитные поля, создаваемые микротоками мыслей других людей, и трансформировать их внутри себя. Здесь тот же принцип, что и у обычного записывающего устройства. Это — телепатия.

Шварц продолжал упорно и враждебно молчать, когда Авардан повернулся к нему.

— Но если это так, Шект, может, мы постараемся его использовать?— Ум археолога напряжено работал, обдумывая невозможное.— Может быть нам удастся выбраться отсюда. Должен быть способ.

Но Шварц холодно воспринимал трепетание мысленных контактов, которое так ясно ощущал.

— Вы имеете в виду чтение их мыслей,— проговорил он.— Чем это может помочь? Я способен и на большее. Например, как вам понравится это?

Авардан почувствовал легкий толчок и вскрикнул от неожиданной боли.

— Это сделал я,— сказал Шварц.— Хотите еще?

— Вы можете проделать это с охранниками?— выговорил Авардан.— С секретарем? Как вы дали им привести себя сюда? Великая Галактика! Шект, у нас не будет никаких проблем. Теперь слушайте, Шварц...

— Нет,— сказал Шварц,— вы слушайте. Зачем мне убегать отсюда? Куда я попаду? По-прежнему в этот мертвый мир. Я хочу вернуться домой и не могу это сделать. И я хочу умереть.

— Но это вопрос жизни всей Галактики, Шварц. Вы не можете думать о себе.

— Не могу? А почему бы и нет? Какое мне дело до вашей Галактики? Пусть проваливается ко всем чертям! Я знаю, что намеревается сделать Земля, и рад этому. Недавно эта леди сказала, что решила, на чьей она стороне. Что ж, это решил и я, и моя сторона — Земля!

— Что?

— Почему бы и нет? Я — землянин.

ГЛАВА 17
ИЗМЕНИ РЕШЕНИЕ!

А потом опять был очередной допрос...

Прошел час с того времени, как Авардан, очнувшись, почувствовал, что лежит беспомощный, как мясная туша в ожидании разделки. И ничего не про-

изошло. Ничего, кроме этой горячечной бесполезной болтовни в невыносимом ожидании.

Ослабевший, Авардан боялся, что у него не хватит сил сопротивляться следователю. Он сказал:

— Я думаю, за нами следят. Мы должны поменьше говорить.

— Нет,— послышался ровный голос Шварца.— Никто нас не подслушивает.

Археолог готов был автоматически отреагировать своим «откуда вы знаете», но промолчал. Он остро позавидовал, что не у него такая сила! А у человека из прошлого, который называет себя землянином и хочет умереть, есть такая сила!

В поле его зрения попадал лишь кусок потолка. Повернувшись, он мог видеть неправильный профиль Шекта, с другой стороны — голую стену. Подняв голову, он смотрел на бледное лицо Полы.

Иногда его жгла мысль, что с ним, гражданином Империи, Галактики, так несправедливо обошлись земляне, и он позволил им это сделать.

Но и она исчезла.

— Бел?— слово прозвучало неожиданно приятно для него, прервав мысли о смерти.

— Да, Пола?

— Я думаю, они не будут тянуть особенно долго.

— Может быть, дорогая... Как жаль. Ведь мы потеряли два месяца.

— Это моя вина,— прошептала она.— Моя вина. Но у нас есть, по крайней мере, эти последние минуты. Мы должны их использовать.

Авардан не смог ответить. Мысли вихрем проносились в его голове. Было ли это лишь плодом его воображения или он действительно чувствовал твердый пластик, на котором лежало его безжизненное тело? Как долго длится паралич?

Необходимо убедить Шварца помочь. Он попробовал проконтролировать свои мысли, заранее зная, то это невозможно.

— Шварц,— позвал он...

Шварц лежал такой же беспомощный, как и остальные, но его мучения были гораздо глубже. В нем

одном была сконцентрирована боль его спутников.

В самом себе он еще мог поддерживать это сжимающее душу стремление к смерти, к ее бесконечному спокойствию и умиротворенности, побеждать последние капли любви к жизни, которая так недавно, всего два дня назад, заставила его бежать с фермы. Но окруженный другими? С гнетущим страхом смерти как саван нависшим над Шектом, с досадой и непреодолимым желанием действия в энергичном уме Авардана, с глубоким и отчаянным разочарованием девушки?

Он должен закрыть свое сознание от страданий других! У него есть своя жизнь и своя смерть. Какое ему до них дело?

И тут Авардан позвал его. Шварц уже знал зачем. Они хотят, чтобы он их спас. Почему он должен это делать? Почему?

— Шварц,— вкрадчиво повторил Авардан,— вы могли бы стать героем. Вам не из-за чего умирать здесь, не из-за этих же людей, которые схватили вас.

Но Шварц лихорадочно перебирал в памяти воспоминания своей юности, стараясь заполнить ими колеблющийся ум. Странная смесь событий из прошлого и настоящего вызывала у него раздражение. Он сказал сдержанно:

— Да, я могу стать героем и... предателем. Эти люди хотят убить меня. Вы называете их людьми, но это произносит ваш язык, мысленно же вы их называете чем-то, чего я понять не могу, но это нечто отвратительное. И только потому, что они земляне.

— Это ложь,— горячо возразил Авардан.

— Это не ложь,— последовал такой же горячий ответ,— и все знают это. Они хотят убить меня, да, но только потому, что считают меня одним из людей вашего сорта, людей, которые обрекли целую планету на беспросветное существование, на унижение несносным высокомерием. Так защищайтесь сами от этих «ничтожеств и паразитов», которым неожиданно удалось создать угрозу для своих богоподобных повелителей. И не просите помощи у одного их них.

— Вы говорите, как Зелот,— пораженно произнес Авардан.— Почему? Вам причиняли страдания?

Вы говорите, что жили на большой и независимой планете. Вы были землянином, когда Земля была единственной носительницей жизни. Вы — один из нас, один из правителей. Зачем же отождествлять себя с отчаявшимся меньшинством? Это не та планета, которую вы помните. Моя планета гораздо больше напоминает старую Землю, чем этот умирающий мир.

Шварц рассмеялся.

— Я — один из правителей, говорите? Что же, не будем спорить об этом. Это бессмысленно. Поговорим вместо этого о вас. Вы — прекрасный образец того, что присылает нам Галактика. Вы снисходительны и поразительно добросердечны. Вы восхищаетесь собой, потому что обращаетесь с доктором Шектом как с равным. Но подсознательно, я с трудом различаю это, вы чувствуете себя неловко в его обществе. Вам не нравится, как он говорит и как он выглядит. Вообще, он не нравится вам. Вам не нравится то, что он предает Землю... Да, недавно вы целовали девушку с Земли и теперь смотрите на это как на слабость. Вы стыдитесь этого...

— Клянусь звездами, нет... Пола,— отчаянно воскликнул Авардан,— не верь ему. Не слушай его.

— Не отрицай этого,— мягко проговорила Пола.— Он смотрит под поверхность того, что осталось в тебе еще с детства, Бел. Он увидел бы то же самое и у меня. Он увидел бы подобное, загляни он в свое сознание.

Шварц почувствовал, что краснеет.

Голос Полы остался таким же ровным, когда она обратилась непосредственно к нему.

— Шварц, раз вы можете читать мысли, загляните в мои. Скажите, замышляла ли я предательство. Узнайте мысли моего отца. Скажите, разве не правда то, что он легко мог бы избежать Шестидесяти, согласись он сотрудничать с сумасшедшими, замыслившими уничтожить Галактику. Чего он достиг своим предательством?.. И посмотрите еще, желает ли кто-либо из нас вреда Земле или землянам. Вы сказали, что чувствовали ум Балкиса. Я не знаю, насколько вам удалось его рассмотреть. Но когда он вернется, тогда будет слишком поздно — узнайте его мысли.

Поймите, что он — сумасшедший... А потом — умрите!

Шварц молчал.

— Хорошо, Шварц,— поспешно вмешался Авардан,— загляните теперь в мое сознание, как хотите глубоко. Я родился на Беронне, в секторе Сириуса. Я прожил жизнь в атмосфере антиземных настроений, и, конечно, ничего не могу поделать со своим подсознанием. Но загляните в сознание и скажите, разве не поборол я эти предрассудки в зрелые годы? Не в других, что было бы легко, а в себе, прилагая к этому все усилия.

Шварц, вы же не знаете нашей истории! Вы не знаете о тысячах, десятках тысяч лет, в течение которых человек расселялся по Галактике, о войнах и страданиях людей. Вы не знаете о первых веках Империи, с их сменяющими друг друга беспорядками, деспотизмом и хаосом. Ведь всего двести лет, как Галактическое правительство обрело действительную власть. Под его управлением все планеты получили культурную автономию, право самим решать свои дела, участвовать в общем управлении.

Никогда в истории человечество не было так свободно от войн и нищеты, как сейчас, никогда экономика не управлялась так разумно, никогда перспективы на будущее не были столь яркими. И вы согласитесь разрушить это и начать все сначала? И ради чего? Ради деспотизма, несущего лишь подозрительность и ненависть.

Обида Земли справедлива, и когда-нибудь с этим будет покончено, если Галактика выживет. Но то, что намереваются сделать они,— не решение. Вы знаете, что они хотят сделать?

Если бы Авардан обладал способностями, появившимися у Шварца, он отчетливо почувствовал бы борьбу в его сознании. Тем не менее он инстинктивно понял, что пришло время сделать передышку.

Шварц был тронут. Все эти планеты обречь на смерть... На мучения и гибель от ужасной болезни... Наконец, был ли он землянином? Просто землянином? В молодости он покинул Европу и отправился в Америку, но не остался ли он тем же человеком,

несмотря на это? И если после него люди покинули больную и израненную Землю и отправились в заоблачные миры, стали ли они в меньшей степени землянами? И принадлежала ли им вся Галактика? Разве не были они все потомками его и братьями?

— Хорошо,— с трудом выговорил он.— Я с вами. Чем я могу помочь?

— Как далеко может проникнуть ваше сознание?— нетерпеливо спросил Авардан, как будто боясь, что этот человек передумает вновь.

— Не знаю. За дверью кто-то есть. Наверное, охрана, я думаю, что смогу достичь даже улицы, но чем дальше, тем менее отчетливым становится контакт.

— Естественно,— сказал Авардан.— А что с секретарем? Можете вы его найти?

— Не знаю,— пробормотал Шварц.

Пауза... Минуты тянулись невыносимо.

— Ваши мысли мне мешают,— проговорил Шварц.— Не смотрите на меня. Думайте о чем-то другом.

Они попытались. Еще одна пауза. Потом:

— Нет, я не могу, я не могу.

— Я могу двигаться чуть-чуть,— с робостью воскликнул Авардан.— Великая Галактика, я могу пошевелить ногой... Ох!— каждое движение было таким неуклюжим.

— Как сильно вы можете травмировать человека, Шварц?— спросил он.— Я имею в виду можете ли вы проделать это сильнее, чем только что со мной?

— Я убил человека.

— Убили? Как вы это сделали?

— Не знаю. Это получилось само собой. Это... Это...— Шварц выглядел комически в своей попытке выразить невыразимое.

— Хорошо, а можете вы справиться сразу больше чем с одним противником?

— Я не пробовал, но думаю, что нет. Я не могу читать мысли двух людей одновременно.

— Он не может убить секретаря, Бел,— вмешалась Пола.— Ничего не получится.

— Почему?

— Как мы выберемся отсюда? Даже, если мы застанем секретаря одного и убьем его, сотни людей будут ждать нас снаружи. Ты об этом подумал?

Однако ее прервал хриплый голос Шварца.

— Я нашел его.

— Кого?— воскликнули все трое. Даже Шект напряжено вглядывался в него.

— Секретаря. Кажется, это его мысленный контакт.

— Держите его.— Авардану удалось повернуться набок за время своих попыток убедить Шварца, и сейчас он рухнул с плиты, ударился о пол и тщетно пытался подняться, опираясь на свои полупарализованные ноги.

— Выжмите его, Шварц. Выдавите столько информации, сколько возможно.

Шварц напрягся до головокружения. Он сжимал и отпускал щупальца своего мозга, вслепую, неуклюже, как младенец, вытягивающий неуверенные руки за предметом, которого не может достать. Пока наконец он не достал то, что смог найти, и теперь смотрел... смотрел...

С трудом, напрягшись, он произнес:

— Триумф! Он уверен в успехе... Что-то насчет космических ракет. Он отправил их... Нет, не отправил. Он собирается их отправить.

— Это автоматически управляемые снаряды, несущие вирус,— простонал Шект.— Они направлены на разные планеты.

— Но где они хранятся, Шварц?— настаивал Авардан.— Ищите, ищите...

— Здание... Я не все понимаю... Пять концов — звезда — название — Слу — кажется...

— Это оно,— вновь вмешался Шект.— Клянусь всеми звездами, это оно. Храм в Сенлу. Он со всех сторон окружен радиоактивными ловушками. Никто, кроме Старейших, не может туда войти. Это возле пересечения двух больших рек, Шварц?

— Не могу... Да-да-да.

— Когда, Шварц, когда? Когда они будут отправлены?

— Я не мог разобрать день, но скоро, скоро. Его

ум переполнен этим... Очень скоро.— Он, казалось, изнемогал от усилия.

Авардан наконец с трудом, пошатываясь, оперся на руки и колени.

— Он идет сюда?

— Да. Он возле двери.

Дверь открылась.

Голос Балкиса был исполнен холодного торжества:

— Доктор Авардан! Не лучше ли вам вернуться на свое место?

Авардан взглянул на него, полностью сознавая нелепость своего положения, однако ответить было нечего, и он молчал. Он медленно опустился на пол и остался в этом положении, тяжело дыша. Ах, как ему хотелось броситься на Балкиса и выхватить оружие у противника...

Со светящегося мягким светом флексипластового пояса секретаря, слегка покачиваясь, свисала не нейроплеть. Это был настоящий бластер крупного калибра, способный мгновенно разнести человека на атомы.

Секретарь разглядывал лежащую перед ним четверку со злобным удовлетворением. Он делал вид, что не обращает внимания на девушку, но с остальными было все ясно. Здесь был предатель — землянин, агент Империи и таинственное существо, за которым они следили два месяца. Были ли у них сообщники?

Конечно, существовал еще Энус и Империя. В лице этих шпионов и предателей были отсечены их руки, но где-то еще оставался действующий мозг, который мог выслать новые руки.

Секретарь стоял в непринужденной позе, скрестив руки на груди, презрительно игнорируя возможность нападения на него. Голос его был спокоен и мягок.

— Необходимо внести в наши отношения ясность. Земля находится в состоянии войны с Галактикой, пока еще не объявленной, но тем не менее войны. Вы — наши узники, и с вами будут обращаться соответственно сложившейся ситуации. Принятая кара для шпионов и предателей — смерть...

— Только в случае официально объявленной войны,— яростно прервал его Авардан.

— Официальной войны?— переспросил секретарь с почти нескрываемой насмешкой.— Что такое официальная война? Земля всегда находилась в состоянии войны с Галактикой, независимо от того, объявили мы об этом или нет.

— Не спорь с ним,— проговорила Пола, обращаясь к Авардану.— Пусть скажет то, что хочет, и покончим с этим.

Авардан улыбнулся ей. Это была странная судорожная улыбка, потому что в то же время он, совершив неимоверное усилие, поднялся на ноги и остался стоять, тяжело дыша.

Балкис тихо засмеялся. Он не спеша приблизился к археологу, так же не спеша положил ему руку на грудь и толкнул.

С безвольно повисшими, неслушающимися руками, с застывшими мышцами туловища, которые не могли поддерживать равновесие тела, Авардан не устоял на ногах.

Пола, затаив дыхание и борясь с собственным неподчиняющимся телом, начала медленно спускаться со скамьи.

Балкис отбросил ее к Авардану.

— Влюбленные,— презрительно проговорил он.— Вот он, твой сильный чужак. Беги к нему! Что же ты медлишь? Обними своего героя и забудь в его объятиях, что на нем кровь и пот миллионов замученных землян. И вот он лежит здесь, доблестный и смелый, повергнутый на Землю легким прикосновением рук землянина.

Пола поднялась на колени рядом с лежащим Аварданом, ощупывая его голову, боясь увидеть кровь или что-либо более ужасное. Глаза Авардана медленно открылись, а губы прошептали:

— Все в порядке.

— Он трус!— сказала Пола.— Он сражается с парализованным человеком и хвастается победой. Поверь, таких землян немного.

— Я знаю, иначе ты не была бы землянкой.

Секретарь стоял не шевелясь.

— Как я уже сказал, вы обречены, но тем не менее ваша жизнь может быть выкуплена. Вас инте-

ресует цена?

— Будь вы на нашем месте, вас бы это интересовало. Это я знаю,— вызывающе бросила Пола.

— Тсс, Пола,— Авардан все еще не восстановил дыхания.— Что вы предлагаете?

— О,— произнес Балкис,— вы желаете себя продать? Так, как это бы сделал на вашем месте я? Я — ничтожный землянин?

— Вам виднее, кто вы такой,— парировал Авардан.

— Что касается остального, я не продаю себя, я покупаю ее.

— Я отказываюсь быть проданной,— заявила Пола.

— Как трогательно,— раздраженно сказал секретарь.— Он снизошел до наших женщин, наших скво, и все еще играет в жертвенность.

— Что вы предлагаете?— повторил свой вопрос Авардан.

— Следующее. Вам стало известно что-то о наших планах. Откуда это узнал доктор Шект, догадаться нетрудно, но как это дошло до Империи — непонятно. Поэтому мы хотели бы узнать, что известно Империи. Не то, что узнали вы, Авардан, а то, что знает Империя.

— Я — археолог, а не шпион,— отрезал Авардан.— Я понятия не имею, что известно Империи, но надеюсь, что немало.

— Так я и думал. Что же, вы сможете переменить свое мнение. Это касается всех вас.

Все это время Шварц молчал, не открывая глаз.

Секретарь подождал, после чего с некоторой злостью произнес:

— Тогда я скажу, что будет наградой вашей несговорчивости. Это будет не просто смерть, потому что я абсолютно уверен, что все вы готовы к этому неприятному и неизбежному варианту. Вас, доктор Шект, и вашу дочь при сложившихся обстоятельствах наиболее подходящим решением будет отослать на Синапсайфер. Вы меня понимаете, доктор Шект?

В глазах физика застыл смертельный ужас.

— Да, вижу, что понимаете,— продолжал Бал-

кис.— Конечно, с помощью Синапсайфера можно повредить мозговую ткань настолько, что человек превратится в полного дебила. Это весьма отвратительное зрелище: человека нужно кормить, чтобы он не умер от голода, мыть, чтобы он не покрылся слоем грязи, держать взаперти, чтобы не пугать окружающих. Это может стать хорошим уроком для других. Что касается вас,— и секретарь повернулся к Авардану,— вы с вашим другом Шварцем — граждане Империи, и поэтому подходите для интересного эксперимента. Нам еще не довелось испытать созданный нами вирус на вас, подонках из Галактики. Будет интересно убедиться в правильности наших расчетов. Знаете, такая небольшая доза, что смерть придет не сразу. Болезнь будет съедать вас в течение недели, если мы правильно рассчитаем дозу. Это будет очень больно.

Он сделал паузу и посмотрел на них.

— Все это,— проговорил он,— альтернатива нескольких нужных слов, сказанных сейчас. Что известно Империи? Действуют ли сейчас другие агенты? Каковы их планы, если такие есть, принятия контрмер?

— Как мы можем быть уверены, что вы не убьете нас, даже если узнаете все, что хотите?— пробормотал Шект.

— Даю слово, что в случае отказа вы умрете страшной смертью. Так что придется пользоваться предлагаемой возможностью. Что скажете?

— У нас есть время?

— А разве я не давал вам времени? Три минуты прошли с того момента, как я вошел, а я все еще вас слушаю... Так вам есть что сказать? Что, нечего? Вы должны понять, что время невозможно растягивать до бесконечности. Авардан, вы все еще напрягаете мускулы. Вы, наверное, думаете, что сможете приблизиться ко мне, прежде чем я возьму в руки бластер. Ну, и что бы это вам дало? За дверями сотни людей, а мои планы будут реализованы и без моего участия. Даже назначенное мною наказание не минет вас. Или вы, Шварц. Вы убили нашего человека. Это сделали вы, не так ли? Может быть, вы думаете, что удастся убить и меня?

Шварц впервые посмотрел на Балкиса и холодно сказал:

— Я мог бы, но этого не сделаю.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Ничуть. Это очень жестоко с моей стороны. Вы сами сказали, что есть вещи хуже, чем простая смерть.

Авардану пришла в голову мысль, что Шварц что-то задумал.

ГЛАВА 18
ДУЭЛЬ

Шварц испытывал странное, лихорадочное возбуждение, все, задуманное им, казалось так просто. Частью сознания он держал ситуацию под контролем. Другая часть не могла в это поверить. Он был позже других введен в состояние паралича. Даже Шект уже сидел, в то время, как он мог лишь слегка поднять руку.

И пристально глядя в исполненный враждебности ум секретаря, бесконечно грязный и бесконечно злобный, Шварц начал дуэль.

— Первоначально я был на вашей стороне,— сказал он,— несмотря на то, что вы намеревались меня убить. Мне казалось, что я понимаю ваши чувства и намерения... Но сознания этих трех людей относительно чисты, в то время как ваше — вне всяких сомнений. Вы сражаетесь даже не ради землян, а ради собственной власти. Я вижу, что вы мечтаете не о свободной, а о вновь порабощенной Земле. Я вижу не уничтожение власти Империи, а замену ее личной диктатурой.

— И все это вы видите?— произнес Балкис.— Что ж, вы можете видеть все, что вам угодно. В конце концов мне не настолько нужна эта информация, чтобы терпеть вашу наглость. Вы своего дождались. Удивительно, что может сделать давление даже с теми, кто клянется, что большая скорость невозможна. Вы не заметили этого, мой драматический чтец мыслей?

— Нет,— ответил Шварц.— Я не искал и поэто-

му не заметил этого... Но я не могу узнать это сейчас. Два дня... Меньше... Посмотрим... Вторник... Шесть часов утра... Время Чики.

Бластер, наконец, оказался в руке секретаря. Он быстро подскочил к беспомощно лежавшему Шварцу.

— Откуда вы это знаете?

Шварц замер, вытягивая и сжимая свои мысленные щупальца. Физически это отразилось лишь в напрягшихся мышцах лица и морщинах на лбу, но все это не имело никакого значения, просто второстепенные эффекты значительного усилия. То, что охватило и сжало мысленный контакт противника, находилось глубоко в его сознании.

Авардан с интересом наблюдал разыгравшуюся сцену.

— Я держу его...— задыхаясь прошептал Шварц.— Заберите у него оружие. Я не могу удержать...— Шепот перешел в хрип и замер.

И тут Авардан понял. Шатаясь, он поднялся на четвереньки. Затем медленно, с невероятным напряжением заставил себя принять устойчивое положение, выпрямиться. Пола неудачно попыталась подняться вслед за ним. Шект спустился с плиты и стал на колени. Шварц лежал неподвижно, с напряженным лицом.

Секретарь, казалось, словно был поражен взглядом медузы Горгоны. На его гладком, лишенном морщин лбу медленно выступил пот, а лицо было бесстрастно. Только правая рука, державшая бластер, проявляла признаки жизни. Присмотревшись, можно было заметить ее слабую дрожь, странное, колеблющееся давление на спусковую кнопку: легкое, недостаточное, чтобы причинить вред, но повторяющееся, повторяющееся.

— Держите его,— со злорадным наслаждением выговорил Авардан. Он пытался подняться.— Дайте мне до него добраться.

Его ноги дрожали. Ему казалось, что он, как в кошмаре пробирается сквозь патоку, плывет в смоле, заставляя работать неслушающиеся мускулы, так медленно, так медленно...

Он еще не понимал разыгравшегося перед ним

отчаянного противоборства.

У секретаря была лишь одна цель — приложить ничтожное усилие и нажать пальцем на кнопку бластера, чтобы привести его в действие.

Шварц всеми своими силами старался не допустить этого. Но среди всей массы ощущений мысленного контакта противника он не мог понять, какая именно зона мозга непосредственно связана с этим пальцем. Поэтому его усилия были направлены на создание полного оцепенения...

Мысленный контакт секретаря яростно сопротивлялся чужой воле. Шварцу противостоял сообразительный и бесстрашный ум. На мгновение он замирал, ожидая, а затем предпринимал новую отчаянную попытку...

Шварцу казалось, что он сжимает борющегося, яростно вырывающегося противника, которого должен удержать любой ценой.

Но ничего этого не было заметно. Только нервное подергивание скулы Шварца, его дрожь, закушенные до крови губы и эти едва заметные движения пальца Балкиса...

Авардан остановился, чтобы передохнуть. Его вытянутый палец уже коснулся накидки секретаря, когда он почувствовал, что больше двигаться не может. Пораженные болью легкие не могли обеспечить воздухом омертвевшие конечности. На глазах от усилия выступили слезы, сознание был затуманено болью.

— Еще немного, Шварц,— задыхаясь, выговорил он.— Держите его, держите...

Медленно, очень медленно Шварц покачал головой.

— Я не могу, я не могу...

И действительно, весь мир ускользал от него, все перемешивалось, становилось тусклым и расплывчатым. Щупальца его сознания становились жесткими и непослушными.

Палец секретаря еще раз нажал на спуск, и не отошел назад. Он надавливал все сильнее.

Шварц почувствовал, как расширяются, выходят из орбит его глаза, как бешено колотится сердце. Он

ощущал растущее торжество в глазах противника...

И тут Авардан рванулся вперед. Его непослушное тело с вытянутыми руками рухнуло на Балкиса.

Скованный чужой волей, секретарь упал вместе с ним. Бластер отлетел в сторону, со стуком упал на пол.

Почти в то же мгновение ум Балкиса обрел свободу. Шварц, чувствуя полнейшее смятение в сознании, отступил.

Балкис пытался выбраться из-под Авардана, придавившего его мертвым грузом. Коленом он резко толкнул противника в пах, вкладывая в удар всю свою ненависть, кулаком ударил Авардана в челюсть. Приподнявшись, он оттолкнул его.

Тяжело дыша, секретарь вскочил на ноги и замер вновь. На него в упор смотрел Шект. Его трясущаяся правая рука, поддерживаемая левой, сжимала бластер, направленный на секретаря.

— Вы, кучка глупцов,— со злостью крикнул секретарь,— чего вы добиваетесь? Стоит мне только позвать...

— И вы тотчас же умрете,— тихо сказал Шект.

— Убив меня вы ничего не достигнете,— жестко проговорил Балкис,— и вы знаете это. Вы не спасете Империю, из-за которой предали нас, вы не спасете даже себя. Отдайте мне оружие, и вы будете свободны.

Он протянул руку, но Шект лишь невесело рассмеялся.

— Я не настолько глуп, чтобы поверить в это.

— Может быть, но вы полупарализованы.— И секретарь сделал резкое движение вправо. Это у него получилось гораздо быстрее, чем слабая рука физика смогла повернуть бластер.

И теперь ум Балкиса был полностью сосредоточен на том, чтобы ускользнуть от бластера. Тем временем Шварц сконцентрировал свои силы для последнего удара, после которого секретарь, споткнувшись, рухнул на землю.

Авардан с трудом поднялся на ноги.

— Шварц, вы можете двигаться?— спросил он.

— Немного,— послышался усталый ответ.

Шварц соскользнул со своего ложа.

— Кто-нибудь приближается сюда?

— Я не чувствую никого.

Авардан склонился над распростертым Балкисом и грубо перевернул его на спину. Он попытался нащупать пульс, после чего положил руку на грудь лежащего.

— Сердце, по крайней мере, стучит... Вы обладаете страшной силой, Шварц. Почему вы не сделали этого раньше?

— Я пытался дольше удержать его в состоянии оцепенения. Я надеялся, что мы сможем заставить его вывести нас отсюда, используя его при этом как прикрытие.

— Мы можем и сейчас это сделать,— неожиданно оживившись проговорил Шект.— Отсюда всего полмили до имперского гарнизона. Добравшись туда, мы будем в безопасности и сможем связаться с Энусом.

— Как мы туда доберемся, если за дверями сотни вооруженных людей, не говоря уже о дальнейшем пути... А как мы будем передвигаться с этим зеленым манекеном?— Авардан невесело улыбнулся.

— И, кроме того,— мрачно добавил Шварц,— я не могу удерживать его долго. Вы же видели...

— Это с непривычки,— серьезно сказал Шект.— Теперь слушайте, Шварц. Я немного представляю то, как вы действуете. Ваше сознании превращается в приемную установку электромагнитного поля чужого ума. Я думаю, что вы можете создавать и свое поле. Вы меня понимаете?

Шварц болезненно скривился, чувствуя себя неуверенно.

— Поймите меня,— настаивал Шект.— Вы должны сосредоточиться на том, что вы от него хотите. Прежде всего, мы вернем ему бластер.

— Что?!— почти одновременно прозвучали три изумленных голоса.

Шект заговорил громче.

— Он должен вывести нас отсюда. Другого выхода у нас нет, не так ли? И как лучше устранить всяческие подозрения, чем позволив ему нести оружие?

— Но я же говорю, что не могу удержать его.— Шварц сгибал и разгибал руки, пытаясь восстановить подвижность тела.— Что мне ваши теории, доктор Шект! Вы просто не представляете, что это такое.

— Я вас понимаю, но мы должны использовать эту возможность. Попытайтесь еще раз, Шварц. Заставьте его пошевелить рукой, когда он придет в себя.

Секретарь застонал, и Шварц почувствовал возвращающийся мысленный контакт. Молча, испытывая чуть ли не страх, он дал ему набрать силу, и затем мысленно стал подчинять своей воле.

У секретаря поднялась рука. Зловеще улыбаясь, землянин из прошлого поднял глаза, но взгляды всех были сосредоточены только на лежащем с приподнятой головой Балкисе, на его глазах, в которые возвращалось сознание, а рука совершала странные и нелепые движения.

Шварц принялся за дело.

Секретарь неуклюже, чуть не потеряв равновесие, поднялся. И затем, скованный чужой волей, начал неестественно танцевать.

В танце не было ни ритма, ни красоты, и на всех он произвел жуткое впечатление.

Шект осторожно приблизился к роботоподобному секретарю, и не без колебания протянул руку, в которой рукояткой вперед лежал бластер.

— Помогите ему взять оружие, Шварц,— проговорил физик.

Рука Балкиса неуклюже вытянулась вперед, и неуверенно взяла оружие. На мгновение в его глазах появился и тут же погас торжествующий блеск. Очень медленно бластер занял свое место на поясе и рука отошла в сторону.

Язвительная улыбка озарила лицо Шварца.

— Он почти в моих руках!

— Отлично. Вы можете его удержать?— спросил Шект.

— Он дьявольски сопротивляется. Однако удерживать его мне легче, чем в прошлый раз.

— Это потому, что вы знаете, что делаете,— сказал Шект не совсем уверенно.— Теперь действуйте.

— Вы можете заставить его говорить?— вмешал-

ся Авардан.

Последовала пауза, затем секретарь издал тихое протяжное рычание. Еще одна пауза, и вновь рычание.

— Это все,— с сожалением произнес Шварц.

— Но почему ему это не удается?— обеспокоенно спросила Пола.

Шект пожал плечами.

— Тут действуют сложные и чувствительные мышцы. Это не то, что воздействие на грубые мускулы конечностей. Ничего, Шварц. Мы обойдемся и без этого.

Следующие два часа этой странной одиссеи каждый из них пережил по-своему.

Шект, например, обрел необычную твердость. Все его внутренние переживания заслонил страх за Шварца. Его глаза следили лишь за его нахмуренным, искаженным усилием лицом. Других он почти не замечал.

Охранники, стоящие за дверью, резко вытянулись, увидев секретаря, зеленая накидка которого символизировала высокое положение и власть. Секретарь неуверенно ответил на приветствие, и в компании Шекта, Шварца, Авардана и Полы проследовал дальше.

Лишь когда они миновали большой зал, Авардан осознал все безумие происходящего, и то, что все они были на грани смерти... И вдруг — это внезапное, чудесное спасение...

Он взглянул с нежностью на Полу и понял, что более желанного существа он еще не встречал.

Впоследствии он помнил только о ней. Лишь о ней...

Шварц изнемогал. Извивающаяся дорога, начинающаяся у боковых дверей, через которые они вышли, была пуста, и он был невыразимо рад этому.

Только Шварц полностью осознавал, что ждет их в случае неудачи. В подчиненном ему сознании противника он чувствовал невыносимое унижение, всепоглощающую ненависть, готовность на все. Ему пришлось искать в этом сознании: местоположение правительственной наземной машины, путь к ней...

И в поисках этого он также ощутил решимость секретаря отомстить немедленно, если возникнет возможность спастись.

Когда они приблизились к автомобилю, Шварц с трудом заговорил. Он не смел расслабиться достаточно, чтобы быть способным на нормальную речь.

— Не могу... вести машину.. заставить... его... управлять сложно... не могу....

Шект мягко пробормотал что-то успокаивающее. Он не смел прикоснуться к нему, не смел говорить, как обычно, не смел даже на секунду отвлечь внимание Шварца.

— Только посадите его на заднее сидение, Шварц,— прошептал он.— Я буду управлять. Я умею. Держите его, я заберу бластер.

У секретаря была специальная модель наземного автомобиля. А раз специальная, значит, отличная от других. Она привлекала внимание. Ее включенные фары напоминали изумрудные вспышки пульсирующего света. Люди останавливались, глядя ей вслед, а автомобили поспешно уступали дорогу.

Если бы эта примечательная машина мчалась не так быстро, случайный прохожий мог бы заметить бледного напуганного секретаря на заднем сидении. И это, быть может, показалось бы ему подозрительным.

Солдат преградил им дорогу, закрыв блестящие хромированные ворота, ошеломляющее величие которых было присуще всем строениям Империи и создавало резкий контраст с приземистой и неуклюжей архитектурой Земли. Громадное силовое ружье стража было угрожающе поднято, машина остановилась.

Авардан выглянул:

— Я — гражданин Империи, солдат. Я хочу говорить с вашим офицером.

— Мне необходимо видеть ваши документы, сэр.

— Их у меня забрали. Я — Бел Авардан с Бернонна. Это сектор Сириуса. Мое дело касается Наместника, и я спешу.

Солдат поднес ко рту руку и тихо сказал что-то в микрофон, спрятанный на запястье. Некоторое вре-

мя он ждал ответа, после чего опустил ружье и отошел в сторону. Ворота медленно открылись.

ГЛАВА 19
У РОКОВОЙ ЧЕРТЫ

В полдень находящийся в Вашене премьер-министр попытался по персональному каналу связаться со своим секретарем, но того не смогли нигде найти. Премьер-министр был раздражен, младшие чиновники Зала исправлений находились в смятении.

Охранники на все вопросы с уверенностью заявили, что секретарь вместе с пленными вышел в десять тридцать утра... Нет, он не оставил никаких указаний. Они не знают, куда он направлялся, конечно же, не их дело спрашивать об этом. Общее беспокойство и неуверенность усилились.

В два часа дня пришло первое сообщение, что машину секретаря видели утром, никто не заметил, был ли в ней секретарь, некоторым показалось, что он управлял машиной, но в этом никто не был уверен.

В два тридцать было точно установлено, что автомобиль въехал в расположение гарнизона Империи.

Около трех было окончательно решено связаться гарнизоном. На вызов ответил лейтенант.

Они узнали, что пока невозможно дать информацию по интересующему вопросу. Однако офицеры его высочества Императора проследят за соблюдением законности. Затем было высказано требование, чтобы известие об отсутствии члена Совета Старейших не получало широкой огласки без дальнейших консультаций.

Но этого было достаточно, чтобы вызвать эффект, прямо противоположный желаемому.

Вовлеченные в заговор люди решили, что секретарь — в руках противника (за сорок восемь часов до начала действия!), а это означает либо раскрытие заговора либо предательство Балкиса.

Население Чики заволновалось...

И решение было принято...

Профессиональные ораторы вышли на улицы. Тайные склады с боеприпасами были открыты, и оружие появилось в руках людей. Потоки людей направились к гарнизону, куда вскоре было отправлено новое послание, на этот раз через специального посла.

Тем временем в гарнизоне тоже было неспокойно. Все началось с того, что встретивший машину молодой офицер протянул руку за бластером секретаря.

— Я заберу это,— коротко сказал он.

— Отдайте ему, Шварц,— проговорил Шект.

Когда бластер был унесен, Шварц со вздохом облегчения отпустил Балкиса.

Авардан был готов к попытке секретаря освободиться. Когда Балкис, как разжатая сильная пружина, рванулся из машины, археолог навалился на него, ожесточенно работая кулаками.

Офицер резко дал команду, и к ним бросились солдаты. Авардана грубо оттащили в сторону, секретарь остался безмолвно лежать на сиденье. Из угла рта у него сочилась кровь. Разбитая щека Авардана тоже кровоточила.

Археолог поправил волосы, после чего твердо произнес:

— Я обвиняю этого человека в заговоре с целью свержения правительства Империи. Я должен немедленно поговорить со старшим офицером.

— Я доложу ему,— вежливо сказал офицер.— Предлагаю всем вам следовать за мной.

И на несколько часов все замерло. Шекта, Полу, Авардана и Шварца поместили в отдельную и довольно чистую комнату. Впервые за двенадцать часов они смогли поесть.

И все же комнату охраняли, и с течением времени Авардан начал терять терпение и воскликнул:

— Мы же просто сменили тюрьму!

Серая армейская жизнь текла своим чередом. О них, казалось, забыли. Шварц уснул, да и у Авардана глаза слипались. Шект время от времени тряс головой, чтобы не уснуть.

— Осталось всего девять часов.

— Я знаю, но нужно ждать.

— Кто из вас утверждает, что он — гражданин Империи?— послышался иронический голос.

Авардан вскочил на ноги:

— Я...

И голос его замер, когда он узнал говорившего. Лейтенант жестко усмехнулся. Его левая рука все еще была несколько скована. И напоминала Авардану об их последней встрече.

— Бел, этот офицер... тогда в магазине..,— слабо прошептала Пола.

— Тот, которому он сломал руку,— резко добавил офицер.— Меня зовут Клавдий, да, я действительно тот самый человек. Итак, вы с Сириуса, не так ли? И все же вы связались с этими... До чего может опуститься человек! И девчонка по-прежнему с вами.— Он сделал паузу, и затем медленно и отчетливо произнес:

— Земная сквo!

Авардан с трудом сдержался. Только не сейчас... не сейчас...

— Я могу видеть полковника, лейтенант?— спросил он, заставляя себя говорить спокойно.

— Боюсь, что полковника сейчас здесь нет.

— Вы хотите сказать, что его нет в городе?

— Я этого не говорил. Его можно найти, если дело достаточно серьезно.

— Могу я видеть дежурного офицера?

— В данный момент это — я.

— Тогда позовите полковника.

Лейтенант медленно покачал головой.

— Я не уверен в том, что это необходимо.

Авардан нетерпеливо закричал.

— Ради Галактики, прекратите эту игру! Это вопрос жизни и смерти.

— В самом деле?— Лейтенант Клавдий с деланным аристократизмом покачал маленькой элегантной тростью.— Вы могли бы попросить приема и у меня.

— Хорошо. Я жду.

— Я сказал,— вы могли бы попросить.

— Вы можете принять меня, лейтенант?

Однако лейтенант был мрачен.

— Я сказал,— попросить, смиренно.

Авардан побледнел и сделал шаг назад. Пола взяла его за рукав.

— Пожалуйста, Бел. Ты не должен его злить.

— Бел Авардан смиренно просит приема у дежурного офицера,— хрипло прорычал археолог.

— Я подумаю,— сказал лейтенант Клавдий.

Он приблизился к Авардану и резко ударил его по раненой щеке.

Авардан, сцепив зубы, еле подавил восклицание.

— Однажды вы обиделись на это,— произнес лейтенант.— А на этот раз?

Авардан молчал.

— Вас примут,— сказал лейтенант.

Авардан шел в окружении четырех солдат. Лейтенант возглавлял шествие.

Шект и Пола остались одни со спящим Шварцем.

— Я не слышу его больше, а ты?— спросил Шект.

Пола покачала головой.

— Я тоже. Ты думаешь, он может сделать что-нибудь с Белом?

— Что ты,— мягко проговорил физик.— Ты забываешь, что он не такой, как мы. Он — гражданин Империи, и с ним не могут расправиться так просто... Ты любишь его?

— Очень. Хотя это глупо, я знаю.

— Конечно,— Шект горько усмехнулся.— Он — честный человек. С этим я согласен. Но что он может сделать? Остаться с нами в этом мире? Взять тебя с собой? Представить землянку своим друзьям? Семье?

Пола заплакала.

— Я знаю. У нас нет никакого будущего.

Шект вновь поднялся на ноги, как будто последняя фраза напомнила ему об их положении.

— Я его опять не слышу,— повторил он.

Он говорил о секретаре, помещенном в соседнюю комнату, откуда постоянно доносились его шаги. Но теперь все стихло.

Сейчас секретарь казался им средоточием всех враждебных сил, несущих смерть и разрушение ми-

рам Галактики. Шект прикоснулся к Шварцу.

— Проснитесь,— сказал он.

Шварц приподнялся.

— Что такое?— Он почти не отдохнул, и усталость вновь со всей силой навалилась на него.

— Вы можете сказать, где сейчас Балкис?— нетерпеливо спросил Шект.

— Ох... Да.— Шварц сконцентрировался и протянул щупальца своего сознания в поисках знакомого ему ума.

Он нашел его, но в контакт пока не вступал — это было неприятно.

— Он на другом этаже,— прошептал Шварц.— Он с кем-то говорит.

— С кем?

— Я не соприкоснулся еще с сознанием этого человеа. Подождите... Дайте послушать. Может быть секретарь... Да, он называет его полковником.

Шект с Полой быстро переглянулись.

— Но ведь это похоже на предательство?— пробормотала Пола.

— Не знаю,— горько проговорил Шект.— Я готов поверить чему угодно.

Лейтенант Клавдий улыбался. Он сидел за столом с бластером в руках. Четверо солдат стояли за ним.

— Я не люблю и никогда не любил землян,— сказал он.— Это — отбросы Галактики. Они заразны, суеверны, ленивы. Это — вырожденцы. Но, клянусь звездами, большинство из них знает свое место. Я даже могу их как-то понять. Они такими родились и это не их вина. Конечно, я не позволил бы им то, что позволяет Император,— я имею в виду их проклятые обычаи и традиции,— будь я на месте Императора... Но ничего. Когда-нибудь мы научим...

— Послушайте,— взорвался Авардан.— Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать...

— Слушать будете вы, потому что я не закончил. Я как раз собирался сказать, что не понимаю логики любителей землян. Когда человек ползает вместе с ними в грязи, бегает за их женщинами, я теряю всякое уважение к нему. Он еще хуже их...

— Хватит!— яростно закричал Авардан.— Вы знаете, что существует заговор против Империи? Вы знаете всю серьезность положения? Каждая минута промедления подвергает опасности квадриллионы людей в Галактике.

— Не знаю, не знаю, доктор Авардан. Вы ведь доктор, не правдв ли? Нельзя забывать ваш титул. Видите ли, у меня своя теория. Вы — один из них. Возможно, вы и родились на Сириусе, но у вас — черное сердце землянина, и вы используете свое гражданство в их интересах. Вы похитили этого земного правителя, этого Старейшего. (Само по себе, кстати говоря, это довольно неплохо). Но земляне уже ищут его. Они отправили нам послание.

— Отправили? Уже? Тогда о чем мы говорим. Я должен видеть полковника, если...

— Вы ожидали беспорядка, восстания? Возможно, вы планировали даже, что это вызовет столкновение с гарнизоном?

— Вы в своем уме? Зачем это?

— Что же, вы не будете возражать, если мы отпустим Старейшего?

— Вы этого не сделаете.— Авардан поднялся, и на мгновение показалось, что он готов броситься на офицера.

Рука лейтенанта сжала бластер.

— Не сделаем? Теперь слушайте. Я немного заинтересован в этом деле. Я дал тебе пощечину, унизил тебя на глазах твоих друзей — землян. Я заставил тебя сидеть и слушать, какое ты ничтожество. И теперь я с удовольствием подожду предлога, чтобы сделать с твоей рукой то же, что ты сделал с моей. Ну, сделай только шаг.

Авардан замер.

Клавдий засмеялся и отложил бластер в сторону.

— К сожалению, я должен сохранить тебя для полковника. Он примет тебя в пять часов.

— Вы это знали, знали все время,— хрипло произнес Авардан.

— Конечно.

— Если потерянное нами время, лейтенант, означает, что ничего уже нельзя сделать, тогда никто

из нас долго не проживет.— Он говорил леденящим, устрашающим тоном.— Но вы умрете первым, потому что я отдам этому последние свои минуты.

— Я буду ждать тебя, любитель землян. В любое время.

Вся жизнь полковника прошла в гарнизоне. У него не было особых возможностей добиться той славы, о которой мечтает каждый офицер. Полковник не очень к ней и стремился. В течение своей долгой военной службы он побывал во всех уголках Галактики, и гарнизон Земли не представлялся ему чем-то необычным. Он желал лишь мирной, спокойной службы и ради этого готов был на что угодно.

Вошедший Авардан заметил, что полковник выглядит очень устало. С отсутствующим видом он пощелкивал суставами пальцев, затем официально посмотрел на вошедшего.

— Очень неприятная история... все это...— проговорил он,— очень. Я припоминаю вас, молодой человек. Вы — Бел Авардан с Сириуса, и по вашей вине у нас уже возникли затруднения. Вы что, не можете не попадать в неприятные истории?

— Это касается не только меня, полковник, но и всей Галактики.

— Да, я знаю,— нетерпеливо сказал полковник.— Или, по крайней мере, знаю то, что вы утверждаете это. Я слышал, у вас больше нет документов.

— Их у меня забрали, но меня знают в Гималаях. Сам Наместник знает меня, и я надеюсь, он не допустит, чтобы случилось нечто непоправимое.

— Посмотрим. А пока я бы хотел выслушать вашу версию происшедшего.

— Мне стало известно о заговоре небольшой группы землян с целью насильственного свержения правительства Империи.

— Вы заходите слишком далеко, молодой человек, делая подобное, ничем не обоснованное заявление. Земляне могут устроить беспорядки, напасть на гарнизон, нанести нам значительный ущерб,— готов я признать,— но не уничтожить силы Империи на планете, не говоря уже о свержении правительства Империи. И все же я готов выслушать подробности

этого... за... заговора.

— К сожалению, дело настолько серьезно, что я считаю необходимым рассказать об этом самому Наместнику, лично. С вашего позволения, я требую немедленно связаться с ним.

— Ухм... Давайте не будем действовать поспешно. Знаете ли вы, что привезенный вами человек — секретарь премьер-министра Земли, один из наиболее важных Старейших?

— Прекрасно знаю.

— И тем не менее утверждаете, что он — глава упомянутого заговора?

— Так оно и есть.

— Ваши доказательства?

— Я уверен, вы поймете меня, если я скажу, что не могу обсуждать этот вопрос ни с кем, кроме Наместника.

Полковник нахмурился и стал разглядывать свои ногти.

— Вы сомневаетесь в моей компетентности?

— Ничуть. Думаю, что только Наместник обладает достаточной властью для принятия необходимых мер.

— О каких мерах вы говорите?

— Необходимо полностью уничтожить определенное здание на Земле не позже, чем через двенадцать часов, иначе под угрозой гибели окажутся почти все жители Галактики.

— Какое здание?— устало спросил полковник.

Авардан не ответил.

— Могу я просить предоставить мне связь с Наместником.

Наступила томительная пауза. Наконец полковник сухо проговорил:

— Вы понимаете, что, похитив землянина, поставили себя в положение человека, дело которого может рассматривать земной суд? Обычно правительство защищает своих граждан и настаивает на передаче дела в Галактический суд. Однако равновесие здесь очень шатко, а я имею прямые указания по возможности избегать конфликтов. Поэтому, если вы не будете отвечать на мои вопросы, я буду вынужден

передать вас и ваших друзей местной полиции.

— Но это будет смертный приговор. Для вас тоже!.. Полковник, я — гражданин Империи, и я требую встречи с Наместником.

Сигнал зуммера на столе заставил его остановиться. Полковник повернулся, нажал кнопку.

— Да?

— Сэр,— раздался отчетливый голос,— толпа людей окружила форт. По-видимому, они вооружены.

— Столкновения были?

— Нет, сэр.

На лице полковника не было заметно никаких чувств. Это, по крайней мере, было его профессией.

— Привести в готовность артиллерию и авиацию, всех людей на боевые позиции. Огонь открывать только при крайней необходимости. Ясно?

— Да, сэр. Землянин с флагом посла просит принять его.

— Пришлите его сюда. И приведите еще раз секретаря премьер-министра.

Закончив разговор, полковник холодно посмотрел на археолога.

— Надеюсь, вы понимаете, к чему привели ваши действия?

— Я требую разрешить мне присутствовать при вашей встрече с ними,— закричал Авардан, от гнева почти утратив контроль над собой,— и кроме того, я требую объяснить, почему в то время как я находился под стражей, вы вели переговоры с этим изменником. Я знаю, что вы говорили с ним раньше, чем со мной.

— Вы меня в чем-то обвиняете?— угрожающим голосом произнес полковник.— Если да, то выражайтесь яснее.

— Я не обвиняю вас ни в чем. Однако я напоминаю, что вам придется впоследствии ответить за свои действия, и вы можете снискать известность человека, своим упрямством уничтожившего свой народ.

— Хватит! Во всяком случае перед вами я ни в чем отчитываться не обязан. С этого момента все будет идти, как я пожелаю. Вы поняли?

ГЛАВА 20
РОКОВАЯ ЧЕРТА

Секретарь прошел в открытую солдатом дверь. На его темных выпуклых губах застыла холодная улыбка. Он кивнул полковнику, игнорируя присутствие Авардана.

— Сэр,— обратился полковник к землянину,— я сообщил премьер-министру о причинах вашего пребывания здесь. Конечно же, ваше заключение здесь — абсолютно... за... необычайный случай, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы как можно скорее увидеть вас на свободе. Однако здесь находится господин, который, как вам, вероятно, известно, выдвигает против вас очень серьезное обвинение, которое мы должны проверить...

— Я вас понимаю, полковник,— спокойно сказал секретарь.— Однако, как я вам уже объяснил, этот человек пробыл на Земле всего около двух месяцев, насколько мне известно, так что он не имеет ни малейшего понятия о наших делах. Довольно неубедительная основа для какого-либо обвинения.

— Я — археолог по профессии,— яростно возразил Авардан,— и занимаюсь изучением Земли и ее обычаев. Я немало знаю о ваших делах. Кроме того, обвинение выдвигаю не я.

Секретарь ни разу не взглянул на археолога. Он обращался исключительно к полковнику.

— Один из наших местных ученых вовлечен в это дело. С приближением шестидесяти лет он начал страдать манией преследования. Кроме того, есть еще один человек, неизвестно откуда взявшийся и страдающий вдобавок умственным заболеванием. Никто из этой тройки не может представить доказательства...

Авардан вскочил:

— Я требую, чтобы меня выслушал...

— Сядьте,— холодно сказал полковник.— Вы отказались обсудить дело со мной. Пусть будет по-вашему. Позовите человека с флагом посла.

Это был еще один член Совета Старейших. Лишь слегка вздрогнувшие веки выразили его чувства при

виде секретаря. Полковник поднялся с кресла и произнес:

— Вы говорите от имени собравшихся у форта людей?

— Да.

— Я полагаю, это мятежное и незаконное собрание выдвигает требование освободить находящегося здесь вашего соотечественника?

— Да. Он должен быть немедленно освобожден.

— Согласен! Тем не менее, исходя из законности, порядка и уважения к представителям его величества Императора на этой планете этот вопрос не может обсуждаться в то время, как ваши люди с оружием выступают против нас.

— Полковник прав, брат Кори,— вежливо проговорил секретарь.— Пожалуйста, успокойте людей. Я здесь в полной безопасности. Опасность не угрожает никому. Вы меня понимаете? Никому. Передайте это Старейшим.

— Хорошо, Брат. Я рад, что ты в безопасности.

Он вышел.

— Я прослежу, чтобы вы здесь оставались в полной безопасности, пока положение в городе нормализуется,— сказал полковник.

— Благодарю вас за помощь.

Авардан снова встал.

— Я протестую. Вы собираетесь освободить этого будущего убийцу, который собирается убить все человечество, и в то же время не даете мне встретиться с Наместником, хотя я требую лишь того, что гарантирует мои права гражданина Империи — И в приступе отчаяния он добавил:

— Неужели вы проявите больше внимания к земной собаке, чем ко мне?

Голос секретаря заглушил его последнюю вспышку гнева.

— Полковник, я готов остаться здесь до прибытия Наместника, если этот человек требует того. Измена — серьезное обвинение, и это подозрение, пусть даже ни на чем не основанное, может оказаться достаточным, чтобы сделать меня бесполезным для моего народа. Я буду рад возможности доказать Наме-

стнику свою преданность Империи.

— Я восхищен вашими чувствами,— натянуто произнес полковник,— и честно признаю, что на вашем месте я вел бы себя совсем иначе. Ваш народ может гордиться вами. Я попытаюсь связаться с Наместником.

Авардан не сказал больше ни слова и был отведен в свою камеру.

Долгое время он сидел неподвижно, не глядя ни на кого.

— Ну и что?— наконец спросил Шект.

Авардан покачал головой.

— Я все погубил.

— Что вы сделали?

— Вышел из себя, кричал, оскорблял полковника, ничего не добился. Я не дипломат, Шект.

Неожиданно он почувствовал необходимость оправдаться.

— Что я мог сделать?— воскликнул он.— Балкис уже говорил с полковником, поэтому я не мог ему доверять. Что, если ему предложили спасти свою жизнь? Что если он с самого начала участвовал в заговоре? Я знаю, это — дикая мысль, но я не мог рисковать. Все было слишком подозрительно. Я требовал встречи с Энусом.

Физик вскочил на ноги.

— Значит Энус будет здесь?

— Я думаю, да. Но только по личной просьбе Балкиса, и этого я понять не могу.

— По личной просьбе? Значит, Шварц прав.

— Да? Что же он говорит?

Шварц уселся на своей кровати, пожал плечами в ответ на вопросительные взгляды и беспомощно развел руками:

— Я уловил мысленный контакт секретаря, когда его вели мимо нашей комнаты. Он долго разговаривал с этим офицером, которого вы упоминали.

— Я знаю.

— Однако, в сознании офицера нет предательства.

— Что же,— пробормотал Авардан,— значит, я ошибался. А как насчет Балкиса?

— В его сознании нет беспокойства или страха, только ненависть. И сейчас она в основном направлена на нас, схвативших и привезших его сюда. Мы больно ранили его самолюбие, и он хочет нам отомстить. Причем, от него можно ожидать самого худшего.

— Вы хотите сказать, что он рискнет всеми своими планами только для того, чтобы уничтожить нас? Это сумасшествие.

— Я знаю,— уверенно сказал Шварц.— Он — сумасшедший.

— И он думает, что ему это удастся?

— Именно.

— Тогда нам необходимы вы, Шварц, ваш ум. Слушайте...

Однако Шект покачал головой.

— Нет, Авардан, это у нас не получится. Я разбудил Шварца, когда вы ушли, и мы все обсудили. Его психические силы, о которых он сам имеет лишь туманное представление, явно не контролируются им в достаточной степени. Он может оглушить, парализовать или даже убить человека. Он может контролировать большие мышцы тела человека даже против его воли, но не более. Вспомните, секретаря он не смог заставить говорить, и не мог также координировать его движения достаточно четко, чтобы заставить управлять автомобилем, контролировать равновесие при ходьбе тоже было трудно. Поэтому ясно, что мы не сможем управлять Энусом, не сможем заставить его издать приказ. Как видите, я подумал об этом...— Шект покачал головой и умолк.

Авардан взглянул на часы. Была уже почти полночь, оставалось так мало времени! На какое-то время он заснул, затем свет разбудил его. Он оглянулся ошеломленно и беспомощно. Сейчас здесь собрались все, даже Наместник прибыл, наконец. Пола сидела рядом с ним, вложив ему в ладонь свои маленькие и теплые руки. Выражение страха и усталости на ее лице сильнее, чем что-либо другое, настраивало его против Галактики.

Может быть, все они заслужили смерть, глупые, глупые...

Шекта и Шварца он почти не замечал. Они сидели слева от него. И здесь же был Балкис, проклятый Балкис со своими выпуклыми губами, синяком, расплывшимся по одной щеке.

Лицом к ним стоял Энус, хмурый, нерешительный, почти нелепый в своей тяжелой бесформенной, пропитанной свинцом одежде.

И он тоже был глупцом. Авардан его тоже ненавидел.

Мотивы, заставившие Энуса прибыть в Чику, были туманными, но тем не менее убедительными. «Собственно,— говорил он себе,— все ограничивается этим достойным сожаления похищением одного из типов в зеленых накидках. Обвинения выглядят дико, него полковник мог бы с этим справиться сам».

Но здесь был Шект... Он был замешан в этом... И не как обвиняемый, а как обвинитель. Это казалось странным.

Наместник вполне осознавал, что непродуманное решение вызовет недовольство землян, может быть, восстание. А это ослабит его положение и помешает продвижению по службе. Что касается длинной речи, произнесенной Аварданом о вирусе и распространяющейся по Галактике эпидемии, то мог ли он относиться к этому серьезно?

А если он начнет действовать, как это будет выглядеть в глазах вышестоящих властей?

И все же, как не верить Авардану, известному археологу?

Энус, обдумывая решение, обратился к секретарю:

— Конечно, вам есть что сказать по этому вопросу?

— Удивительно мало,— проговорил секретарь доверительным тоном.— Я хотел бы узнать, какие есть доказательства для обвинения?

— Ваше превосходительство,— с трудом сдерживая эмоции сказал Авардан,— я уже говорил вам, что вчера этот человек полностью подтвердил все, что я сказал.

— Возможно,— заметил секретарь,— ваше превосходительство, вы предпочитаете поверить в это, но

это лишь еще одно, ничем не подтвержденное заявление. Пока же единственным фактом остается то, что я был насильственно схвачен, а не они, что моя, а не их жизнь подвергалась опасности. А теперь я бы хотел, чтобы мой обвинитель объяснил, как он узнал все это за два месяца пребывания на планете, в то время как вы, Наместник, за годы службы здесь не обнаружили ничего уличающего.

— В том, что говорит Брат, есть смысл,— с трудом признал Энус.

— Откуда вы это узнали?

— До признания обвиняемого я узнал об этом от доктора Шекта,— сухо ответил Авардан.

— Так ли это, доктор Шект?— Наместник посмотрел на физика.

— Да, ваше превосходительство.

— Откуда это стало известно вам?

— Доктор Авардан все рассказал, и был совершенно точен, говоря о том, как был использован Синапсайфер, и о предсмертных словах бактериолога Смитко. Этот Смитко участвовал в заговоре. Его слова записаны, и эта запись может быть предоставлена.

— Но, доктор Шект, заявление умирающего человека, находящегося в бреду, если верить словам доктора Авардана, не имеет особой достоверности. У вас есть что-либо еще?

Авардан прервал его, ударив кулаком по креслу и закричав:

— Разве это заседание суда? Что, кто-нибудь нарушил правила дорожного движения? У нас нет времени на раздумье над доказательствами или сравнение их с помощью микрометра. Я говорю вам, у нас есть время до шести утра, то есть пять с половиной часов, чтобы отвести эту смертельную опасность... Вы и раньше знали доктора Шекта, ваше превосходительство. Обманывал ли он вас?

— Никто не обвиняет доктора Шекта в преднамеренной лжи,— быстро вмешался Балкис.— Просто он стареет, и в последнее время сильно обеспокоен приближением своей шестидесятой годовщины. Боюсь, что сочетание возраста и страха обусловило некоторую умственную несбалансированность, доста-

точно часто встречающуюся здесь на Земле. Посмотрите на него. Выглядит ли он вполне нормально?

Конечно же, физик выглядел сникшим и беспокойным, потрясенный тем, что ему пришлось пережить, и тем, что еще предстояло.

И все же Шект заставил себя говорить спокойно:

— Я мог бы сказать, что последние два месяца я находился под постоянным контролем Старейших, что все мои письма подвергались цензуре. Но ясно, что подобные жалобы могут быть отнесены на счет моей «ненормальности». Однако здесь присутствует Джозеф Шварц, человек, который добровольцем пришел на Синапсайфер в тот день, когда вы посетили меня в институте.

— Я помню.— Энус почувствовал облегчение, что разговор отклонился в сторону.— Это тот человек?

— Да.

— Он выглядит не хуже, чем до эксперимента!

— Гораздо лучше. Обработка Синапсайфером была исключительно удачной, потому что он с самого начала обладал отличной памятью, чего я прежде не знал. Сейчас его ум стал чувствительным к мыслям других людей...

Энус подался вперед и пораженно воскликнул:

— Что? Вы утверждаете, что он читает мысли?

— Это можно продемонстрировать, ваше превосходительство. Но я думаю, Брат подтвердит сказанное.

Секретарь бросил на Шварца быстрый, полный ненависти взгляд и проговорил с едва заметной дрожью в голосе:

— Это правда, ваше превосходительство. Этот человек обладает определенными гипнотическими способностями, хотя является ли это следствием обработки на Синапсайфере, я не знаю. Могу добавить, что о самой обработке нет никаких записей, что, согласитесь, весьма подозрительно.

— Записи не проводились,— спокойно сказал Шект,— в соответствии с указаниями премьер-министра.

Но секретарь лишь пожал плечами в ответ.

— Оставим эти бессмысленные споры,— безапелляционно сказал Энус.— Какое отношение к делу имеют способности этого Шварца, какими бы они ни были?

— Шект хочет сказать,— вмешался секретарь,— что Шварц может прочитать мои мысли.

— Это правда? Ну, и что он думает?— спросил Наместник, обращаясь к Шварцу.

— Он думает,— ответил Шварц,— что никаких шансов убедить вас в своей правоте у нас нет.

— Совершенно верно,— усмехнулся секретарь,— хотя этот вывод едва ли требует особых способностей.

— И кроме того,— продолжал Шварц,— что вы несчастный глупец, боящийся действовать, желающий только покоя, надеющийся своей справедливостью и беспристрастностью покорить землян. Поэтому вы представляетесь ему еще большим глупцом.

Секретарь покраснел.

— Я отрицаю все это. Это явная попытка заслужить ваше расположение, ваше превосходительство.

— Это не так легко сделать,— сказал Энус и добавил, обращаясь к Шварцу: — А что думаю я?

— То, что если я и вижу, что происходит в голове человека, то мне совсем не обязательно говорить об этом правду,— ответил Шварц.

Брови Наместника удивленно поднялись.

— Вы правы, совершенно правы. Вы подтверждаете правоту утверждений доктора Авардана и Шекта?

— Каждое слово!

— Вот как! И все же пока не будет найден второй, такой как вы, причем не заинтересованный в деле, ваши доказательства не могут иметь юридической силы, даже если мы будем полностью убеждены, что вы — телепат.

— Но это не юридический вопрос,— воскликнул Авардан,— это вопрос безопасности Галактики.

— Ваше превосходительство,— воскликнул секретарь,— я требую, чтобы этого Шварца удалили из комнаты.

— Почему?

— Этот человек, кроме чтения мыслей, обладает

некоторыми особыми свойствами. Я был схвачен, потому что был парализован. Я боюсь, что сейчас он может предпринять что-нибудь подобное против меня или даже против вас.

Авардан встал, желая что-то сказать, но секретарь не дал ему заговорить.

— Нельзя быть уверенным ни в чем сказанном, пока присутствует человек, который может незаметно влиять на суждения с помощью упомянутых способностей.

Энус быстро принял решение. Он отдал приказ, и Джозеф Шварц, не проявляя сопротивления, без малейших следов беспокойства на своем лунообразном лице, был уведен прочь.

Для Авардана это был последний удар.

Секретарь встал и на мгновение замер, этакая низкая зловещая фигура в зеленом, сильная в своей уверенности.

Он начал официальным тоном:

— Ваше превосходительство, вся убежденность и заявления доктора Авардана основаны на свидетельстве доктора Шекта. В свою очередь, уверенность доктора Шекта основывается на бреде умирающего человека. И все это, ваше превосходительство, все это почему-то не проявлялось, пока Джозеф Шварц не был подвергнут обработке на Синапсайфере.

Кто же такой Джозеф Шварц? Пока он не появился на сцене, доктор Шект был нормальным, спокойным человеком. Вы сами, ваше превосходительство, говорили с ним непосредственно перед тем, как появился Шварц. Было ли в нем что-либо необычное? Сообщал он вам о заговоре против Империи? Был ли он хотя бы обеспокоен? Сейчас он говорит, что фальсифицировал результаты работы на Синапсайфере по приказу премьер-министра. Говорил ли он об этом тогда? Или только сейчас, после того, как появился Шварц? И опять-таки, кто такой Джозеф Шварц? Он говорил на неземном языке, когда был приведен впервые. Это нам удалось узнать позже, когда мы начали сомневаться в душевном равновесии доктора Шекта. Его привел фермер, абсолютно ничего о нем не знавший. И с тех пор нам так и не удалось ничего

о нем узнать.

Однако этот человек обладает необычными способностями. Он может оглушить человека на расстоянии сотни ярдов простой мыслью и убить при более близком контакте. Я сам был им парализован; он манипулировал моими руками и ногами, а при желании мог бы манипулировать и умом.

И я убежден, что Шварц манипулировал умами этих людей. Они утверждают, что я держал их в заточении, угрожал смертью, что я сознался в предательстве... Однако задайте им один вопрос, ваше превосходительство. Не были ли они постоянно подвержены влиянию Шварца, этого человека, способного контролировать их умы?

Разве не может Шварц оказаться предателем? Если нет, то кто он такой, этот Шварц?

Секретарь сел с выражением торжества на лице.

Авардан чувствовал себя так, как будто его мозг поместили в циклотрон и он вращает там с увеличивающейся скоростью.

Что он мог ответить? Что Шварц из прошлого? Какие у него доказательства? То, что этот человек говорил на древнем языке? Но только, он, Авардан, может подтвердить это. Да, его умом могли манипулировать. В конце концов, кто может быть уверен, что это не так? Кто такой Шварц? Что так убедило его в реальности этого плана покорения Галактики?

Он задумался вновь. Откуда эта убежденность в реальности заговора? Он был археологом и привык ставить все под сомнение, но сейчас... Результат ли это слов одного человека? Одного поцелуя? Или все-таки Джозеф Шварц?

Он не может думать. Не может!

— Итак?— в голосе Энуса слышалось нетерпение.— Вы что-нибудь хотите сказать, доктор Шект? Или вы, доктор Авардан?

Тишину неожиданно прервал пронзительный голос Полы.

— Зачем вы спрашиваете? Неужели не ясно, что все это ложь? Ох, всех нас ждет смерть, и мне все равно, но мы могли бы остановить это, могли бы... А мы вместо этого просто сидим здесь и... и... разгова-

риваем...— Она расплакалась.

— Итак, разговор закончился истерикой,— сказал секретарь.— Ваше превосходительство, я предлагаю следующее. Мои обвинители утверждают, что вирус и все остальные плоды их воображения должны быть пущены в действие в определенное время, кажется, в шесть часов утра. Я готов неделю находиться в вашей власти. Если то, о чем они говорят,— правда, известие об эпидемии в Галактике придет на Землю в течение нескольких дней. Если подобное случится, то Земля все еще под контролем сил Империи...

— Земля — действительно прекрасная плата за всю Галактику,— пробормотал бледный Шект.

— Я ценю свою жизнь и жизни моих соотечественников. Мы — заложники, подтверждающие свою невиновность, и я готов сейчас же сообщить Совету Старейших, что по собственной воле останусь здесь на неделю, чтобы предотвратить возможные беспорядки.

Он скрестил руки на груди.

Энус с беспокойством поднял глаза.

— Я не вижу вины этого человека...

Авардан больше не мог этого терпеть. Он вскочил и со зловеще-спокойным выражением лица рванулся к Наместнику. О чем он думал, осталось неизвестным. Впоследствии он и сам не мог этого вспомнить. Да это и не имело никакого значения. У Энуса была нейроплеть, и он ею, конечно же, воспользовался.

В третий раз со времени пребывания на Земле все в Авардане взорвалось вспышкой боли, закружилось и исчезло.

Пока он был без сознания время неумолимо двигалось вперед...

ГЛАВА 21
ЗА РОКОВОЙ ЧЕРТОЙ

И вот наступило шесть часов.

Стрелки часов двинулись дальше, пройдя роковую черту.

Забрезжил свет...

Перед глазами Авардана мелькали туманные тени, исчезающие и появляющиеся, а затем приобретающие очертания.

Лицо... Глаза, глядевшие прямо в глаза...

— Пола!— Все вокруг стало ясным и отчетливым.— Который час?

Он сильно в порыве чувства сжал ее руку.

— Начало восьмого,— прошептала она.— За чертой.

Он нетерпеливо оглянулся вокруг и приподнялся, не обращая внимания на жгучую боль суставах.

Шект, сидевший на стуле, коротко и печально кивнул.

— Все кончено, Авардан.

— Значит, Энус...

— Энус,— сказал Шект,— не воспользовался случаем. Странно ли это?— Он рассмеялся сухим отрывистым смехом.— Трое, без чьей-либо помощи, узнают о гигантском заговоре против человечества, самостоятельно захватывают его организатора и отдают его в руки правосудия. Как в сказке, не правда ли? Три всепобеждающих героя предотвращают несчастье в последнюю минуту. Все, как у нас, с той лишь разницей, что никто не поверил в это. Забавно...

Авардан в смятении отвернулся. Глаза Полы, как две черные Вселенные, были полны слез. На мгновение он каким-то образом растворился в них, они стали настоящей Вселенной, сияющей множеством звезд. И к этим звездам стремительно направлялись маленькие блестящие цилиндры, поглощая в гиперпространстве световые года по точно просчитанным траекториям. Скоро, может быть, они приблизятся, войдут в атмосферу, рассыплются невидимым дождем вируса...

Да, все кончено.

Теперь ничего нельзя сделать.

— Где Шварц?— слабо спросил он.

Пола лишь покачала головой.

— Они так и не привели его назад.

Дверь открылась, и Авардан, не смирившись с

мыслью о смерти, поднял глаза с проблеском надежды.

Но это был Энус, и Авардан отвернулся с жестким выражением лица.

Энус вошел, на минуту остановив взгляд на отце и дочери. Они ничего не значили для него, но каким бы коротким и жестоким ни было их будущее, то, что ожидало Наместника, было еще короче и ужасней.

Энус тронул Авардана за плечо.

— Доктор Авардан?

— Ваше превосходительство?— ответил Авардан, горько и не особенно удачно подражая интонациям обращения к Наместнику.

— Шесть часов прошло.— Энус не спал этой ночью. Его официальное признание невиновности Балкиса не давало ему уверенности в психической нормальности обвинявших секретаря.

— Да,— сказал Авардан,— прошло шесть часов, а звезды по-прежнему сияют.

— Вы все еще считаете, что были правы?

— Ваше превосходительство,— проговорил Авардан,— через несколько часов умрут первые жертвы. Их не заметят. Люди умирают каждый день. Через неделю за ними последуют тысячи тысяч. Процент выздоровления будет близок к нулю. Известные средства окажутся бесполезными. Некоторые планеты запросят помощи в борьбе с эпидемией. Через две недели к ним присоединятся десятки планет, и в ближайших секторах будет объявлен карантин. Через месяц Галактика станет скопищем людей, терзаемых болезнями. Через два месяца нетронутыми останутся около двух десятков планет. Через шесть месяцев Галактика будет мертва... И что будете делать вы, когда придут эти первые сообщения?

Разрешите мне предсказать и это. Вы отправите рапорты, что источником эпидемии могла быть Земля. Это не спасет никого. Вы объявите войну Старейшим Земли. Это не спасет никого... Вы сотрете землян с лица этой планеты. Это не спасет никого... Или же вы станете действовать как посредник между вашим другом Балкисом и Галактическим советом, или

его оставшимися преемниками? Вам может достаться честь продать искалеченные остатки Империи Балкису в обмен на противоядие, необходимое всем зараженным планетам.

Энус неуверенно улыбнулся.

— Мне кажется нелепым ваш драматизм.

— О, да. Я — мертвый человек, и вы — труп. Но мы будем чертовски спокойны и выдержаны, не правда ли?

— Если вы намекаете на использование нейрохлыста...

— Ничего подобного,— иронически проговорил Авардан.— Я привык к нему. Я просто не замечаю ее теперь.

— Тогда я изложу все настолько последовательно, насколько смогу. Это скверная история. Было бы трудно составить впоследствии обоснованный отчет, так же, как трудно действовать сейчас без веских доказательств. Ваш голос — единственный, имеющий вес, поскольку остальные обвинители — земляне. Предположим, вы подпишете заявление, что обвинение было выдвинуто в то время, как вы... Что же, мы придумаем выражение, которое будет объяснять ваши фантазии.

— Это будет нетрудно. Скажем, я был не в своем уме, пьян, одурманен наркотиками, загипнотизирован. Подойдет любое.

— Образумьтесь. Послушайте, уверяю вас, вы были намеренно вовлечены в это.— Он перешел на напряженный шепот: — Вы с Сириуса. Как вы могли влюбиться в землянку?

— Что?

— Не кричите. Сможете ли вы дома добиться гражданства для нее? Об этом вы думали?— Он кивнул головой в сторону Полы.

Мгновение Авардан удивленно смотрел на него. Затем он ловко схватил за горло высшего представителя имперской власти на Земле. Энус отчаянно пытался разжать его руки.

— Вот как?— проговорил Авардан.— Вы имеете в виду мисс Шект? Если да, то я хотел бы услышать уважительное обращение. А, убирайтесь... Все равно

вы мертвы.

— Доктор Авардан,— задыхаясь выговорил Энус,— считайте, что вы арес...

Дверь открылась вновь, и в комнату вошел полковник.

— Ваше превосходительство, земляне вернулись.

— Что? Разве Балкис не говорил с властями? Он должен был предупредить, что останется здесь на неделю.

— Он по-прежнему находится здесь, как и эти люди. Мы готовы открыть огонь, я советую это сделать как военный.

— Подождите, пока я переговорю с Балкисом. Пришлите его сюда.— Он повернулся.— Доктор Авардан, с вами я разберусь позже.

Балкис вошел улыбаясь. Он официально кивнул Энусу, ответившему ему искренним приветствием.

— Слушайте,— отрывисто проговорил Наместник,— мне сообщили, что ваши люди собираются вблизи форта. Это противоречит нашему договору... Мы не хотим кровопролития, но и наше терпение имеет границы. Вы можете заставить их разойтись мирно?

— Если пожелаю, ваше превосходительство.

— Если пожелаете? Вам лучше пожелать. И немедленно.

— Ничего подобного, ваше превосходительство!— Секретарь рассмеялся и резко поднял руку.— Теперь я здесь командир. Ты не слишком рад этому и за это умрешь! Или будешь жить рабом, если пожелаешь, но запомни, это будет нелегкая жизнь.

Неожиданность пылкого заявления не произвела видимого эффекта на Энуса. Даже сей час, получив тягчайший за свою жизнь удар, он сохранил спокойствие дипломата Империи, лишь в глазах появилось беспокойство.

— Значит, я потерял так много, проявив терпение? История с вирусом была правдой?— В его голосе слышалось почти отвлеченное удивление.— Но Земля, вы сами — все вы — мои заложники.

— Ничего подобного,— мгновенно ответил ему

секретарь с торжеством.— Это вы и ваши люди — мои заложники. Вирус, распространяющийся сейчас по Вселенной, не миновал и Землю. Достаточное количество уже распылено вблизи каждого гарнизона на планете, включая Гималаи. У нас, землян, выработан иммунитет, но как чувствуете себя вы, Наместник? Слабость? Сухость в горле? Ваша голова горит? Если нет, то это наступит скоро. И только от нас вы сможете получить лекарство.

Долгое время Энус молчал. Его тонкое лицо неожиданно стало надменным.

Затем он повернулся к Авардану и с холодной вежливостью произнес:

— Доктор Авардан, выяснилось, что я должен просить прощения за то, что сомневался в ваших словах. Доктор Шект, мисс Шект, примите мои извинения.

Авардан усмехнулся.

— Благодарю вас, это огромное облегчение для всех нас.

— Я достоин вашего сарказма,— сказал Наместник.— Я возвращаюсь в Гималаи, чтобы умереть вместе с семьей. Конечно же, не может быть и речи о каком-то соглашении с этим... человеком. Я уверен, солдаты Империи перед смертью выполнят свой долг, и немногие земляне останутся в живых, чтобы присутствовать при нашей смерти... Прощайте.

— Подождите. Подождите. Не уходите.

Очень медленно Энус оглянулся на звук голоса.

В дверях стоял Джозеф Шварц.

Секретарь сжался и быстро отступил назад, с неожиданным беспокойством вглядываясь в человека из прошлого.

— Нет,— прохрипел он,— вам не удастся узнать от меня состав лекарства. Лишь несколько человек знают его, а еще несколько знают, как его применять. Все они находятся в безопасности, вне вашей досягаемости, и будут там, пока вирус не сделает свою работу.

— Они вне досягаемости сейчас,— согласился Шварц,— но вряд ли останутся там на время, достаточное, чтобы вирус начал действовать. Видите ли,

вируса больше не существует.

Все молчали, не понимая его слов. Мысль, пришедшая в голову Авардану, заставила его вздрогнуть. Был ли он специально замешан во все это. Была ли это одна гигантская мистификация, в которую секретарь был вовлечен так же, как и он. Если да, то зачем?

Его раздумья прервал Энус.

— Быстрее. Говорите, что вы имеете в виду.

— Все очень просто,— сказал Шварц.— Прошлой ночью я понял, что ничего не сделаю сидя здесь и слушая разговоры. Поэтому я долгое время осторожно воздействовал на сознание секретаря... И, наконец, он попросил, чтобы меня удалили из комнаты. Это было именно то, чего я хотел, все остальное было просто.

Я оглушил своего охранника и отправился искать взлетную полосу. Самолеты с полным снаряжением были готовы к взлету. Экипажи ждали на своих местах. Я выбрал один из них, и мы вылетели к Сенлу.

Секретарь, казалось, хотел что-то сказать, но только беспомощно открывал и закрывал рот, затем с трудом произнес:

— Но вы не могли никого заставить управлять самолетом, Шварц. Все, что вам удавалось, это приказать человеку идти.

— Да, когда это было против его воли. Но мне было известно, что люди с Сириуса ненавидят землян. Поэтому я искал летчика, который бы родился в секторе Сириуса и нашел лейтенанта Клавдия.

— Лейтенанта Клавдия?— воскликнул Авардан.

— Да... О, вы знаете его? Да, я вижу это совершенно отчетливо в вашем сознании.

— Еще бы... Продолжайте, Шварц.

— Этот офицер ненавидел землян с такой силой, что мне трудно было его понять даже проникнув в его сознание. Он хотел их уничтожить. Его сдерживала лишь дисциплина. Это был совершенно отличный случай. Всего лишь маленькое внушение, небольшой толчок, и дисциплина потеряла для него значение. Незаметно я забрался вместе с ним в его

самолет.

— Как вы нашли Сенлу?— прошептал Шект.

— В мое время,— ответил Шварц,— существовал город Сан-Луис. Он находился у пересечения двух больших рек... Я мысленно приказал лететь туда. И мы нашли Сенлу. Была ночь, но в море радиоактивности виднелся темный островок, а доктор Шект говорил, что храм представляет собой изолированный от всего оазис нормальной почвы. Мы сбросили осветительные ракеты (после моего мысленного приказа), и я увидел пятиконечное здание, информацию о котором я уловил в сознании секретаря... Сейчас там нет ничего, кроме ямы в сотню футов глубины. Это произошло в три часа утра. Как видите, вирус отправлен не был.

Из горла секретаря вырвалось яростное звериное рычание. Он сделал попытку броситься на Шварца, но затем, согнувшись, вдруг рухнул на землю.

— Я не прикасался к нему,— тихо сказал Шварц. И, глядя на распростертое на полу тело, добавил:

— Я вернулся до шести часов. Балкис должен был все рассказать. Я знал это из его сознания, но он не раскрылся. И вот он сделал то единственное, что я не заставлял его делать...

ГЛАВА 22
ЛУЧШЕЕ ЖДЕТ ВПЕРЕДИ

Прошло тридцать дней с того времени, как Джозеф Шварц вылетел из аэропорта, в ночь, на которую было назначено уничтожение Галактики, слыша позади бешеный вой сирен и передаваемые приказы немедленно вернуться.

Он не вернулся, пока не уничтожил храм в Сенлу.

Героизм был признан официально. В его кармане лежала лента ордена «Солнца и звездолета» первой степени. Во всей Галактике лишь еще два подобных ордена были вручены людям при жизни.

Это уже кое-что для бывшего портного.

Конечно, никто, за исключением самых посвященных, не знал, что он сделал, но это не имело значения. Когда-нибудь в книгах по истории это отразят как яркое и незабываемое событие прошлого.

Тихой ночью он шел по направлению к дому доктора Шекта. Город был спокоен, так же спокоен, как звездный блеск над ним. В отдаленных местах Земли еще орудовали банды зелотов, но их лидеры были мертвы или схвачены.

Первые гигантские караваны с нормальной почвой уже находились на пути. Энус вновь предложил переселить землян на другую планету, но предложение не было принято. Земляне не желали этого. Они хотели сами переделать свою планету, воссоздать дом предков, родину человечества. Они хотели своими руками заменить зараженную почву здоровой, увидеть живую зелень там, где все было мертво.

Предстояла гигантская работа, на нее могли уйти века, ну и что? Галактика пришлет машины, корабли Галактики доставят пищу. Галактика даст почву. Это — крупица того, чем могла помочь Земле Галактика с ее мощными ресурсами.

И благодаря этой помощи земляне вновь станут равными всем людям на других планетах. И вновь обретут былое достоинство. Но это все впереди...

От этих мыслей сердце Шварца радостно стучало. Он подошел к дому Шекта. На следующей неделе ему с Аварданом предстояло лететь к великим центральным мирам Галактики. Кто еще из его поколения когда-либо покидал Землю?

И на мгновение он вспомнил старую Землю, его Землю, давно мертвую.

А для него прошло лишь три с половиной месяца...

Он остановился, готовый нажать звонок, когда его мозг уловил разговор за дверью. Как отчетливо он ощущал сейчас мысли других людей!

Это был, конечно, Авардан, его сознание было наполнено чувствами и говорило больше, чем сказанные им слова:

— Пола, я ждал и думал, думал и ждал. Я больше не могу. Ты едешь со мной.

И Пола, сознание которой было тоже переполнено чувствами, отвечала с явным колебанием:

— Я не могу, Бел. Это абсолютно невозможно. Мое происхождение и воспитание... Я буду чувствовать себя глупо на этих больших планетах. И, кроме того, я всего лишь зем...

— Не говори этого. Ты — моя жена и все. Если кого-то интересует, кто ты и откуда, ты родилась на Земле, и ты — гражданка Империи. Если нужны дальнейшие подробности, ты — моя жена.

— Хорошо, а что будет после того, как ты посетишь свое археологическое общество на Транторе?

— Потом? Что ж, сначала мы посетим все наиболее значительные планеты Галактики, даже если придется заказывать специальный корабль. Ты увидишь всю Галактику, это будет лучшим подарком к нашей свадьбе, который только могут обеспечить правительственные деньги.

— И затем...

— И затем мы вернемся на Землю и будем трудиться над ее преобразованием.

— Но почему ты собираешься заниматься этим?

— Потому что я люблю тебя, и это то, чего хочешь ты, и потому, что я — патриот Земли, ведь мне выдали документы почетного гражданина.

— Хорошо...

И на этом разговор прекратился.

Но мысленные контакты, конечно, не исчезли, и Шварц с радостью и некоторым смущением отошел от двери. Он может подождать. Впереди еще столько времени.

Он ждал на улице под сияющими холодными звездами, в которых угадывались целые миры Галактики.

Для себя и для новой Земли, и для всех этих миллионов планет он вновь тихо повторял эти древние стихи:

Со мною к старости иди!
Все лучшее ждет впереди,
Жизни конец, если ты упустил начало...

СОДЕРЖАНИЕ

Звезды как пыль. 9
Космические течения 177
Галька в небе 297

Литературно-художественное издание
Серия «Библиотека фантастики»

Айзек Азимов
Звезды как пыль. Космические течения. Галька в небе: Романы.

Редакционная коллегия под руководством
А. Г. Бобита, в составе:

Д. Е. Громов
О. С. Ладыженский
Д. М. Поливанова

Подписано в печать с оригинал-макета 12.03.93. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 50 000. Заказ 29.
Подготовка оригинал-макета МП «Информатика и техника». 310002, г. Харьков, ул. Маршала Бажанова, 28, к. 102.
Издательский центр КПКФ «Реванш». 310005, г. Харьков, пр. Московский, 94, к. 74.
Издательство «Гермес». 344092, г. Ростов-на-Дону, ул. Комарова, 11.
Отпечатано в ИПК «Царицын». 400066, г. Волгоград, Привокзальная площадь.